

ПЛЕВИЦКАЯ

Леонид
Млечин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Жизненный путь выдающейся русской певицы Надежды Васильевны Плевицкой (1884–1940) завершился поистине трагически. В смертный час рядом с ней не оказалось ни одного близкого человека. Исчезли те, кто ее страстно и нежно любил и кого она дарила своей любовью. Хуже того, от нее отвернулись все, кто многие годы ей рукоплескал, кто искренне восторгался ее талантом, кто плакал, слушая ее голос. Они не простили Плевицкой того, что, стараясь заслужить возможность вернуться с чужбины на родину, она согласилась участвовать в невероятных по изобретательности операциях советской разведки. Действие книги Леонида Млечина разворачивается на фоне драматичной истории русской эмиграции.

знак информационной продукции 16+

- [Л. М. Млечин Плевицкая](#)
 - [От автора](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Похищение генерала Миллера](#)
 - [Дёжкино детство](#)
 - [Между монастырем и сценой](#)
 - [Приватный концерт для императора и императрицы](#)
 - [Смерть рядом](#)
 - [В кругу корниловцев](#)
 - [Скоблин на войне](#)
 - [Прощание с Россией](#)
 - [Свадьба в Галлиполи](#)
 - [Служба на чужбине](#)
 - [«Мой путь с песней»](#)
 - [Операция «Трест»](#)
 - [Смерть Врангеля](#)
 - [Незавершенная игра](#)
 - [Исчезновение генерала Кутепова](#)
 - [Особая группа Серебрянского](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Почему решили завербовать Скоблина и Плевицкую?](#)
 - [Певица и генерал дают подписку](#)

- [Разведывательные будни](#)
 - [Командировка Ковальского окончена](#)
 - [Смена караула](#)
 - [Бесконечные интриги](#)
 - [На волосок от провала](#)
 - [Грузовик мчался на полной скорости](#)
 - [Окороков, «Ветчинкин» и Третьяков](#)
 - [Министр у микрофона](#)
 - [Красная папка, которую никто не видел](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [Последний праздник и последний концерт](#)
 - [Действующие лица и исполнители](#)
 - [Следы генерала теряются](#)
 - [На скамье подсудимых](#)
 - [Сведение счетов](#)
 - [Без главных героев](#)
 - [Трагический финал](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. В. ПЛЕВИЦКОЙ](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
 - [ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА](#)
-

Л. М. Млечин Плевацкая

От автора
СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

И. Ильичу

Ее жизнь закончилась самым трагическим образом. В смертный час рядом с ней не оказалось ни одного близкого человека. Исчезли те, кто любил ее так страстно и нежно и кого она дарила своей любовью. Хуже того, от нее отвернулись все, кто так ценил ее, кто годами и десятилетиями рукоплескал ей, кто искренне восторгался ее талантом, кто плакал, слушая ее голос.

И никому не дано было предвидеть, что всё переменится! Что слава и признание вернутся к ней через полвека после смерти. Но в эти последние часы мир был отрезан от нее тюремной решеткой. Она умерла в заключении, потому что связала свою жизнь со специальными службами.

Блистательная певица и одаренная актриса, привычная исполнять различные роли, она, конечно же, не понимала, в какие опасные игры ввязалась. И некому было ее предупредить, что в жестоком и несентиментальном мире спецслужб нет места дилетантам и любителям.

Ее жизненный путь и сегодня во многом остается загадкой. Ее судьба ставит исследователей в тупик. В эмиграции, забыв ее божественный дар, клянут певицу за предательство. В России восхищаются ее талантом, как правило, вычеркивая из биографии годы работы на советскую разведку.

Надежда Васильевна Плевицкая, чудесно исполнявшая русские народные песни, вошла в историю не благодаря своему пленительному голосу, а из-за того, что в далеком турецком местечке Галлиполи вышла замуж за покинувшего Россию в ноябре 1920 года видного военачальника белой армии, генерал-майора Николая Владимировича Скоблина.

Семь лет, с 1930 по 1937 год, Николай Скоблин, заметный человек в русской военной эмиграции, глава объединения чинов Корниловского ударного полка, тайно работал в Париже на советскую политическую разведку. И Плевицкая ему во всем помогала. Осенью 1937 года Скоблин участвовал в тщательно подготовленной операции, увенчавшейся успехом. Но ему этот успех обошелся дорого. Он потерял всё — включая жизнь. И погубил любимую жену.

Гражданская война фактически закончилась с эвакуацией белой армии из Крыма в ноябре 1920-го, но противостояние враждующих сторон на этом не закончилось.

Оперативная группа советской разведки, не привлекая в себе внимания, похитила в Париже среди бела дня главу русской военной эмиграции генерал-лейтенанта Евгения Карловича Миллера и тайно доставила его в Москву. Но, как это случается и с самыми хитроумными замыслами, в последний момент что-то пошло не так. Председатель Русского общевойскового союза (РОВС) генерал Миллер оказался более предусмотрительным, чем могли предположить люди, хорошо знавшие этого пунктуального и исполнительного служаку. И роль генерала Скоблина в похищении стала известна.

Арестовать его французская полиция не успела. Он бесследно исчез. Вместо него на скамью подсудимых посадили его жену — Надежду Васильевну Плевицкую. На процессе в Париже обвинению так и не

удалось доказать, что она знала о готовящемся похищении, помогала мужу и причастна к работе советской разведки, но ей пришлось ответить за всех, и ненависть русской эмиграции обрушилась на нее.

Вот что, не скрывая своих чувств, писал после судебного процесса знаменитый разоблачитель тайных агентов Владимир Львович Бурцев, бывший народоволец, который тоже покинул Советскую Россию и обосновался в Париже:

«Прощение Плевицкой о кассации приговора по ее делу отвергнуто.

Приговор суда, таким образом, вошел в силу.

Плевицкой предстоит впереди 20 лет каторжных работ. То есть вечная каторга. То есть медленная смерть.

Суд, осудивший Плевицкую на 20 лет каторжных работ, сделал справедливое дело. С полным убеждением мы можем сказать:

— Есть судьи во Франции!

Это должны знать и большевики.

Об этом решении французского суда с гордостью будет рассказано на страницах истории и русских, и французских судов.

Французские присяжные всегда склонны бывают выносить возможно более мягкие приговоры женщинам, которые действовали под влиянием мужей. Но в деле Плевицкой присяжные вынесли свой суровый приговор именно потому, что они не находили для нее никаких смягчающих обстоятельств.

На суде прокурор был прав, когда в своей речи высказал сожаление, что по закону не может для Плевицкой требовать большего наказания, чем 20 лет каторжных работ. Пусть она гниет в каторжной тюрьме!»

Ни на следствии, ни на суде Надежда Васильевна Плевицкая ничего не рассказала. Не выдала никого из советских разведчиков. Ни в чем не призналась. Такую тактику избрала защита. Но русская эмиграция в Париже уверилась, что именно Надежда Плевицкая с ее властным характером, а не более мягкий — и после стольких лет брака всё еще влюбленный в нее — Николай Скоблин, установила связь с Москвой и взялась исполнять задания большевиков.

Эмиграция совершила ошибку. Генерал Скоблин ничего не делал без согласования с женой. Но именно к нему, а не к Плевицкой в сентябре 1930 года явился агент-вербовщик советской разведки. Ее в Москве рассматривали лишь как надежного помощника Скоблина.

Осужденная на 20 лет Надежда Васильевна недолго прожила в каторжной тюрьме. За несколько месяцев до ее кончины, в мае 1940 года, Франция проиграла короткую войну нацистской Германии и

капитулировала. В потерпевшей сокрушительное поражение, оккупированной и несчастной стране смерть русской певицы осталась почти незамеченной. Русским эмигрантам было не до нее...

И с той поры мало кто решался сказать о ней доброе слово. Для эмиграции она — подлая предательница, соучастница грязных дел, платный агент НКВД, заслуживавшая лишь проклятий. А те, кто симпатизировал супругам, не верили, что они сотрудничали с Чека. На родине о Надежде Васильевне редко вспоминали, поскольку Комитет госбезопасности не признавал, что Скоблин и Плевицкая работали на разведку.

Теперь, когда стали известны реальные обстоятельства жизни и смерти этой выдающейся певицы, стало возможным дать объективную оценку той роли, которую она сыграла в судьбе русской эмиграции.

Для меня это тем более важно, что много лет назад я первым рассказал о работе Скоблина и Плевицкой на советскую разведку. Событие для меня памятное.

Началось с того, что в 1989 году представители КГБ СССР обратились к главному редактору газеты «Неделя» (это было популярнейшее еженедельное приложение к «Известиям», выходившее двухмиллионным тиражом) с просьбой поместить статью о двух агентах советской разведки.

Чекисты принесли главному редактору «Проект публикации очерка о патриотической деятельности советских граждан Н. В. Скоблина и Н. В. Плевицкой в эмиграции»:

«Предлагаемый читателям „Недели“ очерк, подготовленный авторами на основе подлинных документов архива Комитета государственной безопасности СССР, позволяет восстановить историческую правду и честное имя советского патриота Н. Скоблина и его жены известной певицы Н. Плевицкой...

Путь Николая Скоблина в советскую разведку — это мучительные размышления русского патриота, осознавшего всю бесперспективность и бессмысленность борьбы против собственного народа. Н. Плевицкая оказывала ему активную помощь и моральную поддержку: копировала документы РОВС, на основании добытых Н. Скоблиным сведений готовила агентурные сообщения в Центр, выполняла роль связной. Она участвовала в обсуждении с представителями Центра ряда важных оперативных вопросов. Н. Скоблин и Н. Плевицкая как бы взаимно дополняли друг друга, что во многом способствовало успеху и активной и плодотворной разведывательной деятельности.

Всего только за период с 1931 по 1934 год на основании информации,

полученной главным образом от Н. Скоблина, были арестованы 17 агентов и террористов, заброшенных в Советский Союз, удалось установить 11 явочных квартир в Москве, Ленинграде, Закавказье.

Разгром РОВС является славной страницей в истории советской разведки как составной части органов государственной безопасности. Много не менее славных и ярких страниц из истории советской разведки ждут глубоких исследований с тем, чтобы в условиях гласности и постоянно растущего интереса советских людей к деятельности Комитета государственной безопасности поведать им о сложной, трудной, опасной и благородной работе советских разведчиков, для которых не было и нет более святого в жизни, чем беззаветное служение своей социалистической Отчизне...»

Прочитав записку, главный редактор «Недели» ответил, что тема, конечно же, невероятно интересная, но подобный текст для газеты не годится:

— Никто читать не станет. Нужен автор, который сам увлечется темой и напишет увлекательно. — И обещал: — Я вам найду такого автора.

«Неделю» в перестроечные годы, в эпоху расцвета отечественной журналистики, редактировал Виталий Александрович Сырокомский. Мой отчим. Но мне это слово не нравится. Он стал мне отцом. Я его очень любил и многим ему обязан. Рассказав о предложении чекистов, он посоветовал мне взяться за эту тему, учитывая, что я не только обожаю детективы, но и сам пишу шпионские повести:

— Вот и напиши документальный детектив, увлекательный, чтобы читатель не скучал.

— С удовольствием, — с ходу ответил я, — но представленных комитетом справок недостаточно. Невозможно понять и почувствовать людей, о которых они хотят рассказать. Пусть покажут личные дела.

Я даже не понимал, о чем попросил. Личные и рабочие дела агентуры — один из самых охраняемых секретов любой специальной службы. Даже действующим сотрудникам разведки позволено знакомиться только с теми документами, которые им необходимы по службе. На выдачу любого дела нужна санкция начальства. И всякий раз отмечается, кто именно и когда брал ту или иную папку. А показать ее человеку со стороны? Немыслимое дело!

Первое главное управление (внешнюю разведку) КГБ на переговорах с редакцией представлял очень симпатичный полковник, посвятивший службе всю жизнь. Он, что называется, «заболел» этой темой. Ему искренне хотелось, чтобы страна узнала о Плевицкой и Скоблине. К

сожалению, полковник скоропостижно ушел из жизни, не дождавшись опубликованных вскоре в «Неделе» очерков. В ту пору он состоял на оперативной работе, и, не получив тогда его согласия, я не имею права назвать имя этого человека.

— Разрешение может дать только председатель, — сказал он. — Доложим.

Председателем Комитета госбезопасности годом ранее назначили Владимира Александровича Крючкова. Невысокого роста, худощавый, лысоватый, он стал одним из самых влиятельных людей в стране. Суховатый в общении, с неподвижным лицом, которое никогда не выдавало мыслей и эмоций, Крючков был завзятым театралом. Не пропускал ни одной интересной премьеры. Я впервые увидел его в театре в середине 1970-х. Мы с отцом заняли свои места в зрительном ряду. И отец, указав на невыразительного человека в очках, стоявшего во втором ряду, вполголоса произнес:

— Смотри, вот начальник советской разведки.

Старательный, надежный, услужливый и безотказный, Крючков после начала перестройки неустанно доказывал, что именно он, служивший в разведке и не имевший отношения к прежним делам КГБ, — тот, кто нужен Горбачеву для обновления жизни страны. И получил повышение: из начальников Первого главного управления стал хозяином всей Лубянки. Ему присвоили звание генерала армии и ввели в политбюро.

В стране наступали новые времена. Крючков, как мог, к ним приспособливался. Заботился о том, чтобы все видели: гласность распространяется и на КГБ. Встречался с журналистами и даже распорядился приоткрыть архивы внешней разведки. Вот почему и решили рассекретить факт сотрудничества Плевицкой и Скоблина с советской разведкой.

Крючкову доложили, что автор просит показать ему все (!) документы без изъятия. Поскольку это была инициатива самого председателя, ответ был положительный. Своя рука — владыка. Полковник позвонил и, скрывая радость, будничным тоном сообщил:

— Владимир Александрович разрешил. Так что я заказываю машину и везу дела...

Разведуправление находится в Ясенева, в «лесу», как принято говорить. Секретные дела на служебном автомобиле доставили в главное здание комитета на Лубянку.

Выяснилось, что не всё хранящееся в самом закрытом архиве остается тайной. Проходят десятилетия, секретность теряет смысл, и документы

можно передавать историкам.

Впрочем, когда после распада Советского Союза Службу внешней разведки, уже выделившуюся из КГБ, возглавил академик Евгений Максимович Примаков, двери архива вновь захлопнулись. Мне-то казалось разумным и полезным продолжить начатые изыскания, поскольку Плевицкая и Скоблин работали вместе с другими советскими агентами, каждый из которых заслуживал рассказа о себе. Но тогда в Ясенево мне официально ответили, что это государственная тайна и раскрывать ее никак невозможно! Владимир Александрович Крючков, работая в КГБ, видимо, об этом не подозревал.

В назначенный день в старом здании комитета на Лубянке, откуда Первое главное управление давным-давно переехало на окраину Москвы, в кабинете со скучной казенной мебелью передо мной на большой стол выложили три совершенно секретных архивных дела — личные и рабочие дела трех агентов внешней разведки. В полном объеме! Ничего из них не вытащив! Ни одной страницы!

Я не верил своим глазам. Я испытывал чувство, знакомое, наверное, немногим исследователям, сумевшим увидеть то, что скрыто от других глаз.

Одно из трех дел после войны просматривалось. Его поместили в новую обложку, заново сшили и добавили не менее интересную внутрикомитетскую служебную переписку, относившуюся к действующим лицам тех событий. Возможно, что-то изъяли, судить не могу, пометок не осталось. Два других дела с предвоенного времени остались в неприкосновенности.

Прочитанное произвело на меня невероятное впечатление.

Во-первых, стала понятна внутренняя кухня разведки, вовсе не соответствующая нашим о ней представлениям.

Конечно, три дела — лишь песчинка в море, толика огромного массива данных, свидетельствующих о напряженной жизни крупнейшей разведки того времени. Допустимо ли, подержав в руках всего лишь три папки, судить о службе в целом? Но эта история растянулась на десятилетие, включив в себя настоящий круговорот событий и действующих лиц. Палеонтологи же воссоздают скелеты исчезнувших животных всего по одной кости...

Во-вторых, раскрылись удивительные судьбы моих героев.

В те годы разведка еще не бюрократизировалась. Шифротелеграммы, письма, донесения, оперативные планы писались не по шаблону. Служебные документы той эпохи сохранили индивидуальность разведчика,

а иногда и то, что казалось немислимым, — искренние эмоции и переживания.

Мои очерки в «Неделе» вызвали широкий отклик, в том числе в среде эмиграции, где вокруг Плевицкой и Скоблина десятилетиями кипели страсти. В те времена семейственность не приветствовалась, поэтому для публикации в газете, которую редактировал мой отец, пришлось взять нехитрый псевдоним — Леонид Михайлов, разгадать который въедливым исследователям не составило труда. В газетные очерки вошла лишь самая малость имевшихся у меня материалов, и я посвятил своим героям несколько книжечек, хотя и в них не уместилось всё то, что я тогда узнал.

Похоже, не все поверили в подлинность опубликованных мною документов. Через несколько лет после первой публикации в Москву приехали родственники Николая Владимировича Скоблина. Попросили с ними встретиться. Долго расспрашивали меня. Слушали внимательно. Вели себя очень любезно. Но было очевидно, что они не готовы поверить в то, что белый генерал Скоблин, командир Корниловского полка, много лет был агентом советской разведки.

Прошли годы. Читательский интерес к Плевицкой и Скоблину не угасает. Я внимательно слежу за публикациями на эту тему. Похоже, больше никто их дела не видел. Даже ведомственные очерки по истории советской разведки, которые готовили сами офицеры службы, написаны на тех же материалах, что с благословения председателя КГБ Крючкова я предал гласности.

Стараясь превратить историю сотрудничества Плевицкой и Скоблина с разведкой в увлекательный детектив, интересный читателям, я тогда беллетризировал некоторые документы, казавшиеся мне скучными. Не исказив, разумеется, ни одной значимой детали, менял слова, избавляясь от казенного языка шифровок и рапортов, делал разговоры своих героев живыми... И все эти годы я вижу, как заинтересовавшиеся этой темой авторы повторяют мои слова и формулировки, делая вид, будто цитируют архивные документы.

Я понял, что обязан, наконец, рассказать всё, что мне известно. Тем более что немало редких материалов, относящихся к эмиграции, я нашел в архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете.

В определенном смысле справедливость восторжествовала. Надежда Васильевна Плевицкая вернулась в русскую культуру. По праву заняла в истории России более важное место, чем ее муж. Но судьбы их сплелись. Рассказывая о Надежде Васильевне, нельзя обойти жизнь генерала

Скоблина, историю русской эмиграции, в которой они оба играли столь важную роль...

С чего же начать описание ее жизни?

По хронологии — с деревенского детства, проведенного в Курской губернии?

С описания невероятного успеха на эстрадной сцене?

Со встреч с последним русским императором?

Или все-таки с тех трагических событий, которые неожиданным образом поставили певицу в центр запутанных политических интриг и игр специальных служб? И определили ее судьбу, в том числе посмертную?..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
АЛИБИ ДЛЯ ВЕЛИКОЙ ПЕВИЦЫ

Похищение генерала Миллера

Двадцать второго сентября 1937 года генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер появился на парижской улице Колизе в половине одиннадцатого утра. В жилом доме 29 много лет арендовала несколько комнат канцелярия Русского общевойскового союза.

Миллера по-прежнему именовали генералом, и он считал себя находившимся на службе, хотя давно переоделся в штатское. Как и его сотрудники в Русском общевойсковом союзе. Все они были эмигрантами, все они вынуждены были покинуть родину, проиграв Гражданскую войну и не желая покориться победителям — большевикам.

Миллер занимался делами бумажного свойства у себя в кабинете. А в начале первого ушел, объяснив своему подчиненному — начальнику канцелярии РОВСа генералу Павлу Александровичу Кусонскому, что у него назначено свидание, после чего он намерен возвратиться на службу. Стоял теплый сентябрьский день, и Евгений Карлович не взял с собой пальто, о чем впоследствии сильно пожалеет.

В канцелярию РОВСа, объединившего русскую военную эмиграцию, Миллер больше не вернулся.

План похищения, разработанный оперативной группой советской разведки, сработал. Но сохранить всё в тайне не удалось.

Уходя на встречу с неизвестными ему людьми, Миллер оставил в рабочем кабинете пакет, который следовало вскрыть в случае его неоправданно долгого отсутствия. В пакет Миллер положил записку с точным указанием, где, когда и с кем он намерен встретиться.

Первой забеспокоилась жена генерала Миллера. Вечером Наталья Николаевна поинтересовалась у подчиненных мужа, что им известно о местонахождении Евгения Карловича, который даже не приехал обедать. А в канцелярии РОВСа собрались его давние соратники по Гражданской войне на Севере России. На восемь вечера была назначена встреча, а Миллера, известного своей пунктуальностью, всё нет! Не дождавшись Евгения Карловича, ввиду позднего времени офицеры разошлись.

В девять вечера Наталья Николаевна позвонила в канцелярию и попросила постоянно дежурившего там Василия Владимировича Асмолова обратиться в полицию. Бывший редактор ростовской газеты «Утро Юга» Василий Асмолов в эмиграции остался без заработка и жил в помещении РОВСа, исполняя, кроме прочих, обязанности ночного сторожа. Его брат

ротмистр Юрий Асмолов, который в Крыму служил начальником разведывательного отдела штаба армейского корпуса, умер в 1927 году.

Асмолов оповестил начальника канцелярии генерала Кусонского и адмирала Кедрова, заместителя Миллера по Русскому общевойсковому союзу. Вице-адмирал Михаил Александрович Кедров участвовал еще в войне с японцами, был ранен. У генерала Петра Николаевича Врангеля, последнего вождя белой армии, командовал Черноморским флотом. Эвакуация армии и беженцев из Крыма — его заслуга.

Кусонский и Кедров обещали немедленно приехать. Кусонский, встревоженный исчезновением председателя, появился в одиннадцатом часу вечера. Собравшиеся офицеры гадали: что же приключилось с Миллером?

Кусонский был прирожденным штабистом. В Первую мировую войну служил в Ставке Верховного главнокомандующего. В Крыму у Врангеля стал начальником штаба 2-й армии. В тот сентябрьский день 1937 года он проявил поразительную нерасторопность. Не сразу вспомнил об оставленном Миллером конверте. Впоследствии его будут упрекать за это промедление. Если бы генерал Кусонский прочитал записку раньше, возможно, Евгения Карловича удалось бы спасти. Но он вскрыл оставленный генералом конверт лишь в половине одиннадцатого вечера.

Что же говорилось в этой записке, изменившей судьбу стольких людей?

Покидая канцелярию, председатель РОВСа написал:

«У меня сегодня в 12.30 свидание с ген. Скоблиным на углу улиц Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в Балканских странах Штротманом и с Вернером, чиновником здешнего германского посольства.

Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а потому на всякий случай оставляю эту записку.

22 сентября 1937 года.

Ген. — лейт. Миллер».

Можно только предположить, что этому предшествовало и какой именно разговор состоялся у Николая Владимировича, когда в один из предшествующих сентябрьских дней он зашел в кабинет Миллера в Русском общевойсковом союзе.

— Хочу вам рассказать, Евгений Карлович, — вероятно, так начал беседу Скоблин, — что несколько раз вел полезные беседы с представителями германской разведки.

Миллер отложил в сторону бумаги и, скорее всего, спросил:

— Где вы с ними встречались? Вы понимаете, почему я беспокоюсь: французы могут обидеться и разозлиться, если узнают о наших контактах с немцами...

— Разумеется, Евгений Карлович, все встречи проходили не в Париже, — наверняка заверил его Скоблин. — В Озуар-ла-Феррьер гости почти каждый день, поэтому еще одно новое лицо там никого не удивит.

Он не преувеличивал. Плевицкая и Скоблин слыли хлебосольными хозяевами, к ним постоянно приезжали гости.

— И как вы оцениваете человека из Берлина, Николай Владимирович?

— Он показался мне серьезным партнером. — Скоблин, надо полагать, высказывался осторожно. — Он из абвера, военной разведки, и говорит, что заинтересован в сотрудничестве. Но...

— Что «но»? — Миллер должен был заинтересоваться.

— Он желает иметь дело только с вами. Я для него слишком мелкая фигура.

— Ну что вы, Николай Владимирович. Вы видный деятель РОВСа.

— Уверяю вас, Евгений Карлович, они в Берлине знают только вас и только с вами хотят говорить.

И Миллер, можно понять из последующего, не стал возражать.

— Я готов выполнить свой долг и встретиться с ними. Но как это удобнее сделать, учитывая мое положение и ревность французов?

— У меня есть подходящее место на примете, — должен был предложить Скоблин.

Вполне вероятно, что разговор двух генералов сложился как-то иначе. Нам никогда не узнать, какие именно аргументы использовал Скоблин, но его слова оказались весомыми для Евгения Карловича. Встречу назначили на 22 сентября.

Но почему председатель Русского общевойскового союза счел необходимым оставить ту самую записку, которая погубит Плевицкую и Скоблина?

Миллер явно ни в чем не подозревал самого Скоблина, с которым много лет дружил. Иначе просто отказался бы от встречи. Но свиданий с незнакомцами благоразумно остерегался — после почти мистической истории с бесследным исчезновением здесь же, в Париже, его предшественника на посту председателя РОВСа генерала Александра

Павловича Кутепова в 1930 году.

Прочитав записку, генерал Кусонский пребывал в растерянности. Адмирал Кедров, по характеру более решительный, сразу начал действовать. Прежде всего попросил послать домой к Скоблину Василия Асмолова:

— Надо узнать, во-первых, не пропал ли и Николай Владимирович. Ежели он на месте, то пусть вспомнит, где и когда они расстались с Евгением Карловичем.

Асмолов среди ночи отправился в Озуар-ла-Феррьер, пригородное местечко, где жили Скоблины. Путь неблизкий.

Двухэтажный дом оказался пуст. Асмолов вернулся ни с чем. На улице Колизе уже собрались несколько руководителей Русского общевойскового союза. Они предполагали худшее — Миллера постигла та же участь, что и Кутепова. Так еще и Скоблин исчез... Что же это означает?

— Неужели и Николай Владимирович пропал? Но Надежда Васильевна должна была остаться дома, почему ее нет? С ней-то что могло приключиться? — недоумевали они.

Полковник Сергей Александрович Мацылев, начальник канцелярии 1-го (французского) отдела РОВСа, вспомнил, что Скоблин и Плевицкая, оставшись в Париже, обыкновенно ночуют в гостинице «Пакс». Мацылева и послали навестись в гостиницу. Причем полковник ничего не знал об уже прочитанной записке Миллера и о том, что от Скоблина ждут ответа на опасный для него вопрос. Поэтому когда он будил Скоблина и просил немедленно приехать, то никак не мог вспугнуть генерала.

Николай Владимирович без шляпы, в легком летнем пальто на такси поехал на улицу Колизе. Он, надо полагать, намеревался возглавить расследование загадочного исчезновения Миллера, а возможно, взять на себя более значимые обязанности в руководстве РОВСом.

Впоследствии этот вопрос возникнет не раз: мог ли после исчезновения Миллера именно Скоблин возглавить Русский общевойсковой союз?

Своим первым заместителем председатель РОВСа назначил генерал-лейтенанта Федора Федоровича Абрамова, вторым — адмирала Кедрова. В свое время Миллер сменил Кутепова, поскольку занимал должность его первого зама. Но Абрамов оставался в Болгарии, руководил 3-м отделом РОВСа, в который входили все русские офицеры, кто жил на Балканах. Французские власти не горели желанием видеть его в Париже. А Кедров был не слишком популярен среди эмигрантского офицерства. Так что у Скоблина был шанс. Если бы он и не стал председателем, его позиции

внутри военной эмиграции укрепились бы.

Однако события развивались вовсе не так, как планировали Скоблин, Плевицкая и их кураторы из Пятого (иностранного) отдела Главного управления государственной безопасности Наркомата внутренних дел Союза ССР.

На улице Колизе Скоблина сразу же спросили:

— Где Миллер?

— Я не знаю, — ответил генерал. Он вел себя непринужденно и сохранял совершеннейшее спокойствие.

— Когда вы его видели в последний раз?

— В воскресенье, — не моргнув глазом ответил Николай Владимирович.

Тогда ему показали записку, оставленную Миллером.

Скоблин смутился. Не многие на его месте сумели бы вовсе не выдать своих чувств. Но хладнокровие мгновенно вернулось к нему. Все-таки он был боевым генералом, прошедшим две войны — Первую мировую и Гражданскую, и все годы на передовой. Николай Владимирович твердо сказал, что это ошибка. Именно в то время, когда Миллер с кем-то встречался, они с Надеждой Васильевной сидели в ресторане, и тому найдутся свидетели.

Адмирал Кедров и генерал Кусонский ни в чем Скоблина не подозревали. Им и в голову не могло прийти, что боевой соратник служит злейшим врагам русской эмиграции. Но они поняли, что придется обратиться в комиссариат полиции — сделать официальное заявление об исчезновении Миллера. Предложили Скоблину поехать вместе с ними.

И вот теперь Николай Владимирович осознал, что всё рухнуло. Испугался, что в полиции его арестуют. Надо спасаться! Улучив момент, когда внимание растерявшихся руководителей РОВСа было отвлечено от него, он вышел из комнаты... и исчез. Соратники по Белому делу его больше никогда не увидят.

А Кедров и Кусонский ничего не понимали. Недоумевали: куда же Николай Владимирович вдруг делся? Ведь все вместе собрались отправиться в полицию... Пытаясь отыскать Скоблина, наивный адмирал Кедров решил ехать в гостиницу «Пакс». Они с Кусонским остались на улице. Полковник Мацылев поднял Надежду Васильевну с постели:

— Николай Владимирович не вернулся?

Сон окончательно оставил Надежду Васильевну, разбуженную во второй раз. Плевицкая поняла, что произошло нечто непредвиденное. Она набросилась на Мацылева с неосторожными вопросами:

— Вы мне скажите, где мой муж? Он ведь ушел с вами. Что вы с ним сделали? Вы его в чем-то подозреваете? Отвечайте! Он способен застрелиться, если задета его честь!

Официальное заявление об исчезновении Миллера было сделано. Записка, оставленная Миллером, — главная и единственная улика. Поэтому под утро к Плевицкой в гостиницу приехали двое полицейских. Они хотели допросить Надежду Васильевну. По-французски она не понимала. Полковник Мацылев взялся переводить. Полицейские отвезли ее к комиссару Андре Рошу. Тот задал несколько вопросов. После допроса отпустил.

На следующий день эмигрантские газеты в Париже вышли с заголовками: «Загадочное исчезновение ген. Е. К. Миллера. Глава РОВС-а в среду в 12 ч. 30 м. дня покинул управление на рю Колизе и с тех пор не появлялся».

А Плевицкая, захватив с собой деньги, по всему городу искала мужа, чтобы спасти его и себя. Но поиски были безуспешными. Она не знала, где он может скрываться. Подобный вариант развития событий не предусматривался. Связаться с сотрудниками парижской резидентуры советской разведки она не сумела. Не знала, как это сделать — отношения с ними поддерживал Николай Владимирович.

Растерянная Надежда Васильевна в слезах пришла к капитану Петру Яковлевичу Григулю (он воевал в офицерской роте 2-го Корниловского полка, потом стал полковым адъютантом). В Париже служил консьержем в Галлиполийском собрании. Как с близким человеком поделилась горем:

— Ночью Мацылев увез Колю на улицу Колизе. Я прождала до утра. А Коли всё нет...

— Где же вы были вчера? — Капитан Григуль, более других потрясенный облетевшими Париж слухами о причастности Скоблина к исчезновению генерала Миллера, не знал, чему верить.

— Целый день бродила по улицам. Искала мужа, а где его искать, сама не понимала. Я была как безумная. На каждом углу мне казалось, что вот я его сейчас увижу. Я искала, с кем посоветоваться, хотела, чтобы меня успокоили. Я не могла оставаться одна. Когда сил уже не осталось, я пошла к доктору Чекунову...

Военный врач Иван Степанович Чекунов эвакуировался из Крыма вместе с войсками Врангеля. В Париже он лечил эмигрантов, в том числе и Надежду Васильевну.

Прежняя жизнь рухнула так стремительно, так неожиданно, что Плевицкая не успела подготовиться. Она внезапно ощутила себя

несказанно одинокой. Чуть с ума не сошла. Она не знала, что делать, куда бежать, где искать исчезнувшего мужа. Она привыкла жить в полной безопасности, и страх потерять мужа поверг ее в панику и ужас. Для него она была самая красивая, самая желанная и интересная женщина в мире. Он наполнял смыслом ее жизнь. Страх остаться одинокой и беспомощной погрузил Надежду Васильевну в депрессию, которая ее полностью поглотила.

А следствие шло своим порядком. И Плевацкая, не понимая этого, оказалась в центре расследования. За ней приехала полицейская машина. Вместе с Надеждой Васильевной, чтобы оказать ей моральную поддержку, поехали и Григуль, и его дочь-школьница Любовь — как переводчица. Надежда Васильевна, прожив много лет во Франции, языка не выучила.

Оставленную генералом записку следствие сочло доказательством причастности Скоблина к преступлению. Поскольку Скоблин с женой в тот день были вместе, то после допроса Плевацкую арестовали как очевидную соучастницу. При аресте у нее нашли семь с половиной тысяч франков, полсотни долларов и полсотни фунтов стерлингов — деньги для нищей эмиграции завидные. Эти деньги на суде станут доказательством ее вины.

Вначале комиссар Андре Рош задавал ей самые простые вопросы:

— Как вы провели четверг? Что делали? С кем встречались? Видели ли мужа?

— Если бы я его увидела, — истерически восклицала Плевацкая, слезы навертывались у нее на глаза, — я бы вцепилась в него, не отпустила бы от себя, на эшафот вместе с ним пошла, что бы он ни сделал!.. Но я не нашла его. Не нашла моего Николая... Я знаю, генерал Миллер исчез, это несчастье... Но поймите, муж — мой муж! — бросил меня. Покинул!

— Где же вы были весь день? — продолжал следователь. — Где именно его искали?

— Я сама не знаю. Я как безумная была... Ходила, брала такси, ездила в Булонский лес, в Сен-Клу, сама не знаю куда. Я Парижа не знаю, улиц не помню. Всегда муж возил меня в автомобиле... В каждой машине мерещилось мне, не он ли? Галлюцинации какие-то были. Я даже думала, не у Миллера ли он...

На допрос допустили представителя семьи генерала Миллера опытного адвоката Мориса Рибе. Он спросил Плевацкую:

— Если вы думали, что ваш муж мог быть в доме генерала Миллера, почему же вы не поехали туда?

— Я по-французски не говорю. На какой улице была тогда, не знала... Ну как я могла знать, как туда ехать? А потом я боялась... Может быть, он

не там...

— Почему вы не позвонили по телефону?

— Не умею говорить. Не могу. Вообще я растерялась...

Следователь пригласил и жену генерала Миллера. Увидев ее, Надежда Васильевна Плевицкая смутилась. Попросила следователя оставить их одних. Следователь согласился, надеясь, что беседа с давней подругой заставит Плевицкую дать правдивые показания.

Жена Миллера Наталья Николаевна, дочь генерала и дальняя родственница Пушкина, впоследствии описала разговор с Плевицкой следующим образом.

— При такой дружбе, какая была между нами, как вы могли, зная, что я потеряла мужа, не заехать ко мне, не позвонить? — спросила жена Миллера.

— Почему не заехала, не позвонила? Да это всё равно, что спрашивать меня, почему я не бросилась в Сену. — Плевицкая зарыдала. — Вы же знаете, как я вас любила... и Евгения Карловича... Разве я могла это сделать?.. Разве мог Николай Владимирович?.. Да я бы первая донесла... Вы верите мне?

Наталья Николаевна молчала.

— Сделайте так, чтобы меня выпустили, — попросила Плевицкая.

Она еще не понимала, что ее ждут суд и очень суровый приговор.

— Что же вы намерены предпринять, если вас выпустят? — спросила Наталья Миллер.

— Я поеду в Россию, к мужу...

— Как вы там его найдете?

— Я знаю, как найти... У него там два брата.

— Даже если вы его найдете, вы ничего не узнаете. Потому что его расстреляют, если он что-то скажет. И вас заодно.

— Нет, он скажет. Я велю ему, и он ответит, а я дам вам знать, где находится Евгений Карлович.

— Это невозможно.

— Слушайте, — сказала Плевицкая, — если вы мне не доверяете, то пусть со мной пошлют полицейского инспектора...

Скоблина не нашли. Тогда комиссар Рош предъявил Надежде Васильевне Плевицкой официальное обвинение в «соучастии в похищении генерала Миллера и насилии над ним». Из здания судебной полиции на набережной Орфевр ее под стражей отвезли в женскую тюрьму Петит Рокетт. В первую ночь в тюрьме она, конечно же, еще не сознавала, что никогда не выйдет на свободу.

Дёжкино детство

Надежда Васильевна Винникова родилась в деревне Винниково Курской губернии. Рядом железнодорожная станция Отрешково, до города Курска всего ничего. Куряне помнят и ценят знаменитую землячку. Не так давно воздвигли ей памятник.

Официальная дата ее рождения — 17 (29 по новому стилю) сентября 1884 года. Но курские краеведы обнаружили документы, из которых следует, что Надежда Васильевна, и в зрелые годы пользовавшаяся вниманием мужчин значительно моложе себя, по-женски скинула себе пяток лет. Судя по всему, она появилась на свет в конце 1879 года.

«Семеро было нас: отец, мать, брат да четыре сестры, — вспоминала Надежда Васильевна. — Всех детей у родителей было двенадцать, я родилась двенадцатой и последней, а осталось нас пятеро, прочие волей Божьей померли».

Страшно читать сейчас эти строчки. Семеро из двенадцати детей умерли! Какое горе для родителей! На медицинскую помощь в деревне рассчитывать не приходилось. И отец Надежды умер от воспаления легких, не имея возможности обратиться к врачу и принимать лекарства. На рубеже веков Российская империя стремительно развивалась, но здравоохранение сильно отставало от передовых европейских государств.

Дёжка — так в детстве звали Надю Винникову. Уже в эмиграции профессиональные авторы напишут за нее воспоминания, в которых она много и с удовольствием повествует о своем детстве. Две красиво написанные мемуарные книги — практически единственный источник информации о ранней поре жизни будущей певицы.

Она хотела поскорее стать взрослой, тянулась за старшими сестрами: «Я подсматривала, как сестры на ночь мажут сливками лицо от загара, и делала то же; еще таскала я у них помаду и репейное масло, которыми они душили волосы, за что также награждали меня подзатыльниками. Словом, мешали мне всячески стать большой».

Ее отец, Василий Абрамович, служил в царской армии в Крыму, куда к нему ездила жена. Отслужив, вернулся в родную деревню. Успешно вел немаленькое хозяйство, так что большая семья не бедствовала: «У моего отца было семь десятин пахоты. На семью в семь человек — это немного, но родители мои были хозяева крепкие, и при хорошем урожае и у нас были достатки. Бывало, зайдешь в амбар: закрома полные, пшено, крупы,

на балках висят копченые гуси, окорока, в бочках солонина и сало. А в погребе — кадки капусты, огурцов, яблок, груш. Спокойна душа хозяйская, всё тяжким трудом приобретено, зато благодать: зимой семья благоденствует. Мать усердно гоняла нас в лес: дикие яблоки для сушки возами свозились, мешками таскали орехи, которые припрятывались до Рождества. Было и у нас изобилие».

Воспоминания хранят эпизоды счастливого детства в большой семье:

«После ужина мать, старшие сестры садились за прялки, брат плел лапти, а мы, две младшие, и батюшка укладывались спать.

Жили мы дружно, и слово родителей для нас было законом. Если же, не дай Бог, кто „закон“ осмелится обойти, то было и наказание: из кучи дров выбиралась отцом-матерью палка, потолще, со словами:

— Отваляю, по чем ни попало.

А вот и преступления наши.

Родители не разрешали долго загуливаться. „Чтобы засветло дома были“, — наказывала мать, отпуская сестер на улицу, потому что „хорошая слава в коробке лежит, а дурная по дорожке бежит“.

Вот той славы, „что по дорожке бежит“, мать и боялась.

Отобедали и снова на улицу. Мать дала нам по десятку яиц на пряники, но сказала, чтобы я погуляла немного да и вернулась; нужно гусей на речку согнать, а то в закутке они искричались. Как ни хотелось с улицы идти, а вернулись домой, выпустили гусей из закутка и погнались под гору.

Под горой, не боясь, что нас кто увидит, стали мы с Машуткой плясать, подражая Татьяне и старшим сестрам. Я запела протяжную:

Дунай-речка, Дунай быстрая,
Бережечки сносит.
Размолоденький солдатик
Полковника просит:
Отпусти меня, полковник,
Из полку до дому.
Рад бы я, рад бы отпустить,
Да ты не скоро будешь,
Ты напьешься воды холодной,
Про службу забудешь...

Пела я и прислушивалась к своему голосу. Мне очень хотелось, чтобы

походил он на Татьянин.

А с горы на плотину съезжал в ту пору экипаж, в котором сидели соседнего помещика барыня и барышни. Поравнявшись с нами, они замахали платками, и в нашу сторону полетел большой кулек. Коляска промчалась, а мы с Машуткой стали собирать как с неба упавшие гостинцы: каких только сластей не было в кулке».

Художественная натура, Дёжка жадно впитывала яркие впечатления детских лет — хороводы, пение под гармошку. Очень хотела учиться:

«Если я умею немного читать и писать, то потому лишь, что горькими слезами выплакала у матери разрешение ходить в школу. Рукава моего серенького платья были мокры от неутешных слез (платки-то носовые полагались у нас только в день воскресный к обедне) — так убедительно просила я мать отпустить меня в школу.

— Да кто же корову стеречь будет? — говорила мне мать. — К тому же ты молитвы-то знаешь. Грамота тебе не нужна. Вот я и без грамоты, и до мильёна считаю».

Дёжка очень любила мать: «Лучше матери нет никого. Она надорвалась бы, лишь было бы хорошо ее детям. Бывало, придет из города усталая, измученная, а с сияющим лицом бережно достает виноград, купленный на работные гроши, и нас всех оделяет. А мы знаем, что она не побаловала себя даже одним зернышком-виноградиной».

Девочка добилась своего — упорства ей было не занимать: «Обещала мне мать купить палевое пальто, щегренивые, со скрипом, полусапожки, сшить козинетовый тулупчик, а на зиму пустить меня в школу».

Надежда Васильевна окончила трехлетнее сельское училище. Принесла домой похвальный лист в рамке под стеклом, порадовала родителей. Его повесили на стену в избе. Больше она никогда и ничему не училась.

Между монастырем и сценой

Отец, Василий Абрамович, скоропостижно скончался от воспаления легких. К врачу даже не обращались. Он умирал на глазах семьи, бессильной ему помочь...

Надежду, которой шел шестнадцатый год, отдали в Свято-Троицкий женский монастырь в Курске. Перед пострижением в монахини ей предстояло провести несколько лет в послушании. И два года она была послушницей. Пела в хоре. Но тут в городе произошло событие, перечеркнувшее все ее планы.

В Пасхальную неделю в Курск приехал бродячий цирк и раскинул балаган на Георгиевской площади. А Надежду как раз отпустили к сестре Дуняше. Они вместе отправились на гулянье. Прокатились на карусели, заглянули в зверинец, купили билеты и зашли в цирк. И яркое, доселе невиданное цирковое представление так захватило юную девушку, что жизнь ее в один день перевернулась.

«„Так кувыраться и я бы, пожалуй, могла, учеба только нужна“, — думала я, не отрывая взгляда от акробатки... А тут вылетела на сером коне наездница, ловкая, быстрая. „Хоть и грешно такой голой при народе на коне прыгать, — думала я, — а так я тоже могла бы“. И порешила разом: „Уйду в балаган и стану акробаткой“. Всю ночь виделась мне акробатка и наездница. Я представляла себя на их месте и всю ночь горела от моих мыслей пойти завтра к директору балагана и проситься в его театр».

Утром послушница Свято-Троицкого монастыря пришла в цирк. Попросилась на работу. Ладную и подвижную девушку охотно взяли. В ней угадывался врожденный артистизм. Она начала репетировать. Но мать, проведав о случившемся, примчалась из деревни и забрала дочь домой, причитая:

— И за что наказал меня Господь? Терпеть такой срам. Лучше бы прибрал тебя Бог. Ишь что вздумала: из святой обители да в арфянки.

Дёжке подыскали приличную работу — горничной в купеческую семью. Дабы отмолить грех, отправили в Киев на богомолье — с теткой Аксиньей. Но от судьбы не уйдешь... Повели ее в Киеве в сад «Аркадия» на концерт, и она была заморожена пением гастролировавшего там хора Александры Владимировны Липкиной. Тут же захотела в него поступить.

На первой репетиции выяснилось, что нот она, конечно, не знает, но у нее природные слух и грация. Липкиной понравилось ее сочное меццо-

сопрано. Муж Александры Владимировны аккомпаниатор Лев Борисович сел к роялю.

«Мне было стыдно: все разглядывали нас. Липкин дал аккорд, я взяла дрожащим голосом ноту.

— Смелей, смелей!

Я взяла смело.

— Ого, хорошо.

Мне дали написанные слова, а мотив я легко запомнила и пропела соло без ошибки.

На сцене репетировали какие-то танцы, и нас послали туда, к руководительнице. Ее также звали Надежда, по фамилии Астродамцева.

— Сделай так, — сказала Астродамцева и показала мне „па“.

Я пробовала, но вышло что-то плохо: смутил меня „гопак“. У нас в деревне эта фигура называется „через ножку“, и девушки у нас никогда так не прыгают, они танцуют плавно, а прыгают через ножку только парни. Но меня заставляли пробовать именно „через ножку“, которая тут называлась „па-де-бас“.

Астродамцева покрикивала, чтобы я не держала руки перед носом, а отбрасывала их широко по сторонам. „Ну хорошо, — подумала я, — отбрасывать — так отбрасывать“, и так размахнулась вправо, влево, что кругом засмеялись, а Астродамцева отскочила:

— Ну ты, деревня, чуть мне зубы не вышибла... Но толк из тебя, вижу, выйдет.

В хор я была принята. Нам положили восемнадцать рублей жалованья в месяц на всем готовом.

В хоре все певцы были женатыми, и делился хор на семейных, на учениц и хористок, и на дам, располагавших собой, как им заблагорассудится. Семейные выносили всю тяжесть программы. Это были потомственные и почетные труженики эстрады, они выступали по несколько раз в вечер. Нас обучали для капеллы и держали в ежовых рукавицах: девчонок никуда не пускали самостоятельно по городу».

Мать вновь хотела ее забрать, но обходительная Александра Владимировна Липкина отговорила. Смутила ласковыми словами и обещанием:

— Ваша Дёжка с талантом. Мы ее вымуштруем, и она будет хорошей артисткой.

И мать примирилась с дочкиным выбором. Надежда стала хористкой в капелле Александры Липкиной, которая сама прекрасно исполняла народные песни. Таланты юной Надежды быстро оценили. Она пела соло.

Не зная нот, легко запоминала партии с голоса.

Уже в эмиграции, оглядывая пройденный путь, Надежда Васильевна укорит себя за некую неразборчивость, за то, что пела в злых местах:

«В тяжелые времена нашего изгнания рестораны и кафешантаны битком набиты дамами лучшего общества, и теперь они сами знают, что всё зависит от тебя, быть дурной или остаться хорошей. „Кабак“ — что и говори — скользкий путь, круты повороты, крепко держись, а не то смотри, — упадешь.

Я теперь вижу, что лукавая жизнь угораздила меня прыгать необычно: из деревни в монастырь, из монастыря в шантан. Но разве меня тянуло туда дурное? Когда шла в монастырь, желала правды чистой, но почуяла там, что совершенной чистоты-правды нет. Душа взбунтовалась и кинулась прочь.

Балаган сверкнул внезапным блеском, и почуяла душа правду иную, высшую правду — красоту, пусть маленькую, неказистую, убогую, но для меня новую и невиданную.

Вот и шантан. Видела я там хорошее и дурное, бывало мутно и тяжело душе, — ох как, — но „прыгать“-то было некуда. Дёжка ведь не умела читать и писать, учиться не на что. А тут петь учили. И скажу еще, что простое наставление матери стало мне посохом, на который крепко я опиралась: „голосок“ мне был нужен, да и „глазки“ хотелось, чтобы тоже блестели...

Вспоминаю, как приехал в Царицын хор Славянского».

Певец и дирижер Дмитрий Александрович Агренов, который выбрал себе громкий псевдоним Славянский, основал хор «Славянская капелла». Он собирал народные песни, и его хор имел необыкновенный успех. Это подействовало на Надежду Васильевну:

«Я тогда ходила как потерянная, замороженная и, слушая его, стала гордиться, что и я русская. А сам Славянский казался мне славным богатырем из древних бывальщин, какие мне сказывали в детстве.

Русская песня — простор русских небес, тоска степей, удаль ветра. Русская песня не знает рабства. Заставьте русскую душу излагать свои чувства по четвертям, тогда ей удержу нет. И нет такого музыканта, который мог бы записать музыку русской души; нотной бумаги, нотных знаков не хватит. Несметные сокровища там таятся — только ключ знать, чтобы отворить сокровищницу. „Ключ от песни не далешенько зарыт, в сердце русское пусть каждый постучит“».

В Киеве Надежда Винникова перешла в польскую балетную группу Штейна. И здесь влюбилась и вышла замуж за солиста балета Эдмунда

Мечиславовича Плевицкого, прежде танцевавшего в варшавском театре. И вместо Надежды Винниковой на афишах появилось новое имя — Надежда Плевицкая. Она прославит его.

Они с мужем танцевали вместе. Но труппа во время гастролей по украинским городам прогорела. Плевицкие перешли в «хор лапотников» Минкевича. Поехали в Санкт-Петербург. В труппе собралось немало талантливых исполнителей, среди них выделялся Михаил Антонович Ростовцев, восемнадцатый ребенок в семье часовщика. После революции он будет петь в Малом Петроградском государственном академическом театре.

Через пять лет Плевицкие перебрались в старую столицу. Именно в Москве Надежду Васильевну ждал большой успех. Ее пригласили петь в ресторан «Яр», пользовавшийся большой популярностью у московской публики.

Алексей Акимович Судаков, сын кузнеца, мальчиком был отдан в чайную мыть посуду. Потом работал официантом. Скопил деньги и стал владельцем ресторана. Преуспел и пожелал приобрести существующий поныне «Яр», названный когда-то в честь работавшего там французского повара Ярда. Добился своего, стал его владельцем в 1896 году. В 1910 году Судаков построил новое здание. Здесь не только вкусно кормили. Играл оркестр, выступали популярные певцы, исполнялись цыганские романсы.

«После долгих колебаний согласилась я принять ангажемент в Москву, — вспоминала Плевицкая. — Директор „Яра“ Судаков, чинный и строгий купец, требовал, чтобы артистки не выходили на сцену в большом декольте:

— К „Яру“ московские купцы возят своих жен, и Боже сохрани, чтобы никакого неприличия не было.

Старый „Яр“ имел свои обычаи, и нарушать их никому не полагалось. При первой встрече со мной Судаков раньше всего спросил, большое ли у меня декольте. Я успокоила почтенного директора, что краснеть его не заставлю. Первый мой дебют был удачен. Не могу судить, заслуженно или не заслуженно, но успех был.

Москвичи меня полюбили, а я полюбила москвичей.

А сама Москва белокаменная, наша хлебосольная, румяная, ласковая боярыня кого не заморозит.

Кланяюсь тебе земно, издали, матушка наша. Улыбнись мне прежней улыбкой и прости, что, может, мало тебя, родная, ценила.

На зиму я возобновила контракт к „Яру“, а на осень, за большой гонорар, подписала контракт на Нижегородскую ярмарку. По программе я

стояла последней и выступала в половине первого ночи.

В зале обычно шумели. Но когда на занавес выбрасывали аншлаг с моим именем, зал смолкал. И было странно мне, когда я выходила на сцену: предо мной стояли столы, за которыми вокруг бутылок теснились люди. Бутылок множество, и выпито, вероятно, не мало, а в зале такая страшная тишина.

Чего притихли? Ведь только что передо мной талантливая артистка, красавица, пела очень веселые, игривые песни, а в зале было шумно.

А я хочу петь совсем невеселую песню. И они про то знают и ждут. У зеркальных стен, опустив салфетки, стоят, не шевелясь, лакеи, а если кто шевельнется, все посмотрят, зашикают. Такое необычное внимание я не себе приписывала, а русской песне. Я только касалась тех тихих струн, которые у каждого человека так светло звучат, когда их тронешь.

Помню, как за первым столом, у самой сцены, сидел старый купец, борода в серебре, а с ним другой, помоложе. Когда я запела „Тихо тащится лошадка“, старик смотрел-смотрел на меня и вдруг, точно осердясь, отвернулся. Молодой что-то ему зашептал, сконфузился.

Я подумала, что не нравится старому купцу моя песня, он пришел сюда веселиться, а слышит печаль.

Но купец повернул снова к сцене лицо, и я увидела, как по широкой бороде, по серебру, текут обильные слезы. Он за то рассердился, что не мог удержаться, на людях показал себя слабым.

Заканчивала я, помню, еще свой номер „Ухарь-купец“. После слов „а девичью совесть вином залила“ под бурный темп, махнув рукой, уходила я за кулисы в горестной пляске, и вдруг слышу из публики, среди рукоплесканий:

— Народная печальница плясать не смеет.

Видно, кто-то не понял моей пляски, а пляской-то я и выражала русскую душу: вот плачет-надрывается русский, да вдруг как хватит кулаком, шапкой оземь да в пляс».

Когда Плевицкая исполняла «Ухарь-купец», то, по словам известного театрального художника Александра Николаевича Бенуа, «приводила в восторг всех — от монарха до последнего его подданного — своей типично русской красотой и яркостью таланта».

Осенью 1909 года на Нижегородской ярмарке Плевицкую услышал солист Большого театра Леонид Витальевич Собинов, лучший лирический тенор России. Встреча с ним стала для нее событием:

«Когда я пела в ресторане Наумова, в нижегородском оперном театре гастролировал Собинов.

Как-то он пришел к Наумову ужинать. Во время моего выхода он, как видно, наблюдал публику, а потом зашел ко мне, познакомился и сказал:

— Заставить смолкнуть такую аудиторию может только талант. Вы талант.

Всякий поймет мое радостное волнение, когда я услышала из уст большого художника, которым гордилась Россия, такие лестные для себя слова.

А Леонид Витальевич оказал мне и еще большую честь: он пригласил меня петь в своем концерте, который устраивал с благотворительной целью в оперном театре. Распрощавшись со мной, Собинов ушел. Он и не знал, верно, тогда, что благодаря ему выросли у меня сильные крылья».

По приглашению Собинова Плевицкая участвовала в концерте, где пел и знаменитый оперный тенор Николай Николаевич Фигнер, в прошлом морской офицер, учившийся в Петербургской и Неаполитанской консерваториях. Певческой карьере не помешал тот факт, что его сестра Вера Фигнер, революционерка и террористка, участница убийства императора Александра II, была приговорена к пожизненному заключению. Николай Фигнер — среди немногих — был удостоен почетного звания «солиста его величества». В старой России немислимым считалось наказывать родственников... Николая Фигнера называли гениальным актером, Петр Ильич Чайковский им восхищался. И Плевицкая выступала вместе с ним: «Много тогда шипели по этому поводу, но пела я с успехом».

Леонид Собинов впоследствии говорил:

— Меня чрезвычайно радует ее успех, и я счастлив, что мне удалось уговорить Надежду Васильевну переменить шантан на концертную эстраду.

Но вот убедить ее учиться, получить полноценное музыкальное образование не удалось и Собинову... Леонид Витальевич принял революцию, в 1917 году стал комиссаром Большого театра. Советская власть присвоила ему звание народного артиста республики. В знак особого расположения ему даже разрешалось ездить за границу. Но с Плевицкой они больше не встречались. Советские люди избегали эмигрантов.

Плевицкая с не меньшим удовольствием вспоминала и о встрече с Федором Ивановичем Шаляпиным:

«Не забуду просторный светлый покой великого певца, светлую парчовую мебель, ослепительную скатерть на широком столе и рояль, покрытую светлым дорогим покрывалом. За той роялью Федор Иванович в первый же вечер разучил со мной песню „Помню, я еще молодухой

была“».

На память осталась его фотография с надписью: «Моему родному Жаворонку, Надежде Васильевне Плевицкой, — сердечно любящий ее Ф. Шаляпин».

Она, говоря современным языком, вошла в число звезд русской эстрады. Ей устраивали вечера в Большом зале Московской консерватории. В 1910 году пригласили участвовать в благотворительном концерте, где выступали первые имена русской сцены — выдающийся актер Московского Художественного театра Василий Иванович Качалов (он примет Октябрьскую революцию, останется в Советской России и удостоится звания народного артиста СССР) и прима-балерина мирового класса Матильда Феликсовна Кшесинская, фаворитка последнего императора (ее дворец в Петрограде в 1917 году займут большевики, а она покинет Россию).

Главный редактор журнала «Театр и искусство» Александр Рафаилович Кугель, критик язвительный, в отношении Плевицкой был исключительно комплиментарен:

«Она стояла на огромной эстраде в белом платье, облежавшем довольно стройную, но мощную фигуру, с начесанными вокруг всей головы густыми черными волосами, блестящими черными глазами, большим ртом, широкими скулами и крутыми, вздернутыми, приподнятыми, как бы вывернутыми ноздрями. Что-то полутатарское во всем облике.

Она пела... Не знаю, может быть, и не пела, а сказывала. Глаза меняли выражение, но с некоторой искусственностью. Зато движения рта и ноздрей были, что раскрытая книга. Говор Плевицкой — самый чистый, самый звонкий, самый очаровательный русский говор. У нее странный, оригинальный жест, какого ни у кого не увидите: она заламывает пальцы, сцепивши кисти рук, и пальцы эти живут, говорят, страдают, шутят, смеются».

Ее имя на афишах печаталось самым крупным шрифтом. Билеты стоили дорого — и всё равно был аншлаг. Авторитетный критик Сергей Саввич Мамонтов писал в «Русском слове»: «В г-же Плевицкой теплится священная искра, та самая, которая из вятской деревни вывела Федора Шаляпина, из патриархального старокупеческого дома — Константина Станиславского, из ночлежки золоторотцев — Максима Горького».

Александр Кугель восторженно писал о «народной целине», выдвинувшей самобытные таланты: «Оттуда выходят Шаляпины, Плевицкие, Горькие, — выйдут еще сотни и тысячи талантливых,

оригинальных, органических натур».

Музыковеды отмечали, что Плевицкая изменила русскую эстраду. До нее торжествовал салонно-театрализованный лиризм. А самой известной исполнительницей народных песен была Анастасия Дмитриевна Вяльцева. В ее судьбе есть нечто схожее с Плевицкой. Она тоже выросла в простой семье, у нее тоже было меццо-сопрано. И она вышла замуж за офицера с весьма изменчивой судьбой.

Генерал Василий Викторович Бискупский вошел в историю, как и генерал Николай Владимирович Скоблин. В царские времена они служили в одной армии, после революции их пути разошлись.

«Бискупский женился на известной исполнительнице романсов Вяльцевой и долго сумел скрывать этот брак, оставаясь в полку, — вспоминал генерал Петр Врангель. — Такое фальшивое положение всё же продолжаться не могло, и за два года до Первой мировой войны Бискупский полковником ушел в отставку. Он бросился в дела, основывал какие-то акционерные общества по разработке нефти на Дальнем Востоке, вовлек в это дело ряд бывших товарищей и, в конце концов, жестоко поплатился вместе с ними».

Анастасия Вяльцева, изумительно исполнявшая романсы, заболела раком крови и умерла молодой. Василий Бискупский вернулся в армию. После Февральской революции уехал в Киев, поступил в украинскую армию гетмана Павла Петровича Скоропадского, тоже бывшего царского генерала. Скоропадский недолго возглавлял Украину. Он бежал, с ним и другие офицеры. Бискупский обосновался в Германии и после прихода нацистов к власти пошел на службу Адольфу Гитлеру...

Александр Викторович Затаевич, еще один бывший офицер, увлекавшийся народной музыкой (впоследствии народный артист Казахской ССР), писал об Анастасии Вяльцевой: «С нею, ни по красоте вокальных средств, ни по общей изысканности ее сценического Erscheinung (облик. — Л. М.), не может спорить г-жа Плевицкая. Но зато от многих песен г-жи Плевицкой веет то свежестью родных, привольных полей, то таинственностью дремучей дубравы, где скрывались Соловьи-разбойники, то просто юмором, удалью народного творчества».

Надежда Васильевна не только сменила традиционный для эстрады репертуар, но и привнесла на сцену народные традиции исполнения.

«Плевицкая не кончала ни консерватории, ни филармонии, дыхание у нее не развито, голос на диафрагме не поставлен, общее музыкальное образование более чем скудное, а между тем она увлекает самую взыскательную публику, — писал в 1910 году Сергей Мамонтов. — Когда

госпожа Плевацкая появляется на эстраде, вы видите перед собою простую, даже некрасивую русскую женщину, не умеющую как следует носить своего концертного туалета.

Она исподлобья недоверчиво смотрит на публику и заметно волнуется. Но вот прозвучали первые аккорды рояля — и певица преобразается: глаза загораются огнем, лицо становится вдохновенным, красивым, появляется своеобразная грация движений, и с эстрады слышится захватывающая повесть бесхитростной русской души».

Что она тогда пела? «Ухарь-купец», «По старой Калужской дороге», «Есть на Волге утес», «Помню, я молодушкой была», «По тихим степям Забайкалья», «Раскинулось море широко»...

Приватный концерт для императора и императрицы

Оказавшись в Ялте, Плевицкая пришла в городской театр, где гастролировала украинская группа Степана Александровича Глазуненко, актера и антрепренера, и предложила свои услуги. Она вышла на ялтинскую сцену — и ее ждал полный успех. На второй концерт певицы раскупили все билеты.

И ее пожелал пригласить к себе министр двора барон Владимир Борисович Фредерихс (в 1913 году его возведут в графское достоинство), разместившийся в гостинице «Россия». Попросил спеть для узкого круга. Приглашение Плевицкой передал командир конвоя его величества князь Юрий Иванович Трубецкой.

Дворцовый комендант Владимир Александрович Дедюлин пожалел, что императора нет в Ливадии:

— Он бы, наверное, пожелал бы послушать вас. Он так любит народную песню.

«На первых порах ее дела шли плохо, — вспоминал импресарио Илья Ильич Шнайдер. — Никто не знал новую концертантку, и сборы ее концерты совсем не делали. В своих странствиях попали Плевицкие в Ялту. В это же время в Ялте отдыхал знаменитый импресарио Резников. Как-то Резников от скуки забрел на концерт в городской театр и был поражен. Сразу увидел, что перед ним самородок, народный талант, а опытом бывалого менеджера понял, что, если придать этой певице должный блеск, она сможет добиться большого успеха. И успех действительно был ошеломительный. Гастроли в Ялте продлили».

После выступления Плевицкой у барона Фредерихса зрители, проведав о новой знаменитости, принятой в высших кругах, буквально повалили на ее концерты.

«А в Ливадийском дворце, — рассказывал Шнайдер, — Николай II, знавший толк в искусстве, услышал о молодом таланте. И вскоре она была приглашена к нему... Слух об этом мгновенно облетел всё Крымское побережье, все ялтинские отели и дачи, и назавтра муж Плевицкой вывесил над кассой театра анонс: „Все билеты проданы“. Резников тут же подписал с Плевицкой длительный контракт и снял в Москве на три вечера Большой зал Российского благородного собрания (ныне Колонный зал). Плевицкая имела неслыханный успех. Страна признала Плевицкую, полюбила ее».

Вершиной ее карьеры стал день, когда она пела перед императором. Это был миг ее торжества. Она добилась успеха! Она оценена по достоинству! Ее слушает и ей аплодирует сам Николай II.

История эта в воспоминаниях Надежды Васильевны описана в восторженных тонах:

«В дверь постучали. Выбежав на стук, Маша вернулась с ошалелыми, круглыми глазами: просит приема московский губернатор Джунковский.

— Милости прошу, — сказала я входящему генералу Джунковскому. Губернатор был в парадном мундире.

Мне была понятна оторопь Маши при появлении в нашей скромной квартире блестящей фигуры: было с чего ошалеть.

— Я спешил к вам, Надежда Васильевна, прямо с парада, — сказал Джунковский. — Я приехал с большой просьбой, по поручению моего друга, командира сводного Его Величества полка генерала Комарова. Он звонил мне утром и просил, чтобы я передал вам приглашение полка приехать завтра в Царское Село петь на полковом празднике в присутствии Государя Императора.

— Кто же от своего счастья отказывается, — сказала я, вставая. — Только как быть с моим завтрашним концертом? Ведь это мой первый большой концерт в Москве, да и билеты распроданы.

— С вашего позволения я беру всё это на себя. Я переговорю с импресарио, а в газетах объявим, что по случаю вашего отъезда в Царское Село концерт переносится на послезавтра.

От неожиданной радости белого утра, от цветов, которые свежо дышали в моей комнате, у меня приятно кружилась голова. Я видела из окна, как серый в яблоках рысак унес закутанного в николаевскую шинель статного московского губернатора.

Унеслись годы и годы, а утро белое, Серебряная Царевна — Москва — живет во мне: как хорошо, как радостно вспомнить то утро.

В тот день Маша вертелась волчком, спешно готовясь к отъезду. Она уложила меня в постель набраться сил на завтра, а сама хлопотала. Надобно было решить важный вопрос: какое мы платье наденем. И решили мы надеть белое от Пантелеймоновой и украсить себя всеми драгоценностями, какие только имеются, а на голову еще парчовую повязку.

А позже я узнала, что Государь о моем пышном наряде отозвался неодобрительно и высказал сожаление, что я не была одета более скромно.

Позже скромны были мои платья, когда я пела в присутствии Его Величества.

В десять часов вечера мне позвонил из собрания командир сводного Его Величества полка и сказал, что за мной выехал офицер.

С трепетом садилась я в придворную карету.

Выездной лакей в красной крылатке, обшитой желтым галуном и с черными императорскими орлами, ловко оправил плед у моих ног и захлопнул дверцы кареты. На освещенных улицах Царского Села мы подымали напрасное волнение городских и околоточных; завидя издали карету, они охорашивались и, когда карета с ними равнялась, вытягивались.

Такой почет, больше к карете, чем ко мне, всё же вызывал у меня детское чувство гордости.

Через несколько мгновений я увижу близко Государя, своего Царя.

Если глазами не разгляжу, то сердцем почувствую. Оно не обманет, сердце, оно скажет, каков наш Батюшка Царь.

Добродушный командир сводного Его Величества полка Владимир Александрович Комаров, подавая мне при входе в собрание чудесный букет, заметил мое волнение.

— Ну, чего вы дрожите, — сказал он, — ну, кого боитесь? Что прикажете для бодрости?

Я попросила чашку черного кофе и рюмку коньяку, но это меня не ободрило, и я под негодующие возгласы В. А. Дедюлина и А. А. Мосолова приняла двадцать капель валерьянки.

Но и капли не помогали.

И вот распахнулась дверь, и я оказалась перед Государем. Это была небольшая гостиная, и только стол, прекрасно убранный бледно-розовыми тюльпанами, отделял меня от Государя.

Я поклонилась низко и посмотрела прямо Ему в лицо и встретила тихий свет лучистых глаз. Государь будто догадывался о моем волнении, приветил меня своим взглядом.

Словно чудо случилось, страх мой прошел, и я вдруг успокоилась.

По наружности Государь не был величественным, и сидящие генералы и сановники рядом казались гораздо представительнее.

А всё же, если бы я и никогда не видела раньше Государя, войди я в эту гостиную и спроси меня — „узнай, кто из них Царь?“ — я бы, не колеблясь, указала на скромную особу Его Величества. Из глаз Его лучился прекрасный свет царской души. Поэтому я Его и узнала бы.

Он рукоплескал первый и горячо, и последний хлопок всегда был Его.

Я пела много.

Государь был слушатель внимательный и чуткий. Он справлялся через В. А. Комарова, может быть, я утомилась.

— Нет, не чувствую я усталости, я слишком счастлива, — отвечала я.

Выбор песен был предоставлен мне, и я пела то, что было мне по душе. Спела я и песню революционную про мужика-горемыку, который попал в Сибирь за недоимки. Никто замечания мне не сделал.

Теперь, доведись мне петь Царю, я, может быть, умудренная жизнью, схитрила бы и песни этакой Царю бы не пела бы, но тогда была простодушна, молода...

А песни-то про горяшко-горькое, про долю мужицкую, кому же и петь-рассказывать, как не Царю своему Батюшке?

Он слышал меня, и я видела в царских глазах свет печальный.

Пела я и про радости, шутила в песнях, и Царь смеялся. Он шутку понимал простую, крестьянскую, незатейную.

Я пела Государю и про московского ямщика:

— Вот тройка борзая несется,
Ровно из лука стрела,
И в поле песня раздается, —
Прощай, родимая Москва!

После моего „Ямщика“ Государь сказал А. А. Мосолову:

— От этой песни у меня сдавило горло.

Стало быть, была понятна, близка Ему и ямщицкая тоска.

Во время перерыва В. А. Комаров сказал, что мне поручают поднести Государю заздравную чару.

Чтобы не повторять заздравную, какую все поют, я наскоро, как умела, тут же набросала слова и под блистающий марш, в который мой аккомпаниатор вложил всю душу, стоя у рояля, запела:

— Пропоем заздравную, славные солдаты,
Как певали с чаркою деда наши встарь,
Ура, ура, грянемте, солдаты,
Да здравствует русский наш сокол Государь.

И во время ретурнеля медленно приблизилась к царскому столу. Помню, как дрожали мои затянутые в перчатки руки, на которых я несла золотой кубок. Государь встал. Я пела ему:

— Солнышко красное, просим выпить, светлый Царь,
Так певали с чаркою деда наши встарь!
Ура, ура, грянемте, солдаты,
Да здравствует русский, родимый Государь!

Государь, приняв чашу, медленно ее осушил и глубоко мне поклонился.

В Царском Селе, в присутствии Государя, я пела уже не раз.

Было приятно и легко петь Государю. Своей простотой и ласковостью Он обвораживал так, что во время Его бесед со мной я переставала волноваться и, нарушая правила этикета, к смущению придворных, начинала даже жестикулировать.

Беседа затягивалась. Свитские, пожилые господа, утомясь ждать, начинали переминаясь с ноги на ногу.

Иной раз до меня долетал испуганный шепот:

— Как она с Ним разговаривает!

Это относилось к моей жестикуляции.

Но Государь, по-видимому, не замечал моих дурных манер, и Сам нет-нет да и махнет рукой. Как горячо любил Государь всё русское.

Я помню праздник в гусарском полку, большой концерт с участием В. И. Давыдова, Мичуриной, Лерского и оперных итальянцев. Я была простужена и пела из рук вон.

Государь заметил мое недомогание и, ободряя меня, передал через Алексея Орлова, что сегодня Он особенно мной доволен.

Я до слез была тронута Его чуткостью, но знала, что пою ужасно. Государь долго мне аплодировал. Меня усадили за стол недалеко от Него. Он ободряюще на меня посмотрел.

После меня на эстраду вышел итальянский дуэт.

Государь взглянул в программу, посмотрел на итальянцев и затем на меня.

Голоса итальянских певцов звенели чистым хрусталем, и казалось, что зал не вместит их. Но и после победного финала Государь остался холоден и, похлопав раза два, отвернулся и снова посмотрел на меня, точно желал сказать глазами: „Теперь ты поняла, что хотя ты и безголосая, но поешь родные песни, а они пусть и голосистые, да чужие“.

Я пела много. Государь был слушатель внимательный и чуткий. Когда Государя уже провожали, он ступил ко мне и крепко и просто сжал мою руку:

— Спасибо вам, Надежда Васильевна. Надеюсь, не в последний раз я слушал вас.

Он направился к выходу, чуть прихрамывая, отчего походка Его казалась застенчивой. Его окружили тесным кольцом офицеры, будто расстаться с ним не могли. А когда от подъезда тронулись царские сани, офицерская молодежь бросилась им вслед и долго бежала по улице без шапок, в одних мундирах. Где же вы — те, кто любил Его, где те, кто бежал в зимнюю стужу за царскими санями по белой улице Царского Села? Или вы все сложили свои молодые головы на полях сражений за Отечество? Иначе не оставили бы Государя одного в дни грозной грозы... Вы точно любили его от всего молодого сердца».

Написанные в эмиграции красивые слова об офицерской молодежи, любившей императора, далеки от печальной действительности. Николай II потому и отрекся от престола, что ощутил полное, холодящее сердце одиночество. И ни один офицер русской армии не пришел к нему на помощь весной 1917-го.

«Николай II любил всё русское, — писал Александр Александрович Мосолов, начальник канцелярии Министерства императорского двора. — Я помню его слова, сказанные Надежде Плевицкой, известной и всеми любимой исполнительнице народных песен. После концерта в Ливадии он обратился к ней:

— Я думал, что никто не может быть более русским, чем я сам, но ваше пение доказало мне, что это не так. Я от всего сердца благодарен вам за это открытие».

Отдельно Плевицкую повезли петь для императрицы Александры Федоровны.

«Государь не раз говорил мне о желании Ее Величества послушать меня. Но как-то всё не удавалось.

В Ялте каждый год Государыня устраивала трехдневный благотворительный базар, который всегда заканчивался концертом. В этом концерте я ежегодно участвовала, но Государыня за дни базара так уставала, что на концерте никогда не присутствовала, а посещали его Государь и все Великие Княжны...

В Петербурге я всегда останавливалась в Европейской гостинице.

Вечером, перед началом концерта, уже готовая, я стояла у окна и наблюдала съезд. Длинная вереница экипажей, конец которой был на Невском, медленно двигалась к Дворянскому собранию.

Я смотрела на публику, которая через несколько минут будет разглядывать меня.

Съезд кончался. Я медленно иду через Михайловскую улицу из отеля в собрание. В артистическом подъезде, в неосвещенных углах, на лестнице стоят темные фигуры и суют мне письма — всё просьбы, просьбы.

Вот и белый зал собрания.

Как я любила его, когда он сиял хрусталями люстр и приятно шумел толпой.

Весь первый ряд всегда был занят гусарами.

Царская ложа редко пустовала.

На эстраде я пьянела от песен, от рукоплесканий, и могла ли я думать тогда, что за спиной у каждого из нас стоит призрак ужасный, что надвигается дикая гроза, которая согнет наши спины и выжжет слезами глаза, как огнем.

А в тот приезд в столицу, в одно из воскресений, я получила приглашение от Великой Княгини Ольги Александровны приехать к пяти часам во дворец на Сергиевскую.

По воскресеньям к ней приезжали из Царского Села дочери Государя: Великая Княгиня устраивала у себя племянницам маленькие развлечения.

Когда я приехала, Великие Княжны уже были там и пили с приглашенными чай. Там была блестящая гвардейская молодежь, кирасиры, конвойцы. Была Ирина Александровна, похожая на лилию, и круглолицая принцесса Лейхтенбергская, Надежда.

Великая Княгиня Ольга Александровна подвела меня к юным Княжнам и усадила за чай. Царевны были прелестны всей свежестью юности и простотой. Ольга Николаевна вспыхивала, как зорька, а у меньшей Царевны Анастасии всё время шалили глаза.

Во дворце царили простота и уют, которые создавала сама высокая хозяйка Великая Княгиня.

Когда я увидела ее впервые, мне казалось, что я ее уже давным-давно знаю, давно люблю и что она издавна мой хороший друг. Каждый ее взгляд — правда, каждое слово — искренность. Она сама простота и скромность. Обаяние ее так же велико, как ее царственного брата.

Великая Княгиня старалась делать так, чтобы все забывали, что она Высочество, но она оставалась Высочеством, истинным Высочеством.

На прощанье принц Петр Александрович Ольденбургский просил меня спеть его любимую песню и, растроганный, не зная, как меня благодарить, схватил цветы, украшавшие чайную горку с пирогами, и засыпал землей все торты, все сладости.

Мне памятен этот день во дворце, эти цветы: в тот день я впервые встретила там того, чью петлицу украсил один из этих цветов, того, кто

стал скоро моим женихом (речь идет о поручике Шангине, это особая история, к которой мы еще вернемся. — Л. М.).

22 января 1915 года на полях сражений в Восточной Пруссии пал мой жених смертью храбрых.

Весной я пела в Ливадии.

Я и мои друзья втайне беспокоились, что Государыня не оценит простых русских песен.

В десять часов вечера, после обеда в большом дворцовом зале, я ожидала наверху выхода Их Величеств.

Тогда в Ливадии гостил брат Государыни.

Ровно в десять раскрылись двери, и вошел Государь под руку с Государыней. Ее брат повел Ее к приготовленному креслу, а Государь подошел ко мне. Он крепко сжал мою руку и спросил:

— Вы волнуетесь, Надежда Васильевна?

— Волнуюсь, Ваше Величество, — чистосердечно призналась я.

— Не волнуйтесь. Здесь все свои. Вот постлали большой ковер, чтобы акустика была лучше. Я уверен, что всё будет хорошо. Успокойтесь.

Его трогательная забота сжала мне сердце. Я поняла, что Он желает, чтобы я понравилась Государыне.

Сначала я так волновалась, что в песне „Помню я еще молодухой была“ даже слова забыла. Заремба мне подсказал.

После третьей песни Государыня послала князя Трубецкого осведомиться, есть ли у меня кофе. Все присутствующие знали, что это милость и что я нравлюсь Ее Величеству.

В антракте Государыня беседовала со мной, говорила, что грустные песни Ей нравятся больше, высказала сожаление, что Ей раньше не удавалось послушать меня.

Государыня была величественна и прекрасна в черном кружевном платье с гроздьё глициний на груди.

Государь подошел ко мне с Ольгой Николаевной. Он пошутил над моим волнением, из-за которого я забыла слова, и похвалил Зарембу за то, что он подсказал. Государь сказал, что Он помнит мои песни и напевает их, а Великая Княжна подбирает на рояле мои напевы...»

Императорское внимание дорого стоило. Предвоенные годы — время ее всероссийского успеха. Импресарио Владимир Данилович Резников, который организовывал концерты самому Собинову, был умелым профессионалом. Он устроил Плевицкой гастрольную поездку по всей стране. В том числе она пела в родном Курске в зале Дворянского собрания. Еще один миг торжества!

С помощью Резникова Плевицкая заработала много денег. Богатство изменило ее, Надежда Васильевна стала вести себя уверенно и властно. В Ялте на нее обратил внимание антрепренер Иван Сергеевич Зон и пригласил в Москву.

В Москве она работала в театре «Буфф» у Александра Эдуардовича Блюменталь-Тамарина. Тот принял на работу и совсем еще молодого Владимира Яковлевича Хенкина, который после революции обретет невероятную популярность, будет играть в Театре сатиры и станет народным артистом России. Хенкин забавно пародировал Плевицкую. Пародий удостаивались немногие. Пародировали Плевицкую да Вяльцеву. Это было признание.

Сын директора театра Всеволод Александрович Блюменталь-Тамарин играл в Театре Корша, стал заслуженным артистом республики. В 1941 году, оказавшись в оккупации, сотрудничал с немцами. Выступал по немецкому радио и в СССР заочно был приговорен к смертной казни.

По просьбе командующего войсками Московского военного округа генерала Павла Адамовича Плеве 19 июня 1910 года в саду «Эрмитаж» в Каретном Ряду Надежда Васильевна пела для офицеров Московского гарнизона и ротных запевал.

Журнал «Русский инвалид» опубликовал статью, автор которой писал о «военно-патриотическом творчестве» Плевицкой: «Во многих полках поют почти все песни репертуара Н. В. Плевицкой. Я знаю полки, где есть выдающиеся запевалы; если бы им дать возможность послушать Н. В. Плевицкую... если бы пойти и дальше и дать ей такое же поручение, какое было дано в свое время Андрееву с балалаечниками, если бы талант г-жи Плевицкой хотя бы крупинками передался бы в роты, — какая это была бы ступенька к сердцу солдата».

Философ Федор Августович Степун вспоминал отъезд из Нижнего Новгорода. На вокзале он обратил внимание на необычный ажиотаж вокруг поезда. Знакомый пояснил:

— В этом же вагоне едет Плевицкая; пела она вчера, говорят, замечательно, стулья ломали. Вот наши жеребцы и пришли провожать.

Степун и Плевицкая оказались в одном вагоне.

«Раздались бурные аплодисменты, — писал Степун, — голова Плевицкой появилась, к моему удивлению, в окне соседнего купе. Доктор Струнский поднес первый бокал с шампанским Плевицкой, второй мне и, представив меня Надежде Васильевне, попросил у нее разрешение перейти „философу“ в ее купе: „В одной раме удобнее чувствовать наших знаменитостей“».

Свисток. Поезд тронулся. Провожавшие горячо благодарили Плевицкую:

— Спасибо, спасибо, никогда не забудем, приезжайте скорее опять!

«Когда платформа исчезла из глаз, — продолжал Федор Степун, — я, откланявшись, собрался было вернуться в свое купе, но Плевицкая, познакомив меня со своим мужем, маленьким невзрачным человеком, и со своим восточного вида аккомпаниатором Зарембой, предложила посидеть вместе. Я охотно согласился на предложение знаменитой песельницы, о сказочной карьере которой (деревенская нищета, монастырь, выступление на Нижегородской ярмарке, случайная встреча с Собиновым — и в результате всероссийская известность чуть ли не в три месяца) я уже много слышал...

Посидев с нами с полчаса, муж Надежды Васильевны выдал ей, что меня очень поразило, три рубля на ужин и завалился на верхнюю полку спать. Поначалу я больше говорил с Зарембой. Плевицкая, думая о чем-то своем, как будто рассеянно прислушивалась к нашим соседям. Но вдруг она с живостью, свойственной всему ее существу, спросила меня, какую науку я читаю. Я ответил, что философию.

— Философию, — повторила она и, помолчав, прибавила: — Что такое философия, я, по правде сказать, не очень знаю, но только философа я себе не таким представляла, как вы. Думала почему-то, что все они старые, бородатые, очкастые и пальцем перед носом грозят. — И она забавно приставила палец к своему носу. — Так что же это такое, ваша философия, расскажите, авось пойму.

Я начал рассказывать просто, но серьезно. Она слушала очень внимательно, повороты и переходы моей мысли ясно отражались в ее умных глазах под слегка наморщенным лбом.

— Очень вы хорошо рассказываете, чаще такое бы слушать, оно и петь можно было бы лучше; ведь я в темноте выросла... и хорошо вы со мной говорите. Сейчас мужчины за мной, как слепни, увиваются, всем я нужна, а никому до меня дела нету. А вы до души внимательны, и легко с вами. Может, зашли бы как-нибудь ко мне, очень буду рада еще поговорить с вами».

В 1913 году писатель Александр Иванович Куприн слушал Плевицкую в Эссентуках, где она пела перед отдыхающими в одном из санаториев: «Прежде всего запоминается ее характерное русское лицо с яркими глазами и широкой улыбкой... В Плевицкой прежде всего, на мой взгляд, ценна общая безыскусственность, как бы натуральность исполнения. Приятно увидеть характерные русские глаза, широкую русскую улыбку, приятно

услышать простую „доподлинную“ русскую речь, деревенскую песню и широкий безудержный русский крик — именно крик мне больше всего и нравится в Плевицкой».

Гонорары росли. Она обзавелась квартирой в Санкт-Петербурге. Возле родной деревни Винниково приобрела большой участок земли с лесом и построила дом-терем, как она его называла, из красного дерева.

Приобщилась к стремительно завоевывающему сердца зрителей кинематографу. В 1915 году ее сняли в двух фильмах — «Власть земли» и «Крик жизни». Актер и режиссер (будущий народный артист СССР) Владимир Ростиславович Гардин описывал, как съемочная группа приехала к Плевицкой в Винниково: «Простой деревянный дом в русском стиле, прекрасно обставленные комнаты. Чисто, уютно и сытно. Актеры довольны, работают скоро и дружно, по вечерам концерты. Плевицкая щедра, очень любит петь».

Владимир Гардин играл вместе с Надеждой Васильевной: «Плевицкая работала с забавным увлечением. Она совершенно не интересовалась сценарием, ее можно было уговорить разыграть любую сцену без всякой связи с предыдущей. Мы всячески поощряли это ее увлечение, так как необходимость заснять ее одновременно для двух разных картин диктовалась большой суммой гонорара, да и любопытно было проследить, как в эстрадной певице рождается актриса».

Сниматься ей понравилось. И съемочная группа пришла по душе. Надежда Васильевна была гостеприимной хозяйкой. Она говорила:

— Довольно, хватит на сегодня. Идем обедать. После обеда буду петь вам новые романсы.

«Она кроме голоса владеет широким эмоциональным диапазоном, — вспоминал Владимир Гардин. — Ни одной пустой фразы, вся песня окрашена переживанием».

Режиссировал обе картины с ее участием Николай Петрович Маликов, артист и сценарист, который одним из первых всерьез увлекся кинематографом. После революции он эмигрировал в получившую независимость Латвию, служил в Рижском театре русской драмы.

Критики отмечали артистизм, актерскую выразительность Плевицкой, ее мимику и жестикуляцию, улыбку, горящие глаза. Репертуар стал шире и серьезнее: «Дубинушка», «Есть на Волге утес», «Славное море, священный Байкал», «Раскинулось море широко». «Варяг», «Ухарь-купец», «Стенька Разин и княжна», «Помню, я еще молодухой была», «Когда я на почте служил ямщиком».

Она пела и песни, которые сейчас мало известны: «Эх ты, доля моя,

доля», «Умер бедняга в больнице военной», «Мучит, терзает головушку бедную», «Когда на Сибири займется заря», «Среди лесов дремучих», «Шумел, горел пожар московский», «Сухой бы я корочкой питалась», «Маруся отравилась».

Помимо признанного городского фольклора Плевицкая привнесла на эстраду те песни, которые выучила в детстве.

«Эта песня нам дорога, — писала она, — и многие из них, самые для нас драгоценные, я не выношу на эстраду из боязни, что люди их не поймут. Они многое говорят мне, которую мать родила на жатве, под песни жниц, но ничего не скажут публике».

Первая мировая война изменила и вкусы публики, и репертуар Плевицкой. Критики отметили, что именно с 1914 года она начинает петь деревенские песни — «Лучинушку», «Во пиру была», «Ты взойди, солнце красное».

Смерть рядом

Надежда Васильевна была женщиной влюбчивой. У великой княгини Ольги Александровны она встретила поручика лейб-гвардии Кирасирского полка Владимира Антоновича Шангина, происходившего из родовитой семьи и отмеченного Георгиевским крестом за Японскую кампанию, на которую он отправился добровольцем. Когда началась Первая мировая война, Шангин, едва окончив Николаевскую академию Генерального штаба, попросился на фронт. Служил в штабе 73-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся в Ковно.

Крупнейший импресарио того времени Василий Николаевич Афанасьев (настоящее имя Смарагд Николаевич Севастьянов, прежняя профессия — слесарь паровозного депо) наблюдал за развитием их романа:

«Плевицкая встретила с тихим, маленьким офицером, молчаливо страдавшим от страшной раны, полученной в бою. Он был из Петербурга, из дворянской семьи. В этот период жизнь с Эдмундом Плевицким уже дала трещину, возможно, в связи с его нетрадиционной ориентацией. Выстрадав неожиданный разрыв, он не смог окончательно порвать с Плевицкой и остался около нее близким другом и помощником в работе.

Плевицкая стала женой маленького офицера-дворянина, полюбив его со всей силой своей глубокой натуры. Он отвечал ей таким же сильным, но безмолвным и сжигавшим его чувством. Будучи ее помощником и другом, я часто видал, как Надежда Васильевна подолгу смотрела на него с каким-то особенно мягким блеском своих неугасимо-прекрасных глаз».

Когда разразилась мировая война, Плевицкая стала сестрой милосердия, эта трагическая часть жизни тоже описана в ее воспоминаниях:

«А чистое небо синее, а солнце играет. И с посвистом песни несутся лихие, и прячут печаль друг от друга солдаты. А смерть подкольной змеей подползает и храбрых костлявым перстом отмечает.

Так с песней лихою шли в бой храбрецы, над их головами сияли венцы.

После ночлега в маленьком городке дивизия двинулась в Вержболово, откуда была слышна оружейная пальба.

Я стояла у дороги и бросала проходившим солдатам пачки папирос, закупленные в местечке. Я смотрела, как радовались солдаты, будто маленькие дети, и как ловили пачки на лету. А некоторые подбегали ко мне

и, не угадывая во мне женщину, просили:

— Ваше благородие, дозвоьте коробочку, а то ребята не дают, обижают.

Идут, идут колонны, идут туда, где ад кипит, под дождь стальной, идут в огонь.

Упасть бы на землю, поклониться бы им всем.

Поклониться смелым за храбрость, за удаль, кротким за кротость, за послушание.

Вы, все мои братья, вы, все дорогие, родимые.

Все ближе рвутся снаряды.

Сумерки. Дивизия вступила в бой.

В поле стал штаб дивизии. Дивизионный лазарет развертывался в двух верстах от штаба. Раненых еще не было, мы ждали их, сидя на соломе в душной и тесной избе.

В два часа ночи раненых привезли. Санитар обносил их огромным чайником с кипятком, и я поила и, кому можно было, давала коньяк, который потихоньку стащила у доктора. Я, грешная, думала, что рюмка коньяку была необходима человеку, который только что вырвался из огня, — потрясенный, в крови.

На залитых кровью людей невыносимо было глядеть. Все силы напрягла, чтобы быть спокойной. Мученические глаза, — вовеки их не забуду».

Она поступила сиделкой в лазарет в Ковно — поближе к части, где служил поручик Владимир Шангин: «Я обслуживала палату на восемь коек. Дежурство мое было от восьми утра до восьми вечера. К нам поступали тяжелораненые, которые нуждались в немедленной помощи. Временами устраивались концерты, наверху в офицерском отделении. За неимением платьев я концертировала в голубеньком сестринском наряде. А иногда мои песни требовались как лекарство».

Счастье оказалось недолгим. Во время отступления русской армии любимый мужчина Надежды Плевицкой погиб 22 января 1915 года в Восточной Пруссии, получив ранение в живот. Она приехала, когда его уже похоронили. В документах Генерального штаба Владимир Антонович Шангин значится попавшим в плен или пропавшим без вести.

В том же году умерла и ее мать — Акулина Фроловна.

Надежда Васильевна не хотела оставаться одна. Следующим ее мужем стал Юрий Левицкий, сын генерал-майора Георгия Александровича Левицкого, командира 73-й пехотной дивизии, в которой служил поручик Шангин. После революции генерал Левицкий воевал за белых, он умер от

тифа в 1920 году.

«Плевицкая принесла с войны усугубленную скорбь, порой мучительную суровость укора. Трагизм ее чувства стал еще тоньше, одухотвореннее», — отметил следивший за ее творческой судьбой Александр Кугель.

Через несколько месяцев после гибели любимого человека она пела в Михайловском театре на благотворительном концерте в пользу семей, потерявших на фронте кормильца. Пела трогательно. Военный министр генерал Владимир Александрович Сухомлинов пришел ее поблагодарить.

Революция и Гражданская война разрушили ее жизнь. Дочь крестьянина из Курской губернии, Надежда Васильевна своим талантом и трудом добилась невероятного успеха. Она стала одной из самых знаменитых в России певиц. Ее приглашали ко двору. Баснословные гонорары позволяли ей удовлетворять любую прихоть. Она обожала бриллианты. Гардероб обходился ей в немалые суммы. Она привыкла к роскоши. И вдруг всё исчезло.

Осенью 1917 года Плевицкая поехала в Ялту гастролировать. Много лет ей аккомпанировал Александр Михайлович Заремба, автор песни «Шумел, горел пожар московский». Со временем его сменил Валентин Яковлевич Кручинин, тоже будущий композитор.

До революции Плевицкая не проявляла левых взглядов. Скорее была близка к монархистам и черносотенцам из Союза русского народа. Хотя на самом деле политика ее мало интересовала.

В ее мемуарной книжке прямо написано: «О политике знать не знала, ведать не ведала, а о партиях разных и в голову не приходило, что такие есть. А как я в политике не торовата, достаточно сказать то, что, когда слышала о партии кадет, улавливала слово „кадет“ и была уверена, что идет речь об окончивших кадетский корпус».

После революции Надежда Васильевна держалась осторожно. Выбирать аудиторию не приходилось, пела и перед бойцами Красной армии.

Весной 1918 года она вновь оказалась в родном Курске. Местные газеты оповестили: «В театре Пушкинского сада состоится последний в текущем сезоне концерт артистки-курянки Н. В. Плевицкой, которая на этот раз включила в программу хороводные песни, записанные в родном ей селе Винникове».

Она побывала в Одессе. Участвовала в концертах, которые в приморском городе устраивала Изабелла Яковлевна Кремер, блиставшая в опере и оперетте. В 1919 году Кремер эмигрирует во Францию. На год

раньше Плевацкой. Рассказывали, будто в Одессе у Надежды Васильевны случился короткий роман с сотрудником местной ЧК. Не представляется возможным ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию. Одиночества она точно не переносила, рядом всегда должен быть мужчина.

В том же 1919 году, во время одной из фронтовых поездок, Плевацкая попала в плен к белым. Ее жизнь полностью переменялась, хотя поначалу она этого не сознавала.

С пленными в Гражданскую войну обращались жестоко, так что всё могло закончиться трагически. Но когда она назвалась, ее отвели в штаб. Среди офицеров нашлись поклонники ее творчества. Немедленно был устроен концерт. И Надежда Васильевна впервые пела для белой армии.

Ею был буквально очарован молодой командир корниловцев Николай Владимирович Скоблин. Немалая разница в возрасте — Плевацкая была значительно старше — не помешала Скоблину по уши влюбиться и завоевать ее руку и сердце.

Надежде Васильевне было лестно внимание командира старейшего и самого знаменитого полка белой армии. О корниловцах ходили легенды. Особенно о психических атаках: солдаты и офицеры в черных гимнастерках с черно-красными погонами ровными цепями шли на противника, молча, не стреляя, оцетинясь штыками... Это был новый для нее мир со своими героями и мучениками. В кровавую Гражданскую войну переплелись судьбы героев этой книги.

В кругу корниловцев

Николай Владимирович Скоблин родился 9 июня 1893 года в Нежине. Сын полковника в отставке. Окончив Чугуевское военное училище в 1914 году, поступил прапорщиком в 126-й пехотный Рыльский полк. Сразу попал на войну. Потому ни влюбиться, ни жениться не успел. Надежда Васильевна стала его первой настоящей любовью.

Тридцатого декабря 1915 года подпоручик Скоблин был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени «за мужество и храбрость»: поднял свою роту в штыковую атаку на австрийцев. Доблести и смелости ему было не занимать. Получил золотое георгиевское оружие. Ежегодное повышение в звании свидетельствовало о его военных талантах. 1917 год Скоблин встретил штабс-капитаном.

Девятнадцатого мая 1917 года генерал Лавр Георгиевич Корнилов, только что принявший 8-ю армию, создал из добровольцев 1-й ударный отряд. После Февральской революции вооруженные силы России разваливались на глазах. А Корнилову нужны были солдаты, умеющие и желающие сражаться. Война против Германии и Австро-Венгрии продолжалась. Невероятно популярный тогда генерал сам попросился из столичного военного округа на Юго-Западный фронт.

Штабс-капитан Скоблин вступил в ударный отряд 8-й армии. Корниловцы прорвали австрийский фронт и успешно наступали. 1 августа отряд переформировали в Корниловский ударный полк. Молодого офицера Скоблина отличал командир полка подполковник Митрофан Осипович Неженцев, выпускник Николаевской академии Генерального штаба. Назначил Скоблина командиром 2-го батальона.

Не знаю, часто ли Николай Владимирович рассказывал жене о своих военных подвигах. Но ему было чем поделиться. Он был одним из самых ярких и заслуженных офицеров Белого движения.

В конце сентября 1917 года Корниловский полк должны были перебросить из Киева на Кавказский фронт. Неженцев выехал вперед. Полк готовился к погрузке в эшелоны. Обоз подтягивался к станции, когда Скоблин, оставшийся вместо Неженцева, получил приказ остановить погрузку. Скоблин исполнил приказ неукоснительно: немедленно довел его до всех батальонов, растянувшихся в пути. И вовремя! Ночью были взорваны склады артиллерийских снарядов. От железнодорожной станции и от поездов ничего не осталось. Охранявшая склад рота и станционные

служащие погибли. Очевидцы вспоминали: не сумей Скоблин вовремя остановить полк, никто из корниловцев не остался бы в живых (подробнее см. сборник воспоминаний «1918 год на Украине»).

Как и многие другие офицеры-добровольцы, после революции Скоблин связал свою судьбу с Корниловым.

Лавр Георгиевич Корнилов — один из самых знаменитых генералов русской армии. Он был выходцем из низов. В его случае это означало, что он был крайне амбициозным и хотел во что бы то ни стало вырваться наверх. Офицером он был энергичным, смелым, но склонным к авантюризму.

Он безоговорочно принял Февральскую революцию и лично арестовал императрицу Александру Федоровну и ее детей. В июле 1917 года популярного военачальника Временное правительство утвердило Верховным главнокомандующим. А всего через месяц с небольшим генерал от инфантерии Корнилов, возмущенный хаосом и анархией в стране и армии, потребовал от главы Временного правительства Александра Федоровича Керенского отдать ему власть, обещав навести в России порядок.

Ничего из Корниловского мятежа не вышло. Никто его не поддержал. Лавр Георгиевич, человек эмоциональный, импульсивный и прямолинейный, и мятежником оказался спонтанным, плохо подготовившимся.

Смещенного с поста главкома Корнилова доставили в Могилев. В гостинице «Метрополь» держали под домашним арестом. А через несколько дней переправили в городок Быхов. Поместили в мрачном и неуютном здании бывшей женской гимназии. Удивительным образом здание сохранилось. Несколько лет назад, снимая фильм о Корнилове, я его нашел и долго ходил по опустевшим коридорам.

Большевики и радикально настроенные солдаты требовали судить корниловцев. Но в Быхове им ничего не угрожало. Лавра Георгиевича и других генералов, смещенных с должности «за попытку вооруженного восстания», охраняли преданные Корнилову кавалеристы-текинцы и георгиевские кавалеры. Для них он оставался «Верховным».

Внутри тюрьмы арестованные передвигались вполне свободно. Среди них был и Антон Иванович Деникин, которому суждено будет вести с большевиками долгую Гражданскую войну. Жена Деникина вспоминала: в камере два окна, между ними столик, два стула, кровати заправлены солдатскими одеялами. Корнилова держали рядом. Генерал ел в камере и по несколько дней не выходил на прогулку. Хотел, чтобы тюремщики

привыкли к его отсутствию. Он готовился бежать.

Разместили генералов с относительным комфортом. Из ставки прислали повара, который им готовил. Кормили арестованных на первом этаже. Туда же по субботам приходил батюшка. А на втором этаже, в самой просторной камере № 6, они собирались вечерами. Жена Деникина приносила бутылку водки. Но пили немного. В основном спорили и говорили. Как вспоминал Деникин, разговоры сводились к одному и тому же мучительному и больному вопросу о причинах русской смуты и о способах ее прекращения.

Ранним утром 19 ноября 1917 года в Быхов прибыл полковник Павел Кусонский, в ту пору помощник начальника оперативного отделения в управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего. Полковника прислали предупредить Корнилова и его сторонников о приближении большевиков:

— Всем необходимо покинуть Быхов.

Вечером пять генералов бежали. Четверо — Антон Иванович Деникин, Сергей Леонидович Марков, Иван Павлович Романовский, Александр Сергеевич Лукомский — с документами на чужое имя поехали в Новочеркасск по железной дороге. Вскоре они займут командные посты в Добровольческой армии.

Корнилов покинул Быхов последним. В полночь построили караул. Генерал вышел. Поблагодарил солдат за службу, вручил им две тысячи рублей наградных, сел на коня и уехал. Солдаты проводили его криками «ура!».

Наверное, Николай Владимирович Скоблин рассказывал Плевицкой, как он вступил в Добровольческую армию в казачьей столице — городе Новочеркасске. Сюда со всей страны устремились офицеры, кадеты, юнкера, не признавшие октябрьский переворот в Петрограде. Они надеялись превратить Юг России в оплот борьбы с большевиками. Верили в монархизм казаков.

Можно считать, что Гражданская война началась 2 ноября 1917 года, когда в Новочеркасск прибыл недавний Верховный главнокомандующий русской армией генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев. Он обещал сформировать Добровольческую армию, которая восстановит в России законную власть.

В декабре 1917-го в гостинице «Европейская» не осталось ни одного свободного номера. Здесь, как выражался генерал Деникин, разместился штаб контрреволюции — генералы, съехавшиеся со всей России, чтобы поднять вооруженное восстание против большевиков. Организацию

восстания взял на себя генерал Алексеев. Но ему не доставало популярности в войсках.

Растерянное офицерство взирало с надеждой на Лавра Георгиевича Корнилова. Именно он стал притягательной силой для молодых офицеров, таких как Николай Скоблин. Генерал Алексеев передал Корнилову непосредственное командование Добровольческой армией, а сам занялся материальным обеспечением армии и политическими делами.

Алексеев, который еще недавно распоряжался миллиардным военным бюджетом Российской империи, бегал по всему городу, чтобы найти десяток кроватей, несколько пудов сахара, обогреть, накормить и приютить бездомных офицеров. 16 ноября 1917 года, почти сразу после того, как власть в центре России перешла к большевикам, в Новочеркасске под видом слабосильной команды — то есть команды выздоравливающих — сформировали первую белую часть, сводную офицерскую роту, которая наполовину состояла из юнкеров и студентов.

В декабре образовали еще несколько офицерских рот, которые впоследствии развернули в батальоны. 27 декабря первые офицерские формирования стали называться Добровольческой армией. Хотя какая это была армия — всего несколько тысяч человек!

Восхищавшаяся белой армией Марина Ивановна Цветаева писала:

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая...
Старого мира — последний сон:
Молодость — Доблесть —
Вандея — Дон...
И в словаре задумчивые внуки
За словом «долг» напишут слово «Дон».

Восемнадцатого января 1918 года в Новочеркасске в кабинете помощника атамана Войска Донского Митрофана Петровича Богаевского, главного идеолога и выразителя казачьих интересов, Алексеева прямо спросили:

— Скажите, генерал, откуда вы получаете средства для существования?

— Средства главным образом национального характера и добываются путем добровольного пожертвования от частных лиц, — ответил Алексеев.
— Кроме того, не скрою от вас, что некоторую поддержку мы имеем от

союзников, ибо, оставаясь верными до сих пор союзным обязательствам, мы тем самым приобрели право на эти с их стороны поддержки...

На самом деле союзники по Антанте выделили сущие гроши, хотя были заинтересованы в Белом движении, которое обещало продолжить войну против Германии. В январе 1918 года Алексеев получил от французской военной миссии 305 тысяч рублей. Англичане и на это не расщедрились. Зато Донское правительство выделило 14 миллионов.

Из них шесть миллионов дал только что избранный донским атаманом Алексей Максимович Каледин, талантливый военачальник. В Первую мировую войну генерал Каледин участвовал в знаменитом Луцком прорыве, который при советской власти стал именоваться Брусиловским (поскольку генерал Алексей Алексеевич Брусилов перешел на сторону большевиков). Каледин взял Луцк. Командующий фронтом Брусилов телеграфировал ему: «Слава и честь армии с Вами во главе. Не нахожу слов благодарности за беспримерную быструю решительную боевую работу... Низко кланяюсь славным частям Вашей армии».

Сослуживцы считали Каледина честным, смелым, упрямым и немного угрюмым.

Насколько он был успешен в военной карьере, настолько же несчастлив в личной жизни. Его единственный сын в 12 лет утонул, купаясь в реке.

Неизвестно, появилась ли бы белая армия, если бы на просьбу «дать приют русскому офицерству» не откликнулся атаман Войска Донского генерал Каледин. На донские деньги и приобреталось оружие. В 1918 году рубль еще был конвертируемым — наследие крепкой и стремительно развивавшейся экономики Российской империи. А вот весной 1919 года западные страны перестанут принимать рубли, которые обесценились после прихода к власти большевиков и начала Гражданской войны. Для покупки оружия и снаряжения понадобится валюта (см.: Отечественная история. 2008. № 3).

Каледин писал жене: «Ты знаешь, как я всегда сердился, когда ты (еще до войны) начинала мечтать о моей карьере, повышении и т. д. Разве, милая, недостаточно того, что судьба нам послала? Не следует ее искушать и говорить еще о чем-нибудь... Мое имя, сделавшее всероссийский шум, скоро совершенно забудется. Я не буду в претензии, лишь бы Бог дал мне успешно выполнить мою задачу (даже маленькую) до конца и лишь был бы общий успех наших армий. Поэтому, дорогая, мечтай только об этом и, пожалуйста, не возмечтай, что твой муж какая-то особая птица, а ты, его жена, важная дама».

Атаман Каледин покончил с собой 29 января 1918 года. В атаманском дворце в Новочеркасске я стоял в небольшой комнате напротив его рабочего кабинета, где он застрелился, и думал: почему он это сделал?

Боевого генерала не назовешь слабохарактерным и излишне впечатлительным. Он не захотел участвовать в братоубийственной войне. Надо отдать ему должное — он предпочел умереть сам, нежели отдавать приказы убивать соотечественников, чем с таким удовольствием занимались многие вожди Гражданской войны.

Митрофана Богаевского расстреляли большевики. Его брат Африкан Петрович служил в лейб-гвардии Атаманском полку. Вступил в Добровольческую армию. После бегства генерал-лейтенанта Петра Николаевича Краснова в Германию стал последним Донским атаманом. Скоблин и Плевицкая встретят Богаевского в Париже.

Генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков возглавил сводно-офицерский полк, в который вошли три офицерских батальона, ростовская офицерская рота, 3-я Киевская школа прапорщиков, морская рота, ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии.

Марков в японскую войну получил пять орденов, преподавал в Академии Генштаба, в Первую мировую вырос от начальника разведывательного отделения до начальника штаба Западного фронта. Он был человеком прямым и откровенным, повторял:

— Дело военное — дело практическое, никаких трафаретов, никаких шаблонов.

Корнилова называли сердцем Добровольческой армии, Алексеева — ее умом, Маркова — шпагой. Сергей Леонидович будет убит под станцией Шаблиевской в 1918 году. Его именем назовут 1-й офицерский полк.

Отношения Корнилова и Алексеева не сложились. Михаил Васильевич считал Корнилова молодым офицером, сделавшим слишком быструю карьеру. Лавр Георгиевич не мог забыть, что генерал Алексеев летом 1917-го арестовал его после неудачного мятежа. Не понимал, что тем самым Алексеев спас его от расправы...

Поначалу казалось, что Белое движение нигде не встречает поддержки. Скоблин рассказывал Плевицкой: офицеров-добровольцев было так мало, что они не представлялись надежной силой, к которой хочется присоединиться.

Офицерские части формировали в Новочеркасске. Но в казачьей столице белые не удержались. Нежелание казаков сражаться с наступающими красногвардейцами вынудило генерала Корнилова в середине января 1918 года перевести все добровольческие формирования в

Ростов, но и там рабочее в основном население враждебно встретило офицеров.

Пришлось покинуть город. Отряды добровольцев шли через казачьи станицы. Призывали казаков присоединиться к походу против советской власти. Безуспешно! Скоблин помнил, как возникла другая идея: если донцы не желают воевать с большевиками, может, поднять кубанцев?

Корнилов приказал пробиваться на Кубань. Шли пешком. Переход был невыносимо тяжелым, пробивались с боями. Добровольческая армия выработала такую тактику: фронтальная атака густыми цепями при слабой артиллерийской поддержке, не хватало ни орудий, ни снарядов. Плохо обученные красные части не выдерживали яростной атаки и отходили.

Ночью, в чудовищную погоду, в снегопад отряд Корнилова переправился по реке, покрывшейся льдом, и штыковой атакой выбил красных, которые не ожидали появления противника. Этот переход от аула к станице Ново-Дмитровской длиной в 15 верст занял восемь часов и вошел в историю как Ледяной поход. Выжившие вспоминали его как ад.

«Во время марша погода быстро менялась, — объясняют историки, — мелкий холодный дождь перешел в мокрый снег, а после полудня температура резко опустилась ниже нуля, и в степи бушевала настоящая метель. Насквозь мокрая одежда превращалась в ледяной панцирь» (см.: Вопросы истории. 2006. № 6).

Первый Кубанский поход начался 23 февраля 1918 года, так что первопоходники отмечали этот день вместе с красными, которые праздновали день Красной армии. В этом историческом походе участвовал и Николай Скоблин.

Добровольцы были в основном офицерами военного времени, не кадровыми военными служащими. Недавние гимназисты, студенты, юнкера, они были романтически настроены, считали себя особой кастой, элитой армии. И даже новыми крестоносцами, Первый Кубанский поход именовали крестовым.

Добровольцы вышли к Екатеринодару (ныне Краснодар), но выяснилось, что они опоздали: в городе большевики. Корнилов был невероятно популярен среди молодежи в военной форме, среди таких как Скоблин. Николай Владимирович верил в звезду Лавра Георгиевича. Корнилова многие называли выдающимся полководцем и крупным политиком, но он не был ни тем ни другим. Он принял несколько губительных для Добровольческой армии решений. Лавру Георгиевичу не удалось ни одно из тех предприятий, за которые он брался. Генерал потерпел поражение и в политике, и на поле брани.

Со своей небольшой армией Корнилов осадил Екатеринодар. Ему противостояли значительные силы красных. Три дня шли жестокие бои. От Добровольческой армии осталась половина. Корнилов, не считаясь с потерями, требовал продолжать штурм, хотя офицеры считали, что нужно отступить и спасти армию.

Что мешало ему отвести войска? Упрямство? Нежелание признать свою ошибку? Лавр Георгиевич стоял на своем.

Офицеры возмутились:

— Корнилов угробит всю армию!..

Антон Иванович Деникин, оставшись с Корниловым наедине, спросил:

— Лавр Георгиевич, почему вы так упорствуете?

Командующий обреченно ответил:

— Выхода нет, Антон Иванович. Если не возьмем Екатеринодар, пуцу себе пулю в лоб.

— Этого вы не можете сделать, — возразил Деникин. — Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурма отступить нам едва ли удастся.

— Вы выведете.

Деникин встал и пафосно произнес:

— Ваше высокопревосходительство! Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армии — она погибнет.

Антон Иванович ошибся. Как раз смерть Корнилова дала шанс Добровольческой армии.

Штаб Корнилова находился в доме, который принадлежал Екатеринодарскому сельскохозяйственному обществу. Дом сохранился! Я его нашел. Утопая в непролазной грязи, подошел поближе. Ни мемориальной доски, ничего! Я не большой поклонник Лавра Георгиевича, но он сыграл немалую роль в истории России. И его смерть на берегу реки Кубани — тоже событие исторического значения. Я стоял у этого дома, представляя себе, как всё это произошло...

Был восьмой час утра, когда снаряд, выпущенный красной артиллерией, попал в дом. В соседней с корниловской комнате была перевязочная. Там офицеры пили чай. Когда посыпалась штукатурка с потолка, решили, что снаряд разорвался под окном. Только потом сообразили, что снаряд угодил точно в комнату командующего.

«В комнате ничего не было видно от дыма и пыли, — рассказывали

очевидцы. — Мы принялись расчищать ее от обломков мебели, и нашим глазам представился Корнилов. Недалеко от виска была небольшая ранка — на вид неглубокая, на шароварах большое кровавое пятно».

Снаряд разорвался прямо под столом, за которым сидел Корнилов. Его подбросило вверх, ударило о печку. Лавра Георгиевича вытащили в коридор.

— Неужели убит?

— Без чувств, но дышит.

«Корнилов лежал беспомощно и недвижимо; с закрытыми глазами, с лицом, на котором как будто застыло выражение последних тяжелых дум и последней боли. Дыхание становилось всё тише...»

Умиряющего Корнилова на носилках вынесли на берег Кубани. Он еще дышал, кровь сочилась из небольшой ранки в виске и из пробитого правого бедра. Антон Иванович Деникин склонился над ним. Глаза Корнилова были закрыты. На лице выражение мученической боли.

Вокруг носилок с телом Корнилова в скорбном молчании замерли офицеры. Это произошло 31 марта (13 апреля по новому стилю) 1918 года. Смерть командующего пытались скрыть, но безуспешно.

Один-единственный снаряд попал в дом Корнилова. Именно в его комнату. И убил его одного! Мистический страх распространился в армии. Слухи, один тревожнее другого, ходили среди добровольцев. О приближении превосходящих сил противника. О неминуемом окружении.

— Всё кончено, — обреченно говорили добровольцы.

Для них с Корниловым были связаны и идея борьбы, и вера в победу, и надежда на спасение! Когда его не стало, многие решили, что Белое дело проиграно.

Лавра Георгиевича следовало похоронить с воинскими почестями. Но где и как? Добровольцы отступали. Станичный священник дрожащим голосом отслужил панихиду, гроб засыпали сеном и повезли в обозе армии.

«В одном из боев я был контужен и попал в армейский лазарет, — вспоминал один из добровольцев. — Вдруг по лазарету пробежала с плачем сестра милосердия, больные повскакивали с постелей, желая узнать, в чем дело. И мы узнали — Корнилов Лавр Георгиевич, отец наш, убит. Все начали плакать... Мы выехали по направлению к Дону. Здесь мы увидели повозку с гробом Корнилова и его верных текинцев в мохнатых шапках. Я был погружен в думы, что теперь будет с армией, с нашей бедной Россией».

Ночью 2 апреля гроб с телом командующего закопали. Рядом зарыли его друга полковника Неженцева. Первый командир Корниловского ударного полка Митрофан Осипович Неженцев, участник Ледяного похода,

погиб 30 марта во время штурма Екатеринодара. Для Скоблина это был двойной удар.

Могилу сровняли с землей, чтобы нельзя было найти. План захоронения составили в трех экземплярах, чтобы после победы, вернувшись, проводить командующего в последний путь со всеми почестями. Те, кто тайно предал тело Корнилова земле, по-разному называют место, где они зарыли цинковый гроб: Гначдау или Гнабау...

На самом деле это одно и то же место. Его больше нет на карте. Большую немецкую сельскохозяйственную колонию в начале 1920-х годов переименовали. Теперь это село Долинское. Я побывал там, чтобы лучше представить себе, как всё это происходило...

Лавру Георгиевичу нравилось, когда его именовали героем-вождем. Вокруг него объединились офицеры, поклонявшиеся ему как «духовному диктатору». Они были готовы отдать за него жизнь. Но сберечь его могилу не смогли. На следующий же день появились отряды красных. Они обратили внимание на свежие могилы (или кто-то донес). Вечером 3 апреля могилу Корнилова раскопали, гроб погрузили на подводу и повезли в Екатеринодар.

Соратник Корнилова по Добровольческой армии генерал Алексеев считал, что он — «опасный сумасброд, человек неуравновешенный и непригодный на первые роли». Возможно, это так, но судьбе генерала не позавидуешь. В том числе и посмертной судьбе. Тело Корнилова доставили в Екатеринодар. Уже мертвого попытались повесить на балконе. Полное безумие! Ничего не получилось. Тело оборвалось и упало. Это была жестокая и варварская месть. Большевики знали, что сказал генерал Корнилов 1-му офицерскому батальону:

— Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом беру я на себя.

Останки генерала Корнилова сожгли на площади. Его смерть стала потрясением для добровольцев. Но и спасением. Штурм города, на котором настаивал Корнилов, закончился бы полным разгромом, и Белое движение погибло бы, не родившись. Возможно, Гражданская война не приобрела бы таких масштабов.

Но генерал Алексеев, как верховный руководитель Добровольческой армии, передал командование Антону Ивановичу Деникину. Спасая армию, тот приказал отступить, Гражданская война продолжилась.

В станице Мечетинской генерал Алексеев устроил смотр Добровольческой армии, вышедшей из похода. Молодые офицеры с

любопытством смотрели на маленького сухонького старичка в кубанке. Этот старичок в очках с тихим голосом еще недавно командовал крупнейшей в мире армией Российской империи, а теперь вел куда-то в степь всего четыре тысячи добровольцев.

— В царской армии, — ностальгически напомнил Алексеев, — насчитывалось четыреста тысяч офицеров. Даже если теперь к нам придет десятая часть — сорок тысяч, а к ним мы еще соберем шестьдесят тысяч солдат, у нас будет сто тысяч человек, а стотысячной армии достаточно, чтобы спасти Россию.

«У единственного портного станицы Мечетинской образовалась „генеральская“ очередь, — вспоминал Александр Рудольфович Трушнович, командовавший пулеметной ротой в Корниловском полку. — Первым заказал себе брюки генерал Деникин. Вторым, минуя генералов, полковник Кутепов».

Генерал Деникин, крайне щепетильный в личной жизни, ходил в дырявых сапогах и больше всего боялся обвинений в расточительности. Он смог прилично одеться, когда англичане прислали обмундирование для всей белой армии.

«Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными со значительной проседью усами, грубоватым низким голосом» — таким Деникина запомнили первопоходники.

Если большинство вождей революции происходили из дворянских или как минимум из хорошо обеспеченных семей, то отец Деникина, Иван Ефимович, был крепостным крестьянином в Саратовской губернии. Антон Иванович поступил в Киевское юнкерское училище. Военную карьеру выбрал под влиянием отца, рано ушедшего из жизни. Учеба была суровой. Юнкеров кормили и одевали как солдат, платили им солдатское жалованье — двадцать две с половиной копейки в месяц.

Во время Русско-японской войны Антон Иванович написал рапорт с просьбой отправить его на передовую. Его назначили начальником штаба дивизии, но он рвался в бой. Несколько раз сам поднимал солдат в атаку. В Первую мировую Деникин получил под командование 4-ю бригаду, которую в 1915 году развернули в дивизию. Антон Иванович удостоился Георгиевских крестов 3-й и 4-й степени, георгиевского оружия с бриллиантами — редкая награда за личный подвиг.

Он служил в 8-й армии, в которой по странному стечению обстоятельств собрались едва ли не все будущие вожди Белого движения: сам Деникин, Алексей Максимович Каледин, Лавр Георгиевич Корнилов,

Сергей Леонидович Марков...

Скоблин рассказывал Надежде Васильевне, как, приняв командование Добровольческой армией, в станице Егорлыкской Деникин провел офицерское собрание, на котором держал речь:

— Наша единственная задача — борьба с большевиками и освобождение от них России. Но этим положением многие не удовлетворены. Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу?.. Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее вельможи, без вельможи русского народа?.. Армия не должна вмешиваться в политику. Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны: в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост...

Его слова — не пустой звук. Он так и поступит, когда почувствует, что армия винит его в неудачах. Надо отдать должное Антону Ивановичу. Диктатором и властолюбцем он никогда не был.

В глазах большевиков все золотопогонники были одинаковы: монархисты и великодержавники. В реальности белых офицеров вовсе не объединяла общая идея. Скажем, корниловцы были сторонниками республики. В полку Маркова собралось немало эсеров, и он не разрешал исполнять гимн «Боже, Царя храни!». Зато генерал Михаил Гордеевич Дроздовский и его полк были монархистами. А генерал Врангель считал, что судьбу страны решат генералы, предпочитал военную диктатуру.

Алексеев оставался монархистом. Деникин же повторял:

— Если я выкину республиканский флаг — уйдет половина добровольцев, если я выкину монархический флаг — уйдет другая половина. А надо спасти Россию!

Деникин обещал не предрешать будущее устройство России, хотя от него требовали ответа: за какую Россию он сражается — монархическую или республиканскую? Генерал уклонялся от прямого ответа. Многие считают это ошибкой. К единому мнению относительно будущего России в лагере белых так и не пришли, и это тоже предопределило их поражение.

В начале сентября 1918 года Алексеев серьезно заболел и 25-го числа скончался.

«На железнодорожной станции Ставрополя, — вспоминал Трушнович, — мы застали почетную роту Корниловского полка под командой Скоблина. Рота возвращалась с похорон генерала Алексеева. Великий русский человек обрел наконец покой».

После того как первый командир корниловцев Митрофан Неженцев был убит, полк принял полковник Александр Павлович Кутепов, еще один герой этой книги. И тогда сплелись судьбы Кутепова, Скоблина и Плевицкой. Корниловцы, которые были о себе высокого мнения, плохо встретили чужака. Не приняли Кутепова. Он не удержался бы на этой должности, если бы не помог Скоблин, пользовавшийся уважением у однополчан. Он их переубедил.

Кутепов быстро продвигался по служебной лестнице. Летом 1918 года корниловцев возглавил полковник Владимир Иванович Индейкин, но уже в октябре полк принял Николай Владимирович Скоблин. 12 ноября ему вручили полковничьи погоны.

Имя Скоблина знали во всей Добровольческой армии.

Петр Николаевич Врангель вспоминал, как весной 1919 года он выехал на станцию Харцызск, чтобы повидать генерала Владимира Зеноновича Май-Маевского (в популярном когда-то многосерийном фильме «Адъютант его превосходительства» его блистательно сыграл народный артист СССР и Герой Социалистического Труда Владислав Игнатьевич Стржельчик), посмотреть, как идут бои:

«Со стороны противника гремели артиллерийские выстрелы, и дымки шрапнели то и дело вспыхивали над нашими цепями. Мы вышли из автомобилей, и я пошел вдоль фронта, здороваясь со стрелками. Увидев группу сопровождавших меня лиц, неприятель открыл ружейный огонь... Огонь противника усиливался, один из следовавших за мной ординарцев был убит, другой ранен...

Наступавшие цепи противника медленно накапливались против занимавших левый фланг марковцев. С целью помочь соседям корниловцы перешли в контратаку. Я подходил к занятому корниловцами участку, когда их цепи, поднявшись, быстро двинулись, охватывая фланг врага. Несмотря на огонь, люди шли, не ложась. Впереди на гнедом коне ехал молодой командир полка полковник Скоблин.

Под угрозой своему флангу красные, не приняв удара, начали отход. Поблагодарив корниловцев, я поехал на вокзал. Давно неиспытанная близость к войскам, близость боя создавали доброе, приподнятое настроение».

Корниловцы в определенном смысле задавали тон всей Добровольческой армии. Списочный состав полка — всего 1200 человек. Автор истории Корниловского полка Михаил Николаевич Левитов вспоминал: «Полк редко имел в своих рядах 1200 человек, и если принять во внимание и его большие потери, то можно смело сказать, что за Второй

Кубанский поход он три раза сменил свой состав».

Полковник Левитов окончил духовную семинарию и Виленское военное училище, тоже первопоходник. Судьба была к нему благосклонна. В эмиграции он обосновался в Париже, нашел работу, правда, тяжелую — мыть машины по ночам. Скоблин его не любил, они поссорились. Зато в отличие от главных героев этой книги полковник Левитов дожил почти до девяноста лет.

Корниловцы, марковцы, дроздовцы, алексеевцы — так в Добровольческой армии именовались военнослужащие полков (позднее дивизий), которым присвоили имена погибших генералов Корнилова, Маркова, Дроздовского, Алексеева. Полки называли также цветными, поскольку офицеры носили цветные кокарды на фуражках: черно-красные — корниловцы, черно-белые — марковцы, вишнево-белые — дроздовцы, голубовато-белые — алексеевцы.

Не всем нравились эти вольности в обмундировании. Один из офицеров, вступивших в Добровольческую армию, удивлялся: «Я впервые увидел корниловцев в их причудливо кричащей форме, марковцев в черном, шкуринцев в волчьих папах с хвостами, черкесов с зелеными повязками через папаху; у всех на рукавах красовались углы из национальных лент, обращенные вершинами книзу, — символом добровольчества. Откуда взялись эти формы, эти невероятные сочетания малинового цвета с белым, черного с красным, эти черепа, скрещенные кости, смесь кавалерийских отличительных знаков с пехотными и прочие невиданные эмблемы? Казалось, что каждый носит ту форму, которая ему нравится».

Генерал Корнилов в январе 1918 года назвал свои войска Добровольческой армией. В 1919 году Деникин переименовал ее в Вооруженные силы Юга России, потому что после тяжелых потерь во время Второго Кубанского похода в августе 1918 года командование Добровольческой армии объявило всеобщую мобилизацию на тех территориях, куда вступали белые войска. Брали всех — и горожан, и крестьян, и даже попавших в плен красноармейцев, если они не были партийными.

Состав армии изменился. К концу 1918 года во всех цветных полках осталось по одной офицерской роте. А прежде офицеры составляли большинство во всех ротах. Пленные красноармейцы оказались не очень надежными бойцами. При первом удобном случае дезертировали. Крестьяне были готовы защищать собственные деревни. Но отрываться от родных мест не хотели. Разбегались — уходили или домой, или в леса, к

«зеленым».

Корниловцы носили нарукавную нашивку — на левом рукаве гимнастерки у плеча череп со скрещенными костями, надпись «корниловцы», скрещенные мечи рукоятью вниз. И нагрудный знак: черный крест с белой каймой на серебряном терновом венце (см.: Возрожденные полки русской армии в белой борьбе на юге России. М., 2002).

Генерал-майор Кутепов продолжал носить форму Корниловского полка, хотя давно в нем не служил. Деникин назначил его Черноморским военным губернатором. Должность крайне важная — Новороссийск стал главной базой снабжения Добровольческой армии. А 13 января 1919 года Деникин поручил Кутепову принять 1-й армейский корпус. 23 июня произвел его в генерал-лейтенанты.

Вступление в высокую должность совпало с личным счастьем. Александр Павлович уже не юным человеком женился на Лидии Давыдовне Кют, дочери коллежского советника. Они познакомились в Екатеринодаре.

«У Александра Павловича вообще не было друзей, были сослуживцы, были знакомые, были почитатели, — вспоминал его сослуживец генерал Борис Александрович Штейфон. — В его отношении к людям всегда существовала какая-то внутренняя сдержанность, что, несомненно, было следствием основной черты его характера — замкнутости. Единственным и настоящим другом Александра Павловича была его жена Лидия Давыдовна».

Александр Павлович Кутепов родился в Череповце, гимназию окончил в Архангельске, юнкерское училище — в Санкт-Петербурге. «Сын скромного лесничего, молодой подпоручик Александр Павлович Кутепов во время Русско-японской войны за боевые заслуги был переведен в лейб-гвардии Преображенский полк, — писала парижская газета „Русская мысль“. — Будучи три раза ранен на германском фронте, сражаясь в этом полку, Кутепов стал его последним командиром в 1917 году».

Получив отпуск, оказался в столице в роковые дни Февральской революции. Растерявшийся командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Сергей Семенович Хабалов поручил боевому офицеру очистить от восставших Литейный проспект, поставив во главе сборного отряда из нескольких рот, взятых из разных запасных батальонов.

Отряд полковника Кутепова был единственным, первоначально действовавшим не без успеха. Но стихия брала верх, и к вечеру 27 февраля он оказался изолированным и потерял связь со штабом округа. Часть

отряда укрылась в здании миссии Красного Креста, другая смешалась с нахлынувшей толпой. Кутепов остался в одиночестве.

Александр Исаевич Солженицын, посвятив действиям его отряда несколько глав в третьей части своей эпопеи «Красное колесо» — «Март Семнадцатого», пришел к выводу, что Кутепову удалось сделать «немного, но если бы из тысяч офицеров, находящихся тут, еще хотя бы сто сделали по столько же, то никакая революция бы не произошла».

В декабре 1917 года Александр Павлович вступил в Добровольческую армию и ушел в Первый Кубанский поход командиром третьей роты 1-го офицерского полка. Перед смертью генерал Корнилов назначил его командиром полка. Во главе 1-го армейского корпуса генерал Кутепов взял Курск, а затем и Орел.

Журналист Николай Николаевич Брешко-Брешковский (сын знаменитой эсерки, во время Второй мировой войны он станет сотрудничать с нацистами и будет убит во время бомбардировки Берлина британской авиацией) написал тогда хвалебную статью о Кутепове под названием «Герой Харькова и Курска»:

«Несмотря на целые хаосы проволочных заграждений, которыми, как паутиною, оплетаются красные, всюду, где лишь наступают Кутеповцы, их сопровождает успех. Один за другим ошеломляющие, нанесенные с неотразимой мощностью удары... Что-то стихийное в этом безудержном стремлении 1-го армейского корпуса, стремлении на Москву. Один видный генерал, прошумевший конник, полушутя сказал генералу Кутепову:

— А ведь я, пожалуй, ворвусь со своим корпусом раньше вас в Москву...

— Что же, — ответил с ясной улыбкой Кутепов, — я буду только искренне вас приветствовать... Для меня, как для русского человека, важнее всего, чтоб Москва была возможно скорее очищена от красной погани. А кто войдет в Белокаменную первым, это не важно».

Весной 1919 года удача сопутствовала кавалеристам Деникина. 3-й Кубанский конный корпус генерал-майора Андрея Григорьевича Шкуро, 2-й Кубанский корпус генерал-майора Сергея Георгиевича Улагая, конница Кавказской Добровольческой армии генерал-лейтенанта Петра Николаевича Врангеля легко прорывали линию фронта и губительным смерчем прокатывались по тылам Красной армии.

Когда генерал Врангель взял Царицын (ныне Волгоград), Деникин приехал его поздравить. 20 июня 1919 года днем обедал у Врангеля. Петр Николаевич провозгласил тост за здоровье главнокомандующего. Антон Иванович подчеркнул значение этого дня:

— Сегодня мною отдан приказ армиям идти на Москву.

Именно в Царицыне Деникин подписал ставшую знаменитой «московскую директиву». Она начиналась словами: «Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю...»

Он верил, что победа над большевиками не за горами.

«Директива, получившая в военных кругах наименование „Московской“, потом, в дни наших неудач, — вспоминал Деникин, — осуждалась за чрезмерный оптимизм. Да, я был тогда оптимистом. И это чувство овладело всем Югом — населением и армией. Оптимизм покоился на реальной почве: никогда еще до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги... Все мечтали „идти на Москву“».

Именно тогда пути Врангеля и Деникина разошлись. Генерал Врангель предлагал сконцентрировать силы на Царицынском направлении. Считал, что это позволит правому флангу наступающих соединиться с сибирской армией адмирала Александра Васильевича Колчака и уже вместе, объединенными силами, брать Москву.

А Деникин директивой от 20 июня 1919 года потребовал наступать на столицу через Курск, Орел и Тулу. Наступление Добровольческой армии продолжалось почти полгода и поначалу было очень успешным. 1-й армейский корпус генерала Кутепова 7 сентября вошел в Курск, 30 сентября — в Орел. Казалось, дорога на Москву открыта. Но в этом историческом поединке Красная армия оказалась сильнее.

Деникин растянул фланги армии, распылил силы. Сравнительно небольшие по численности белые части захватили большие территории, удержать которые не смогли. А Красная армия, отбив наступление адмирала Колчака на востоке и заставив его отступить вглубь Сибири, обрела свободу действий и могла сосредоточить крупные силы на своем южном фронте. С этого момента началось отступление армии Деникина.

Скоблин на войне

Полковник Скоблин командовал Корниловской ударной группой (1-й и 2-й Корниловские ударные полки, четыре тысячи штыков, шесть артиллерийских батарей), которая удерживала Орел. В боях за город в первых числах октября 1919 года группа понесла тяжелые потери, но не позволила наступавшей Красной армии прорвать фронт и окружить белые части.

Цветные полки развернули в дивизии. По приказу главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанта Деникина № 2544 в конце октября 1919 года были образованы две дивизии: Корниловская ударная и офицерская генерала Маркова. Корниловскую дивизию 1 ноября принял Скоблин.

Новые комдивы рассчитывали на производство в генералы, но Деникин не спешил порадовать их генеральскими погонами. Антон Иванович вообще не любил раздавать награды и звания. Скуповато отмечал отличившихся офицеров. Сменивший его Врангель проявил бóльшую щедрость. 26 марта 1920 года он произвел Скоблина в генерал-майоры. Николаю Владимировичу было всего 27 лет! Невероятная карьера для столь молодого человека. Скоблина избрали председателем Орденской Николаевской думы из семи заслуженных офицеров.

Месяцем позже, в апреле 1920 года, генеральские погоны получил и Антон Васильевич Туркул, который после смерти Михаила Дроздовского принял его дивизию. В эмиграции судьба Туркула переплетется с судьбой Плевицкой и Скоблина.

В Первую мировую Антон Васильевич был трижды ранен, награжден орденом Святого Георгия, произведен в штабс-капитаны. После революции вступил в отряд полковника Дроздовского, который пробивался на Дон.

Кутепов неизменно восхищался Туркулом. Увлеченно рассказал о его подвигах атаману Войска Донского Африкану Богаевскому (а тот записал слова Кутепова в дневник):

— Что за удивительный человек! Необыкновенной храбрости и смелости, не знающий чувства страха: в каре, окруженном пулеметами; с оркестром посреди, который играет вальсы, он спокойно отбивает бешеные атаки красной конницы, подпуская ее на двести шагов. Горсть храбрецов тает, но он сам ведет ее в атаку на ту же конницу. В коляске на паре серых коней он, раненый, едет впереди цепи, заходит в тыл противнику, с пехотой

делает мамонтовские рейды по тылам красных. И всегда весел, в отличном расположении духа.

В результате двух революций 1917 года офицерство утратило всё и находилось в состоянии сильнейшего психологического стресса. Поэтому многие так страстно ненавидели большевиков. Сравнительно немногочисленные слои общества — с одной стороны, большевики, а с другой — воинственно настроенное офицерство — навязали стране Гражданскую войну. Ни те ни другие не желали успокоения и замирения. Напротив, поднимали градус противостояния. Переговоры, компромиссы, взаимовыгодные договоренности — всё это даже не обсуждалось. Уничтожить врага под корень!

Но и среди командиров Гражданской войны своей жестокостью отличался Антон Туркул, «огромный плечистый мужчина со скуластым лицом монгола» (таким его описал сослуживец).

Один из дроздовцев вспоминал, как после боя пленных красноармейцев подвели к тачанке Туркула. Склонив головы и опустив плечи и руки, они стояли неподвижно и казались низко подвешенными над землей.

— Коммунисты? — спросил генерал, свесив с тачанки одну ногу.

Не поднимая головы, пленные что-то ответили.

Туркул зевнул и распорядился расстрельной команде:

— Веди!

Развернул на коленях карту и зевнул снова:

— Сюда! Сюда!

И опять подвели пленного, уже босого, в рваной ватной кацавейке и без фуражки... Туркул вновь что-то спросил.

— Могилиным меня звать.

И вдруг, встряхнув кудрями, пленный чему-то улыбнулся. И точно в ответ на улыбку пленного Туркул засмеялся тоже.

— Могилин? В могилу Могилина! — засмеялся он, уже захлебываясь хохотом. — Эй вы там!..

Пленного увели на расстрел.

Генералы Туркул и Скоблин дружили. Антон Васильевич вспоминал общий бой в октябре 1920 года:

«Большевики переправились через Днепр у Знаменки и повели упорные атаки на корниловцев. Весь день корниловцы, застигнутые наступлением, одним полком отбивали всё более ярые атаки. На другой день большевикам удалось переправиться подавляющими силами, в бой у Знаменки втянулась вся Корниловская дивизия... В терзающем огне, в

неутихающих атаках корниловцы потеряли более двух третей бойцов. На другой день боя был ранен начальник Корниловской дивизии Скоблин. Тогда только подошла запоздавшая Марковская дивизия...

За два дня боев у Знаменки корниловцы понесли такие страшные потери, что состав Корниловской дивизии уже не превышал восьмисот штыков. Грудь всей Белой армии была на Днестре разбита. По приказу командования 1-й корпус стал отходить на юг. Это был уже не маневр — это отступление в неизвестное. Как будто бы что-то содрогнулось во всех нас. Белая армия была потрясена».

1920 год во всех отношениях был трудным для Скоблина. Весной он заболел брюшным тифом. Выкарабкался. Осенью был ранен. Вернулся в строй. Ни счастливое избавление от ран и недугов, ни его новенькие генеральские погоны, которые не могли не произвести впечатления на Надежду Васильевну, не компенсировали нарастающего ощущения поражения. Красная армия побеждала в Гражданской войне.

Прощание с Россией

В первых числах марта 1920 года фронт белых на Кубани фактически развалился. Командование не знало, что делать. То ли отступить по черноморскому побережью на Туапсе. То ли отойти в Крым, который оборонял 3-й корпус генерал-лейтенанта Якова Александровича Слащёва.

Слащёв отказался от традиционной военной формы. Публицист и философ Петр Бернгардович Струве, входивший в состав крымского правительства при Врангеле, нашел, что генерал напоминает графа Потемкина: так же обворожителен и полон причуд. Струве недоуменно спросил у Петра Николаевича, какая на Слащёве форма. Врангель рассмеялся:

— Такой формы не существует. Слащёв сам ее для себя придумал.

Яков Александрович Слащёв не носил погон — считал, что Добровольческая армия недостойна императорских знаков отличия.

— Почему? — при случае поинтересовался Деникин.

Слащёв ответил:

— Добрармия живет грабежом, не следует позорить наши старые погоны грабежами и насилиями.

Его корпус тоже отличился по части грабежей и пьянства.

Сухой закон был введен в Российской империи с началом Первой мировой войны — императорским указом от 18 июля 1914 года. Временное правительство 27 марта 1917 года подтвердило запрет на «продажу для питьевого употребления крепких напитков и спиртосодержащих веществ».

Но в Гражданскую войну на юге России вино продавалось свободно. Помимо шустовского коньяка пили ханжу, политуру, кишмишевку, самогонку, вообще всё, что попадалось под руку. Недостатка в спиртном не ощущалось. На Кубани сами делали вино. Запасы вина в Крыму к началу 1920 года достигли ста тысяч ведер (ведро — 12,6 литра).

Алкоголем — единственным доступным в ту пору транквилизатором — снимали стресс от атак, глушили тоску, поднимали настроение. Но многие спивались.

Говорят, казачий генерал Андрей Шкуро на вопрос, что он станет делать после взятия Москвы, ответил:

— Три дня попьанствую, повешу, кого надо, и пулю в лоб... А для чего мы живем? За такие минуты удовольствия я всегда готов жизнь отдать.

О командующем Донской армией генерал-лейтенанте Владимире

Ильиче Сидорине говорили: «Его поезд скорее напоминал кочующий ресторан, чем штаб. Все были пьяны: и сам Сидорин, и начальник штаба армии, и младшие чины».

Генерал Владимир Май-Маевский подписал приказ о запрете алкоголя, в котором констатировал бедственное положение с дисциплиной в войсках: «Опьянение иногда доходит до такого состояния, что воинские чины не отдают себе отчета в своих поступках и открывают стрельбу из револьверов, врываются в кафе с бранными словами, оскорбляют публику, катаются по городу на извозчиках в непристойных позах с пением песен и вообще ведут себя несоответственно своему званию».

Сам Май-Маевский был тяжелым алкоголиком, с трудом выходил из запоев. Так что его приказы не вернули личный состав к трезвому образу жизни.

Деникин, строгий к себе и другим, запретил продажу спирта и водки. Не помогло. 15 ноября 1919 года председатель Особого совещания генерал Лукомский обратился к начальнику штаба главнокомандующего генералу Романовскому:

«Дорогой Иван Павлович!

Нужно ускорить приказ о прекращении безобразий в тылу:

1. Запретить во всех ресторанах продажу спиртных напитков, не исключая и виноградного вина;
2. Запретить торговлю в ресторанах после 12 часов ночи, как в общем зале, так и в кабинетах;
3. За пьянство — сажать офицеров под арест, а если производят скандалы, то разжаловать в рядовые».

Деникин подписал этот приказ 18 ноября 1919 года. Торговлю запретили не с 12, а с 11 часов вечера. Устраивали облавы в ресторанах. Но через месяц с лишним пал Ростов, и уже было не до борьбы с алкоголизмом.

Красные наступали. Многие белые части, потеряв надежду, отходили. Но дивизии Скоблина и Туркула демонстрировали стойкость, и оба командира требовали того же и от других.

Штабс-капитан Константин Сергеевич Попов, командир батальона Кавказской гренадерской дивизии, 6 марта 1920 года с остатками изрядно потрепанного полка прибыл на станцию Крымская. Едва разместились, как к Попову прибежали подчиненные:

— На станции появились дроздовцы и арестовали всех находившихся на перроне офицеров. Заявили, что они мобилизованы в дроздовскую дивизию. Офицеров, которые возражали, оскорбляли и били.

Штабс-капитан Попов вышел на обезлюдивший перрон и наткнулся на полковника Туркула, шедшего в сопровождении конвоя. Попов попросил освободить арестованных.

— Вы должны присоединиться к нам, — бросил ему Туркул.

— У нас есть свои начальники, приказания которых мы и исполняем, — возразил штабс-капитан.

— Хорошо, я вам достану приказ. — Туркул пошел к штабному вагону.

Через час Попова вызвали. Дроздовцы жгли костры в станционном парке. Поодаль на дереве висел труп. Штабс-капитану предложили подписать список офицеров, переданных в состав дроздовской дивизии. Попов, уже не возражая, поставил свою подпись.

— Ну вот, теперь повоюете, а то вы, как видно, не воевали еще, — услышал он.

В тот самый день, 6 марта 1920 года, на этой самой станции Крымская, в штабном поезде своего корпуса генерал Кутепов провел совещание.

— При создавшейся почти безвыходной обстановке, — сказал он, — когда участники борьбы, главным образом офицеры Добровольческой армии, попали в трагическое положение, главнокомандующий считает своим главнейшим долгом принять меры к спасению всех, кто, не оглядываясь и не размышляя, шел за ним.

Голоса участников военного совета разделились. Большинство отчаялось и считало, что всё проиграно и надо спасаться: по побережью уходить в Грузию или в Персию. Мнение это особенно горячо поддерживал командир кавалерийского корпуса генерал-майор Иван Гаврилович Барбович.

Наверное, Скоблин рассказывал Плевицкой, что на совещании он настаивал: надо перебросить все боеспособные части в Крым и продолжить борьбу. В конечном счете это мнение взяло верх. На следующий день, 7 марта, в штабе корпуса еще раз собрались старшие командиры. Они уже без колебаний признали правоту Скоблина и его единомышленников: надо идти в Крым. Гражданская война продолжилась.

Но тут британское правительство официально предложило Антону Ивановичу Деникину прекратить боевые действия и оставить Крым, последнюю опору белой армии. В обмен на гарантии безопасности и помощь в эвакуации тех, кто не пожелает остаться в Советской России. Лондон окончательно потерял интерес к происходящему в нашей стране и прекратил помощь антибольшевистским силам. Английская военная миссия покинула Севастополь. Антанта вообще мало что сделала, чтобы помочь Белому движению.

Неудачи на фронте породили разочарование в войсках. Первым недоверие главнокомандующему выразил генерал Врангель. Петр Николаевич демонстративно подал прошение об отставке и написал Антону Ивановичу письмо, обвинив его в неспособности посмотреть правде в глаза.

Врангель сам хотел сменить Деникина. Он откровенно обсуждал отставку главкома с другими генералами. К нему присоединился и генерал Кутепов.

«В вагоне главнокомандующего познакомился с генералом Кутеповым, уезжавшим для принятия Добровольческого корпуса, — вспоминал Врангель. — Небольшого роста, плотный, коренастый, с черной густой бородкой и узкими, несколько монгольского типа глазами, генерал Кутепов производил впечатление крепкого и дельного человека».

Деникин уважал Кутепова. Критическое мнение Александра Павловича стало для него ударом. Но Антон Иванович не держался за пост главкома. 20 марта 1920 года написал генералу Абраму Михайловичу Драгомирову, который в Первую мировую командовал армией на Северном фронте, а в Гражданскую деятельно помогал Деникину:

«Три года Российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее. Предлагаю Военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование».

Деникин предложил собрать 21 марта 1920 года в Севастополе военный совет для избрания главнокомандующего. Сам Антон Иванович полагал, что его должен сменить начальник штаба генерал-лейтенант Иван Павлович Романовский. Но тот не пользовался популярностью в войсках. Большинству нравился бывший офицер старой императорской гвардии барон Врангель. «На генерале Врангеле была черная бурка, — вспоминал один из добровольцев. — Когда бурка распахивалась, под ней сверкали ордена. Тощий и высокий, он быстро шел вдоль строя».

Петр Николаевич окончил Горный институт и сдал офицерский экзамен в Николаевском кавалерийском училище. Со временем окончил и Академию Генерального штаба. Службу начинал в лейб-гвардии Конном полку. Сражался с японцами. Участвовал в Первой мировой войне, которую закончил командиром корпуса в звании генерал-майора. Петр Николаевич был прекрасным кавалеристом, решительным и умеющим брать на себя

ответственность.

Александр Павлович Кутепову принадлежало решающее слово на военном совете. И он поддержал Врангеля. На британском миноносце бывшего главкома Деникина отправили в Константинополь. Они с Романовским отправились в русское посольство, где скопилось огромное количество беженцев-офицеров, озлобленных и утративших надежду. Деникина и Романовского они винили в неудачах Белого движения. И кто-то из них убил генерала Романовского, когда тот шел по коридору посольства. Дважды выстрелил ему в спину из «парабеллума». Убийство осталось нераскрытым.

Деникин, потрясенный смертью боевого товарища, уехал в Англию. Но там не задержался. В начале апреля 1920 года британский министр иностранных дел лорд Керзон отправил советскому коллеге Георгию Васильевичу Чичерину ноту с предложением прекратить Гражданскую войну. Там, в частности, говорилось: «Я употребил всё свое влияние на генерала Деникина, чтоб уговорить его бросить борьбу, обещав ему, что, если он поступит так, я употреблю все усилия, обеспечив неприкосновенность всех его соратников, а также население Крыма. Генерал Деникин в конце концов последовал этому совету и покинул Россию, передав командование генералу Врангелю».

Деникин возмутился словами британского министра и ответил письмом в «Таймс»: он отверг предложение британского военного представителя о перемирии с Красной армией потому, что считает необходимым вести вооруженную борьбу с большевиками до полного их поражения. Его уход в отставку не имеет никакого отношения к лорду Керзону.

Антон Иванович уехал из Англии в Бельгию. Он остался без копейки, но отказался брать деньги, лежавшие на счетах России в заграничных банках. Конечно, мысль, что семья может очутиться в нищете, угнетала его. Не в пример многим другим Антон Иванович не скопил себе состояния, когда был у власти. Он пришел к власти с пустым карманом и таким же бедняком расстался с ней. Жила его семья очень просто, Антон Иванович сам топил печку и убирал дом. В Бельгии жизнь была дорогой, и через два года Деникины переехали в Венгрию. Жили в городе Шопроне в загородной гостинице, потом в Будапеште и, наконец, устроились неподалеку от Балатона.

За три года Деникин написал пятитомный труд «Очерки русской смуты», читать которые интересно и по сей день. Влиятельные люди в русской эмиграции позаботились о том, чтобы ему заплатили хороший

гонорар. Весной 1926 года Деникины перебрались во Францию и обосновались в пригороде Парижа.

В 1920 году под властью белых оставался лишь полуостров Крым. Александр Павлович Кутепов помогал Врангелю наводить порядок. Действовал жестко и безжалостно. Пошли разговоры:

— Кутепов вешает на фонарных столбах в Симферополе.

Врангель в начале апреля 1920 года переименовал Вооруженные силы Юга России в Русскую армию и свел ее в три корпуса. 1-м армейским корпусом поручил командовать генералу Кутепову. В сентябре 1920 года Врангель еще раз переформировал свои войска. Кутепов принял 1-ю армию, объединившую 1-й армейский и Донской корпуса.

Надежда Васильевна Плевицкая застала этот период в короткой истории врангелевской армии. Ее муж высоко ценил таланты Кутепова. И она вслед за Скоблиным привыкла с уважением относиться к Кутепову. Врангель и Кутепов — последняя надежда Белого движения.

Александр Павлович любил военное дело, помнил всех, с кем служил.

В эмиграции многие говорили, что именно благодаря его талантам белым удалось так долго продержаться в Крыму. Но успехи Врангеля быстро закончились, когда в сентябре 1920 года Москва сформировала Южный фронт под командованием Михаила Васильевича Фрунзе.

Войска Врангеля были слишком слабы, чтобы долго противостоять Красной армии. В истории утвердилось представление о том, что построенные под руководством французских и английских инженеров укрепления превратили Крым в неприступную крепость. Это не так. В ночь на 8 ноября 1920 года части Фрунзе обошли укрепленный Перекопский вал через Сивашский пролив. К концу дня заняли Литовский полуостров и зашли в тыл к белым. В ночь на 9 ноября, боясь окружения, белые отошли. Иначе говоря, бои за Крым шли всего сутки. 10 ноября сопротивление практически прекратилось. Белая армия потерпела поражение.

Союзники предложили принять всех, кто бежит от большевиков, на территории разгромленной в Первую мировую Османской империи. Последний дружеский жест Антанты в отношении русских солдат и офицеров, с которыми вместе сражались в Великой войне. Но это означало покинуть родину.

«Холодно! — вспоминал один из тех, кто прощался тогда с Россией. — Дико завывает ветер, он то утихает, то с новой страшной силой бьет в лицо, проникая в самую душу, от его диких завываний и на душе становится пусто, тоскливо. Вокруг поля, поля, они набухли от нескончаемого осеннего дождя и стали какими-то черными и грустными. Почему всё так

тоскливо, почему? Потому что мы — сыны могучей России — покидаем свою дорогую Родину. Под копытами конницы хлюпает грязь, моросит дождь, впереди, во главе штабного конвоя, бьется изорванный флаг. Прощай, дорогая Родина!»

Врангель принял решение вывезти армию полностью, а также всех, кто пожелает эвакуироваться. Мобилизовал флот.

Спустя много лет один из тех, кто предпочел остаться, Борис Алексеевич Трофимов, рассказал о последних днях белой армии: «На севастопольском пирсе строились уцелевшие после сражений части, чтобы грузиться на корабли. Я предавался размышлениям: ехать в неизвестность или остаться в России, ждать смертного часа или угодничать перед новой властью? Пароходы, крейсера и миноносцы уходили в открытое море. 14 ноября опустели причалы, только отдельные группы солдат грелись у костров, поджидая вступления в город передовых частей красных. Вдруг где-то в отдалении послышалась музыка, а затем из-за поворота улицы, спускающейся к пирсу, появился духовой оркестр, и появились первые ряды всадников. Я снял погоны, кокарду, ордена и вышел на улицу, чтобы смешаться с толпой».

Другие не решились остаться. Боялись большевиков. Предпочли покинуть Россию. Последние суда оставили Крым на рассвете 15 ноября 1920 года. Из Крыма и Новороссийска на 126 судах эвакуировали около двухсот тысяч человек. Точные цифры установить не удалось. В мае 1920 года в Константинополе образовали справочное бюро, дабы помочь родным найти друг друга. Зарегистрировали 190 тысяч имен. Из них примерно 40 тысяч были солдатами и офицерами белой армии.

Двадцатого ноября Кутепов, на котором лежала главная ответственность за эвакуацию, был произведен в генералы от инфантерии. Больше ничем Врангель не мог отметить его заслуги. На внешнем рейде в Мраморном море встала огромная русская флотилия. Беженцы сошли на берег. Началась новая жизнь. Позади революция и война. Впереди бедность, бесприютность и неизвестность.

Гражданские беженцы разместились в окрестностях Константинополя и в самом городе — в казармах и общежитиях. Город заполнился русскими.

«Странную картину представлял Константинополь в эти дни, — вспоминал бывший начальник Петроградского охранного отделения жандармский генерал Константин Иванович Глобачев, — он точно был завоеван русскими, наводнившими улицы города. Большинство беженцев были бездомны, ходили в поисках заработка, продавали на рынках и на улицах те немногие крохи своего имущества, которые им удалось вывезти с

родины, валялись по ночам на папертях мечетей, ночевали в банях».

Казачьи части отправили на остров Лемнос и на французский берег Мраморного моря — в Чаталджу. 1-й армейский корпус генерала Кутепова, кавалерийский корпус генерала Барбовича и артиллеристы высадились на залитое дождем пустынное поле на полуострове Галлиполи. Это название, прежде мало кому из русских людей известное, войдет в историю. Здесь после разгрома турецкой армии квартировал батальон черных сенегальских стрелков французской армии.

Свадьба в Галлиполи

«Пароходы, грязные, накренившиеся на один борт, облепленные серыми людьми, стояли на рейде. Измученные, озлобленные люди прибились к суровому берегу. Французы любезно передали Кутепову верховую лошадь — и верхом, под морозящим дождем, он проехал в ту долину, которая в шести верстах от города должна была стать нашим пристанищем. Он застал там голое поле, покрытое жидкой сметаной грязи.

— Это всё?

— Всё!

Сзади, в шести верстах, сидели обезумевшие люди, запертые в трюм. Впереди не было ничего».

Так вспоминал приезд в Галлиполи подпоручик 2-й батареи 6-го бронепоездного дивизиона Владимир Христианович Даватц. До войны он преподавал математику в Харьковском университете. В эмиграции обосновался в Белграде. Во Вторую мировую вступил в Русский корпус генерала Бориса Штейфона, помогавшего вермахту уничтожать партизан в оккупированной и расчлененной немцами Югославии.

В Галлиполи под командованием Кутепова оказалось 25 тысяч человек. Цветные полки — Корниловский, Марковский, Дроздовский, Алексеевский, а также 1-я кавалерийская дивизия (четыре полка и гвардейский конный дивизион), 1-я артиллерийская бригада, технический полк, железнодорожный батальон, шесть военных училищ, три офицерские школы.

«В Галлиполи была осень, — вспоминал один из солдат, — шли дожди, и приходилось спать на земле, так как палаток еще не было. Голод, холод, слякоть и многое другое. Наш лагерь расположили в семи верстах от города, в долине „Роз и смерти“, так называли ее англичане, они жаловались на лихорадку, змей и скорпионов, которых здесь было множество».

Потом установили брезентовые палатки. Французский комендант распорядился выдавать военный паек. Кормили мясными консервами и фасолью. Приказом Врангеля каждому военнослужащему выдавали одну турецкую лиру в месяц, что позволяло купить хлеба или халвы. Потом еды стало меньше.

«Дневной наш паек был следующий, — вспоминал другой галлиполиец, — утром выдавали хлеб на пятерых человек, а иногда и на

шестерых, затем чай с ничтожным количеством сахара, хлеба обыкновенно хватало только лишь к чаю, а обед (который только назывался обедом) приходилось есть без хлеба, и, конечно, весь день до следующего утра приходилось голодать. Второй чай, который был, не мог утолить потребность в хлебе».

Французы кормили армию Врангеля до весны 1921 года. В возмещение долга забрали русский флот, который эвакуировал войска и беженцев. Оставили лишь пароход «Алексей Михайлович» — там разместился штаб главкома, и яхту «Лукулл», на которой жил сам Врангель. Яхта стояла в Босфоре. На нее наскочил итальянский пароход «Адриа», яхта пошла ко дну. Петру Николаевичу пришлось переселиться в посольство. Многие полагали, что это было покушение на Врангеля...

От тоски и безысходности армия начала разлагаться. Полный упадок духа. Генерал Кутепов драконовскими методами наводил порядок и восстанавливал дисциплину. С инспекцией приехали Врангель и его начальник штаба генерал Петр Николаевич Шатилов. По этому случаю устроили парад. Скоблин маршировал со своими корниловцами. Главнокомандующий остался весьма доволен.

Именно здесь, в изгнании, в июне 1921 года обвенчались Надежда Васильевна Плевицкая и Николай Владимирович Скоблин.

Корниловцы радовались за своего командира, который наконец-то обрел семью. На свадьбу пришел Кутепов, благоволивший молодому генералу. В этом браке каждый старался сделать другого счастливым. И у них получалось. Пылкий роман превратился в крепкий брак.

Дмитрий Иванович Мейснер, сражавшийся в Добровольческой армии, вспоминал о галлиполийском сидении:

«В счастливые для нас минуты мы заслушивались песнями Надежды Васильевны Плевицкой, щедро раздававшей тогда окружающим ее молодым воинам блески своего несравненного таланта. Эта удивительная певица, исполнительница русских народных песен, тогда только начинавшая немного увядать, высокая стройная женщина была кумиром русской галлиполийской военной молодежи. Ее и буквально, и в переносном смысле носили на руках. Она была женой одного из наиболее боевых генералов белой армии.

В Галлиполи я еще не мог прочесть интересную автобиографию Плевицкой, где она рассказывает о начале своей жизни, о том, как полуграмотная крестьянская девушка из Курской губернии стирала в одном из московских дворов белье, а сидевший у окошка купец, попивавший густой чаек с вареньем, услышал внизу во дворе своего дома

необыкновенный ее голос, а главное — необыкновенный исполнительский талант и темперамент. Он восторженно встретился, позвал к себе прачку, заставил петь курские и волжские песни. Больше Плевацкая не стирала. Она училась пению; не прошло и двух лет, как в Царскосельском дворце бывшая прачка исполняла свои песни перед последним русским императором, а он, рассказывают уже другие авторы, низко опускал голову и плакал».

В Галлиполи, слушая Плевацкую, плакали боевые офицеры. Что им теперь делать? Жизнь кончена?..

Уже в декабре 1920 года Петр Николаевич Врангель сознавал, что армию ему не сохранить. Его подчиненные разъедутся по разным странам. Хотя в 1921 году обсуждалась идея перевозки всей армии Врангеля на Дальний Восток для продолжения войны против советской власти. Во Владивостоке — последнем оплоте сопротивления — еще существовало антибольшевистское правительство братьев Спиридона и Николая Меркуловых, отчаянно нуждавшееся в военной поддержке. Появление там боеспособной армии могло изменить ситуацию в Приморье. Строились планы очищения всей Сибири от большевиков. Но Красная армия быстро подавила последние очаги сопротивления и на Дальнем Востоке.

Бывший депутат Государственной думы Никанор Васильевич Савич 24 августа 1921 года записал в дневнике о Врангеле: «По существу он не главнокомандующий уже разоруженной армии, а несчастный вождь несчастных интернированных пленников, их заступник и ходатай за их нужды. Его долг — тянуть лямку до конца и обеспечить елико возможно судьбу этих несчастных».

Радикально настроенные офицеры считали Врангеля отработанным материалом. Они искали вождя, который поведет войну против большевиков в новых условиях.

«Все знали, что генерал Врангель во что бы то ни стало хочет сохранить армию, но для чего, что и когда он будет с нею делать, этого никто не знал, и, я думаю, не знал этого и сам Врангель. Никакого определенного плана у Врангеля не было, — вспоминал генерал Глобачев. — Может быть, и правы те, кто упрекал Врангеля в беспочвенных успокоениях остатков своей армии несбыточными надеждами на скорое возвращение в Россию, вместо того, чтобы прямо сказать, что дело проиграно окончательно и что нужны какие-то иные, новые пути для освобождения поработанной и истекающей кровью родины».

В течение многих лет Галлиполи оставался символом стойкости, исполнения долга и верности избранному пути. Галлиполийские общества вместе с полковыми объединениями Добровольческой армии заполнили

собой все уголки русского зарубежья. Галлиполийцы генерала Кутепова, хранившие верность своему генералу, стали костяком русской эмиграции.

В этой среде ценили Скоблина и восхищались Плевицкой. Эмигранты на многие годы станут ее единственной аудиторией. Николай Владимирович и Надежда Васильевна тоже задумались о будущем. Как жить на чужбине? Где обосноваться?

В 1921 году Франция сняла с себя обязанность помогать русской армии. Беженцам предложили три варианта: вернуться в Советскую Россию, отплыть в далекую Бразилию, найти себе заработок самостоятельно в любой европейской стране.

Поехать в Советскую Россию решились немногие. Генерал Слащёв в ноябре 1921 года неожиданно вернулся в Москву — вместе с группой офицеров. Преподавал тактику в школе подготовки командного состава Красной армии «Выстрел». В эмиграции его возненавидели.

В январе 1929 года эмигранты узнали, что Яков Слащёв застрелен у себя дома. Гадали, кто это сделал. Враги советской власти уничтожили бывшего генерала, предавшего Белое дело? Или сами большевики от него избавились? На самом деле это была личная месть.

Расследование вел оперуполномоченный 6-го отделения контрразведывательного отдела Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР (так именовалось ведомство госбезопасности в 1923–1934 годах). Он представил рапорт своему начальству:

«Гражданин Коленберг Лазарь Львович убил бывшего белого генерала Якова Александровича Слащова выстрелом из револьвера. Следствием установлено, что Коленберг в 1919 году проживал в г. Николаеве. После занятия Николаева белыми он работал в большевистском подполье. Проводимые белыми жестокие репрессии и бесчинства по отношению к еврейскому населению, публичные расстрелы заподозренных в причастности и даже сочувствующих революционному движению, расстрел родного брата Коленберга — всё это произвело на него глубокое впечатление, и у него запала навязчивая идея мести командовавшему белыми генералу Слащову.

После занятия Николаева красными войсками Коленберг вступил в Красную армию и прослужил в ней до 1926 г., будучи демобилизованным на должности командира взвода. Мысль о мести Слащову за всё это время Коленберга не оставляла. В сентябре 1928 года по командировке винницкого военкомата он вернулся в Московскую пехотную школу. С целью изучения образа жизни Слащова стал брать у него на дому уроки

тактики. 11 сего января во время урока Коленберг осуществил давно задуманное им убийство Слащова, убив его из револьвера тремя выстрелами. После чего отдался прибывшим властям.

Психиатрической экспертизой Коленберг признан психически неполноценным и в момент совершения им преступления — невменяемым, а посему постановил: дело в отношении Коленберга прекратить и сдать в архив».

Постановление утвердил помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Сергей Васильевич Пузицкий, чье имя еще появится на этих страницах.

Фамилия белого генерала известна в разном написании: Слащёв или Слащов. На то есть исторические причины. Большевики в декабре 1917 года провели реформу русской орфографии. В старой России его фамилия писалась так — Слащовъ, по новому написанию — Слащёв, но многие десятилетия буква «ё» мало использовалась в книгоиздании.

Впоследствии будут говорить, будто Плевицкая уже тогда всячески уговаривала Скоблина последовать примеру генерала Слащёва и уехать в Россию. Там ее ждут, там ее слушатели! Но белые офицеры, и Скоблин в том числе, боялись попасть в руки Чека.

Так что большинство эмигрантов искали возможности устроиться где-то в Европе. Рассчитывали на братьев-славян — на Королевство сербов, хорватов и словенцев (так после Первой мировой называлась Югославия) и на Болгарию.

Болгары согласились принять несколько тысяч человек — за триста тысяч долларов, которые немедленно были переведены в Софию. В Болгарию переправили 1-й армейский корпус генерала Александра Павловича Кутепова и Донской корпус генерал-лейтенанта Федора Федоровича Абрамова.

Полковник Михаил Левитов потом описал, как в ноябре 1921 года на турецком транспортном судне «Ак-Дениз» корниловцев доставили в Варну. Попросили сдать оружие. Для отвода глаз сдали небольшую часть. Тогда на борт доставили мясо и хлеб. Корниловцев привезли на станцию Тулово, разместили в бывших казармах болгарской армии. Они стали обживать. Построили офицерское собрание, чайную для солдат, открыли полковой театр.

Двадцатого февраля 1922 года приехал Кутепов. Устроили смотр с церемониальным маршем. Кутепов остался доволен. Командира полка Скоблина и командиров батальонов болгарские власти в марте пригласили вместе отпраздновать освобождение Болгарии от турецкого ига. На Пасху в

апреле 1922 года в полковом театре выступала Плевицкая, и это стало событием для солдат и офицеров.

Петр Врангель 10 февраля 1923 года писал Никанору Савичу: «После огромных усилий Армия была перевезена наконец в Славянские страны, за исключением нескольких сот людей, оставшихся еще в Галлиполи и ожидающих очередь обещанной им отправки в Сербию».

Другие эмигранты поехали во Францию, там была нужда в рабочих руках, особенно в угольной промышленности. Тяжело приходилось инвалидам, не способным прокормить себя. В полку собирали для них деньги. Большую сумму дала Надежда Васильевна Плевицкая. Некоторые корниловцы направились в Грецию, Люксембург, в Бельгию, оттуда Наталья Лавровна Корнилова-Шапрон (дочь убитого генерала) прислала сто въездных виз.

Плевицкая и Скоблин предпочитают Францию. Состав парижской группы корниловцев составит почти 200 человек.

Надежда Васильевна с успехом выступала в Болгарии. Скоблин неизменно сопровождал ее. А у него не было иного занятия. Он ничего не видел кроме войны. И ничего иного не умел. Как юношей поступил в военное училище, так и не снимал военной формы. Оказавшись вне службы, он бы потерялся, но рядом была Надежда Васильевна. А она ценила его умение сдерживать себя и не показывать, что огорчен или раздражен, разряжать трудные и опасные ситуации.

С 1923 года Плевицкая начала активно гастролировать по Европе: Балтийские страны, Польша, Чехословакия. Везде, где обосновались русские эмигранты, ее встречали восторженно. Полтора десятилетия Надежда Васильевна пела перед русскими, которых судьба разметала по всему миру.

В марте 1923 года в Берлине она впервые исполнила песню, точно передававшую эмоции русских эмигрантов:

Замело тебя снегом, Россия,
Запустило седою пургой,
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой.

Публика плакала. В 1924 году она выступала в Болгарии, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Несколько концертов вновь дала в Берлине. И начались ее триумфальные выступления во Франции, где

осело много русских. Одни помнили ее по старой России, другие слышали впервые — и все вместе они были растроганы ее песнями о родине. Никто лучше Плевицкой в ту пору не улавливал настроения изгнанников.

Такого большого успеха добивались немногие, даже очень талантливые артисты. Писатель-эмигрант Петр Петрович Балакшин писал о чудесном певце Александре Николаевиче Вертинском, чьими записями ценители наслаждаются и по сей день: «В Париже Вертинский вел тяжелую жизнь. О концертах и больших сборах нечего было и думать; нечего было думать и о выступлениях в кинематографах между картинами с французским репертуаром, который оказался ему чужим, как и он его слушателям-французам, в те годы смотревшим на русских эмигрантов как на наказание Божье. Он был артист, настоящий, большой в своем жанре. Ему нужна была публика, рампа, громкие афиши, успех, поклонение, восторг женщин. Кроме первых успехов в Париже — как это было обычно и в других местах — ничего этого не было. Собрать публику на повторные концерты среди русских шоферов Парижа и нуждающихся поэтов было невозможно».

До осени 1930 года жизнь Николая Владимировича Скоблина ничем не отличалась от жизни многих русских офицеров, вступивших после большевистского переворота в Петрограде в ряды Добровольческой армии. Как и они, Скоблин остался без дела и без средств к существованию. Зарабатывала Плевицкая. Профессиональный военный, он принужден был снять форму. В партикулярном платье казался невзрачным. Особенно рядом с красиво одетой женой, на которую — знаменитость! — все обращали внимание. Эмигрантам, не знавшим близко эту пару, брак, вероятно, представлялся мезальянсом.

Александр Вертинский тоже сразу же обратил внимание на эту пару: «В русском ресторане „Большой Московский Эрмитаж“ в Париже пела и Надежда Плевицкая. Каждый вечер ее привозил и увозил на маленькой машине тоже маленький генерал Скоблин. Ничем особенным он не отличался. Довольно скромный и даже застенчивый, он скорее выглядел забитым мужем у такой энергичной и волевой женщины, как Плевицкая».

Тем не менее Александр Вертинский отметил, что в среде бывших офицеров Скоблина уважали, с подчеркнутым вниманием к нему относились руководители Русского общевойскового союза генералы Кутепов и Миллер: «И с семьей Кутепова, и с семьей Миллера Плевицкая и Скоблин очень дружили еще со времен Галлиполи, где Плевицкая жила со своим мужем и часто выступала».

Служба на чужбине

В результате двух революций и Гражданской войны в Европе оказалось минимум два миллиона русских. Эмиграция поделилась на тех, кто считал своим долгом продолжать войну против большевиков, на тех, кто решил с ними примириться и подумывал о возвращении, и на тех, кто влачил тяжкое существование далеко от России, не размышляя о большой политике.

Белая армия еще существовала и подчинялась генералу Врангелю, пока располагалась на турецкой территории. Когда все сняли погоны, войсковые формирования сохранялись лишь формально и больше походили на клубы ветеранов. Но советское руководство исходило из того, что военная эмиграция представляет собой мощную силу, которая готовится к новой интервенции.

В 1920-е годы за границей еще сохранялись общественные и государственные учреждения, оставшиеся от царского и Временного правительств. Располагали деньгами Российское общество Красного Креста и так называемое Совецание русских послов, которое образовалось 2 февраля 1921 года. Это позволяло эмигрантам как-то организоваться и жить, надеясь на возвращение в Россию.

Некоторое время существовали посольства — в тех странах, которые еще не признали советскую власть. Посольства выдавали паспорта. Но одна страна за другой признавали Советскую Россию, и эмигранты оставались без документов.

После Первой мировой войны страны-победительницы создали Лигу Наций (предшественницу ООН, но с меньшими правами и полномочиями). Штаб-квартира ее размещалась в Женеве. Лига назначила Фритьофа Нансена, норвежского исследователя Арктики, верховным комиссаром по делам военнопленных. В 1921-м Совет Лиги Наций попросил Нансена принять на себя обязанности комиссара по делам русских беженцев. На следующий год его старания отметили Нобелевской премией мира.

В 1922 году появилось понятие «русский беженец» — это человек «русского происхождения, не принявший никакого другого подданства». В 1926 году формула изменилась: «всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства». На международной конференции в Женеве приняли решение считать беженцами всех русских, которые не имеют ни советского,

ни иного гражданства. 12 мая 1926 года была подписана международная конвенция о русских беженцах.

Фритъоф Нансен в декабре 1925 года запросил правительства сорока восьми государств, сколько на их территории беженцев из России. В сентябре 1928 года на 9-й сессии Лиги Наций он назвал установленную им цифру: в Европе и Азии живет один миллион 130 тысяч русских беженцев. Нансеновское бюро при Лиге Наций выделяло большие суммы в швейцарских франках на медицинскую помощь особо нуждающимся беженцам и отдельно для молодежи на учебу.

Советская Россия не предлагала эмигрантам вернуться на родину. Редкое исключение составляли только значимые фигуры, те, кто публично признавал свою вину, горько каялся в своих ошибках и заблуждениях и безоговорочно принимал советскую власть.

Нансен предложил выдавать людям, оставшимся без родины и документов, временные удостоверения личности. Они вошли в историю как нансеновские паспорта. Три десятка государств признали эти документы.

«В Париже мы получаем документ „апатридов“, людей без родины, не имеющих права работать на жалованье, принадлежать к пролетариям и служащим, имеющим постоянное место и постоянный заработок, — вспоминала Нина Николаевна Берберова. — Мы можем работать только „свободно“, как люди „свободных“ профессий, то есть сдельно, такое нам ставят клеймо».

Тем не менее во Франции русские получили все социальные права. Париж оказался центром эмиграции в силу давних исторических связей двух стран. И еще потому, что Франция признала в июле 1920 года крымское правительство Петра Николаевича Врангеля. Потом взяла на себя защиту русских беженцев. Во Франции обосновались 400 тысяч русских. Ситуация изменилась к худшему в конце 1920-х, когда начался экономический кризис, выросла безработица и русские рассматривались как конкуренты в борьбе за рабочие места.

Вот любопытные социологические данные о первой русской эмиграции, которые многое объясняют: мужчины — 73,3 процента, образованные — 54,23 процента, в возрасте от 17 до 55 лет — 85,5 процента (см.: Источник. 2003. № 5).

Сравнительно молодые, одинокие и неплохо образованные мужчины, составлявшие большинство эмигрантов, — бывшие военнослужащие белой армии, в основном офицеры. Немногие пытались начать новую жизнь, завести семью, интегрироваться в окружающее их общество. Люди жили надеждой на возвращение в Россию и готовы были за это сражаться.

Вождем их стал Александр Кутепов, не смирившийся ни с поражением белой армии, ни с эмигрантским положением.

В мае 1922 года болгарские власти, напуганные активностью русского генерала, выслали Кутепова из страны. Он перебрался к сербам. Жил скудно. Вызвал к себе Арсения Александровича Зайцова, выпускника Академии Генштаба, полковника лейб-гвардии Семеновского полка, предложил стать его помощником в тайной работе.

Зайцов вспоминал: «Застой в борьбе и вынужденное выжидание не могли его удовлетворять. Вопрос в том, чтобы, как в свое время в 1917 году, найти точку приложения усилий. И он ее видит в активной работе. Ей он решает посвятить свою жизнь».

Генерал Штейфон рассказывал, что Кутепова преследовала идея убить Ленина и Троцкого и тем самым одним ударом покончить с большевизмом. Немедленно нашлись люди, предложившие ему свои услуги:

«Большей частью это были типичные искатели приключений, которым не сиделось в Галлиполи. Получив возможности и средства, они добирались до одного из пограничных государств и там застревали. А предварительно и в Галлиполи, и по пути сообщали „по секрету“ десяткам людей, что „посланы Кутеповым убить Ленина“.

Генерал Кутепов лично ведал отправлением людей в Совдепию, сам хлопотал о визах, сам выдавал деньги и т. п. И эту свою работу ревниво оберегал от всех, хотя по складу характера не имел никаких способностей к конспиративной работе. Все штабные суммы находились в полном распоряжении генерала Кутепова. Он один обладал правом производить какие бы то ни было выдачи».

Вот почему он быстро привлек к себе внимание чекистов...

Кутепов искал того, кто стал бы вождем эмиграции, и нашел его в лице великого князя Николая Николаевича, дяди покойного императора.

Плевицкая плохо ориентировалась в эмигрантских интригах. Но муж мог ее просветить. Военные, как правило, симпатизировали Николаю Николаевичу.

В начале Первой мировой войны он был назначен Верховным главнокомандующим и стал самой популярной в стране фигурой. Даже император оказался в тени. Но военные действия складывались для русской армии не очень удачно. В августе 1915 года император отправил Николая Николаевича на Кавказ и принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего.

Николай Николаевич сильно обиделся на императора. Полагал, что руководил бы армией, а может быть, и всем государством лучше, чем его

племянник Николай II. В отличие от других членов императорской семьи он вовремя эмигрировал и остался жив.

Первого ноября 1922 года Кутепов писал в Белград Александру Александровичу Лодыженскому (в войну тот был начальником канцелярии гражданского управления Императорской ставки):

«Я окончательно убедился, что работать на наше общее дело можно, и если не сидеть сложа руки, то результаты будут огромные.

Великий князь Николай Николаевич уже не ждет того момента, когда к нему обратится весь русский народ, а готов встать во главе национального движения, когда к нему обратятся: национальные комитеты, парламентские комитеты, промышленные круги и монархисты. Я решил переговорить со всеми этими организациями. А приехав сюда, принимаю все меры, чтобы Петр Николаевич немедленно командировал генерала Миллера с кем-нибудь к Великому князю Николаю Николаевичу, чтобы уговорить его принять представителей организаций хотя бы секретно; затем надо поехать в Париж, где организовать это паломничество.

Сейчас почти во всех иностранных государствах растет сознание, что с советской властью иметь дело нельзя, поэтому они начинают искать антибольшевистскую организацию, но, к великому нашему стыду, такой найти не могут. Для меня ясно, что наступил момент создания сильной и авторитетной организации».

А Петр Николаевич Врангель отказался заниматься тайной работой против Советской России, чтобы не испачкаться. Писал генералу Миллеру 29 июля 1923 года: «Всю жизнь я привык нести ответственность за свои действия и никогда не подписывал имени моего внизу белого листа, хотя бы этот лист был в руках самого близкого мне человека».

Здесь их пути с Кутеповым разошлись. Более того, они почти что возненавидели друг друга. В начале 1924 года Петр Николаевич писал генералу Шатилову о Кутепове: «Вот уже год, как он сидит здесь, ничего не делая и отказываясь от всякой работы, мною предлагаемой. В то же время он пытается самостоятельно что-то делать, то посылая каких-то своих представителей в Балтийские страны, то пытаясь вести свою разведку в России. Всё это лишь затрудняет мою работу и дает повод к созданию слухов о каких-то расхождениях в верхах Армии».

В эмиграции Павел Николаевич Шатилов очень сблизился с Врангелем. Выпускник Академии Генштаба, Первую мировую Шатилов завершил генерал-квартирмейстером штаба Кавказской армии. Деникин поручил ему командовать 4-м конным корпусом, в мае 1919 года произвел в генерал-лейтенанты. В декабре 1919 года назначил начальником штаба

Добровольческой армии. Такую же должность Шатилов занимал у Врангеля, который произвел его в генералы от кавалерии, — возможно, в благодарность за то, что тот помог сместить Деникина с поста главнокомандующего и занять его место.

Врангель обосновался в городке Сремские Карловны, где находился патриарх Сербской православной церкви. Весь штаб разместился в нескольких комнатах. Начальником штаба был генерал Федор Абрамов, его помощником стал ротмистр Юрий Асмолов, генерал-квартирмейстером — генерал Павел Кусонский, полицейской частью руководил бывший директор Департамента полиции генерал-лейтенант Евгений Константинович Климович (в Крыму он заведовал особым отделом штаба главнокомандующего).

Врангель искал способ сохранить организационную структуру русской армии в ситуации, когда европейские страны потребовали распустить русские вооруженные формирования, оружие сдать и вернуться к мирной жизни.

В ноябре 1923 года он писал генерал-майору Алексею Александровичу фон Лампе в Берлин: «Полгода, как трехцветное знамя свернуто, как на него надели чехол защитного цвета и тщательно спрятали в цейхгауз. Боюсь, что ежели его оттуда не извлекут и вновь не развернут, те, кто шел за ним, разбредутся. Дай Бог, чтобы этого не случилось».

Первого сентября 1924 года приказом № 35 Петр Николаевич Врангель основал Русский общевоинский союз (первоначальное название Обще-Офицерский):

«Продолжая заботы по объединению зарубежного офицерства Русской Армии, в прошлом году я предоставил возможность всем офицерским союзам войти в ее состав...

Считая своим долгом в новых формах бытия Армии связать возможно теснее всех тех, кто числит себя в наших рядах, приказываю:

- 1) Образовать Русский ОбщеВоинский Союз...
- 2) Включить в РОВС все офицерские общества и союзы, вошедшие в состав Русской Армии, все воинские части и войсковые группы, рассредоточенные в разных странах на работах, а также отдельные офицерские группы и отдельных воинов, не могущих по местным условиям войти в какие-либо офицерские общества...
- 3) Сохранить за офицерскими обществами и союзами, включенными в состав РОВС, их названия, самостоятельность во внутренней жизни и порядок внутреннего управления, установленные ныне действующими уставами...

5) Общее управление делами Русского ОбщеВоинского Союза сосредоточить в моем Штабе».

Врангель определил географическую структуру РОВСа:

I отдел — французский («из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных в Англии, Франции, Бельгии, Италии, Чехословакии, Дании и Финляндии»);

II отдел — германский («из расположенных в Германии и Королевстве Венгрии»);

III отдел — прибалтийский «из расположенных на территории Польши, Данцига, Литвы, Латвии и Эстонии»;

IV отдел — югославский («из расположенных в Королевстве СХС и в Греции»);

V отдел — «из находящихся на территории Болгарии и Турции».

На югославской земле осталось немало русских беженцев. Всем русским беженцам давали пособие — 400 динаров в месяц, неплохое подспорье для тех, кто лишился всего имущества. Король Александр I Карагеоргиевич воспитывался в России, говорил по-русски и обещал русским помогать. Он построил в Белграде Русский дом имени казненного Николая II.

Но Врангель хотел перевести организационный центр эмиграции в Париж. В 1924 году начальником 1-го отдела РОВСа, во Франции, он назначил Шатилова.

Третий, «наиболее важный» для военной эмиграции отдел Врангель сразу подчинил своему помощнику генералу Евгению Карловичу Миллеру: балтийские страны непосредственно граничили с Советской Россией.

Одиннадцатого сентября 1924 года в секретном предписании № 678/А Врангель разъяснил: «Образование Русского ОбщеВоинского Союза подготавливает возможность на случай необходимости под давлением общей политической обстановки принять Русской армии новую форму бытия в виде воинских союзов... Это соображение не могло быть приведено в приказе ввиду его секретности».

Петр Николаевич хотел сохранить единство воинского коллектива, разбросанного по разным странам и снявшего с себя форму. Мечтал не только соединить в РОВС всю военную эмиграцию, но и превратить его в ядро, вокруг которого сгруппируются все беженцы из России. Ради всеобщего сплочения еще 8 сентября 1923 года Врангель подписал приказ № 82, запретив своим офицерам вступать в политические партии и организации.

Шестнадцатого ноября 1924 года великий князь Николай Николаевич

принял на себя Верховное возглавление Русского Зарубежного Воинства.

Монархисты в эмиграции поделились — на николаевцев и кирилловцев.

Второго марта 1917 года Николай II отрекся от престола в пользу младшего брата великого князя Михаила Александровича. Но тот на престол не вступил. 3 марта великий князь Михаил Александрович, гвардейский офицер, страстный автолюбитель и поклонник аэропланов, подписал акт об отказе от восприятия верховной власти: «Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, выраженная Учредительным собранием... Прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Если бы Михаил Александрович отрекся, тогда следующим в порядке престолонаследия был бы двоюродный брат Николая II — великий князь Кирилл Владимирович, потому что его отец был следующим за Александром III сыном Александра II. Но Михаил Александрович не отрекся от своих прав на престол. Он решил ждать решения Учредительного собрания. И это поставило Романовых в трудное положение. Заявить о своем праве на трон значило подорвать авторитет старшего члена династии, старшего не по возрасту, а по положению в доме Романовых.

Но 13 сентября 1924 года Кирилл Владимирович, который обосновался в Цюрихе, объявил, что принял титул императора в изгнании:

«Осенив себя крестным знаменем, объявляю всему народу русскому:

Надежда наша, что сохранилась драгоценная жизнь государя императора Николая Александровича, или наследника цесаревича Алексея Николаевича, или великого князя Михаила Александровича не осуществилась...

Российские законы о престолонаследии не допускают, чтобы императорский престол оставался праздным после установленной смерти предшествующего императора и его ближайших наследников...

Посему я, старший в роде царском, единственный законный правопреемник Российского императорского дома, принимаю принадлежащий мне непререкаемо титул Императора Всероссийского».

Он стал именовать себя император Кирилл I. Обратился за поддержкой

к вдовствующей императрице Марии Федоровне (супруге Александра III):

«Дорогая Тетя Минни!

Ты должна мне дать свое благословение ныне, когда я принимаю на себя тяжелые обязанности царского служения, прерванного великой русской смутой и при низверженном престоле и попорченной России. При таких тяжелых условиях я принимаю только обязанности сына твоего, и отныне моя жизнь будет одним долгим мученичеством».

Императрица Мария Федоровна ответила отказом: «Болезненно сжалось сердце МОЕ, когда Я прочитала манифест Великого Князя Кирилла Владимировича, объявившего себя ИМПЕРАТОРОМ ВСЕРОССИЙСКИМ. До сих пор нет точных известий о судьбе МОИХ возлюбленных СЫНОВЕЙ и ВНУКА, а потому появление нового Императора Я считаю преждевременным».

Николай Николаевич вовсе отверг притязания Кирилла Владимировича на трон:

«Будущее устройство ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО может быть решено только на РУССКОЙ ЗЕМЛЕ, в соответствии с чаяниями РУССКОГО НАРОДА».

Другие эмигранты, особенно военные, ориентировались на бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, сына младшего брата Александра II. Считали, что Кирилл недостойн трона — как командир гвардейского морского экипажа в феврале 1917 года он перешел на сторону Временного комитета Государственной думы.

Кутепов не признал Кирилла Владимировича, сказал, что тот по своим личным качествам неприемлем и армия за ним не пойдет. И Николай Николаевич симпатизировал генералу Кутепову. В марте 1923 года Александр Павлович приехал во Францию с новеньким русским паспортом, выписанным ему всё еще существовавшим в Болгарии старым русским посольством. Визу ему выдала французская миссия в Белграде.

Никанор Савич записал в дневнике 25 марта 1923 года: «В Париже провели две недели Кутепов и Шатилов. Кутепов попроще, более прямолинеен, решителен, у него много темперамента и слабые сдерживающие центры. Он горит от нетерпения. Шатилов потоньше, похитрее, лучше разбирается, осторожен. Кутепов весь пылает идеями, что спасение в Николае Николаевиче. Шатилов осторожно зондирует, нельзя ли еще использовать Врангеля. Под конец эта идея у него пропала, но осталось чувство обиды за армию и ее вождя, коих якобы недостаточно ценят, хоронят раньше времени».

Кутепов сказал:

— Для водворения порядка придется пролить много крови. Надо, чтоб эту задачу выполнил не царь, а другое лицо, а царь начнет свое царствование не казнями, а амнистией. Черную работу должен исполнить Николай Николаевич.

Великий князь, считал Кутепов, должен не императором себя провозглашать, а стать центром национального движения, возглавить армию, которая вернется в Россию под трехцветным знаменем. Савич отметил в дневнике, что его окружение, особенно жена, боится, что он подвергнет свою жизнь опасности — большевики за него возьмутся. Но сам Николай Николаевич намерен играть первые роли. Он крайне самолюбив и самоуверен. «Я понимаю теперь, — записал Савич, — почему императрица его боялась и не доверяла».

Кутепов перебрался в Париж. Престарелый великий князь Николай Николаевич переложил на молодого генерала основную работу. Однажды вечером Шатилов увидел Кутепова в кафе «Ренессанс» около «Комеди Франсез». Александр Павлович сидел один, глубоко задумавшись. Рассказал Шатилову, что Николай Николаевич предложил ему руководить работой против большевиков.

В начале марта 1924 года великий князь Николай Николаевич несколько раз вел откровенные беседы с Врангелем. Предложил поручить Кутепову «разведку внутри России, пропаганду, информацию».

Врангелю не нравилась тайная работа: толку мало, а люди гибнут. Однако же возразить великому князю не мог. Тогда Врангель отодвинул от себя Кутепова. Приказом № 14 от 21 марта 1924 года освободил от обязанностей помощника главнокомандующего.

Всем окончательно стало ясно, что между двумя генералами пробежала кошка.

Александр Павлович, не мысливший себя вне армии, с обидой воспринял увольнение. Пожаловался генералу Штейфону 5 мая 1924 года: «Я стал отходить от управления моими частями, как только заметил, что этого хотят другие. Из армии я уходить не хотел, предполагалась только командировка, но вышло иначе!»

Соперничество с Врангелем только усилилось. Петр Николаевич жаловался, что Николай Николаевич мало дает РОВСу, зато много Кутепову на его работу. Писал Шатилову о «подлой игре Кутепова».

А Кутепов жаловался Штейфону на равнодушие Врангеля: «Если я напишу об этом Петру Николаевичу, то он, наверное, поступит наоборот... С каждым днем всё более и более убеждаюсь, что свои интересы люди ставят выше интересов России, поэтому и появляется такая масса интриг и

сплетен!.. Прошу передать привет тем, которые меня не ругают, если таковые в Карловнах есть».

Кутепов сам руководил всей боевой и разведывательной работой РОВСа. И об этом быстро стало известно в Москве. Русский общевойсковой союз в Москве воспринимался как источник постоянной опасности. Агентурные данные свидетельствовали: стратегическая цель руководства РОВСа — вооруженное выступление против советской власти.

Конечно, в 1930 году рассеянные по Европе остатки Добровольческой армии лишь с большой натяжкой можно было рассматривать как непосредственную угрозу для страны. Но в Москве по-прежнему полагали, что в случае большой войны в Европе противник (или противники) Советского Союза неминуемо обратится за помощью к белогвардейцам.

Руководители РОВСа не отказались от своей стратегической цели — вооруженным путем свергнуть советскую власть. Не рассчитывали на новую войну в Европе, когда бы противники Советского Союза призвали под свои знамена полки Добровольческой армии. Но истово верили, что крестьяне и красноармейцы ненавидят большевистскую власть и нужен только десант, который бы поднял народ на восстание. Бывшие офицеры считали себя состоящими на военной службе, даже если давно уже работали таксистами, фабричными рабочими или консьержами. Вечерами и в воскресные дни проходили переподготовку, изучали боевые возможности Красной армии, ситуацию в Советском Союзе. Это позволяло им сохранять уверенность в себе. В своем кругу они ощущали себя боевыми офицерами, забывая свое бедственное эмигрантское положение.

Кутепов полагал, что большевики в Москве долго не продержатся, народ их свергнет. Надо просто помочь организовать внутреннее сопротивление большевистской власти.

Переехав в Париж, Кутепов приступил к созданию боевых групп для нелегального проникновения на советскую территорию и террористических актов. Человек властный и деспотичный, он хотел превратить РОВС из клуба ветеранов, вспоминающих былые битвы, в боевую организацию. Взрывчатка, оружие, снаряжение переправлялись в Советский Союз через границу — чаще всего финскую, румынскую или морским путем.

Советская разведка быстро установила, что за всем этим стоит Кутепов. Именно он превратился в ключевую фигуру военной эмиграции.

В Париже главным был великий князь Николай Николаевич. В Брюсселе — Врангель. Два лагеря не любили друг друга. Скоблин и Плевицкая старались ладить со всеми. Тем более что все эмигранты были

поклонниками творчества Надежды Васильевны.

Дочь Врангеля Наталья Петровна Базилевская вспоминала: «А вот кого я еще видела у нас в доме — так это Скоблина! Его корниловцы на руках носили. Женат он был на певице Плевицкой. Чудно пела!...»

«Мой путь с песней»

Плевицкая в те годы переживала настоящий творческий подъем. В Париже она пела для сослуживцев ее мужа. В январе 1926 года Надежда Васильевна отправилась выступать в Соединенные Штаты, где ее встретили так же восторженно. «Новое русское слово», ежедневная газета, выходящая в Нью-Йорке с дореволюционных времен, не жалело комплиментов Плевицкой: «Пела та, которая шаг за шагом прошла с нами весь наш крестный путь изгнания с его лишениями и печальями».

Многим эмигрантам запомнилось ее турне и особенно благотворительный концерт в нью-йоркском отеле «Плаза», когда «Сергей Васильевич Рахманинов неожиданно для всех сел за рояль в скромной роли аккомпаниатора. Жест Рахманинова создал Плевицкой большую рекламу в Америке».

«Она всякий раз много и охотно пела Сергею Васильевичу, который ей аккомпанировал, — сообщает биограф Рахманинова Софья Александровна Сатина. — Больше всех ее песен Сергею Васильевичу нравилась „Белолица“. Он находил эту песнь такой оригинальной, а исполнение таким хорошим, что специально написал к ней аккомпанемент и попросил компанию „Виктор“ сделать пластинку».

Рахманинов подарил ей свой портрет с подписью: «Здоровья, счастья, успеха дорогой Надежде Васильевне».

Скульптор Сергей Тимофеевич Коненков, который в 1923 году уехал в Америку, но предусмотрительно не рвал с советской властью, вспоминал: «Как-то я попал на концерт исполнительницы русских народных песен Плевицкой — в Америке. Аккомпанировал ей Сергей Васильевич Рахманинов. Можете представить, какое это было чудо!

Одета Плевицкая в русский сарафан, на голове кокошник — весь в жемчугах. Рахманинов в черном концертном фраке, строгий и торжественный. У Плевицкой, выросшей в русской деревне, жесты женщины-крестьянки, живые народные интонации, искреннее волнение в голосе. На концерте было много русских эмигрантов. Все были в восторге. У некоторых на глазах появились слезы. Всем хотелось, чтобы она пела вечно, чтобы никогда не умолкал ее проникновенный голос. Эмигрантам ее пение душу переворачивало. Голос Плевицкой казался им голосом навсегда потерянной Родины».

Коненков захотел ее вылепить: «Плевицкая согласилась позировать.

Работал я самозабвенно. Мне тоже хотелось, чтобы всегда звучал ее голос, чтобы образ красивой русской женщины-певицы не исчез из памяти народа. Ведь она первой вывела русскую народную песню на большую эстраду. На портрете, сделанном мной, Плевицкая одета в любимый наряд — сарафан и кокошник. Я постарался в облике ее подчеркнуть, что она русская, крестьянка».

Сергей Коненков в 1945 году решит вернуться на родину. Приятное событие для власти. За ним и его работами пришлют пароход. В Москве ему выделяют мастерскую на улице Горького и будут всячески обхаживать. Изберут в Академию художеств, наградят золотой звездой Героя Социалистического Труда, отметят Ленинской премией.

Во время успешных гастролей в Соединенных Штатах Надежда Васильевна дала и благотворительный концерт в пользу беспризорных детей в Советской России. Вот тогда в эмиграции впервые написали о Плевицкой с нескрываемым раздражением и злобой, объяснив ее поступок политическими мотивами:

«До революции 1917 года Плевицкая вращалась главным образом в правых кругах — даже в крайне правых. Она была членом Союза русского народа и близка к его руководителям — доктору Дубровину и г-же Полубояровой.

При большевиках Плевицкая скоро завязала с ними отношения и сумела сделаться у них своим человеком. Они посылали ее на фронт воодушевлять красноармейцев в борьбе с белыми. Ее имя они афишировали в объявлениях своих концертов.

В 1920 году Плевицкая была случайно захвачена белыми — отрядом Скоблина — на юге и осталась в Добровольческой армии. Вскоре она сошлась со Скоблиным, и в 1921 году в Галлиполи они повенчались. За границей, по-видимому, Плевицкая никогда не теряла своих чекистских связей, а чекисты никогда не теряли ее из вида как своего человека. Плевицкая через импресарио Афанасьева делала попытку получить визу в СССР, но большевики ей в этом отказали, — может быть, потому, что считали, что она может им оказаться более полезной за границей, а не в СССР. Плевицкая ездила в Америку и там выступала на концертах, которые для нее иногда устраивали большевики и большевизаны».

— Не буду же я оправдываться, — говорила Надежда Васильевна, — если меня начнут обвинять, что я украла Эйфелеву башню и спрятала ее в карман.

Обиженное и разочарованное «Новое русское слово» возмутилось поведением Плевицкой в статье под знаковым заголовком «Глупость или

измена?».

— Я артистка и пою для всех, — отвечала Надежда Васильевна. — Я вне политики.

Ее не раз заподозрят в том, к чему она не имела отношения. Объявят соучастницей того, к чему она не была причастна.

Успешные американские гастроли Плевицкой продолжались больше года — Нью-Йорк, Детройт, Филадельфия... Во Францию Николай Владимирович и Надежда Васильевна вернулись в мае 1927 года. И она сразу начала выступать перед французскими русскими. 2 июля в Обществе галлиполийцев спела свою знаменитую:

Занесло тебя снегом, Россия,
Запуржило седую пургой,
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой.

Она много работала. Гастроли в других странах перемежались с поездками по французским городам, где обосновались русские, мечтавшие ее услышать.

Впрочем, не все ею восхищались. Федор Степун в 1932 году выступал в Праге и довольно жестко отозвался о тех, кто ищет утешения «в подмене лжерелигиозным чувством подлинной тоски по родине, по ее пейзажу и быту. За отсутствием русских полей и русского города ищут утешения в русской церкви. На паперти этой церкви громогласный глас дьякона сливается с песней Плевицкой и гитарой цыганского хора. Православие, церковь, Корнилов, Ледяной поход, Галлиполи замыкаются в ложный круг единых эмоций».

Надежда Васильевна Плевицкая оставила две книжки воспоминаний. Первая «Дёжкин карагод. Мой путь к песне» вышла в Берлине в 1925 году. Это рассказ о детстве, о первых шагах в искусстве: «Никогда я не думала, что буду сидеть у озера близ Парижа, наблюдать, как французские граждане ловят рыбу, и вспоминать мое дорогое, мое невозвратное!.. Далеко меня занесла лукавая жизнь».

Подлинный автор книжки, изданной от имени Плевицкой, — Иван Созонтович Лукаш, бывший доброволец. Он стал известен в эмиграции благодаря роману «Бел-Цвет». Он же сочинил воспоминания белому генералу Антону Васильевичу Туркулу.

Автор предисловия к книжке Плевицкой — Алексей Михайлович

Ремизов, стоявший особняком в эмигрантской литературе и любивший экспериментировать со словом. Оба писателя сильно нуждались и охотно взялись за денежную работу, не подозревая, что со временем мемуары Плевицкой окажутся столь востребованы.

Издая книжки Плевицкой на свои деньги друживший с Надеждой Васильевной еще один эмигрант — Макс Яковлевич Эйтингон (иногда его называют Марком Яковлевичем), известный в Европе врач-психиатр. Он же оплатил издание составленной Скоблиным «Истории Корниловского полка» в Париже.

Воспоминания Плевицкой получились удачными. Михаил Андреевич Осоргин, русский писатель, который в 1921-м вынужден был уехать из России и жил во Франции, высоко оценил «изумительную книгу»: «Что Плевицкая — высокоталантливая исполнительница народных песен, это теперь известно всем. Новостью для нас является вновь открытый ее талант литературный».

Вторая книжка, «Мой путь с песней», выпущенная парижским издательством «Таир» в 1930 году, начиналась так:

«На чужбине, в безмерной тоске по Родине, осталась у меня одна радость: мои тихие думы о прошлом.

Том дорогое прошлое, когда сияла несметными богатствами матушка Россия и лелеяла нас в просторах своих.

Далека родимая земля, и наше счастье осталось там».

Надежда Васильевна за границей не прижилась. Очень скучала по России.

Книга посвящена «любимому другу» Эйтингону. Эта фамилия много десятилетий вводит всех интересующихся Плевицкой в заблуждение.

Макс Эйтингон родился в Могилеве в 1881 году. Сын крупного предпринимателя, успешно торговавшего мехами. В 1893 году из России семья переехала в Германию, в Лейпциг. Макс выучил 13 языков. Изучал философию и медицину, защитил докторскую диссертацию в Цюрихе, заинтересовался психоанализом. Он был близок с Зигмундом Фрейдом, который его высоко ценил. Возглавил Международное общество психоаналитиков. Создавал институты психоанализа, общества психоаналитиков, открывал издательства и библиотеки научной литературы, выпускаемой за его счет.

Эйтингон был меценатом, издавал все книги Зигмунда Фрейда и всячески помогал русской эмиграции. Словом, с пользой тратил оставшиеся от отца большие деньги.

А вот его троюродный брат Наум Исаакович (Леонид Александрович)

Эйтингон — знаменитый чекист, дослужившийся на Лубянке до генеральских погон.

Он родился в 1899 году в тех же краях, в Могилевской губернии. В 1917 году присоединился к левым эсерам, привлекавшим радикально настроенную молодежь. Многие левые эсеры пошли потом в ЧК. Осенью 1919-го Эйтингон присоединился к большевикам. 10 мая 1920 года его взяли в Гомельскую губернскую ЧК. В 1925-м он окончил военную академию. Работал в Китае, Турции, Испании, где шла гражданская война. Принял деятельное участие в убийстве бывшего члена политбюро, наркома по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета Республики Льва Давидовича Троцкого в далекой Мексике. Получил орден Ленина. В Великую Отечественную войну — заместитель начальника Четвертого управления НКВД (террор и диверсии в тылу противника).

После войны участвовал в похищении атомных секретов в США. А в октябре 1951 года генерал-майор Эйтингон был арестован. Обвинение: «Вступил в связь с особо опасными преступниками и, действуя вместе с ними, проводил вражескую работу против ВКП(б) и Советского государства».

В марте 1953 года, после смерти Сталина, Лаврентий Павлович Берия, назначенный министром внутренних дел, собирал вокруг себя проверенные кадры. Поручил генерал-полковнику Сергею Арсеньевичу Гоглидзе выяснить, где Эйтингон. Тот доложил: «Он в тюремной больнице в Лефортово, по поводу язвы желудка, но поправится ли он, мне неизвестно».

Берия велел навестись в тюрьму, выяснить состояние здоровья Эйтингона и дать распоряжение администрации тюрьмы улучшить его питание. Укоризненно заметил: Эйтингона посадили в тюрьму, а он сделал большое дело для страны. 19 марта Берия подписал постановление о прекращении уголовного дела в отношении Эйтингона: в его действиях отсутствует состав преступления, и он подлежит немедленному освобождению из-под стражи и полной реабилитации...

Эйтингона зачислили в МВД заместителем начальника 9-го отдела (террор и диверсии). А после ареста Лаврентия Павловича опять арестовали. Новое обвинение: «По заданию Берии осуществлял связи с троцкистами и представителями других враждебных партий за рубежом». Ему дали 12 лет. Освободился он в 1964 году...

Многие полагали, что братья Эйтингоны работали на советскую разведку! Что Макс Эйтингон участвовал в похищении белого генерала Миллера и что именно он еще в 1920-е годы завербовал Плевицкую!

Когда после похищения Евгения Карловича Миллера на скамье

подсудимых оказалась Надежда Васильевна, то во время процесса председательствующий, с подозрением глядя на нее, задал вопрос:

— Вы получали деньги от господина Эйтингона. Кто он такой?

— Очень хороший друг, ученый-психиатр. А его жена — бывшая артистка Московского Художественного театра.

— Вы состояли в интимных отношениях с Эйтингоном? — Вопрос явно не относился к делу.

— Я никогда не продавалась, — ответила Плевицкая. — Подарки получала от обоих. А если мой муж одалживал у него деньги, то я этого не знаю.

— Как же так? Вы ведь сами говорили на следствии, что Эйтингон одевал вас с ног до головы.

— Нет. Так я сказала случайно.

— Русских нравов я не знаю, — недовольно констатировал судья, — но все-таки странно, что жену русского генерала одевал человек со стороны.

Надежда Васильевна с мужем подолгу гостили в фешенебельном особняке Эйтингонов в районе Тиргартена в Берлине. Плевицкая участвовала в вечерах и приемах, которые часто устраивала эта хлебосольная и гостеприимная семья. Макс Эйтингон действительно давал Плевицкой деньги, потому что они с женой ценили ее как певицу. Надежда Васильевна дружила с Миррой Яковлевной Эйтингон.

Первая книжка воспоминаний Плевицкой вышла тиражом в три тысячи экземпляров. Из них 50 — нумерованных — предназначались для подарков. Первый Плевицкая 1 января 1925 года преподнесла жене Эйтингона с надписью: «Мирре Яковлевне, нежно любимому другу моему, радости моей светлой, благодаря которой „Дёжка“ снова узнала счастье, и до конца дней своих „Дёжка“ не разлюбит и не забудет свою „Фею“». И вторую книгу тоже подарила Мирре Яковлевне: «Фее моей любимой. 23 декабря 1929 г. Париж».

В молодости Мирра Яковлевна играла у Константина Сергеевича Станиславского в Московском Художественном театре. Она выходила на сцену в премьеру «Синей птицы», поставленной Станиславским в 1908 году по пьесе бельгийского драматурга Мориса Метерлинка. Но Мирре пришлось покинуть театр, потому что власть запретила артистам-евреям играть на столичной сцене.

Она в ту пору была замужем за Борисом Иосифовичем Харитоном, редактором газеты «Речь». Потом у нее начался роман с драматургом Осипом Дымовым. Ревнивый муж стрелял в счастливого соперника. Все

остались живы. Но Мирра Яковлевна ушла от мужа, оставив его с маленьким сыном Юлием.

Гениальный физик Юлий Харитон станет одним из создателей советского атомного оружия, академиком, трижды Героем Социалистического Труда. В конце 1920-х годов он несколько раз побывал у матери в Берлине, что тщательно скрывал. Его отца, Бориса Харитона, выслали из Советской России в 1922 году. Он жил в Риге, редактировал русскую газету «Сегодня». В 1940 году в Латвию вошла Красная армия, чекисты арестовали Бориса Харитона, и он погиб в лагере. Его сын академик Юлий Харитон стал невыездным, ходил с приставленной к нему охраной. Мать Юлия, Мирра Яковлевна, в эмиграции вышла замуж третьим браком за Макса Эйтингона.

Во время суда в Париже над Плевицкой имя Макса Эйтингона прозвучало в самом негативном для него контексте. Слухи о его причастности к похищению генерала Миллера быстро достигли Палестины, куда уехали Эйтингоны после прихода нацистов к власти. В Палестине он создал Институт психоанализа.

Макс Эйтингон счел необходимым отправить в местную газету «Гаарец» письмо:

«С удивлением узнал я о том, что был связан с похищением русского генерала Миллера, о чем примерно год назад с содроганием прочитал в газетах.

Это верно, что г-жа Плевицкая и ее муж, генерал Скоблин, посещали нас, меня и мою жену, во время нашего пребывания в Париже, так же как и несколько лет назад, когда мы жили в Берлине. Многим читателям газеты „Гаарец“ известно, что г-жа Плевицкая — популярная русская певица, и мы были ее поклонниками и друзьями.

Жуткие события, которые привели к суду во Франции, произвели на нас угнетающее впечатление. Однако вынесенный приговор не имеет ко мне никакого отношения. В течение примерно тридцати лет я имел в Берлине медицинскую практику, ни на что другое не отвлекаясь. Я сожалею, что перед тем, как опубликовать материал о моей причастности к делу о похищении, ко мне не обратились за разъяснениями».

Макс Эйтингон умер в 1943 году, его жена ушла из жизни четырьмя годами позже. Но разговоры о двойной игре, которую будто бы вел признанный мастер психоанализа, не прекращаются и по сей день.

Скоблин, как уже говорилось, всегда сопровождал Надежду Васильевну. Ради жены Николай Владимирович оставлял свои обязанности в Корниловском полку. Когда гастроли в Америке затянулись, в начале 1927

года Врангель освободил его от командования корниловцами. В Европу Надежда Васильевна и Николай Владимирович вернулись только весной 1927 года. Обиженный Скоблин задал вопрос: почему его отстранили?

В приказе № 24, подписанном 9 сентября 1927 года, председатель РОВСа барон Врангель пояснил: «Ввиду отъезда командира Корниловского Ударного Полка генерал-майора Скоблина в Америку, генерал-лейтенант Витковский вошел с представлением об освобождении генерал-майора Скоблина от должности командира полка. Представление вызывалось невозможностью для генерал-майора Скоблина продолжать из Америки руководить жизнью части, находящейся в Европе».

Владимир Константинович Витковский Первую мировую войну закончил командиром полка, в Гражданскую командовал Дроздовской дивизией, 2 октября 1920 года у Врангеля принял 2-ю армию и стал генерал-лейтенантом... Но если кто-то и недолюбливал Скоблина, то многие ценили. Генерал Шатилов позаботился о его возвращении в Корниловский полк. Убедил Врангеля: причина увольнения из полка — «личное генерала Витковского нерасположение к Скоблину». В длительных отлучках Николая Владимировича Шатилов видел пользу для общего дела: «Постоянные его объезды по Европе только способствуют связи с подчиненными».

Скоблин написал Врангелю рапорт. Петр Николаевич 9 сентября 1927 года подписал приказ № 35 о возвращении Скоблина на службу.

Врангель предпочел тихий Брюссель, а центром активной деятельности русской эмиграции стал Париж. Получилось, что Петр Николаевич наблюдает за всем со стороны.

Операция «Трест»

Многое было скрыто от Плевицкой и Скоблина. Она жила сценой. Он в значительной степени жил ее интересами, почти полностью был поглощен ее делами и заботами. Но некоторые события врывались и в их жизнь. История «Треста» поразила всю эмиграцию. Тем более что Плевицкая и Скоблин знали многих ее участников.

Теперь-то операция «Трест» широко известна. Классика. Еще в советские времена было решено частично ее рассекретить. Появились роман Льва Вениаминовича Никулина «Мертвая зыбь», многосерийный фильм кинорежиссера Сергея Николаевича Колосова. Один из первых отечественных сериалов — с Донатасом Банионисом и Людмилой Касаткиной — обессмертил эту операцию советской разведки.

Считается, что тактику выманивания из-за рубежа врагов разработал сменивший Феликса Эдмундовича Дзержинского на посту руководителя ведомства госбезопасности Вячеслав Рудольфович Менжинский, в котором страсть к революции соединялась с любовью к литературе.

Менжинский был одним из участников «Зеленого сборника стихов и прозы» (издан в 1905 году), где впервые напечатался популярный и поныне поэт, музыкант и певец гомосексуальной любви Михаил Алексеевич Кузмин, интимный друг Георгия Чичерина, будущего наркома иностранных дел. Менжинский, опять же вместе с Кузминым, принял участие и в сборнике «Проталина» (1907 год). Тяга к художественному творчеству, правда, в несколько извращенной форме, не оставляла его и на службе в госбезопасности.

Чекисты придумали мифическую подпольную организацию — Монархическое объединение Центральной России (МОЦР). От ее имени агенты госбезопасности отправились в Европу с предложением сотрудничества. И некоторые лидеры эмиграции вступили в контакт с мнимыми подпольщиками.

В Сремские Карловцы из Москвы приехал бывший генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов, хорошо известный в военной среде.

Сын вольноотпущенного крепостного крестьянина, он окончил 1-й Московский кадетский корпус, артиллерийское училище и Академию Генштаба. Служил помощником военного атташе в Австро-Венгрии, участвовал в создании армии Черногории. В разгар Первой мировой, в 1915 году, вернулся в Россию, принял должность генерал-квартирмейстера

(начальника оперативного управления) Генштаба. Во время Февральской революции стал заместителем начальника Генштаба. Он еще до Октября поддержал большевиков и не прогадал. Продолжил службу в Наркомате по военным и морским делам. В 1922 году его попросили помочь разведке, о чем, разумеется, никто не знал.

Потапова командировали за границу — в Берлин, Варшаву, Париж. Как говорилось в приказе члена Реввоенсовета (и недавнего заместителя председателя ВЧК) Иосифа Станиславовича Уншлихта, «для подбора вышедших после войны французских, немецких, английских, итальянских и польских военных изданий для библиотеки наркома».

В реальности Потапов, выполняя задание чекистов, выдавал себя за активного участника подпольной монархической организации, которая готовила в стране военный переворот и нуждалась в помощи белой эмиграции и иностранных разведок.

Русский общевоинский союз считался в Москве главным противником, поэтому Потапов и обратился к РОВС с предложением наладить сотрудничество. Врангель не пожелал иметь с ним дело. Первым заподозрил неладное. В ноябре 1923 года назвал МОЦР чекистской провокацией, «советской азефовщиной».

Другим соблазнителем легковой эмиграции выступил бывший сотрудник царского Министерства путей сообщения Александр Александрович Якушев. В 1921 году он был арестован чекистами, сидел во внутренней тюрьме. Ему предложили сотрудничество, он согласился. Его пышно именовали председателем политического совета Монархической организации Центральной России. Ему оформляли заграничные командировки по линии Наркомата внешней торговли и поручали наладить контакты с эмиграцией.

Алексей Александрович фон Лампе 7 августа 1923 года пригласил Якушева в свою берлинскую квартиру. На встречу пришли трое — бывший директор Департамента полиции Евгений Константинович Климович, бывший прокурор Московской судебной палаты Николай Николаевич Чебышев и бывший депутат Государственной думы Василий Витальевич Шульгин. Побеседовав с московским гостем, опытный Чебышев сразу вынес приговор: провокатор.

Зато на удочку советской разведки попался Александр Павлович Кутепов. В июне 1924 года он встретился с Якушевым и поверил в реальность «Треста», хотя более изощренный человек догадался бы, что с ним ведут игру.

«Александр Павлович Кутепов, — отмечали соратники, — сохранял

неискоренимую слабость доверять авантюристам, совершенно не знал техники этого дела и весьма плохо разбирался в людях. Сам он был убежден, что его трудно провести».

Генерал фон Лампе был начальником 2-го отдела РОВСа в Берлине. Первую мировую войну он окончил исполняя должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. У Врангеля служил в управлении генерал-квартирмейстера Кавказской Добровольческой армии. В 1923 году обосновался в Германии.

Лампе рассказывал, как однажды увидел Кутепова на улице в Берлине:

— Заметив меня, он сделал каменное лицо. Я понял, что он не желает, чтобы я его узнал, а потому прошел мимо, сделав тоже каменное лицо. Александр Павлович уехал из Берлина, не повидавшись со мной.

Кутепов понимал, что фон Лампе не верит в «Трест», поэтому избегал его.

Генерал Шатилов тоже жаловался:

— Никто из нас не знает, что делает Александр Павлович в Совдепии. Он ото всех таит свои секреты. Всё делает сам.

Кутепов, а вслед за ним и Скоблин с Плевицкой оказались вовлечены в незнакомый и непривычный им круг странных, незаурядных, неординарных, но очень опасных людей. Романтики, которые легко убивают бывших коллег. Бессребреники, занимающиеся подделкой казначейских билетов. Тонкие натуры, не останавливающиеся перед нарушением любых норм морали и нравственности.

1920–1930-е годы — время, когда в разведку шли ради острых ощущений, убегая от скучных будней. Благородная мужская забава, почище охоты на диких зверей. Авантюрная жизнь влекла к себе любителей сильных эмоций. Но не всякий мог выжить в этом мире. Главной героине этой книги Надежде Васильевне Плевицкой лучше было бы держаться от него подальше.

Врангель потом скажет:

— Как я был прав, когда отмежевался от этой глупости и грязи.

Чекисты прекрасно знали, с кем имеют дело. А Кутепов и не подозревал, кто против него работает. Монархическую организацию Центральной России придумал один из самых известных чекистов — Артур Христианович Артузов.

Его настоящая фамилия — Фраучи. Он родился в феврале 1891 года в деревне Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье кустаря-сыровара, эмигранта из Швейцарии. Заполняя советские анкеты, называл себя то швейцарцем, то итальянцем. Артур Фраучи с отличием окончил

гимназию, учился в Петроградском политехническом институте. Прекрасно пел, у него был сильный тенор, участвовал в любительских спектаклях. Но его тянуло не к искусству, а к политике.

Его судьбу определило родство с двумя влиятельными большевиками — Николаем Ивановичем Подвойским, одним из комиссаров по военным делам в первом советском правительстве, и Михаилом Сергеевичем Кедровым, начальником особого отдела ВЧК. Кедров и Подвойский были его дядьями, оба женились на сестрах его матери.

В январе 1919-го Артузова взяли в ВЧК. А всего через три года, в июле 1922-го, утвердили начальником важнейшего контрразведывательного отдела ОГПУ.

Операцию «Трест» разработал его коллега — Владимир Андреевич Стырне, помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ.

Бежавшие из России военные и политики хотели верить — не могли не верить! — в то, что в России крепнет антибольшевистское движение. Кутепов мечтал установить отношения с кем-то из высших советских военачальников, например с Михаилом Николаевичем Тухачевским, и совершить переворот — свергнуть большевиков. И казалось, его мечта исполнилась!

В ходе операции «Трест» чекисты активно занимались дезинформацией. В 1923 году политбюро санкционировало создание межведомственного Бюро по дезинформации (Дезинфбюро). Задачей его было «составление, техническое изготовление целого ряда ложных сведений, документов, дающих неправильные представления противникам о внутреннем положении России, об организации и состоянии Красной армии, о политической работе, о руководящих партийных и советских органах, о работе наркома иностранных дел».

Агенты Иностранного отдела, установив связь с лидерами военной эмиграции, передавали им фальсифицированную информацию — прежде всего о Красной армии. Эту дезинформацию специально готовили в штабе Красной армии. Согласие на эту работу дал заместитель наркома обороны Тухачевский, самый яркий советский военачальник предвоенного времени. Пройдут годы, маршала арестуют и обвинят в том, что он передавал врагу сведения о Красной армии.

Агенты ИНО ОГПУ рассказывали представителям эмиграции, что в состав подпольной организации входит немалое число военных, которые готовят государственный переворот. Для того чтобы представить мнимую подпольную монархическую организацию авторитетной и могущественной, руководители Иностранного отдела приняли решение

сообщить через свою агентуру, что сам Тухачевский привлечен к «Тресту» и полностью на стороне заговорщиков.

Владимир Стырне был заинтересован в том, чтобы операция «Трест» получила как можно большие масштабы. Мнимое участие в подпольной организации такой фигуры, как Тухачевский, повышало ее привлекательность для белой эмиграции и иностранных разведок.

Осенью 1923 года посланные Кутеповым в Советский Союз его доверенные лица настолько попали под влияние агентов ОГПУ, что подтвердили: Тухачевский тоже входит в антисоветское подполье! Вот и пошли в эмиграции разговоры о том, что Тухачевский — это красный Бонапарт, который готовится прийти к власти.

В какой-то момент в Москве сообразили, что нельзя компрометировать столь крупного военачальника. Артузов и Стырне получили указание прекратить распространение слухов, компрометирующих Тухачевского. Но вместо того, чтобы сообщить, что военачальник отказался от антисоветской деятельности, эмиграцию информировали, что внутри подполья возникли склоки, Михаила Николаевича оттеснили другие военные и он ушел из монархической организации вместе с частью своих сторонников...

В 1925 году агент ОГПУ бывший царский полковник Александр Николаевич Попов, побеседовав в Берлине с одним из видных эмигрантов генералом Василием Викторовичем Бискупским, доложил в Москву: «Бискупский очень интересовался, что из себя представляют Тухачевский и новые командующие округами. А когда я ему несколькими мазками нарисовал Тухачевского как чистейшего бонапартиста, то он сказал, чтобы мы обещали ему, что государь (имеется в виду великий князь Кирилл Владимирович) его назначит флигель-адъютантом, если он перейдет на нашу сторону в нужный момент».

В 1927 году Попов вместе с другим агентом советской разведки собрался в командировку по европейским столицам. В инструкции, составленной для них, говорилось, что на вопрос, кто возглавит Россию в случае переворота, они должны ответить так: «Считаясь со свойствами характера, с популярностью как в обществе, так особенно в армии, и с жизненной подготовкой, организация наметила на эту роль Тухачевского, который, конечно же, об этом не знает, но окружение его в этом случае настолько подготовлено в нужном направлении, что у нас нет никаких сомнений, что в нужную минуту он будет с нами и во главе нас».

В разговорах с лидерами эмиграции имя Тухачевского возникало постоянно. Таким образом, на Западе утвердилось представление о Михаиле Николаевиче как о лидере военной оппозиции, о чем уже открыто

писала западная пресса. Вся эта информация возвращалась назад в Москву по разведывательным каналам и докладывалась Сталину, укрепляя его во мнении, что Тухачевский опасный человек...

Я всегда с изумлением читаю рассказы об агентах влияния, о дьявольских замыслах закулисных махинаторов, которые способны на всё, могут даже государство развалить. Нет уж, ни одна чужая разведка не способна нанести такой ущерб стране, как собственные спецслужбы. История Тухачевского это подтверждает.

В январе 1937 года, в разгар массовых репрессий, уже отстраненный от дел Артузов отправил наркому внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову донос: в архивах Иностранного отдела хранятся донесения закордонных агентов, сигнализировавших об антисоветской деятельности Тухачевского и о существовании в Красной армии тайной троцкистской организации.

Что можно сказать об этом поступке Артузова? Он руководил операцией «Трест» и прекрасно знал, с какой целью Западу внушали, будто Тухачевский настроен антисоветски. Но в 1937 году судьба самого Артузова висела на волоске, и он был готов любыми средствами доказать начальству, что еще может пригодиться. Не пригодился. Его расстреляли через два с лишним месяца после маршала Тухачевского...

Двадцать пятого октября 1926 года Кутепов поделился своей радостью с генералом Штейфоном: «Наши дела продвигаются. События разворачиваются, работа внутренних сил идет успешно, но, конечно, вот это происходит не так быстро, как мы бы все захотели. Надо ждать еще года два! Коммунизм в России пережил себя, руководители потеряли почву, поэтому заметались и ищут выхода. Разлад в большевистской партии очень сильно усугубляется».

Знавшие Кутепова люди говорили, что он был создан для строевой службы. На поле боя знал, что делать, и никогда не терялся. Но интриги, заговоры, тайные операции — это ему чуждо. Он сам сознавался: «Держусь от всего подальше и не хочу путаться во все интриги, которые здесь называются политикой».

Но деятельная натура Кутепова не принимала безделья: «Мне кажется, что наше изгнание продолжится еще около двух-трех лет, так как обстановка складывается пока для нас неблагоприятно. Сдвиг в Европе произошел в нашу пользу, но, к сожалению, еще недостаточный, чтобы сдвинуть наше общее дело с мертвой точки. До интервенции далеко! Мне кажется, что спасение нашей Родины пока можно ждать только от событий в России... Положение в Совдепии будет ухудшаться с каждым днем, а мы

будем приближаться к нашей России». Потому и попался на удочку Якушева, присланного чекистами. Убедиться в подлинности того, что ему рассказывал Якушев, Кутепов отправил человека, которому всецело доверял.

Мария Владиславовна Лыкова окончила Смольный институт. Вышла замуж за поручика лейб-гвардии Семеновского полка Ивана Сергеевича Михно. Он был смертельно ранен на фронте в 1914 году. Получив высочайшее разрешение, Мария поступила вольноопределяющейся в Елизаветградский гусарский полк, была награждена за храбрость. Не приняла власть большевиков. Вышла замуж за сослуживца по полку ротмистра Григория Александровича Захарченко. Он сражался в армии Врангеля и погиб под Каховкой. Она эвакуировалась в Галлиполи.

Плевицкая и Скоблин, как и другие эмигранты, не без восхищения следили за судьбой Марии Захарченко. Поразились, когда в 1923 году она вступила в РОВС.

Мария Владиславовна вновь вышла замуж — за штабс-капитана Георгия Николаевича Радкевича. Осенью 1923 года с документами на имя супругов Шульц они перешли эстонскую границу. В служебной переписке они именовались «племянниками», поэтому Марию Владиславовну ошибочно называют родственницей Кутепова. 9 октября они добрались до Петрограда, а оттуда в Москву. Здесь их опекал один из главных агентов ОГПУ в операции «Трест» Фриц Эдуард Опперпут (настоящая фамилия Упелиньш).

Опперпут родился в Латвии, воевал в Первую мировую, в 1917 году присоединился к левым эсерам, вступил в Красную армию, дослужился до должности помощника начальника штаба внутренних войск Западного фронта. Он тайно помогал злейшему врагу советской власти Борису Викторовичу Савинкову. После поимки Савинкова Опперпут тоже был арестован. Спасая жизнь, изъявил желание сотрудничать с ОГПУ и был привлечен к работе в роли секретного сотрудника.

Его освободили, снабдили документами на имя Эдуарда Оттовича Стауница, включили в операцию «Трест» в качестве одного из руководителей МОЦР — финансового директора. Историки обращают внимание на рекордное количество агентуры в этом деле — чекисты включили в работу полсотни человек.

Чекисты позволили Захарченко и Радкевичу благополучно пересечь границу в обратную сторону, чтобы они убедили Кутепова в реальности подпольной организации. Работали с ними в Москве очень активно. Демонстрировали возможности мнимого Монархического центра.

Помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Владимир Стырне 5 февраля 1925 года доложил Артузову об успехе операции «Трест»:

«Офицерские союзы в данное время, по сведениям, почерпнутым из разных источников, находятся в состоянии распада. Трест же продолжает переписываться и сохраняет прежние хорошие отношения и с Кутеповым, и с Ник. Ник., и с Врангелем...

Чувствуя шаткость своего положения, Кутепов вызвал племянницу в Париж для своей поддержки, которая, конечно, внесет еще большую путаницу в создавшуюся обстановку, сумеет одновременно должным образом рекламировать Трест, и тем самым мы в Кутепове будем иметь еще более преданного нам человека, а в лице племянницы мы будем иметь такого человека, который будет всегда идти против интервенции, с другой стороны, рекламировать Трест, и, кроме того, будет такой сотрудницей, которая выполнит любое наше поручение с полной готовностью и с абсолютной точностью».

Стырне оказался прав. Захарченко убедила Кутепова в надежности МОЦР и вернулась в Москву. У нее начался роман с Опперпутом. Чекисты поручили ему под любым предлогом отговорить ее от боевых операций. Но он чувствовал, что операция «Трест» близится к завершению. Опасался за свое будущее. В апреле 1927 года он рассказал Захарченко: МОЦР — чекистская подстава. 13 апреля они бежали в Финляндию.

Чекисты пытались свести к минимуму провал. Генерал Потапов отправил Кутепову письмо: Опперпут — провокатор ВЧК, ему нельзя верить. Но было поздно. 9 мая 1927 года рижская газета «Сегодня» опубликовала статью «Советский Азеф». 17 мая «Сегодня» поместила ответ Стауница. Он признался, что был агентом Лубянки, и подробно рассказал о «Тресте». Номер газеты пришел и в Париж. У эмиграции откровения Опперпута вызвали шок. Плевицкая и Скоблин с изумлением читали описание интриг, о которых они и представления не имели.

Опперпут и Захарченко взялись создавать Союз национальных террористов, обещая Кутепову громкие акции против советской власти. 31 мая 1927 года они втроем (третий — член боевой организации РОВСа Юрий Сергеевич Вознесенский-Петерс) перешли финскую границу. Поехали в Москву.

В ночь с 3 на 4 июня пытались взорвать общежитие чекистов — дом 3/6 на Малой Лубянке. Заместитель председателя ОГПУ Генрих Григорьевич Ягода в интервью «Правде» рассказал детали: террористы заложили взрывчатку и облили керосином пол, но взрыв удалось

предотвратить.

На сей раз никто не старался сохранить им жизнь. Напротив, их искали. Опперпут, Захарченко и Петерс пытались уйти за кордон. Но безуспешно. В середине июля они погибли в перестрелках или покончили с собой, не желая сдаваться (см.: Независимое военное обозрение. 2005. № 37).

Смерть Врангеля

Кутепов делился с Деникиным своими планами подпольной работы. Антон Иванович не считал храброго генерала пригодным к конспиративной работе. Утверждал, что, едва узнав о «Тресте», заподозрил неладное. И оказался прав; эту историю подробно описал сражавшийся под началом Деникина и ставший его биографом Дмитрий Владимирович Лехович в книге «Белые против красных. Судьба генерала Деникина».

Лехович семнадцатилетним юношей поступил вольноопределяющимся в Добровольческую армию. Из Галлиполи — через Сербию, Францию, Англию — добрался до Соединенных Штатов, где поступил в Колумбийский университет. Он беседовал с генералом, когда после Второй мировой войны тот переехал из Франции в США. Потом вдова Деникина разрешила ему ознакомиться с семейным архивом. Книга Леховича вышла в России, когда автору исполнился 91 год!

«Из рассказов Александра Павловича Кутепова, — вспоминал Деникин, — я начал выносить всё более и более беспокойное чувство».

Однажды Антон Иванович сказал ему:

— Нет у меня веры. На провокацию всё похоже.

Кутепов возразил:

— Но ведь я ничем не рискую. Я «им» не говорю ничего, слушаю только, что говорят «они».

Сомнения Деникина усилились после того, как мнимый «Трест» помог видному деятелю эмиграции Василию Шульгину нелегально проехать по Советской России и спокойно покинуть ее. В результате он написал вполне просоветскую книгу «Три столицы» — о Москве, Ленинграде и Киеве. Шульгин вернулся из России, убежденный в реальности существования монархистов-подпольщиков, обеспечивших его путешествие.

Кутепову помогал генерал Николай Августович Монкевиц, выпускник Академии Генштаба, в Первую мировую — начальник штаба 4-й армии. Он непосредственно контактировал с представителями «Треста». В ноябре 1926 года Монкевиц исчез.

Последний вечер генерал провел у соседа — Антона Ивановича Деникина в Фонтенбло. Утром к бывшему главнокомандующему пришла встревоженная дочь Монкевица:

— А где папа?

Оказывается, распрощавшись накануне с Антоном Ивановичем,

генерал домой не вернулся. Оставил детям записку, объяснив, что намерен покончить с собой, поскольку запутался в денежных делах. Распорядился: «Во избежание лишних расходов на погребение прошу моего тела не разыскивать». Считалось, что он покончил с собой в горах Швейцарии. Впрочем, многие полагали, что советская разведка или убила его, или вывезла в Москву.

Врангель не без удовольствия писал генералу Барбовичу: «В области „работы“ генерала Кутепова крупный скандал. За последнее время целым рядом лиц получены сведения, весьма неблагоприятные для ближайшего помощника генерала Кутепова — генерала Монкевица. Сам генерал Кутепов, однако, этому отказался верить. На днях Монкевиц исчез, оставив записку, что, запутавшись в деньгах, кончает жизнь самоубийством. Однако есть все основания думать, что это симуляция. Труп нигде не найдено, а следы генерала Монкевица следует, видимо, искать в России».

Барбович сказал Штейфону:

— У Кутепова провал за провалом. Среди офицеров существует твердое убеждение, что в «линии» Кутепова не всё благополучно.

Дети исчезнувшего генерала попросили разрешения перенести к Деникиным его секретные документы. Притащили несколько чемоданов, которые свалили в столовой. Через два дня по указанию Кутепова их забрал полковник Арсений Зайцов, которому предстояло в тайных делах заменить Монкевица. Зайцов знал иностранные языки, а Кутепову они не давались. Он за все годы, проведенные в Париже, и по-французски не научился говорить.

Антон Иванович с женой успели частично разобрать бумаги исчезнувшего генерала, среди которых обнаружили секретные дела, в том числе переписка с «Трестом».

«Просмотрев это, — вспоминал Деникин, — я пришел в полный ужас, до того ясна была, в глаза била большевистская провокация. Письма „оттуда“ были полны несдержанной лести по отношению к Кутепову: „Вы, и только Вы спасете Россию, только Ваше имя пользуется у нас популярностью, которая растет и ширится“.

Описывали, как росло невероятно число их соучастников, ширилась деятельность „Треста“; в каком-то неназванном пункте состоялся будто бы тайный съезд членов в несколько сот человек, на котором Кутепов был единогласно избран не то почетным членом, не то почетным председателем... Повторно просили денег и, паче всего, осведомления. К сожалению, веря в истинный антибольшевизм „Треста“, Кутепов посылал периодически осведомления об эмигрантских делах, организациях и их

взаимоотношениях довольно подробно и откровенно».

Несмотря на скептицизм Деникина, Кутепов до последнего безгранично верил в «Трест».

Тесть Деникина, Василий Иванович Чиж, остался в Советской России. Жил в Крыму, работал на железной дороге. Никто не подозревал о его опасном родстве с бывшим командующим белой армией. Но Деникин решил вывезти его во Францию и попросил Кутепова узнать, как это можно сделать.

«Можно себе представить нашу скорбь, — рассказывал Антон Иванович, — когда я прочел в кутеповском письме, адресованном „Тресту“, что „Деникин просит навести справки, сколько будет стоить вывезти его тестя из Ялты“!

Когда Кутепов пришел ко мне и я горько пенял ему по этому поводу, он ответил:

— Я писал очень надежному человеку.

Поколебать его веру в свою организацию было, по-видимому, невозможно, но на основании шульгинской книги и прочитанной мной переписки с „Трестом“ я сказал ему уже не предположительно, а категорически: всё сплошная провокация! Кутепов был смущен, но не сдавался. Он уверял меня, что у него есть „линии“ и „окна“, не связанные между собой и даже не знающие друг друга, и с той линией, по которой водили Шульгина, он уже всё порвал».

Возможно, и Антон Иванович Деникин прозрел лишь позже, когда «Трест» был разоблачен. Вся эмиграция верила, что на родине есть мощные силы, желающие свержения большевиков.... После скандала с «Трестом» Кутепов счел своим долгом подать в отставку. Великий князь Николай Николаевич ее не принял.

Фон Лампе пометил в дневнике летом 1927 года:

«Много подробностей говорил мне Петр Николаевич о провале всей „разведки“ Кутепова в России.

Дело в том, что пресловутый Федоров-Якушев, который когда-то для свидания с Климовичем был у меня в Берлине в присутствии Шульгина и Чебышева, которых я пригласил, оказался самым настоящим провокатором и агентом ГПУ. В него уперлась вся разведка Кутепова, который вел ее с Федоровым и „Волковым“... Обоих „гостей“ Кутепов открыто провожал на вокзал. „Волков“ — это генерал Потапов, бывший военный агент в Черногории, тоже провокатор... Словом, провал невероятно глубокий, и всё дело Кутепова рухнуло, как рухнули деньги, которые на это были добыты!

Сам Кутепов делает вид, что ничего особенного не произошло и что

это неизбежно связанное с его работой недоразумение. Петр Николаевич, видимо, стремится добиться, чтобы Кутепов свою „работу“ прекратил!»

Взаимные обиды только множились.

Четырнадцатого июня 1927 года Кутепов писал Штейфону о Врангеле: «Был здесь Петр Николаевич, всюду бывал, много говорил, но мало кого убедил, что он единственное лицо, которое сможет вывести русский народ на его исторический путь, и т. д. В Галлиполийском собрании устроили, конечно, банкет по случаю его приезда. Прошел банкет очень кисло, поэтому даже в печати решили ничего не помещать. Он страшно боится попасть в число „бывших людей“; до сих пор не может понять, что надвигаются такие огромные события, которые произведут полную переоценку всех ценностей».

В Париже Галлиполийское собрание обзавелось уютным помещением: церковь, ресторан, актовый зал. Для сбора денег больным и инвалидам устраивали балы и лотереи, Надежда Плевицкая никогда не отказывалась от участия в благотворительности.

Первого января 1928 года Врангель обратился к своим офицерам:

«Ушел еще один год. Десятый год русского лихолетия. Россию заменила Триэсерия. Нашей Родиной владеет Интернационал. Но национальная Россия жива. Она не умрет, пока продолжается на русской земле борьба с поработителями Родины, пока сохраняется за рубежом готовая помочь этой борьбе зарубежная Армия.

Час падения Советской власти недалек. Наши силы понадобятся Родине. И тем ценнее будут они, чем сплоченнее сохранится наша спайка, чем крепче останется дух.

Не обольщаясь призрачными возможностями, но не смущаясь горькими испытаниями, помня, что побеждает лишь тот, кто умеет хотеть, дерзать и терпеть, будем выполнять свой долг».

Полковник Сергей Мацылев запомнил, как в феврале 1928 года в походной Галлиполийской церкви встретились два генерала:

«Народу много, выделяется плотная, коренастая фигура генерала Кутепова. Входит Врангель. Он осунулся и похудел. На несколько секунд он задерживается на лестнице, которая ведет в зал, окидывает его быстрым взглядом и прямо направляется к генералу Кутепову.

— Здравствуй, Александр Павлович, — раздался несколько хрипловатый голос Врангеля, — что же, ты теперь меня и узнавать не хочешь?.. На днях захожу в Мэзонетт позавтракать, вижу, что ты сидишь с кем-то за столиком, а ты на меня даже и внимания не обратил...

Кутепов улыбнулся и что-то ответил.

Лед был сломан».

Полковнику Мацылеву хотелось верить, что отношения между вождями Белого движения восстановились. Но взаимная неприязнь никуда не делась. Каждый из генералов шел своим путем. Им не дано было ощутить дыхание преследовавшей их по пятам смерти. Петру Николаевичу оставалось жить два месяца, Александру Павловичу — меньше двух лет.

Восемнадцатого марта 1928 года Петр Николаевич Врангель заболел. Врачи диагностировали грипп.

Девятого апреля Кутепов писал Штейфону: «Эмиграция продолжает разваливаться. Наша армейская организация тоже переживает трудное время, большинство уходит... Лично я после всех этих интриг еще больше отошел в сторону. Барон Врангель заболел: как говорят, у него обострился желудок; это очень длинная история; ничего опасного нет, но он нервничает, как истерическая барышня. „Извел всех окружающих“ — это слова Шатилова».

Кутепов ошибался. Болезнь генерала Врангеля оказалась смертельной. Его мать баронесса Мария Дмитриевна Врангель рассказывала: «Тридцать восемь суток сплошного мученичества!.. Его силы пожирала 40-градусная температура... Он метался, отдавал приказания, порывался встать. Призывал секретаря. Делал распоряжения до мельчайших подробностей».

Из Парижа трижды приезжал профессор медицины Иван Павлович Алексинский. Он был депутатом Первой думы, в Белом движении служил военным хирургом. В эмиграции лечил многих русских. В его познания очень верили. Алексинский поставил диагноз, опасный в эпоху, когда еще не изобрели антибиотики: «Тяжелая инфекция (грипп?) пробудила скрытый туберкулез в верхушке левого легкого».

Барон Врангель скончался в Брюсселе 25 апреля 1928 года. Ему было всего 49 лет. Впавшие в отчаяние родные заподозрили отравление. Подозрение вызвал внезапно объявившийся в их доме брат генеральского денщика Якова Юдихина.

Дочь Врангеля Наталья Петровна Базилевская описала эту историю (см.: Новый журнал. 2004. № 236):

«После Сербии поселились в Бельгии. Купили дом в Брюсселе. Совсем небольшой дом, даже маленький для всех нас. Мыться приходилось в комнате, в тазике. В доме жили бабушка, дядюшка, мои родители, четверо детей, няня и еще денщик отца. Он всегда жил с нами — по-французски не говорил, да и вообще некуда ему было деться. Вот так и вышло, что у нас в доме на один день появился „брат“ денщика, после чего отец неожиданно заболел и умер...

Он, „брат“, был моряк. До этого денщик никогда про брата не рассказывал. А тут появляется брат, из России. А с Россией-то вообще никакого сообщения в то время у нас не было — откуда же брат узнал про нас, наш адрес? Да с российских пароходов никого на берег не отпускали — тем более по одному. А как он до Брюсселя доехал?..

Никто из нас тогда этих вопросов не задал. Появился брат — все обрадовались. Провел день на кухне — и уехал. В общем он отравил отца. Сразу после его визита отец почувствовал себя плохо, поднялся большой жар... Говорили сначала, что грипп, потом — тиф, толком так и не поставили диагноз. И только потом, уже после смерти Кутепова и Миллера, стало очевидно, что его убили».

Великий князь Николай Николаевич распорядился, чтобы Врангеля заменил Александр Павлович Кутепов. 29 апреля 1928 года подписал приказ: «Генерала-от-инфантерии Кутепова назначаю Председателем Русского общевоинского союза, объединяющего части Зарубежного русского воинства и все существующие воинские организации и союзы».

Плевицкая и Скоблин искренне его поздравили. Николай Владимирович ценил хорошие отношения с Кутеповым, по старой памяти опекавшим корниловцев. Надежда Васильевна симпатизировала его жене.

Земной путь великого князя Николая Николаевича приближался к завершению. Все полномочия по руководству военной эмиграцией переходили к Кутепову. Александр Павлович оставался единственным вождем Русского общевоинского союза.

Девятнадцатого декабря 1928 года он распорядился: «На время болезни Его Императорского Высочества подлежащие докладу Верховному главнокомандующему вопросы Великий князь Николай Николаевич приказал мне разрешать самостоятельно. Обо всех на этом основании сделанных распоряжениях затем доложить Его Императорскому Высочеству».

Пятого января 1929 года великий князь Николай Николаевич скончался, и Кутепов, уже формально, оказался главой всей военной эмиграции.

Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой в старой России был доцентом Московского университета, в эмиграции стал начальником канцелярии Кутепова. Александр Павлович сказал ему:

— Не будем предаваться оптимистическому фатализму и ждать, что всё совершится как-то само собой. Нельзя ждать смерти большевизма, его надо задушить и освободить Россию! Вот долг русских людей.

Незавершенная игра

Незадолго до смерти Врангель сказал Шатилову:

— Зная Александра Павловича, не сомневаюсь, что он всегда будет жертвой более умных, чем он, прохвостов, которые будут курить ему ладаном.

В определенном смысле Петр Николаевич оказался прав.

Несмотря на неудачу с «Трестом» и провал связанных с ним надежд, Александр Павлович считал, что единственный путь сокрушить советскую власть — наладить отношения с командирами Красной армии, бывшими офицерами, тоже желающими избавиться от большевиков. Он хотел верить, что внутри Красной армии существует антибольшевистский заговор, и верил. Поэтому советская разведка продолжала с ним играть.

Операций, подобных «Тресту», проводилось много. Против Кутепова и его помощников, ввязавшихся в тайную войну, действовал постоянно растущий аппарат советской внешней разведки с широчайшей агентурной сетью.

В отличие от Кутепова руководители Иностранного отдела уже стали профессионалами и, как правило, одерживали верх над дилетантами. Александр Павлович ввиду скудости ресурсов мало что мог дать своим людям, а советская разведка располагала большими возможностями, в том числе материальными. И главное: она предлагала заманчивую перспективу — возвращение на родину с почетом. Чем дальше, тем меньше среди эмигрантов оставалось тех, кто твердо верил, что большевистский режим вот-вот рухнет и они вернуться в Россию под своими знаменами.

На Лубянке придумывали всё новые мифические подпольные организации и от их имени заманивали в страну лидеров белой эмиграции, которых затем арестовывали.

В начале января 1930 года к Кутепову пришли генералы Павел Павлович Дьяконов и Гавриил Григорьевич Корганов. Порадовали хорошей новостью: «Они уже некоторое время состоят в связи с сильной контрреволюционной организацией Красной армии и от ее имени предлагают встретиться с представителями этой организации для связи действий по свержению в России советской власти».

Обнадеженный Кутепов командировал в Берлин доверенное лицо — полковника Арсения Зайцова. 16 января тот встретился с московскими гостями — бывшими полковниками Николаем Александровичем де

Роберти и Александром Николаевичем Поповым. Оба прибыли в Германию по линии Наркомата лесной промышленности.

Кутепов прекрасно помнил своего подчиненного Николая де Роберти. В 1918 году тот служил у Кутепова в Новороссийске начальником штаба. Николай Александрович был сыном генерала и племянником философа и социолога Евгения Валентиновича де Роберти, члена ЦК партии кадетов (его в апреле 1915 года убили в собственном имении). В Гражданскую войну белый полковник угодил в плен и пошел на службу в Красной армии.

Александр Попов уже приезжал в Париж в роли представителя подпольной Внутренней Российской национальной организации. С 1924 по 1930 год чекисты проводили агентурную операцию «Синдикат-4». В ее рамках создали еще одну мифическую структуру под названием Внутренняя Русская национальная организация. Бывший полковник царской армии Попов произвел впечатление на редактора журнала «Борьба за Россию» Сергея Петровича Мельгунова (в 1922 году его выслали из Советской России). Через Попова эмигранты переправляли в Советский Союз пропагандистские листовки и верили, что их свободное слово доходит до жаждущего узнать правду русского народа...

В этой операции участвовал известный агент советской разведки — бывший генерал-майор царской армии и бывший военный агент в Великобритании Павел Павлович Дьяконов. Он окончил Казанское пехотное юнкерское училище, Академию Генштаба. Участвовал в Русско-японской войне и в Первой мировой. В эмиграции обосновался во Франции. Дьяконов дал обязательство служить советскому правительству еще в марте 1924 года. У него были большие знакомства среди эмигрантов. Он сводил с ними представителей мнимого московского подполья.

В 1930 году Дьяконов начал сотрудничать с полицией Франции и Бельгии. Но у профессионалов возникли на его счет подозрения, и они порвали отношения, предположив в нем советского агента. Что касается эмиграции, то обвинение в работе на большевиков превратилось в самый распространенный способ сведения личных счетов, так что это был вопрос личного выбора: кто-то верил, а кто-то обвинения напрочь отвергал — клевета на достойного человека!

Генералу Дьяконову помогал Гавриил Корганов (Габриэл Корганян). Он родился в Тифлисе, был выпускником Академии Генштаба, Первую мировую войну закончил дежурным генералом штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта. Служил в недолго просуществовавшей независимой Армянской Республике. После ее присоединения к Советской России уехал в Париж, возглавил Союз армян — ветеранов Первой

мировой.

Прибывшие из Москвы гости твердо заявили полковнику Зайцову, что привезли настолько важные известия, что намерены говорить исключительно с самим Кутеповым. Они представляют влиятельное подполье и ждут в Москве посланца РОВСа для обсуждения совместных действий. Его безопасность, разумеется, гарантируют — у них повсюду свои люди...

Одиннадцатого января 1930 года Зайцов вызвал Кутепова в Берлин телеграммой. Обнадеженный Александр Павлович приехал 17 января. Встретился с москвичами в гостинице, где те остановились. Попов и полковник де Роберти предложили Кутепову отправить в СССР несколько офицеров для проведения терактов.

Но во время второй встречи Кутепову стало ясно, что перед ним агенты Лубянки. Как он это понял? Вроде бы во время завтрака, когда Попов вышел в туалет, де Роберти честно признался бывшему начальнику, что выполняет задание чекистов, Внутренней Российской национальной организации не существует, а на самого Кутепова готовится покушение.

Двадцатого января разочарованный Александр Павлович пожаловался князю Трубецкому:

— Меня опять хотят втянуть в «Трест».

Генерал Шатилов заглянул к Кутепову за два дня до его похищения. Застал председателя РОВСа в дурном настроении. Александр Павлович признался, что путь, которым он рассчитывал проникнуть в Красную армию, на поверку оказался вторым «Трестом».

Полковник Зайцов в последний раз докладывал Кутепову о срочных делах в восемь утра в субботу, накануне похищения. Председатель РОВСа всё еще переживал разочарование от неудачной встречи в Берлине. В десять Зайцов ушел. Следующий доклад был намечен на понедельник в канцелярии генерала. Но они больше не встретятся.

Зайцов с горечью вспоминал:

— В 1927 году Александру Павловичу приходилось думать о хлебе насущном, и он уже готовился поступить рабочим в столярную мастерскую. Он с трудом собирал деньги на активную работу. И, наконец, в самом конце 1929 года судьба ему улыбнулась. Он добился ее обеспечения. Казалось, его работа развернется так, как он об этом мечтал.

После исчезновения генерала Кутепова прежде всего возникли подозрения в отношении бывших полковников Попова и де Роберти. Но быстро установили, что они оба в те дни жили в Берлине и никуда не выезжали. Кутепова похитили другие люди... Французская полиция

отвергла версию их непосредственного участия в похищении, но считала Попова и де Роберти советскими агентами. Полицейские направились в Берлин, чтобы их допросить. Но замешкались и не застали москвичей — те вернулись в СССР.

Чекисты аккуратно разыгрывали свою партию, сохраняя возможность продолжения игры с преемником Кутепова. Попов и де Роберти отправили генералу Корганову письмо, в котором напоминали, что они передали Александру Павловичу конспиративные адреса своих людей в Москве. Демонстрировали тревогу: не мог ли этот список попасть в руки тех, кто похитил Кутепова?

Корганов принес полученное от них письмо. В письме ставились три вопроса: имел при себе генерал во время его похищения список адресов, переданный ему в Берлине? Могли ли быть у Кутепова какие-либо записи и пометки, способные выдать подпольщиков? И, наконец, если членам подпольной организации придется бежать из России, могут ли руководители РОВСа содействовать им в получении документов на право проживать за границей?

Иначе говоря, в Иностранном отделе прощупывали возможность создания еще одного канала засылки своей агентуры в Париж.

Полковник Зайцов пригласил в свою квартиру генерала Корганова, генерала Дьяконова и князя Трубецкого; эту встречу историк Сергей Мельгунов описал 8 октября 1955 года в «Новом русском слове»: «Корганов поставил заданные ему вопросы полковнику Зайцову и князю Трубецкому. Они ответили, что список с адресами в сохранности (переданы Зайцову) и что, зная характер и осторожность генерала Кутепова, избегавшего делать какие-либо записи, а главное, носить их при себе, трудно допустить, чтобы в момент его похищения они могли находиться при нем».

Бывшего полковника де Роберти расстреляют в Москве сразу же, в 1930 году. Бывшего полковника Попова позже — в разгар массового террора, в 1937-м. Полковник Зайцов, оставшись без дела, найдет себе менее интересное занятие — помощника по учебной части начальника Высших военно-научных курсов в Париже.

Александр Павлович Кутепов был обречен. Москве он рисовался самым опасным врагом в стане эмиграции. В справке КГБ СССР, переданной мне в 1989 году, объяснялись причины его ликвидации:

«Кутепов принадлежал к тому кругу людей, для которых борьба против государства рабочих и крестьян стала делом всей жизни. Свое кредо Кутепов очень точно сформулировал в приказе по РОВС № 26 от 9 января

1929 года, подписанном через четыре дня после смерти „великого князя Н. Н. Романова“: „Пусть каждый воинский чин помнит, что поднявший меч опустить его не может, ибо меч наш карает неправду, насилие и зло, царящие в России“. Человек властный и деспотичный, одержимый слепой ненавистью к молодой Стране Советов, он был мозгом, „генератором“ идей и душой белоэмигрантского офицерства. РОВС держался на его энергии, инициативе и авторитете».

Историки, представляющие Службу внешней разведки, пишут, что летом 1929 года руководство ОГПУ попросило разрешения похитить Кутепова и доставить его в Советский Союз. Сталин санкционировал операцию (см.: Военно-промышленный курьер. 2006. № 42).

Исчезновение генерала Кутепова

На самом деле никто точно не знает, как именно развивались события того дня. И теперь уже трудно надеяться, что мы узнаем детали. Французская полиция и эмиграция проводили расследование. Но ни самого похищенного, ни его похитителей не нашли. Узнать с тех пор удалось немного. Те, кто доподлинно знал, как проводилась эта операция, ушли в мир иной, не оставив мемуаров. Не уверен, что они составили служебные отчеты своему начальству.

Остается, конечно, маленькая надежда, что в архивах ведомства госбезопасности хранятся какие-то документы на сей счет. Но если их не рассекретили в перестроечные и постперестроечные времена, когда двери архивов приоткрылись, то едва ли ныне можно рассчитывать на такой подарок.

Я всего лишь могу изложить эту историю так, как мне рассказали ее работники Комитета госбезопасности, сопоставляя их слова с общеизвестными фактами.

Двадцать седьмого октября 1929 года внешнюю разведку возглавил Станислав Адамович Мессинг, который до этого служил полномочным представителем госбезопасности в Ленинграде. Его вскоре утвердили еще и заместителем председателя ОГПУ, что увеличило его аппаратный вес на Лубянке.

Мессинг, родившийся в 1890 году в Варшаве, юношей вступил в небольшую социал-демократическую партию Польши и Литвы, в рядах которой состоял и Феликс Дзержинский. Сразу после Октябрьской революции Мессинг начал служить в ЧК. Считался одним из самых авторитетных чекистов.

После назначения Станислава Мессинга политбюро ЦК ВКП(б) утвердило строго секретный перечень «задач, стоящих перед Иностранным отделом ОГПУ:

1. Освещение и проникновение в центры вредительской эмиграции, независимо от места их нахождения.

2. Выявление террористических организаций во всех местах их концентрации.

3. Проникновение в интервенционистские планы и выяснение сроков выполнения этих планов, подготовляемых руководящими кругами Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии и Японии...».

Особенность советской разведки состояла в том, что она занималась не только сбором информации, но и уничтожением политических оппозиционеров, вынужденных покинуть Россию.

Двадцать пятого января 1930 года проживавшему в Париже русскому эмигранту принесли записку с предложением о встрече. Записка была прочитана и тут же уничтожена. Получивший ее после минутного размышления согласно кивнул, и принесший записку покинул небольшую квартиру на четвертом этаже старого дома 26 по узкой и мрачноватой улице Русселе, избежав встречи с кем-либо из домочадцев. А хозяин дома не посвящал в свои дела своих близких. Жене полагалось знать только то, что муж считал нужным ей сказать.

Кутеповы сняли эту меблированную квартиру и прожили здесь шесть лет. Скромная прихожая — из нее дверь в столовую, где Кутепов принимал посетителей. Небольшой кабинет. Рядом спальня.

На следующий год после переселения на улицу Русселе, 27 февраля 1925 года, у них родился сын Павел, украсив их новую жизнь. Неведомо им было, какая драматическая судьба уготована мальчику, носившему громкую и многими ненавидимую фамилию...

Все эти годы вместе с семьей жил денщик. Впрочем, денщиков хозяину дома не полагалось. Более не существовало армии, где он когда-то дослужился до генеральских эполет. Но сам хозяин, вынужденно сняв форму, продолжал числить себя на военной службе и вел собственную войну с теми, кого считал своими злейшими врагами и погубителями родины.

Денщик Федоров предпочел остаться с генералом и выполнял обязанности уборщицы, кухарки и состоял нянькой при маленьком Павле. Только от роли швейцара он был избавлен. Дверь открывал сам генерал. Не хотел, чтобы кто-нибудь видел его частых посетителей. И когда к нему кто-то приходил, жене запрещалось вмешиваться в беседу.

Воров и грабителей хозяин, как человек военный, не боялся. Но у него, конечно же, были опасные враги, поэтому его соратники, осевшие в Париже, пытались охранять своего командира, генерала от инфантерии Александра Павловича Кутепова, главу Русского общевойскового союза.

Бывшие русские офицеры, работавшие в Париже таксистами, по очереди возили его — 33 водителя, по одному человеку на каждый день месяца, двое-трое в резерве. Но это не была постоянная, круглосуточная охрана. Офицеры сопровождали генерала в тех случаях, когда следовало ожидать неприятностей.

Записка, полученная генералом 25 января 1930 года, не сулила никаких

неприятностей. Намеченная на воскресенье встреча даже не нарушила установленный им распорядок дня. Он обещал быть в 11 часов утра на панихиде по умершему генералу от кавалерии Александру Васильевичу Каульбарсу в церкви Галлиполийского собрания на улице Мадемуазель, 81. Генерал Каульбарс, один из создателей русской авиации и одновременно исследователь Китая, ушел из жизни в преклонном возрасте.

Кутепов не мог с ним не попрощаться. К обеду он просил ждать себя к половине первого. А после обеда Александр Павлович собирался поехать с женой и сыном за город, чтобы осмотреть дачу, которую они предполагали снять.

Педантичный Кутепов вышел из дома ровно в половине одиннадцатого. Идти ему предстояло не больше двадцати минут.

Короткая встреча, на которую его пригласили накануне, была назначена на трамвайной остановке на улице Севр. Кутепов появился на остановке точно в срок. Но назначивший ему встречу не явился. Больше пятнадцати минут Кутепов не мог позволить себе ждать. По улице Удино пошел в сторону бульвара Инвалидов. Погруженный в свои мысли, ничего не замечал — ни двух стоявших легковых машин с пассажирами, ни полицейского, который прежде здесь никогда не дежурил.

А ведь Кутепов ходил по этой дороге в церковь каждое воскресенье и мог бы обратить внимание на странно напряженного полицейского, не походившего на вальяжных парижских ажанов. Впрочем, в предшествовавшие этому воскресенью дни полицейский несколько раз появлялся на перекрестке, и местные жители, приятно обрадованные заботой префектуры, уже успели к нему привыкнуть. Когда Кутепов поравнялся с одной из легковых машин, два человека остановили генерала.

В 1989 году на Лубянке сотрудники советской разведки рассказывали мне, как проводилась та операция в Париже. Они излагали такую версию: сотрудники оперативной группы представились полицейскими и попросили генерала проехать вместе с ними в префектуру.

Кутепову, верно, показалось странным, что полиция приглашает его таким странным образом, тем более в воскресенье. Русский общевойсковой союз старался поддерживать наилучшие отношения с префектурой полиции, но для французов русские офицеры оставались нежелательными иностранцами. Советские дипломаты не упускали случая выговорить французам за то, что они предоставляют убежище враждебным для СССР организациям. Эмиграция — источник постоянных неприятностей. Да и среди самих эмигрантов то и дело возникали скандалы. Парижским полицейским приходилось мириться с их присутствием, но симпатии к

русским они не испытывали.

Секунду Кутепов колебался. Но фигура полицейского в форме снимала все сомнения. Дверца была предусмотрительно распахнута, Кутепов уселся на заднее сиденье, и автомобиль рванул с места. Генерал не оглянулся и потому не увидел, что полицейский в то же мгновение покинул свой пост. Он сел во вторую машину, которая устремилась вслед за первой.

На самом деле не представляется возможным установить, как именно был похищен Кутепов. То ли его и в самом деле обманым образом уговорили сесть в машину, то ли запихнули в кабину силой... Так или иначе операция прошла успешно.

Много десятилетий спустя на этой самой улице я снимал документальный фильм, посвященный похищению генерала Кутепова и другим драматическим событиям, о которых пойдет речь в этой книге.

Не успела наша группа закончить съемки, как примчался полицейский микроавтобус, вызванный, надо полагать, кем-то из местных жителей. Из машины вышел не один полицейский и не два, а пять человек с автоматами. Они окружили нас и потребовали отчета, кто мы и что здесь делаем. После долгих объяснений они осмотрели снятые нами кадры, успокоились и уехали. Если бы в тот январский день 1930 года местные жители проявили такую же бдительность, судьба героев этой книги сложилась бы иначе...

В церкви Александра Павловича напрасно ожидал председатель главного правления Общества галлиполийцев генерал-лейтенант Михаил Иванович Репьев. Первую мировую войну он закончил командующим армейским корпусом, в Гражданскую служил в Добровольческой армии инспектором артиллерии у Кутепова. Образованное 22 ноября 1921 года Общество галлиполийцев входило в состав РОВСа. Репьев крайне удивился тому, что Кутепов не появился на панихиде.

В три часа дня семья подняла тревогу. Лидия Давыдовна Кутепова была в отчаянии. Пришли знакомые, среди них Плевицкая и Скоблин. Все первые дни после похищения Надежда Васильевна старалась быть рядом, чтобы поддержать Лидию Давыдовну. Просто не оставляла ее одну.

Капитан Владимир Николаевич Дончиков, адъютант Марковского полка, который во Франции работал смазчиком колес, расскажет историку Сергею Мельгунову о «чрезмерной и искусственной ажитации Плевицкой и Скоблина на квартире Кутепова». Мельгунов 8 октября 1955 года напишет об этом в «Новом русском слове».

На самом деле в январские дни 1930 года Надежда Васильевна Плевицкая искренне сочувствовала горю Лидии Давыдовны. Вместе со всеми недоумевала: что могло произойти с генералом? На советскую

разведку они со Скоблиным еще не работали...

Лидия Давыдовна Кутепова обратилась в полицию. В 18.30 появился полицейский инспектор. Поздно вечером начались поиски. Полковник Зайцов вместе с полицейским объездил парижские госпитали и морги, проверяя, не стал ли Кутепов жертвой несчастного случая. Полиция также пожелала убедиться в том, что Александр Павлович не вознамерился куда-то внезапно уехать. Его фотографии разослали во все полицейские управления и пункты пограничного контроля.

Не решил ли генерал сам тайно отправиться в Советскую Россию? Полицейским объясняли: если бы Кутепов уехал, об этом обязательно знали бы его жена и ближайшие помощники князь Трубецкой и полковник Зайцов. 28 января жена Кутепова подала жалобу прокурору республики; она категорически отвергала возможность бегства мужа или его самоубийства. Только после этого началось полноценное расследование.

Александр Павлович был одним из самых заметных русских в Париже. К поискам присоединилось множество добровольцев. Среди эмигрантов царил переполох. О похищении генерала они узнали утром 28 января из газет «Возрождение» и «Последние новости» (см.: Похищение генерала А. П. Кутепова большевиками. Следственные и политические материалы в двух выпусках / Под ред. Б. Бажанова, Н. Алексеева. Париж, 1930).

Первого февраля 1930 года Марина Цветаева написала своей подруге из Парижа: «А у нас украли Кутепова. По мне — убили». Не зря поэтов называют прорицателями. Она оказалась права...

Парижские газеты возмущались преступлением, совершенным на французской земле. Требовали тщательного расследования. Напоминали, что Кутепов — друг Франции, председатель союза бывших русских фронтовиков, в Первую мировую воевал вместе с французской армией против общего врага. Об исчезновении Кутепова доложили главе правительства Андре Тардье, находившемуся в тот момент в Лондоне. Сам участник Первой мировой войны, он распорядился искать русского генерала.

Во Франции имелось достаточно спецслужб и правоохранительных органов, которые должны были заняться расследованием. Главное управление общественной безопасности отвечало за контрразведку.

В составе 2-го бюро Генерального штаба существовало небольшое подразделение по борьбе с иностранной агентурой. О Кутепове там знали. В лежавшей в архиве справке говорилось, что бывший русский генерал приехал во Францию в марте 1923 года: «С апреля 1924 года супруги Кутеповы проживают на улице Русселе, 26, в Париже (7-й округ), где

занимают меблированную квартиру с платой за наем около 600 франков в месяц. Природа собираемой Кутеповым информации не совсем ясна, и ничто не дает повода думать, что он занимается шпионажем против Советского Союза».

Прямая обязанность расследовать похищение лежала на префектуре полиции. Мобилизовали 400 агентов сыскной полиции под руководством комиссара по особым делам со смешной для русского человека фамилией — Шарль Фо-Па-Биде.

В Первую мировую в составе французской миссии капитан Фо-Па-Биде был командирован в Россию, где 8 сентября 1918 года его арестовали по обвинению в шпионаже. Его допрашивал сам председатель Реввоенсовета Республики Лев Троцкий. И вот почему. Выяснилось, что в 1916 году именно комиссар Фо-Па-Биде принял решение выставить эмигранта Троцкого из Парижа за антивоенную агитацию.

«Во всей этой истории крупную роль играл шеф так называемой юридической полиции Биде-Фопа, — писал Троцкий. — Он был душой слежки и высылки. От своих коллег Биде отличался необыкновенной грубостью и злобностью. Он пытался разговаривать со мной тоном, какого никогда не позволяли себе царские жандармские офицеры. Наши беседы всегда заканчивались взрывом. Уходя от него, я чувствовал за спиной ненавидящий взгляд...

Меньше чем через два года судьбе угодно было доставить мне за счет г. Биде совершенно неожиданное удовлетворение. Летом 1918 г. мне сообщили по телефону, что Биде, громовержец Биде, заключен в одну из советских тюрем. Я не хотел верить своим ушам. Оказалось, что правительство Франции отправило его в состав военной миссии для розыскных и заговорщических дел в Советской России. А он имел неосторожность попасться».

Когда Биде привели в Наркомат по военным и морским делам, Троцкий сразу и не признал его. Громовержец превратился в простого смертного, причем опустившегося. Всесильный нарком смотрел на него с недоумением.

— Да, господин, — сказал француз, склоняя голову, — это я.

— Но как же так? Как это могло случиться? — Троцкий был искренне поражен.

Биде философски развел руками и с убежденностью полицейского стойка заявил:

— Таков ход событий.

— Господин Биде, вы не были со мной очень вежливы в Париже, —

напомнил ему Троцкий.

— Увы, я должен это с грустью признать, господин народный комиссар. Я часто об этом думал в моей камере. Человеку иногда полезно, — прибавил Биде многозначительно, — познакомиться с тюрьмой изнутри. Но я надеюсь, что мое парижское поведение не будет иметь для меня печальных последствий.

Троцкий успокоил его.

— Вернувшись в Париж, — заверил Биде советского наркома, — я не буду заниматься тем, чем я занимался.

— Неужели, господин Биде? Мы всегда возвращаемся к своей первой любви...

В январе 1919 года комиссара Биде и других французов обменяли на русских солдат, остававшихся во Франции. Он вернулся на родину. Служил в префектуре полиции. Среди прочего занимался русскими эмигрантами. Однако же расследование оказалось ему не под силу. Кутепова украли не обычные уголовные преступники, над которыми полиция рано или поздно берет верх. Это была операция, проведенная самой мощной в ту пору спецслужбой.

На пятый день, 30 января, появился первый свидетель. Уборщик клиники Святого Иоанна, принадлежавшей католическим монахам, утром вытряхивал ковер из окна и увидел сцену похищения:

«На улицу Русселе свернул с улицы Удино, идя со стороны бульвара Инвалидов, господин средних лет в черном пальто и черной мягкой шляпе. Он был среднего роста, и я ясно видел его черные усы и небольшую черную бородку. Когда господин поравнялся с серо-зеленым автомобилем, стоявшим у тротуара рядом с клиникой, два здоровенных человека в желтых пальто, стоявшие рядом с машиной, подошли к нему и повели с ним какой-то спор. Один из них схватил его за левую руку, другой за правую. Борьба была короткой. Нападавшие силой втолкнули бородатого господина в автомобиль.

Неподалеку, на самой улице Удино стояло красное такси. А рядом — полицейский в форме. Полицейский подошел к автомобилю и, когда господина втолкнули в машину и поместились в ней оба нападавшие, он, оглянувшись по сторонам, также вскочил в автомобиль и сел рядом с шофером. В ту же секунду автомобиль двинулся с места, завернув за угол, на улицу Удино. Следом за ним умчалось и красное такси».

Уборщик по имени Огюст Стеймец был эльзасцем, то есть немцем по происхождению. Он плохо говорил по-французски и, естественно, не читал парижских газет. Поэтому поведал о том, чему был свидетелем, лишь через

несколько дней, когда случайно увидел вечерний выпуск с фотографией Кутепова. Лицо показалось ему знакомым...

Еще один свидетель вроде бы обратил внимание на борьбу внутри серо-зеленого автомобиля. Поскольку там находился полицейский, то он подумал, что задерживают опасного преступника, и успокоился... На мосту Альма обе машины похитителей попали в затор. Одна женщина уверяла, что видела, как в серо-зеленом автомобиле пассажир закрывает другому лицо платком. Когда полицейский выскочил из машины, чтобы расчистить дорогу, женщина поинтересовалась, что приключилось с пассажиром. Полицейский объяснил: в кабине человек, попавший в аварию, ему дают эфир, чтобы облегчить страдания.

Следователи нашли магазин, где был взят напрокат костюм полицейского, а квитанция оформлена на имя несуществующего человека. Не оставалось сомнений в том, что генерала похитили. И, возможно, убили.

Тем временем советская печать дала ответ империалистическим клеветникам, утверждавшим, будто Кутепова похитили и убили агенты Москвы.

Третьего февраля 1930 года «Известия» посвятили половину первой полосы истории с генералом Кутеповым. Статья появилась без подписи, это означало, что она писалась и редактировалась на самом верху: «Эта нелепая история в излюбленном, бульварном, детективном жанре, специально инсценирована с провокационной целью. „Таинственное исчезновение“ Кутепова послужило сигналом для неслыханной по разнузданности кампании, направленной против СССР и советского полпредства. „Исчезновение“ Кутепова изображается как дело рук „Чека“, агенты которой якобы „похитили“ Кутепова среди бела дня на улицах Парижа».

Иначе говоря, похищение инсценировали с одной целью — оклеветать Советскую Россию. «Известия» пригрозили французскому правительству.

«Продолжение французским правительством его тактики пассивности и потворства и косвенного поощрения хулиганской кампании науськивания на дипломатическое представительство Советского Союза, — говорилось в статье, — невольно создает впечатление, что правительство Тардьё поддается на провокацию русской белогвардейщины и следует ее указке...

Мы вынуждены со всей серьезностью поставить перед правительством Тардьё — Бриана вопрос: предпочитает ли французское правительство сохранению дипломатических отношений с правительством Советского Союза сотрудничество с белогвардейской эмиграцией? Совершенно очевидно, что нормальные дипломатические отношения

несовместимы с такими фактами».

Одобренная идеологическим руководством страны основная версия не исключала инициативы снизу, поэтому уже мертвый генерал Кутепов изображался советской прессой в самом неприглядном свете.

Собственный корреспондент «Известий» в Амстердаме со ссылкой на «достоверные сведения, исходящие из кругов, имеющих отношение к правым элементам», сообщал, что «виновниками „исчезновения“ Кутепова являются сами белогвардейцы, а именно та часть русских белогвардейцев, которая добивалась отстранения Кутепова и замены его своим кандидатом. Есть прямые данные, указывающие на то, что г. Кутепов, отчаявшись в борьбе с этой частью белогвардейцев и не видя другого выхода, решил уйти с политической арены... Он 26 января выехал незаметно в одну из республик Южной Америки, взяв с собой солидную денежную сумму».

Четвертого февраля ТАСС сообщил из Берлина, что газета «Монтаж пост» рассказала о «большом количестве дутых чеков, подписанных Кутеповым и циркулировавших в Париже».

Жесткий тон газеты «Известия» и ноты Наркомата иностранных дел в адрес Кабинета министров Франции преследовали определенную цель. Когда Москва начинала давить на иностранные правительства, те требовали от эмигрантских изданий и политиков умерить свой пыл. И тем приходилось прислушиваться.

Сергей Мельгунов вспоминал: «Обсуждался на квартире Кутепова вопрос о нападении на советское полпредство. Инициаторы посвятили в этот проект генерала Скоблина. Последний немедленно доложил всё по начальству, и от генерала Миллера и генерала Шатилова поступило предписание ничего не делать».

После исчезновения Кутепова офицеры-эмигранты устраивали демонстрации у советского полпредства на рю де Гренель. Советские дипломаты побаивались, что попытаются захватить здание. Полпред Валериан Савельевич Довгалевский ввел осадное положение. Расставили койки в комнатах, раздали оружие. Дипломаты ночевали в здании полпредства, по очереди дежурили с револьверами в руках.

Валериан Довгалевский с юности участвовал в революционном движении. После первой русской революции его сослали на вечное поселение, но в 1908 году он бежал за границу. Жил в Бельгии и во Франции, окончил электротехнический институт в Тулузе. После революции вернулся в Россию. Его сделали наркомом почт и телеграфии РСФСР, потом перевели в Наркомат иностранных дел. Он служил полпредом в Швеции и Японии, а в конце 1927 года получил назначение в

Париж, где благодаря знанию языка и страны чувствовал себя очень уверенно. Довгалевский наладил хорошие отношения с истеблишментом. В ноябре 1932 года Довгалевский от имени советского правительства подпишет с Францией пакт о ненападении. Он и умрет во Франции от рака желудка в июле 1934 года.

Расследование обстоятельств загадочного исчезновения Кутепова ничем не окончилось. Французская полиция вела расследование без особого рвения. Эмиграция была уверена, что это дело рук ОГПУ.

Генералу Евгению Карловичу Миллеру, который стал преемником Кутепова на посту председателя РОВСа, оставалось только объяснять парижским журналистам:

— Гипотеза о бегстве Александра Павловича безусловно исключается. Недавно женившийся и имеющий горячо им любимого сына, генерал Кутепов всегда был образцовым мужем и отцом. С другой стороны, вообще не существовало каких-либо причин, которые могли бы подвигнуть Кутепова на бегство. Остается гипотеза о похищении генерала...

Четверть века спустя, 11 октября 1955 года, Сергей Мельгунов в «Новом русском слове» констатировал: «За 25 лет не появилось ничего нового. Хотя французские следственные власти неоднократно заявляли, что не может быть речи о том, что дело о похищении генерала Кутепова будет сдано в архив, фактически вопрос застопорился на том, что было выяснено в 1930 году».

Генерал Павел Шатилов 28 января 1955 года опубликовал в газете «Русская мысль» статью «ГПУ против Кутепова»:

«Точных данных о пути следования Александра Павловича от улицы Севр до места похищения не имеется. Не известно точно, проделал ли он этот путь один или же в сопровождении кого-либо, кто был наводчиком.

Во время оккупации Парижа германской армией и занятия здания советского посольства в подвале посольства была обнаружена печь, напоминающая крематорий, в которой можно было, по мнению некоторых лиц, сжигать человеческие трупы. Это вызвало предположение, что Александр Павлович после усыпления хлороформом в автомобиле был доставлен на улицу Гренель, 79, и сожжен в этой печи. Но доказательств этого предположения не было никаких».

В эту версию мало кто поверил. В ходу была и другая: председателя РОВСа сразу же убили или он умер сам, а тело вывезли. Профессор Иван Алексинский, у которого генерал лечился, рассказал, что «вследствие ранений в грудь во время войны Кутепов не мог выдержать действие наркотиков». Если ему в момент похищения дали эфир или хлороформ, оба

препарата могли оказаться для него смертельными.

Павел Шатилов писал в статье: «Погрузка тела на пароход была произведена на Норманском берегу, где у ГПУ была хорошо налажена связь с советскими пароходами, входящими во французские воды. Прибывший из Бельгии свидетель в Антверпене вошел в связь со списавшимся механиком советского парохода „Свердлов“ и другим матросом того же парохода. Эти лица сообщили ему, что „Свердлов“ по пути в Балтийское море в конце апреля должен был свернуть во французские воды, где и принял на борт с моторной лодки тело какого-то белогвардейца».

Товаро-пассажирский пароход «Яков Свердлов», построенный в 1907 году на Воткинском заводе, ходил по маршруту Томск — Нарым и Томск — Тобольск. 21 октября 1929 года на пароходе взорвался паросборник, два кочегара погибли, еще двое членов экипажа получили ранения. Рейс прекратили. Пароход поставили на якорь. Причинами взрыва занялась комиссия. Мог ли «Яков Свердлов» в январе выйти в Балтийское море?

В литературе фигурирует еще одна история.

Французская парочка, отдохавшая на тихом побережье Нормандии между курортными городками Кабур и Трувилль, видела, как прямо на пляж выкатились два автомобиля — один серо-зеленого цвета, а второй — такси — красного. Приметы совпадают с описанием машин, которыми воспользовались похитители Кутепова. Из серо-зеленой машины вытащили какой-то длинный предмет в мешковине и потащили его к морю. Подошла моторная лодка, груз бросили на дно лодки, и она направилась к стоявшему неподалеку на якоре пароходу. Это было советское судно «Спартак».

Колесный пароход «Спартак» построили на Сормовской верфи в 1914 году. За долгую жизнь он сменил множество названий — «Великая княжна Татьяна Николаевна» (1914–1917), «Добрыня Никитич» (1917–1918), «Карл Маркс» (1918–1919) и, наконец, «Спартак». Режиссер Эльдар Александрович Рязанов снял его в киноленте «Жестокий романс» (в фильме судно называется «Ласточкой»). «Спартак» почти восемь десятилетий плавал по Волге.

Так как же закончил свой земной путь председатель РОВСа?

Сотрудники КГБ передали мне справку, которую я могу процитировать полностью:

«Не вызывая никаких подозрений, обе машины после дополнительной проверки на предмет выявления возможного „хвоста“ через некоторое время выехали на шоссе, ведущее в Марсель».

В Марселе Кутепов был передан группе чекистов из числа советских моряков, которые обеспечили его „посадку“ на советский пароход под

видом хорошо загулявшего на берегу старшего механика машинного отделения. Когда на пароходе Кутепов пришел в себя и до него дошло, где он находится, он впал в состояние глубокой депрессии, отказывался от еды, не отвечал на задаваемые вопросы.

Только после выхода парохода из греческого порта Пирей и особенно по мере приближения к проливу Дарданеллы и Галлиполийскому полуострову в Турции, где в начале 20-х годов был размещен в лагерях 1-й армейский корпус под его командованием, он стал проявлять признаки беспокойства. Кутепов понял, что от расплаты за преступления против народа, за жестокость, потоки пролитой им крови, виселицы, акты вандализма ему не уйти. Состояние его здоровья резко ухудшилось.

Скончался генерал Кутепов примерно в ста милях от Новороссийска от сердечного приступа, избежав таким образом ответственности за совершенные им преступления».

Документы, относящиеся к смерти Кутепова, я не видел. Теоретически в архиве должно храниться дело о похищении председателя РОВСа. Содержит ли оно ответ на вопрос о том, как именно генерал ушел из жизни?

Отчеты о «специальных мероприятиях» руководители внешней разведки писали от руки. В одном экземпляре — для самого высшего начальника. Копии в секретариате ведомства госбезопасности не оставлялись. Даже коллегам знать, что и как сделано, не полагалось. Но в любом случае ни один документ, имеющий отношение к этой истории, не рассекречен. Так что неизвестно, узнаем ли мы когда-нибудь о последних днях жизни генерала.

К делам, которые я читал на Лубянке, были приложены справки, относящиеся к сыну генерала Павлу Александровичу Кутепову. Он остался без отца, когда ему было всего пять лет. И всегда верил, что отец живет где-то в СССР. Мечтал его найти. Из Франции они с матерью переехали в Югославию. Жили на деньги, собранные эмиграцией. Павел Кутепов учился в русском кадетском корпусе. В 1944 году, когда пришла Красная армия, отдал себя в распоряжение советских властей. Молодого человека посадили на десять лет. Когда он освободился, наступили новые времена. Ему позволили работать переводчиком в издательском отделе Московской патриархии.

Лидия Давыдовна Кутепова ничего не знала не только о судьбе мужа, но и сына. Оставшись одна, без горячо любимого мужа и единственного сына, она вернулась в Париж, где умерла в 1954 году.

Задним числом в похищении Кутепова обвинят Плевицкую и

Скоблина. Когда станут известны обстоятельства похищения Миллера в 1937 году, это наложит отпечаток и на восприятие истории с Кутеповым.

По просьбе эмигрантов расследование тогда проводил бывший заместитель варшавского прокурора Василий Дмитриевич Жижин. В его комиссию вошел генерал-майор отдельного корпуса жандармов Павел Павлович Заварзин. В 1917 году он был начальником варшавского жандармского управления.

Шатилов процитировал его мнение:

«По данным Заварзина, по пути с улицы Русселе, где жил генерал Кутепов, следуя по улице Севр, на углу бульвара Монпарнас он был встречен неизвестным лицом, с которым он пошел направо по бульвару Монпарнас, после чего, несомненно, свернул на улицу Удино. Но следствие так и не обнаружило этого наводчика. После похищения генерала Миллера, когда вполне выяснилась предательская деятельность Скоблина, у многих сложилось убеждение, что наводчиком был не кто иной, как Скоблин.

Если вспомнить, что его жена, Плевицкая, с первого же дня после похищения Александра Павловича неотступно, с раннего утра до позднего вечера, находилась при несчастной жене генерала Кутепова Лидии Давыдовне, к которой стекались все новые сведения, как добытые официальным путем, так и частным порядком, то представляется теперь достаточно ясным, что Плевицкая хотела быть в курсе дела, чтобы своевременно предупредить мужа о назревающей для него опасности раскрытия наводчика».

Многие эмигранты уверились, что это Скоблин встретил Кутепова на бульваре Инвалидов и убедил его свернуть на улицу Удино, где генерал попал в ловушку. Возможно, сказал, что Плевицкая ожидает их в такси, чтобы вместе ехать в Галлиполийскую церковь. Когда сотрудники оперативной группы схватили Кутепова, Скоблин сел в красное такси, где сидела Плевицкая. Она, дескать, и была той самой «дамой в бежевом манто», которую видели на месте похищения...

Но всё это чистая фантазия. Плевицкая и Скоблин сами не знали, кто в январе 1930 года украл председателя РОВСа.

Особая группа Серебрянского

Ныне считается, что похищение Кутепова провела Особая оперативная группа ведомства госбезопасности Якова Серебрянского.

Председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский, имевший особое пристрастие к боевым операциям за границей, создал Особую группу как самостоятельное и независимое от Иностранного отдела подразделение. Возглавил группу Серебрянский, человек авантюрного склада.

Яков Исаакович Серебрянский родился 9 декабря 1892 года в Минске. Его отец был часовщиком. Юный Серебрянский присоединился к эсерам-максималистам. В 1909 году его арестовали за участие в убийстве начальника минской тюрьмы. Серебрянскому было 16 лет. Отделался он высылкой, в 1912 году был призван в царскую армию. В Первую мировую войну служил в 105-м Оренбургском полку, сражавшемся в Восточной Пруссии.

Революцию он встретил в Баку. Женился на сестре товарища по партии. После падения Бакинской коммуны уехал в соседнюю Персию — вместе с родителями жены. Семья искала там спасения от хаоса Гражданской войны. Так он оказался в городе Реште, столице образованной с помощью Красной армии Персидской Советской Республики, где познакомился с молодым чекистом Яковом Григорьевичем Блюмкиным. Тот взял Серебрянского в особый отдел персидской Красной армии.

Потом Серебрянский перебрался в Москву. Служил секретарем административно-организационного отдела ВЧК. В августе 1921 года уволился. Пошел учиться в Электротехнический институт. Эсеры превратились во врагов, и 2 декабря 1921 года Серебрянского арестовали на квартире правого эсера Давида Моисеевича Абезгауза. Серебрянский отсидел четыре месяца. 29 марта 1922 года президиум ГПУ решил его судьбу: из-под стражи освободить, но взять на учет и запретить работать в политических, розыскных и судебных органах, а также в Наркомате иностранных дел.

От тоски он пристроился в канцелярию нефтетранспортного отдела Москватоба. Но за него поручился другой бывший эсер — Яков Блюмкин, убийца немецкого посла в Москве графа Вильгельма фон Мирбаха. Серебрянский вернулся на Лубянку особоуполномоченным закордонной части Иностранного отдела. Его командировали на нелегальную работу в Палестину. В декабре 1923 года они с Блюмкиным прибыли в Яффу.

Блюмкина в июне 1924-го отозвали. Серебрянский остался резидентом. К нему приехала жена Полина, работавшая в Краснопресненском райкоме партии. Начальство было им довольно. В 1925 году его перевели в Бельгию. В начале 1927-го вернули в Москву. В апреле 1929 года Серебрянский возглавил 1-е отделение (нелегальная разведка) Иностранного отдела. И одновременно — Особую группу, главной задачей которой являлась ликвидация врагов за границей. Самой удачной его акцией считается похищение Кутепова.

Председатель ОГПУ Менжинский доложил политбюро, что операция по ликвидации головки РОВСа увенчалась успехом, похищение и уничтожение генерала Кутепова серьезно ослабило военную эмиграцию. Менжинский просил политбюро отметить участников операции в Париже орденами и именным оружием. Серебрянского в марте 1930 года наградили орденом Красного Знамени.

Тринадцатого июня 1934 года — после создания Наркомата внутренних дел — его группу подчинили непосредственно наркому. Теперь она называлась — Специальная группа особого назначения. 29 ноября 1935 года Серебрянскому присвоили высокое звание старшего майора госбезопасности. 31 декабря 1936 года он получил орден Ленина — «за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией».

Серебрянский и другой еще более известный чекист, Павел Анатольевич Судоплатов, который дослужится до генерал-лейтенантских погон, приняли деятельное участие в работе токсикологической лаборатории, образованной по разрешению Сталина.

Сотрудникам лаборатории объяснили, что создание смертельных препаратов необходимо для операций за кордоном. Но яды были востребованы и в Стране Советов. Разрешение на применение яда давали нарком внутренних дел или его заместитель.

Руководители лаборатории предложили препараты проверять на живых людях. Иначе как гарантировать эффективность создаваемого ими оружия? Пытливым ученым передавали приговоренных к расстрелу. Задача состояла в том, чтобы не только убить, но и скрыть реальную причину смерти. Подмешивали яд в пищу. Делали инъекции. Кололи зонтиком и тростью (этот метод впоследствии возьмут на вооружение). Иногда в людей, превращенных в подопытных кроликов, стреляли отравленными пулями. Или вводили яд в подушку, чтобы человек умер во сне. В некоторых случаях люди погибали долго и мучительно. Иногда агония продолжалась двое суток.

Заместителем Серебрянского в Особой группе стал будущий генерал

Наум Эйтингон, уже упоминавшийся на этих страницах. Группа Серебрянского состояла из двадцати оперативников и шестидесяти нелегалов. Сотрудники Иностранного отдела делились на две категории — в зависимости от того, побывали они уже за границей или нет. Первые щеголяли в хорошо сшитых костюмах из добротного материала, носили галстуки, белые рубашки, шляпы. Остальные удовлетворялись гимнастерками, сапогами и кепками.

После того как наркомом внутренних дел стал Берия, на Лубянке прошла большая чистка. Осенью 1938 года Серебрянского отозвали в Москву. 10 ноября Якова Исааковича с женой арестовали, как только они вышли из самолета. Допрашивал Серебрянского будущий начальник военной контрразведки СМЕРШ Виктор Семенович Абакумов, тогда еще лейтенант госбезопасности и начальник отделения во 2-м (секретно-политическом) отделе Главного управления государственной безопасности НКВД. Очень старался отличиться. Допрашивал так, что Яков Исаакович, человек не робкого десятка, всё подписал.

Сохранилось следственное дело № 981168 по обвинению Серебрянского. На странице 35-й дела резолюция наркома: «Тов. Абакумову! Крепко допросить. Л. Берия. 13.XI.1938».

Через много лет, в 1953-м, когда арестовали уже самого Лаврентия Павловича, прокурор СССР Роман Андреевич Руденко поинтересовался:

— Что означало «крепко допросить»?

Берия предпочел уклониться от прямого ответа:

— Не могу сейчас объяснить, что означало слово «крепко».

Шестнадцатого ноября 1938 года Берия сам пожелал допросить Якова Серебрянского. Недавние сослуживцы обвиняли его в том, что он перебросил на советскую территорию группу белогвардейцев, шпионов, террористов и по заданию бывших руководителей ведомства госбезопасности Ягоды и Ежова подбирал яды для терактов против руководителей партии и правительства.

Но вопрос о нем не был решен. 3 августа 1939 года Берия распорядился приостановить дело Серебрянского до особого распоряжения. Яков Исаакович продолжал сидеть. 6 октября 1940 года в прокуратуру Союза ССР ушло обвинительное заключение, в котором Серебрянский именовался агентом французской и британской разведок и участником антисоветского заговора внутри НКВД. Но санкции на расстрел не поступило, так что дело положили под сукно.

А когда началась война, 7 июля 1941 года Военная коллегия Верховного суда спешно приговорила Серебрянского к расстрелу — за

измену родине, шпионаж и участие в антисоветской заговорщической организации, в которую его вовлек бывший председатель ОГПУ Ягода. Его жене дали десять лет. Но расстрелять Серебрянского не успели — вмешался майор госбезопасности Павел Судоплатов, только что утвержденный начальником Особой группы при наркоме внутренних дел. Ему поручили вести диверсионную борьбу в немецком тылу. Для эффективной работы понадобились опытные кадры. Он попросил Берию освободить Серебрянского и других видных чекистов.

— Вы уверены, что они нам нужны? — переспросил Берия.

— Совершенно уверен.

Выяснилось, что большинство нужных людей уже расстреляны. А Серебрянскому и его жене повезло. Лаврентий Павлович пошел Судоплатову навстречу, сказал:

— Свяжитесь с Кобуловым, пусть освободят.

Комиссар госбезопасности 3-го ранга Богдан Захарович Кобулов был заместителем наркома госбезопасности.

Разумеется, Берия не мог решить это единолично. В 1953 году он пояснил, что заручился согласием вождя:

— Во время одного из докладов Сталину он поручил мне выяснить, где находятся работники, которые при Ягоде использовались для специальных заданий за кордоном. Я навел справки и установил, что один из них — Серебрянский. Его освободили для использования в спецзаданиях.

Из тюрьмы чету Серебрянских доставили в кабинет Судоплатова. Павел Анатольевич дал им денег, поселил в гостинице. 9 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР Серебрянских амнистировал. Якова восстановили в партии. Вернули награды. Два месяца они с женой лечились и отдыхали.

Серебрянский стал начальником отдела в Четвертом (террор и диверсии в тылу врага) управлении НКВД. Всю войну Серебрянский прослужил под руководством Судоплатова, получил полковничьи погоны, еще два ордена — Ленина и Красного Знамени. Но после войны, когда Сталин убрал Берию с Лубянки и министром госбезопасности стал Виктор Абакумов, подал рапорт об увольнении.

А когда в 1953 году Берия вновь возглавил органы госбезопасности и Судоплатов взялся собирать опытных людей, вспомнили и о Серебрянском. В мае 1953 года его вернули в кадры. Взяли в 9-й отдел МВД, как и Наума Эйтингона. На сей раз прослужил он недолго. Всё кончилось с арестом Берии.

Прокурор Руденко, допрашивая Лаврентия Павловича, поинтересовался:

— Для каких преступных целей вы, став министром внутренних дел, разыскали и вновь взяли на работу Серебрянского?

— Решено было привлечь Серебрянского и других (Эйтингона, Василевского), ранее работавших в группе Судоплатова, для подготовки людей для выполнения специальных заданий по американским базам. Сам Серебрянский имел опыт по взрыву кораблей.

Восьмого октября 1953 года Серебрянского арестовали «за тяжкие преступления против КПСС и Советского государства». 27 декабря 1954 года отменили прежнее постановление Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, и над ним нависла угроза приведения в исполнение смертного приговора. Но расстреливать его не спешили. Серебрянский умер 30 марта 1956 года в Бутырской тюрьме от сердечного приступа, когда его допрашивал генерал-майор юридической службы Петр Константинович Цареградский.

Председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов распорядился реабилитировать Серебрянского. 13 мая 1971 года Военная коллегия Верховного суда СССР отменила вынесенный ему приговор и дело прекратила в связи с отсутствием состава преступления. 22 апреля 1996 года указом президента России ему посмертно вернули все награды.

Но мы забежали вперед.

Вместе с Серебрянским в операции «Заморские» — так в служебной переписке именовалось похищение Кутепова в Париже — участвовал Сергей Васильевич Пузицкий из контрразведывательного отдела ОГПУ, тоже заметная фигура на Лубянке.

Пузицкий учился на юридическом факультете Московского университета и после революции стал следователем Ревтрибунала. С 1921 года служил в госбезопасности. Помог заманить в ловушку Бориса Савинкова. Удостоился ордена Красного Знамени. Из кабинета Пузицкого на пятом этаже здания на Лубянке Савинков выпрыгнул, когда решил, что на свободу ему никогда не выйти. Или был выброшен, когда решили от него избавиться. В 1935 году Пузицкому присвоили генеральское звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, а через два года арестовали и расстреляли.

Помогали Серебрянскому и Пузицкому сотрудники Особой группы Руперт Людвигович Эске (он же Иван Иванович Рачковский) и Андрей Николаевич Турыжников. Оба эмигранты, оба согласились работать на советскую власть. Обоих в годы Большого террора расстреляют.

Техническую сторону операции — автомобили, оружие, полицейскую форму, хлороформ — обеспечили сотрудники парижской резидентуры внешней разведки. Они же организовали слежку за генералом Кутеповым, чтобы выяснить его привычки, а также тщательно изучили распорядок дня обитателей дома 26 по улице Русселе.

Французам кое-что было известно о работе резидентуры.

Советник полпредства Григорий Зиновьевич Беседовский, оставленный исполнять обязанности поверенного в делах, в 1929 году попросил политического убежища во Франции. Его разоблачения печатались в парижских газетах: «Отдел ГПУ занимал при посольстве четыре комнаты в третьем этаже с окнами, выходящими в сад посольства и в сторону сада соседнего дома на рю Гренель, № 18. В одной из комнат был установлен на прикрепленной подставке прекрасный фотографический аппарат. В этой же комнате находилась сильная электрическая лампа, дававшая возможность очень быстро производить все необходимые фотографические снимки. В соседней комнате, почти всегда запертой, находились приспособления для проявления фотографических пластинок, а также склад разных принадлежностей, как химических чернил и т. д. В третьей комнате был кабинет Яновича. Наконец, четвертая, большая комната служила местом работы: в ней стояли пишущие машинки и тут же собирались некоторые из секретных сотрудников Яновича».

Владимир Борисович Янович — псевдоним. Чекисты работали за границей под другими фамилиями. Настоящее имя — Захар Ильич Волович. Он служил в разведке с 1924 года. 15 февраля 1928 года приехал в Париж резидентом. Официально служил в консульстве. Ему было всего 28 лет.

После похищения Кутепова его вернули в Москву начальником 1-го отделения Иностранного отдела. Захар Волович сделал карьеру, стал заместителем начальника оперативного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД, получил высокое специальное звание — старший майор госбезопасности. При очередной чистке ведомства был арестован и в 1939 году расстрелян.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

Почему решили завербовать Скоблина и Плевицкую?

Когда же на самом деле Плевицкая и Скоблин стали помогать советской разведке? Как это произошло? Они сами изъявили такое желание? Или их завербовали? И почему выбор пал именно на них?

Заранее продуманного плана у руководителей внешней разведки не существовало. Имя генерала Скоблина всплыло случайно. О Плевицкой на Лубянке и вовсе не думали.

Началось с того, что Иностранный отдел ОГПУ попросил украинских коллег передать им одного из своих секретных агентов для расширения закордонной работы. Государственное политическое управление Украины, как и другие правительственные организации, находилось в Харькове, который был тогда столицей Советской Украины. Начальники иностранного и контрразведывательного отделов украинского ГПУ ответили москвичам: «Посылаем автобиографию нашего с/с „Сильвестрова“. Вы обратились к нам с просьбой подыскать сотрудника, который мог бы выполнять работу в Юго-Славии. Мы решили рекомендовать вам для этой цели „Сильвестрова“. Последний является проверенным человеком, весьма толковым, решительным и настойчивым».

Даже в шифротелеграммах и служебных письмах, которыми обменивались между собой различные структуры госбезопасности, запрещалось называть подлинные имена. Секретный сотрудник ГПУ Украины, фигурировавший под псевдонимом «Сильвестров», — это бывший штабс-капитан царской армии Петр Георгиевич Ковальский, к которому проявили интерес в Москве.

Украинцы предупреждали:

«В 1927 году „Сильвестров“ был связан с Богомольцем в Бухаресте, и у нас имеются основания полагать, что Богомолец относился к нему с недоверием. Однако мы считаем, что это не может помешать работе „Сильвестрова“ в Югославии.

О вашем решении просим срочно нас известить, так как, если вы не найдете возможным использовать „Сильвестрова“ по Юго-Славии, мы его отправим на другую работу».

Упомянутый в письме из Харькова Виктор Васильевич Богомолец — известная фигура в мире спецслужб. Родился он в Киеве, в царской армии служил врачом. После Гражданской войны эвакуировался в

Константинополь. Начал работать на британскую разведку, которая его отправила в 1922 году в Бухарест. Женится на румынке, выучил язык. Высокий жизнерадостный блондин, он легко устанавливал доверительные отношения с нужными ему людьми. Жадный до денег, был готов служить кому угодно. Предложил свои услуги румынской Службе секретной информации. И это не последний его наниматель. После войны Богомолец согласится работать и на советскую разведку.

А кто такой «Сильвестров», который сыграет решающую роль в судьбе главной героини этой книги?

Второго декабря 1929 года Петр Ковальский составил для нового начальства подробнейшую автобиографию. Чекистов интересовал не столько его жизненный путь, сколько знакомства в среде эмиграции, то есть интересные разведке люди, с которыми он, оказавшись за границей, мог бы возобновить отношения:

«Родился я 29 июня 1897 года в семье железнодорожника. Всю свою жизнь до 17 лет, то есть до 1914 года, я находился на иждивении моих родителей и под их неослабным родительским попечением. Таким образом, выросши в семье с мелкобуржуазной психологией, в семье, которая всё время тянулась к „великим мира сего“, и будучи воспитан как семьей, так и школой (я окончил 7 классов Миргородской мужской гимназии) в духе „российского патриотизма“ с „верой в царя и отечество“, я встретил 1914 год.

Волна патриотических манифестаций, я в то время был в Чернигове, взвинтила меня, и я, правда, при очень малом сопротивлении родителей оставил гимназию и поступил в Одесское военное училище, которое и окончил в чине прапорщика в 1915 году 1 мая. По окончании училища я в июне месяце 1915 года попал на фронт в 4-й пограничный Заамурский полк. Вот, собственно, с этого момента и начинается моя самостоятельная жизнь.

В полку я был „баловнем судьбы“, а именно: прибыл в полк в июне месяце 1915 года, в октябре месяце 1916 года я уже был произведен в штабс-капитаны, то есть получил три чина и имел восемь боевых наград, правда, будучи в это время три раза ранен. Моя личная храбрость меня близко придвинула к руководящей верхушке полка, а потом штаба дивизии и корпуса.

И таким образом я встретил, будучи командиром батальона, революцию 1917 года. Будучи совершенно политическим безграмотным, я долго не мог разобраться в сущности переворота. С одной стороны, среда, в которой я вращался, сразу враждебно отнеслась ко всему случившемуся, с

другой, я увидел ликующую массу солдат. Очутившись между двух лагерей, но будучи органически связан с первым — я плыл по течению, митинговал, был членом полкового комитета, но определенного своего лица не имел. Как ни стыдно признаться, я только после февральского переворота узнал о существовании разных политических партий и о их существовании.

Но события развивались, начали поговаривать о формировании ударных отрядов, и меня как одного из лучших офицеров дивизии выделили на формирование ударного батальона, который влился в состав „отдельного ударного отряда 8-й армии“, которым тогда командовал генерал Корнилов.

С отрядом я участвовал в галицийском наступлении, после которого отряд был отведен на стоянку в Проскуров, где он переформировался в отдельный ударный полк имени Корнилова. В августе месяце 1917 года полк был спешно погружен и, как тогда говорили, направлен в Ленинград (на самом деле в Петроград. — Л. М.) на стоянку, но по прибытии в Могилев-губернский нас разгрузили и разместили в казармах, которые находились в непосредственной близости к ставке.

На следующий день начался Корниловский переворот, в котором полк принимал самое деятельное участие. По „окончании переворота“ полк был отправлен Временным правительством на ссылку — район станции Печановка. Здесь на основании приказа Временного правительства полк был переименован в „Первый Славянский ударный полк“ и влит в состав 2-й ЧехоСловацкой дивизии. Здесь произошли пере выборы полкового комитета, и я попал в председатели полкового комитета».

Необходимы некоторые пояснения к рассказу Ковальского.

Чехи и словаки жили под властью австрийского императора. В Первую мировую войну массово переходили на сторону России, чтобы воевать на стороне Антанты и заслужить право на независимость. 4 сентября 1914 года император Николай II благожелательно принял делегацию чехов и словаков, обещал помочь им создать свое государство. Российский военный министр подписал приказ о создании чешских воинских частей (см.: Военно-исторический журнал. 2010. № 6). Штаб Киевского военного округа сформировал «Чешскую дружину» из четырех рот.

Дело закипело, когда в апреле 1917 года в Россию приехал будущий первый президент Чехословакии Томаш Масарик. Начался набор добровольцев для чешско-словацких (так тогда говорили) войсковых частей. Развернули две дивизии, в одну из которых и попал Ковальский.

«Работая в полковом комитете, — продолжал Петр Ковальский, — я

ближе подошел к солдатской среде, но всё же это не была моя среда. Но мой „демократизм“ вызвал враждебное отношение ко мне некоторых из моих товарищей.

Приблизительно в 20-х числах октября к нам в полк „прилетел“ комиссар Временного правительства Иорданский, созвав митинг, начал упрасивать полк забыть те обиды и недоверие, которое было высказано ему Временным правительством, и согласиться взять на себя охрану Киева от „анархо-большевистской“ опасности.

Полк уговорили, и 28 октября с боем мы взяли станцию Киев у петлюровцев и, заняв вокзал, передали его для охраны чехословакам, а сами разместились в военном училище на Печерске. Начался бой: со стороны арсенала на нас наступали большевики, со стороны зверинца — петлюровцы. Продержавшись в такой блокаде два дня, полк по настоянию полкового комитета заявил, что он прибыл в Киев не для разрешения силой оружия политических споров, а для несения охранной службы, а посему предложил командованию прекратить „братоубийственную бойню“. После такого заявления командир полка приказал арестовать президиум полкового комитета, председателем которого был я, на что последовало заявление полка, что при аресте хотя бы одного из членов полкового комитета полк арестует весь командный состав. Чувствуя реальную угрозу и не сговорившись с юнкерами и казачьей батареей, которая в то время стояла также в училище, командный состав резко изменил свое решение и предложил мне провести переговоры о прекращении боя одновременно с арсеналом и гайдамаками. Заключив соглашение как с теми, так и с другими, полк в полном составе, погрузившись в вагоны на станции Киев, ушел опять в район станции Печановка.

Здесь полк начал распадаться, и, войдя в связь с генералом Калединым, офицерский состав начал переправляться на Дон, на это была санкция командования Юго-Западным фронтом, в числе которых были генералы Лукомский, Романовский, Махров. При организации этой переброски я близко познакомился с генералом Махровым.

Прибыв на Дон, офицеры Славянского полка восстановили прежнее название полка и составили основное ядро Добровольческой армии — Корниловский полк. Вращаясь среди „сливок“ Добровольческой армии в 1917–1918 годах, я хорошо познакомился с Калединым, семьей Корнилова, семьей Алексева, Родзянки, Лукомским, Романовским и другими организаторами армии.

Работал я всё время по организации железнодорожного транспорта и, проведя железнодорожную летучку, во время боя под Таганрогом был

ранен и по эвакуации Ростова и Новочеркаска был оставлен в Новочеркасске с документами унтер-офицера летчика. Выздоровев после ранения, я через Таганрог, Лозовую, Полтаву пробрался в зону немецкой оккупации (1918 г.) к отцу, служившему в то время начальником станции. Возвратясь домой, я решил совершенно бросить военную службу и продолжать учиться, мне был тогда 21 год.

Но благодаря настоянию отца и хороших знакомых я занял должность помощника начальника уезда (время гетмана). Пробыв в этой должности два месяца, я уже полусознательно начал ощущать отвращение ко всей политике тогдашних спасителей России, но другого пути я не видел. Призрак ЧК и „ужасы большевизма“ брали свое, и я, хотя и ушел с этой должности, но всё же с окружающей средой не порвал и продолжал жить у отца, готовясь в университет до октября 1918 года. В октябре 1918 года я был мобилизован гетманом и попал в отряд генерала Глазенапа.

С этим отрядом я дрался против петлюровцев, после бежал в Киев, имея целью пробраться на Дон. Попав в Киев, я пошел по линии наименьшего сопротивления, а именно: явился в штаб Петлюры, к самому атаману и заявил, что хочу служить в его армии и прошу отправить меня на Южный фронт — фронт против Одессы.

Я был немедленно произведен в полковники и отправлен в распоряжение генерала Грекова как старший оперативный адъютант. По прибытии на станцию Раздельная, где стоял штаб, я был вызван к полковнику Хилобоченко (Греков уже не командовал фронтом) и был назначен генерал-квартирмейстером Южного фронта».

Вновь надо внести ясность в рассказ Ковальского.

Полковник царской армии Петр Владимирович Глазенап присоединился к белой армии, где быстро стал генералом. Генерал-майор царской армии Александр Петрович Греков окончил Николаевскую академию Генерального штаба, во время Первой мировой служил начальником штаба армейского корпуса на Юго-Западном фронте. Одним из первых выразил готовность служить независимой Украине, где постоянно менялась власть. На короткое время ее возглавил еще один бывший царский генерал Павел Петрович Скоропадский, которого провозгласили на староукраинский манер гетманом. Его довольно быстро сменил Симон Васильевич Петлюра. Генерал Греков поддержал Петлюру и с декабря 1918 года командовал украинскими войсками в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях. В январе 1919 года стал военным министром Украинской народной республики. Хилобоченко служил у Грекова. Генерал-квартирмейстер — высокая штабная должность,

говоря сегодняшним языком, начальник оперативного управления.

«Пробыв в этой должности дней пятнадцать, — пишет Петр Ковальский, — я однажды был послан Хилобоченко вместо него на прямой провод для разговоров со Штабом головного атамана и принял такую телеграмму (говорил Киев): „Немедленно арестуйте Ковальского и доставьте его под усиленным конвоем — это один из видных гетманцев“. Под угрозой расстрела я заставил телеграфиста не разглашать этой телеграммы, а сам первым отходящим поездом бежал в Одессу.

Прибыв в Одессу, я окончательно решил разделаться с военной службой, но большевики окружили Одессу, и приказ ЧК не позволил мне оставаться в Одессе, и я весной 1919 года уехал в Новороссийск.

Не служить в армии в то время, живя на территории Добрармии, в особенности мне, старому корниловцу, было нельзя, и я устроился в Органах Военных Сообщений. Служил помощником коменданта ст. Новороссийск, комендантом ст. Царицын.

Попав вторично в Добрармию и окунувшись в ее гущу, вращаясь в ее высших сферах, я увидел полный развал и безыдейность всей белой армии, но для меня возврата и выбора не было — я старый корниловец, мне приписывают работу в карательных отрядах, я один из пионеров Добрармии — за всё это меня ЧК по головке не погладит, но, с другой стороны, служить и работать в Добрармии я больше не мог, и поэтому я решил всеми возможными средствами доказывать свою лояльность перед большевиками.

Первый раз это удалось мне сделать в Полтаве. Ко мне как к коменданту привели четырех коммунистов-чекистов, арестованных (справка об этом есть в моем деле, которое находится в делах ГПУ Полтавы) на территории станции, это были железнодорожники, сослуживцы моего отца, — я, недолго думая, пригласил их к себе в вагон и заявил: „Я иду на станцию, через три минуты вернусь, и уже после этого мы с вами посчитаемся“. Уходя, запер все двери, кроме выходящей в сторону мастерских. Возвратясь через три минуты, я моих арестантов не застал, — все они и сейчас служат в Полтаве.

Второй — это был перекосяк паровоза в поворотном кругу в Кременчуге во всё время переброски Шкуро из Днепропетровска в Харьков при прорыве красных у Купянска. Это задержало шкуровцев на 24 часа.

Итак, я пошел нога об ногу, хотя и один, но с Красной армией (1919 г.). После отступления армии ген. Бредова я был интернирован в Польше и, дабы избавиться от концлагеря, вступил в армию сначала Пермикина, в которой был три дня, а потом Булак-Балаховича, где служил, кажется, один

месяц, занимая должность начальника военных сообщений. Здесь мною было освобождено сначала три, а потом два коммуниста. После интернирования армии Булак-Балаховича я поселился в Лодзи».

И вновь требуются пояснения.

Станислав Никодимович Булак-Балахович (Бэй-Булак-Балахович), сын польского крестьянина, ушел добровольцем на Первую мировую войну вместе с братом Юзефом. За храбрость получил три Георгиевских креста и пять орденов. Был пять раз ранен, произведен в офицеры.

После революции Булак-Балахович примкнул к большевикам, но в ноябре 1918 года перешел на сторону белых. В мае 1919 года с помощью воинских частей независимой Эстонии взял Псков, где перевешал местных коммунистов. Объяснил журналистам: «Я предоставляю обществу свободно решить, кого из арестованных или подозреваемых освободить, а кого покарать. Коммунистов же и убийц повешу до единого человека».

Вспоминали его в Пскове с ужасом: «Распоряжался повешением сам Балахович, доходя в издевательстве над обреченной жертвой почти до садизма. Казнимого он заставлял самого себе делать петлю и самому вешаться, а когда человек начинал сильно мучиться в петле и болтать ногами, приказывал солдатам тянуть его за ноги вниз».

Командовавший белыми войсками на Северо-Западе России генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич летом 1919 года произвел Балаховича в генерал-майоры. В мае 1920 года создатель независимой Польши маршал Юзеф Пилсудский затеял войну против Советской России. Булак-Балахович присоединился к полякам. 4 сентября взял город Пинск. Его дивизию развернули в Народно-добровольческую армию.

Двенадцатого октября 1920 года Польша и Советская Россия подписали перемирие. Булак-Балаховичу объяснили, что его войска должны либо уйти в Румынию, либо продолжить войну против большевиков, но не на польской территории.

Тогда объединились Булак-Балахович, генерал Борис Сергеевич Пермикин, прежде командовавший Северо-Западной армией (после Гражданской войны он жил во Франции, бедствовал, во Вторую мировую вступил в Русскую освободительную армию генерала Андрея Андреевича Власова и воевал на стороне Третьего рейха), и генерал Петр Семенович Махров, который был у Деникина начальником штаба (а его брат Николай Махров воевал по другую линию фронта, в Красной армии).

Под лозунгом независимости Белоруссии 6 ноября 1920 года они перешли в наступление. Войска Булак-Балаховича взяли Мозырь и провозгласили создание Белорусской народной республики. Через десять

дней красные отбили Мозырь. Булак-Балахович ушел в Польшу. Борис Савинков назвал его «бандитом». Юзеф Пилсудский отозвался:

— Да, бандит, но не только. Сегодня он русский, завтра — поляк, послезавтра — белорус, а на следующий день — негр.

Рейды Булак-Балаховича превращались в грабежи и еврейские погромы. Его подчиненные насильствовали женщин, садистски убивали евреев, сжигали дома. Об этом писала русская пресса в Риге и Берлине. Советские разведчики пытались до него добраться, но не сумели. 11 июня 1923 года убили его младшего брата Юзефа. Когда немцы в сентябре 1939 года напали на Польшу, Булак-Балахович воевал против немцев. Его застрелили 10 мая 1940 года в Варшаве прямо на улице...

Когда президент Юзеф Пилсудский подписал мир с Советской Россией, на территории Польши оказались различные русские военные формирования, с которыми он не знал, что делать. Остатки дивизии Булак-Балаховича. Русский корпус генерала Пермикина. Отдельная русская армия генерал-лейтенанта Николая Эмильевича Бредова.

«Наш полк присоединился к генералу Бредову, после некоторых боев мы пробившись в Польшу, — вспоминал один из сослуживцев Ковальского. — В Польше нас интернировали. Отношение поляков к русским было плохое. Нас гоняли на работы, кормили впроголодь... Но вот поляки просят русских поступать к ним на службу, помочь им отогнать большевиков. Все русские с радостью принимают приглашение поляков помочь братьям-полякам и поступают охотно в армию. Сперва отношение поляков было хорошее, когда мы им нужны были, а потом отношение становится еще хуже, чем было в первое появление армии генерала Бредова. Нас интернировали...»

В эмиграции генерал Николай Бредов жил в Болгарии, в 1945 году был арестован сотрудниками НКВД. Его брат Федор Эмильевич Бредов, тоже генерал, служивший в Дроздовской дивизии, во время Второй мировой войны отправился в Сербию и вступил в Русский корпус генерала Штейфона, получил под командование батальон и — как этнический немец — звание гауптмана. После разгрома нацистской Германии шесть лет провел в плену.

Глава Польши Юзеф Пилсудский обещал французам, что соберет всех русских в концентрационных лагерях и будет их кормить, чтобы при случае они могли возобновить борьбу против большевизма. На самом деле судьба добровольцев поляков не интересовала. В лагерях для интернированных голодные русские солдаты десятками умирали от болезней.

Вот как описал один из добровольцев лагерь для российских солдат и

офицеров: «Половина буквально раздеты, половина не имеют ни одеял, ни сенников и валяются на голых нарах в неотопливаемых сырых бараках-землянках. Настроение у всех подавленное в связи с невозможными условиями жизни: паек прогрессивно уменьшается, отопление барачков отсутствует».

«Голодовка и вши, — вспоминал другой бывший доброволец. — Поляки меня сделали заклятым врагом Польши и всего польского. Дай Бог, чтобы была с ними война, я тогда пойду им отомстить за все свои страдания».

Нигде русским, бежавшим из России, не приходилось так тяжело, как в Польше. Ковальскому удалось выбраться из лагеря. В Лодзи нашел работу — ночным сторожем на мануфактуре. Потом устроился техником в строительную контору. Ковальскому еще повезло. Он не голодал, не унижался, вымаливая милостыню. Бывших русских солдат, оставшихся без документов и денег, поляки презирали и унижали на каждом шагу, словно стараясь расквитаться с ними за три раздела Польши. Кто-то из офицеров Добровольческой армии еще мечтал о втором освободительном походе против большевиков, заботливо хранил форму на дне пустого чемодана, но Ковальский в этих разговорах не участвовал. Понял, что прежняя жизнь не вернется. Война против большевизма проиграна. Красные победили — и победили навсегда. Надо думать о себе. Ему было всего 24 года, из них почти пять лет он воевал.

Так что же делать? Остаться в Польше, где он никому не нужен, просидеть всю жизнь техником в конторе на копеечном жалованье? Польское правительство мечтало избавиться от русских солдат. Ковальский пошел в российское полпредство.

«В конце 1921 года я явился в полпредство в Варшаве, кажется, к тов. Пляту и отдал себя всецело в распоряжение полпредства. В Польше я работал по линии военной и политической разведок под руководством тов. Кобецкого. Возвратился я из Польши в апреле 1923 года. После чего я служил в органах военных сообщений, в 49-м дивизионе войск ГПУ, а с октября 1925 года нахожусь в Харькове на гражданской службе и связан с ГПУ УССР».

Владислав Иосифович Плят, принявший Ковальского, заведовал консульской частью полпредства в Варшаве (до этого служил в Особом отделе ВЧК, в 1937-м его расстреляли). Казимир Кобецкий (настоящее имя Казимир Станиславович Баранский), завербовавший Ковальского, был резидентом внешней разведки. Работал в Варшаве под прикрытием секретаря советской дипломатической миссии (в ведомстве

госбезопасности дослужился до майора госбезопасности, а в 1937 году его тоже расстреляли).

Бывшему штабс-капитану поручили сообщать, чем занимаются бывшие добровольцы в Польше. В первую очередь интересовали те, кто намеревался и дальше сражаться с советской властью, кто сотрудничал с польской разведкой. Петр Георгиевич для вида продолжал служить в конторе, но большую часть времени проводил в тех местах, где встречались бывшие русские офицеры, выпрашивая их о жизни и планах на будущее.

Через два года Ковальскому разрешили вернуться в Советскую Россию. В апреле 1923 года он уже был на родине. Его сразу призвали в Красную армию — по специальности, в органы военных сообщений. Затем перевели в 49-й дивизион войск ГПУ. И, наконец, разрешили демобилизоваться и поселиться в Харькове.

Оказавшись в бедственном положении, кто-то из бывших солдат и офицеров белой армии рискнул вернуться в Советскую Россию, рассчитывая на милосердие — ведь Гражданская война закончилась. Обычно просили принять их в ряды Красной армии. Иной профессии они не знали, да и полагали, что воинская служба — наилучший способ подвести черту под прошлым. Всего несколько человек согласились работать на ЧК. Для этой службы требовались не только желание, но и особые черты характера — умение вести двойную жизнь, располагать к себе, входить в доверие, а также готовность среди прочего доносить на недавних товарищей и сослуживцев. Петр Георгиевич Ковальский обладал всеми этими качествами в полной мере, потому и преуспел.

Украинские чекисты подыскали ему в Харькове официальную работу — для прикрытия — и использовали на агентурной работе. Ковальский трудился бухгалтером и одновременно секретным сотрудником Государственного политического управления Украины. Вторая, тайная служба давала дополнительные деньги и некое чувство уверенности.

Петр Георгиевич сознавал, что власть не забудет его офицерское прошлое. Он читал в газетах, как Государственное политическое управление находит бывших белогвардейцев и подвергает их репрессиям. Надеялся на то, что Иностранный отдел не даст его как ценного сотрудника в обиду, Ковальский подвел итог своей прежней жизни:

«В своей биографии я оттенял ту эволюцию, которая произошла во мне в период с 1914 года и до 1920 года, в период, когда я от бессознательного монархиста под влиянием исторического хода событий, окунувшись во всю грязь Белого движения всех оттенков, перешел на платформу Советской власти и отдал себя всецело в распоряжение ее передового авангарда —

органа ГПУ.

Говорить о моих связях за границей очень трудно, так как утекло много времени, но я должен сказать, что всех главков периода 1917–1919 годов по Добрармии и 1919–1920 годов по Польше я знал довольно близко».

Шестого января 1930 года помощник начальника Иностранного отдела ОГПУ обратился к начальнику контрразведывательного отдела ГПУ Украины:

«По связи с нами на закордонной работе „Сильвестров“ нам известен, и посылка его за границу в принципе желательна. Но при этом необходимо учесть, что командировка его преследует совершенно определенную цель — вербовку, и в связи с этим следует выявить, насколько объективно и субъективно он соответствует этой прямой задаче.

Имеющиеся у нас сведения о „Сильвестрове“ и посланные вами его автобиография не дают достаточно материала для определения его возможностей за кордоном. Будучи связан с нами в Варшаве, по белым он не работал, а в своей автобиографии кроме „главков“ не дает фамилий лиц из своего ближайшего окружения в прошлом. Между тем эти указания помогли бы нам предварительно хотя бы в общих чертах ориентироваться в возможной обстановке и связях „Сильвестрова“ после его выезда за границу. Просьба поэтому подробнее опросить „Сильвестрова“ о его прежних знакомствах.

Кроме того, и с нами и, насколько можно заметить, и с вами он работал в качестве агента. Был ли он проверен вами в качестве вербовщика?

Эти сведения о „Сильвестрове“ просьба прислать дополнительно. Желательно также выяснить подробнее работу „Сильвестрова“ с Богомольцем и конкретизировать момент подозрений Богомольца по отношению к нему».

Шестнадцатого января 1930 года украинские чекисты переслали свой ответ в Москву:

«Согласно Вашего запроса при этом препровождается список знакомых „Сильвестрова“.

„Сильвестров“, работая с нами, никого за кордоном не вербовал, так как таких заданий от нас не имел. На советской стороне довольно удачно провел несколько вербовок.

Мы считаем, что при наличии имеющихся у него положительных качеств с заданиями по вербовке он вполне справится. С Богомольцем был связан около года, возглавляя шпионско-монархическую организацию. Данными, что „Сильвестров“ является нашим сотрудником, Богомолец не

располагает, но предполагать может».

Фельдъегерская связь доставила из Харькова два исписанных Ковальским листа с перечислением его знакомых из числа офицеров бывшей Добровольческой армии, осевших в эмиграции. В Иностранном отделе ОГПУ читали и перечитывали список из восемнадцати фамилий. Каждую фамилию сверяли с картотекой. Ковальский предполагал, что эти люди смогут стать источниками информации для советской разведки. Кого-то из них он даже предполагал завербовать.

Кто же значился в списке бывшего штабс-капитана?

Петр Ковальский очень хотел получить новое задание, потому постарался и составил список всех видных офицеров белой армии, которых знал:

«1. ген. Кутепов — познакомился в общежитии Красного Креста, в Новочеркасске в 1917 году, где собиралось первое ядро Добрармии, очень часто встречался в общежитии. Когда шла оборона Ростова, Кутепов был в опале у Корнилова (Корнилов не любил бывших гвардейцев) и был младшим офицером в офицерской роте, от командования которой был отстранен за оставление Таганрога. В это время мы довольно часто встречались, но были довольно далеки.

2. ген. Скоблин Николай. Со Скоблиным я познакомился в 1917 году при формировании Отдельного ударного отряда VIII-й армии. В это время Скоблин был штабс-капитаном. Всё время мы с ним были большими приятелями. В течение почти года служили в одном полку. Отдельный ударный отряд VIII-й армии, Корниловский ударный полк, Славянский ударный полк, Корниловский ударный полк (Добрармии). После ранения встречался со Скоблиным: один раз гостил у него в Дебальцево, другой — в последний раз кутили в Харькове в „Астраханке“ в 1919 году.

3. ген. Скалон — бывший „императорский стрелок“, познакомился с ним в Кременчуге, когда он был назначен начальником обороны Кременчугского района. Были большими друзьями, часто пьянствовали, вместе отступали в Польшу. В Польше сидели в Щелковском лагере. Жили в одном бараке, часто пьянствовали и там. Последний раз виделся со Скалоном в 1920 году.

4. полк. Голубятников Константин — познакомился тогда же, когда и со Скоблиным, Голубятников был у меня младшим офицером в роте. Большой приятель. Последний раз встречались в Харькове в 1919 году. Голубятникова знаю еще поручиком.

5. подполковник Иванов Михаил Спиридонович. Бывший офицер 22-го Нижегородского полка. Мой двоюродный брат. Служил в Конной

разведке Корниловского полка. Если удастся разыскать, то я уверен, что на все 100 процентов будет работать с нами.

6. ген. Шатилов — познакомился во время нахождения на Царицынском фронте, часто встречался в штабе Врангеля, близко знаком не был.

7. полк. Рижский-Корсаков, знаю еще капитаном по 4-му Заамурскому пограничному полку, первый раз встретился в 1915 году, до 1917 года служили вместе. Полк. Римский-Корсаков одно время был в царской армии, командовал у меня в батальоне ротой. Отношения с ним были товарищеские. В Добрармии не встречались.

8. ген. Глазенап — знаю еще полковником. Первый раз встречались в Миргороде. Когда Глазенап командовал Полтавским боевым участком против Петлюры, с Глазенапом у меня тогда были товарищеские отношения (в 1918 году). В 1920 году встретились в Польше большими приятелями. Последний раз виделись в 1921 году.

9. В то же время, когда я встретился с Глазенапом, я познакомился и с Бобылко. Встречался с ним в Польше — отношения довольно далекие.

10. Тогда же я познакомился с капитаном 1-го ранга Никифераки, с ним мы во время нахождения на Полтавском фронте были большими друзьями.

11. Во время пребывания в Польше я познакомился с ген. Булак-Балаховичем, а также с его братом Юзиком Балаховичем, с последним были большими приятелями, часто пьянствовали.

12. Там же познакомился с полк. Кузьминым-Караваевым, с ним были большими приятелями.

13. ген. Махров — познакомился с ним, когда Махров был начальником военных сообщений Юго-Западного фронта. Махров принимал деятельное участие в переброске офицеров Юго-Западного фронта. С Махровым часто встречался в ставке Деникина. В бытность Махрова начальником военных сообщений Царицынского фронта жил с ним вместе. Знаком с семьей Махрова. Встречался с Махровым в Польше, бывал у него. Последний раз виделся в 1920 году.

14. полк. генштаба Кременецкий — познакомился с ним в Штабе Деникина. Служил вместе в Харькове — он был заведующим передвижения войск Харьковского района. Кременецкий очень часто бывал у меня в гостях, как в Харькове, так и в Кременчуге. Последний раз виделся в 1919 году.

15. штабс-капитан Козунов Константин. Познакомился в 1919 году, и всё время были вместе. Один из лучших наших товарищей. Служил он в

подчинении у Кременецкого. В данный момент как Кременецкий, так и Козунов служат на железной дороге в Юго-Славии. Козунов всё время рвется в СССР. Думаю, что его можно использовать без всякого риска — за него могу ручаться.

Бывая в семье Корнилова, Каледина и Алексева, я ближе познакомился с Лукомским, Романовским, Бредовым, Деникиным. Был в больших приятельских отношениях с дочерью Корнилова Наталией Лавровой, и вообще в семье Корнилова я был принят как свой человек.

16. Знаю довольно хорошо Виктора Савинкова — брата Бориса, в Варшаве часто с ним встречался и был им командирован от „Союза возрождения Родины и Свободы“ в Россию (см. мое дело по Разведупру).

17. Был в хороших, дружеских отношениях с Якубовичем Борисом — артиллерийским офицером, бывший резидент Савинкова по Лодзинскому району, сын пана Якубовича, бывшего члена Государственной Думы. Последний раз видел в Лодзи в 1927 г.

18. В хороших товарищеских отношениях с сыном Милюкова Николаем — бывшим летчиком-наблюдателем. Николай бывал у меня еще во время империалистической войны. Последний раз виделся в 1917 г.

Это все те, кого я мог вспомнить, и те, которые, я предполагаю, находятся за границей и играют одну из видных ролей в белом движении».

На полях составленного Ковальским списка сохранились номера справок. И приложена составленная в ИНО сводка. Это перечень тех, кто мог представить наибольший интерес для разведки:

«1. ген. Кутепов. Знакомство относится к 1917 г. По его словам, „встречался с Кутеповым часто, но был довольно далек от него“.

2. ген. Скоблин. В 1925–26 гг. был избран в члены Совета правления О-ва галлиполийцев. Находился в хороших отношениях с б. полк. Воскресенским Вас. Георгиевичем, принимавшим участие в подготовке нападения на итальянское полпредство. Были большими приятелями.

3. ген. Скалон В. П. По сведениям пражских источников, ведет переписку с центром Братства Русской правды в Париже. Причастен к распространению листовок Братства и вербовке кадров для этой организации. Галлиполиец. Были приятелями.

4. полк. Голубятников. Находится в Сербии. В переписке Братства Русской правды (Персия) за 1922 г. характеризуется как совгражданин, англошпик. Большой приятель.

5. Иванов Михаил. Свед. нет. Какой-то Иванов Михаил по данным 1921 г. был организатором Римской группы балаховцев.

6. ген. Шатилов. Непосредственная вербовка исключена.

„Сильвестров“ с ним не был близко знаком. Из нынешнего окружения его никого не называет.

7. Римский-Корсаков. По материалам ИНО проходят два лица с такой фамилией, но без инициалов. Один из них находится в Болгарии. Второй в Копенгагене. Последний — морской офицер.

8. Кузьмин-Караваев Дмитрий, Париж. Второй Кузьмин-Караваев проходит по списку террористов в Финляндии».

Интересно, что в справке, составленной в середине января 1930 года, еще фигурирует генерал Кутепов как объект оперативного интереса советской разведки. Хотя в Париже уже полным ходом готовится его похищение! Это означает, что в детали операции, порученной Особой группе, работников Иностранного отдела в Москве не посвящали.

Павлом Шатиловым Иностраный отдел тоже очень интересовался. Генерал занимал видную должность в штабе Русского общевойскового союза в Париже. Но Ковальский не был с ним знаком близко, так что непосредственная вербовка исключалась.

Следующим после Кутепова значился генерал Скоблин.

Неожиданным образом именно после похищения Кутепова генерал Николай Владимирович Скоблин сделался соблазнительным объектом для вербовки. Евгений Карлович Миллер, который стал новым председателем РОВСа, не просто дружил со Скоблиным, а считал его близким человеком и не имел от него никаких секретов.

Остальные приятели Ковальского, с которыми он когда-то или служил, или выпивал, или сидел в лагере для интернированных в Польше, были мелкими сошками. Петр Георгиевич упоминал и крупные имена, но было ясно, что сделал он это для придания себе солидности.

Двадцать пятого января 1930 года, в тот самый день, когда в Париже исчез Кутепов, помощник начальника Иностранного отдела ОГПУ Михаил Савельевич Горб телеграфировал начальнику контрразведывательного отдела ГПУ Украины: «Срочно вышлите материал о работе „Сильвестрова“ с Богомольцем. Подготовьте Сильвестрова к поездке за кордон, пришлите его в Москву, откуда он выедет непосредственно. По приезде в Москву должен связаться по телефону 5–18–00 и условиться о месте свидания. Сообщите приезд Сильвестрова».

Михаил Горб до революции окончил гимназию, учился в Петрограде в психоневрологическом институте, перевелся на медицинский факультет Киевского университета. Но диплом не получил из-за революции! Присоединился к партии боротьбистов (левые эсеры Украины); партия самоликвидировалась, большинство боротьбистов перешли к большевикам.

В 1920 году его взяли в ЧК, воевал с поляками. В 1921 году начал работать в Иностранном отделе. Несколько лет проработал в Берлине. Заочно учился в МГУ на математическом факультете. Майор госбезопасности Горб станет заместителем начальника военной контрразведки, а в 1937 году его расстреляют.

Москву беспокоила неудачная история взаимоотношений Ковальского с Богомольцем: не означает ли эта история, что бывший штабс-капитан уже засветился как вероятный агент советской разведки? И его поездка за границу с вербовочными целями обречена на провал?

Украинские чекисты не отставали от москвичей. Тоже создали мнимую монархическую организацию. Во главе поставили закордонного сотрудника под именем «Леон», который быстро вошел в доверие к русским эмигрантам. По мнению Иностранного отдела ОГПУ, операция была почти такой же успешной, как и знаменитый «Трест».

Русские эмигранты с поразительным легкомыслием принимали на веру всё, что им рассказывали секретные сотрудники советской разведки, выдававшие себя за скрытых монархистов или националистов, готовивших свержение большевиков. Эмигранты были уверены, что в России не может не быть организованного сопротивления большевикам.

ГПУ Украины информировало московских коллег:

«„Сильвестров“ у нас работал в 1927 году по делу „Леона“. Закордонный сотрудник „Леон“ возглавлял легендарную монархическую организацию и был связан в Бухаресте с английским резидентом Богомольцем.

После того, как через эту легенду нами был задержан бывший князь Долгоруков и расстрелян (помещен в списках 20-ти расстрелянных в связи с убийством тов. Войкова), Богомолец начал относиться к „Леону“ с явным недоверием. В кругах румынской разведки и среди монархистов стали распространяться слухи о том, что „Леон“ является с/с ГПУ.

Для того, чтобы ликвидировать эти слухи, нами было инсценировано исчезновение „Леона“ (он получил от Богомольца задание пробраться в Туркестан и при выполнении этого задания он, якобы, исчез. „Леон“ после этого в закордонной работе не использовался и ныне проживает в Ленинграде).

После исчезновения „Леона“ нами за кордон в качестве его заместителя по организации был послан „Сильвестров“, который имел, якобы, поручение от организации выяснить судьбу „Леона“ в Румынии. „Сильвестров“ за кордон ездил три раза, где связывался с Богомольцем. Явного недоверия Богомолец ему не выказывал, но всячески старался

перевести его работу исключительно на разведывательную линию и не хотел связывать его с монархистами.

На этой почве „Сильвестров“ рассорился с Богомольцем и прекратил свои поездки в Румынию. Богомолец же со своей стороны до настоящего времени не принимал никаких мер для связи с „Сильвестровым“. Наше мнение сводится к тому, что Богомолец относился к „Сильвестрову“ в связи с делом „Леона“ и арестом Долгорукова с недоверием, но не имеет никаких конкретных данных, доказывающих сотрудничество „Сильвестрова“ с органами ГПУ».

Необходимы пояснения.

Виктор Богомолец — уже упоминавшийся агент британской разведки, которого долго разрабатывали советские агенты.

Седьмого июня 1927 года на варшавском вокзале был убит советский полпред в Польше Петр Лазаревич Войков. По указанию Сталина политбюро приняло решение:

«Поручить ОГПУ произвести массовые обыски и аресты белогвардейцев.

Опубликовать сообщение ОГПУ с указанием в нем на произведенный расстрел 20 видных белогвардейцев, виновных в преступлениях против Советской власти».

— У нас в ответ на убийство Войкова было расстреляно двадцать белогвардейцев, — рассказал Сталин популярному французскому писателю Анри Барбюсу, поклоннику Октябрьской революции и члену компартии Франции. — Рабочие были этим очень довольны, но говорили, что мало расстреляно, что у нас много еще таких паразитов шляется...

Одним из двадцати оказался представитель древнего дворянского рода, которого от имени мифической монархической организации пригласил в Россию «Леон», — князь Павел Дмитриевич Долгоруков. До революции он был одним из лидеров партии кадетов, депутатом Второй Государственной думы. В 1917 году его избрали в Учредительное собрание, разогнанное большевиками. Он эмигрировал. Желая показать молодежи пример жертвенности, вернулся в Россию, перейдя румынско-советскую границу. Его арестовали и расстреляли.

В переписке Иностранного отдела Петр Ковальский, не подозревая о том, обрел новый псевдоним — «Иваницкий».

В феврале 1930 года в Иностранном отделе ОГПУ составили подробное письмо венскому резиденту — руководителю аппарата внешней разведки в Австрии — с оценками его текущей работы и изложением стоящих перед ним задач. Одиннадцатым пунктом был поставлен вопрос

об использовании Ковальского:

«Сейчас мы заняты проработкой вопроса о посылке к вам людей с целью активизации вашей вербовочной и агентурной работы. Одним из таких лиц мы наметили — назовем его „Иваницкий“. Это бывший офицер, принимал участие в Гражданской войне на стороне белых, работает с нами с 1922 г. сначала за границей, а затем в СССР по связи с заграницей. Имеет знакомых по старой службе, главным образом в Югославии и 2-х братьев, местопребывание которых ему неизвестно. Некоторым из его знакомых в Югославии известно, что он находится в СССР.

Мы его направим вам в качестве вербовщика. Возможно, его можно будет использовать для каких-либо комбинаций.

Наш предварительный проект сводится к следующему: в Вену он приезжает в качестве бежавшего из СССР в связи с репрессиями по чужому паспорту, который ему удалось добыть. В Вене он является к властям, заявляет об этом и оформляется как политический беженец. Отсюда он пару раз выезжает в Югославию с целью розыска своих братьев и, ориентируясь в югославской обстановке, выясняет возможности либо оставления его там, либо частых наездов в Югославию под каким-либо скромным прикрытием. Из СССР ему удастся вывезти некоторые ценности, которые дают ему возможность месяца два прожить без определенных занятий. В дальнейшем он должен устроиться на работу.

Просьба сообщить ваше соображение о формах прикрытия для „Иваницкого“, наиболее удобных в условиях его заданий, и ваше соображение по вопросу об его использовании. Работать он будет по белым».

Венский резидент отнесся к этому отрицательно. Он не мог скрыть своего раздражения: центральный аппарат строит планы, не принимая в расчет реальное положение в Австрии. Намерение Центра послать ему людей для активизации вербовочной работы вообще расценил как завуалированную критику резидентуры.

В письме из Вены 22 февраля 1930 года сквозило трудно скрываемое неудовольствие:

«Вашу идею с посылкой сюда бежавшего офицера считаю заранее обреченной на неудачу. Вена — не такой пункт, куда бегут белогвардейцы из СССР. Это сразу покажется подозрительным. Но если бы даже удалось убедить здесь, что всё это естественно, то основного: разрешения ехать в Югославию ему не дадут, так как русским, даже весьма заслуженным белым, сербы категорически отказывают в визах. Путь, таким образом, и дорогой, и сложный, и на девяносто девять процентов безнадежный».

Почта из Центра приходила в резидентуру раз в неделю. Радиосвязь и телеграф использовались только для передачи неотложных и коротких сообщений. Самый опытный чекист, если он долго сидел за кордоном, утрачивал представление о том, как быстро меняются положение на родине и задачи ведомства госбезопасности. В результате между Центром и резидентурами возникала отчужденность, мешавшая делу. Шифровка из Центра с предложением прислать нового человека воспринималась с обидой: выходит, мы ничего не умеем, раз Москва навязывает нам новичка, который разом всю работу наладит...

Резиденты, в свою очередь, считали, что работники центрального аппарата не понимают конкретных условий разведывательной деятельности в стране. Обижались на то, что Центр подозревал сотрудников резидентур в желании наслаждаться комфортабельной заграничной жизнью.

В Иностранном отделе сознавали эти психологические проблемы собственного заграничного аппарата и считали, что работников легальных резидентур, то есть сотрудников разведки, которые работали под официальным прикрытием — в полномочном представительстве, в консульстве, в торговом представительстве, — нужно почаще вызывать в Москву: пусть не отрываются. Выяснить отношения в коротких шифротелеграммах смысла не было, поэтому решили максимально дипломатично втолковать венскому резиденту, что Ковальский всё равно к нему приедет.

Резиденту самым вежливым образом дали понять, что вопрос о командировке Ковальского в Вену решен. Задача резидента сделать так, чтобы его засылка прошла без сучка и задоринки:

«Ваше соображение о невозможности поездки Иваницкого в Югославию в качестве белого эмигранта примем во внимание. Однако в связи с тем, что мы придаем этой поездке большое значение, просьба разработать и сообщить наиболее удобный, применительно к югославским условиям, способ и форму этой поездки. Как мы вам уже сообщали — наши предложения сводились к следующему: Иваницкий по купленному им персидскому паспорту приезжает в Вену — не важно, каким путем.

В Вене он оформляется в качестве беженца и под каким-либо прикрытием приезжает в Югославию временно или на постоянное проживание. Поскольку эмигрантов в Югославию не пускают, он может в Вене не оформляться, или же можно выбрать вместо Вены какой-нибудь другой исходный пункт.

Ваши соображения на этот счет были бы для нас весьма полезными и

помогли бы проработке деталей командировки. Так как мы не предполагаем ограничиваться этой одной отправкой, просьба, учитывая возможности на будущее, сообщить нам характеристику въездных условий в Югославию вообще и формы наиболее целесообразных прикрытий».

Резидент в Вене был человеком разумным и опытным. Знал, когда можно проявить характер, а когда следует умерить свой пыл. 11 марта 1930 года последовал ответ из Вены уже практического свойства. Хотя последняя попытка переложить ответственность за прием Ковальского на соседей из Югославии была предпринята:

«Послать его с персидским паспортом можно, необходимо только, чтобы он по приезде мог очень подробно объяснить, как он этот паспорт достал. Необходимо также, чтобы он мог сослаться на связь с какой-нибудь контрреволюционной организацией в СССР. Лучше всего ему поехать прямо в Югославию через Константинополь. В Югославии он может оформиться, а оттуда уже приехать сюда для встречи с нами.

Говорить о таких посылках в принципе очень трудно. Надо один раз испробовать. Много будет зависеть от самого источника, его способностей, ловкости и т. п. В дальнейшем, когда наша сеть на Балканах разовьется, мы сможем сами таких людей рекламировать и продвигать по мере сил и возможностей. Нужно считаться с крайней подозрительностью югославских властей по отношению к белым и в особенности к такого рода выходцам из СССР, как наш офицер.

Предупредите его, что весьма возможно, что его сразу же посадят и что первые 3–4 месяца ему нужно будет только присматриваться, ничего не делая.

Я думаю, что вам самим ясно, что если подобного рода посылки и принесут пользу в будущем, то на сегодняшний день это „политика дальнего прицела“, не разрешающая наших текущих задач и насущных нужд».

Скептицизм резидента тоже был понятен. Заброска агентов на длительный срок больше интересовала Центр, чем резидента, которого, скорее всего, раньше вернут в Москву, чем такой агент даст первые результаты. Резиденту нужны агенты, которые дадут информацию немедленно. Ведь Центр требовал от него результата каждую неделю.

Отправкой Петра Ковальского на закордонную работу ведало 4-е отделение ИНО. Технически (включая придумывание паролей для встречи с сотрудником резидентуры) переброску обеспечивало 5-е отделение. Ему изготовили фальшивый паспорт и отправили на поезде в Берлин.

Пароль для связи с Ковальским в Вене придумали незамысловатый:

— Получили ли вы письмо?

— Получил 12 мая.

Двадцатого мая 1930 года венскому резиденту отправили написанное от руки послание:

«„Иваницкий“, о котором мы писали вам в предыдущих письмах, выехал в Вену через Берлин по персидскому паспорту на фамилию Булатяна Петроса. В скором времени он должен прибыть в Вену, где остановится в отеле „Грабен“. Время его прибытия сообщим телеграфно. Посылаем его фотокарточку, по которой вы сможете его отыскать, зная фамилию, в упомянутом отеле. Следующей почтой пришлем для него вербовочное письмо ген. Строеву, находящемуся в Юго-Славии.

Использование „Иваницкого“ представляется на ваше усмотрение. Полагаем, что в качестве вербовщика он может быть вам полезен. Мы послали его в качестве перса, предполагая, что он оформится в Вене как бежавший из СССР белый. Однако в силу ваших указаний на неудобство такого оформления он может проживать и в дальнейшем по персидскому паспорту. Под каким видом он будет ездить в Юго-Славию, если такие поездки будут вызваны необходимостью, — решите сами. Сообщите нам о ваших планах использования „Иваницкого“ после того, как свяжетесь и поговорите с ним».

В письме закралась ошибка. Имелся в виду не Строев, а Скоблин. И жил генерал не в Югославии, а во Франции. Надо понимать, что попытка завербовать Николая Владимировича Скоблина возникла в последний момент.

Венский резидент ответил Центру 30 мая. Он не упустил случая обратить внимание и на очевидные ошибки в данном ему задании, и на неподготовленность агента. Предложил переправить Ковальского во Францию. Шифровка из Вены получилась злая:

«Прибыл Иваницкий. Сообщение о его прибытии от вас получилось на пять дней позже. Оказывается из разговора с ним, что никаких определенных связей у него нет, а старых знакомых он растерял. С нашим аппаратом выяснить их местопребывание невозможно.

Вообще по белым специально он не работал. Работал в Варшаве по военной линии, ездил один раз в Румынию по легенде, которую держали в руках не мы, а румыны — вот и всё. В прошлом он — белый, но этого мало. Я удивлен, что заранее не было всё приготовлено, не проверены адреса, не написаны письма и т. д. Он сейчас здесь будет сидеть без дела и ждать, пока вы пришлете письма, наведете справки и т. п., и за это время может провалиться со своим персидским паспортом.

Я предлагаю на выбор два следующих плана:

1. дождаться письма к генералу Скоблину (а не Строеву) и направить его к нему с предложением работать или

2. направить его в Чехословакию как бежавшего из СССР белого и там ему раскрыться. Как я вам писал, надежд ему попасть на Балканы нет никаких. Он посылает два письма, которые прилагаются к почте, и просит их скорейшим образом отправить в Харьков (одно личное, одно — Карелину), необходимо, чтобы Харьков добился скорейшего ответа от лица, коему адресовано письмо, и запрашиваемый адрес сообщил по телеграфу.

Так как генерал Скоблин, по газетным данным, находится во Франции и так как почти все знакомые Иваницкого тоже там находятся, то, очевидно, опять-таки придется его туда послать для вербовки. При наличии всех этих обстоятельств следует обсудить, не целесообразнее ли передать его другому нашему аппарату, который работает на Францию.

Случай с Иваницким говорит за то, что такого рода посылки необходимо тщательнейшим образом подготовить, заранее точно проверять и устанавливать адреса, по которым источник может начать работу, тщательно подготовить и разработать легенду, по которой он едет, посылать людей не со связями вообще, а с совершенно определенными связями, — словом, посылать, зная заранее, с чего начнется работа и где можно начать работу. Без такой подготовки всякая посылка людей закончится плачевно и будет нам только стоить много денег».

Петр Георгиевич Ковальский сразу же попросил резидента переслать домой два письма. Одно касалось устройства его личных дел.

Он просил о содействии своего недавнего начальника в Харькове — Владимира Петровича Карелина. В контрразведывательном отделе ГПУ Украины он руководил работой Ковальского, затем возглавил ИНО. Со временем Карелина переведут в Москву заместителем начальника 5-го (особого) отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, произведут в майоры госбезопасности, а потом расстреляют.

Второе письмо было адресовано жене, Ковальский ее очень любил и вообще был преданным семьянином.

«Вена, 26.5.30 г.

Дорогая Рая!

О себе я, конечно, писать не буду, так как ни в чем не изменился, но напишу пару слов о своих путевых впечатлениях.

Начинаю из Ленинграда. В Ленинграде я попал на немецкий пароход „Саксен“. Первое, что бросилось в глаза, — это немецкая чопорность и вежливость, а дальше — дальше, думаю, самое главное, — обилие питания.

Здесь я вспомнил Витусю — как было бы хорошо ее так попитать.

20-го я уже был в Штеттине — маленький чопорный немецкий городок: чистота, опрятность, обилие магазинов, товаров, продуктов и поразительная пустота в магазинах. Если у нас в Цербкопах и ГУМах можно оставить по одному продавцу, который бы знал по-русски только одну фразу: „Ничего нет“, то в Германии и Австрии надо ставить того же продавца, который говорил бы: „Никого нет“.

С первого взгляда можно судить о покупательной способности страны, а отсюда и все экономические выводы.

Дальше о заграничной дешевизне — всё это ложь; правда, дешево, но всё это дрянь, а если хочешь достать приличную вещь, надо заплатить, и приличные деньги.

Разница только та, что у нас при наличии денег нельзя ничего купить. Здесь же при наличии денег можно достать всё, а также можно и всех купить, думаю, вплоть до верхушек... У меня есть веские данные, позволяющие так говорить.

В Берлине был всего один день, так что хорошо его не рассмотрел.

22-го приехал в Вену.

Что такое Вена?

Большое кафе-ресторан, которое имеет 1,3 миллиона населения, из коих 200 тысяч безработных и столько же полицейских. Никогда не мог себе представить такого количества ресторанов — правда, почти все пустые, или в них сидит человек с видом знатного бургера и пьет „соду“ за 40 грошей, то есть 13 коп., а пьет-то он эту соду с трех часов дня до двух ночи — в будни, а в праздники до четырех часов — занятие довольно веселое.

Да, я еще хотел сказать об одном классе населения — это „деми-бомонд“. Если я не ошибаюсь в смысле преуменьшения, то 15 процентов женщин в Вене продаются, а расценка, а также и социальное положение этого товара довольно разное — от одного шиллинга (то есть 30 коп.) и до тысяч. Есть профессиональные, зарегистрированные в полиции с особыми карточками, есть прикрывающиеся сутенерами, а большинство прикрывается мужьями.

Одним словом, торговля идет вовсю.

Соблазнительного очень много, но, сопоставляя два мира: мир капиталистический и наш новый мир — социалистического переустройства и проанализировав глубоко эти две противоположные системы, я вновь убеждаюсь, что социалистическое переустройство быта — это не эксперимент, как принято у нас среди многих думать, а это единственный

выход из того капиталистического тупика, в который зашел весь мир.

Но должен тебе сказать, что здесь человеку, который хоть немного колеблется в своем политическом кредо, устоять очень трудно и, перенеся всю трудность материальной жизни в СССР и вкусив все внешние блага жизни в Европе с ее кафе, минетами и менюэтами, могли вполне естественно не захотеть возвращаться назад и пойдут по линии Беседовских...

Но говорить о минусах достаточно, надо поговорить и о плюсах, а их также довольно много, что стоит одна только техника Германии. Догнать и перегнать Германию нам очень трудно, но наша воля, а главное, поднятие нашего культурного уровня должны нас поставить на первый план перед Германией, но для этого надо учиться, учиться и учиться.

Я прошу тебя, передай эти заветы Ляле, а также внуши Виточке, что спасение для нас, „завязших по колено в грязи“, — это учение.

Присмотри, если будет случай, для Виты и Ляли какую-нибудь старуху или из разорившихся „бывших“, которая владела бы немецким языком, и, может, она за небольшую плату и за стол и комнату согласится жить у нас и давать уроки Ляле, а также ухаживать за Витой.

Я на себе испытываю, как трудно без совершенного знания языка.

Ну, пока на сегодня довольно.

Письма я буду тебе писать каждые две недели. Пиши подробно о себе и о всех вас — бумаги не жалея, а время урывай.

Пиши, как вопрос с деньгами, — получила ли ты в „Радянської Спилке“, если нет — через Шурку (я ему об этом говорил).

Когда приеду, еще не знаю.

Ваш П.

Р. С. Береги Виту. Ведь ты знаешь, что это мой кумир. И я бы хотел, чтобы она была моей сменой и честно разгладила мои ошибки».

Пока обсуждался вопрос о том, как Ковальского использовать, он в Вене впервые за многие годы наслаждался спокойной, сытной и комфортной жизнью. Сочинял письма жене в Харьков. Письма пересылались в Москву вместе со всей почтой резидентуры. Поступали в Иностранный отдел ОГПУ. С них снимались машинописные копии и хранились в личном деле агента. Оригиналы пересылали в ГПУ Украины.

Харьковские чекисты приглашали к себе жену Ковальского Раису Михайловну Подлущкую и давали ей прочитать послание от Петра Георгиевича. Забирать письма домой ей не разрешали. В Харькове никто не должен был знать, что скромный бухгалтер Ковальский командирован за границу, в Австрию.

Сотрудники обоих иностранных отделов — союзного и украинского ГПУ — читали письма Ковальского внимательнее, чем его жена. Об этом свидетельствуют пометки, сделанные на письмах. Чекисты дорого бы дали за возможность узнать, понимал ли опытный Ковальский, что его послания не пройдут мимо ОГПУ? Или наивно верил, что письма, не распечатав, передадут его жене?

В любом случае знакомиться с его письмами было полезно. Если он искренен с женой, то можно выяснить, что у него на уме. Если он хотел произвести благоприятное впечатление на свое начальство, то важно понять, что именно Ковальский намерен внушить своим начальникам и что — скрыть?

Некоторые письма его жена так и не увидела. И не все ее послания передали Петру Ковальскому.

«Дорогой Раек!

Превратившись в „европейца“, я настоящее письмо начинаю писать, как это принято, в кафе — в кафе, в котором играет „русский национальный оркестр“ (другими словами — бывшие белые офицеры).

Раек, ты себе не можешь представить, какая это сволочь и какие это беспринципные люди — эти носители „идеи Великой России“, людишки, которые за алтын могут продать себя со всем барахлом, а о их „высоких принципах“ и говорить не приходится, но, конечно, не проходит и вечера без „Боже, Царя храни“, а ты себе представить не можешь, как смешно слушать, когда эта мразь распевает „свой“ национальный гимн перед пьяной публикой в кабаке (конечно, поется гимн только стоя).

Ну, перестану говорить об этой мрази, а скажу вообще пару слов из моих наблюдений.

Чем дольше я живу в этой гнилой Европе, тем больше я начинаю ценить и любить нашу необъятную страну. Что такое жизнь здесь — это большой публичный дом, как в прямом, так и в переносном смысле.

Детка, ты себе представишь не можешь, как мне хочется всё бросить и ехать, лететь, бежать туда, где строится новая здоровая жизнь. Я знаю, что ты, прочтя эти строки, улыбнешься и скажешь: „Хорошо рассуждать тебе, сытому и одетому“. Но вспомни, Раек, как тяжело было тебе рожать Витусю, а теперь посмотри, какая прелесть, — так и наша страна находится в родовых судорогах, и близок тот день, когда мы увидим здоровое растущее дитя.

Довольно философии.

Не пишу по существу твоих писем, так как получил только N 1. Сегодня буду говорить с ребятами и думаю как-либо наладить это дело.

Пиши много и чаще. Целую вас всех — Ваш Петя.

P. S. Пиши больше о Витусе и Ляле, а также о себе.

Петя».

«Ребята», то есть сотрудники венской резидентуры ОГПУ, при встрече с Петром Ковальским с трудом скрывали раздражение. У них была своя работа. Центр давал одно задание за другим, требуя новых вербовок, более интенсивного использования уже заагентуренных источников.

А Петр Георгиевич, радуясь закордонной жизни, и не подозревал, что венский резидент каждый раз, когда о нем заходила речь, твердил, что Ковальский бездельничает и зря проедает народные деньги.

Резидента еще злило то, что Ковальский аккуратно нумеровал письма и неизменно выражал недовольствие неспешностью чекистов в доставке его посланий жене Рае.

«Дорогие мои!

Со мной случилось то же самое, что и с тобой при посылке письма N 3, — то есть когда я собрался отправлять письмо, то получил сразу твои письма N 2,3,4 (хороша почта!), и поэтому я посылаю сразу два письма.

Раек! Ты не должна удивляться задержке писем, на это может быть много причин, и, не ожидая от меня писем, пиши мне регулярно каждые две недели. И с своей стороны при возможности буду поступать так же (пишу „при возможности“ ввиду того, что, как ты сама знаешь, я иногда не смогу просто технически передать тебе письмо).

Ты пишешь, что тебе писать не о чем, а мне можно писать о многом, но, мне кажется, наоборот: у вас зарождается новая жизнь, развивается, растет и каждую минуту дает что-либо новое, а у нас (говорю о Европе) это гниющая старуха, доживающая свои последние дни. Да и по другой причине я не могу много писать — если ты мне письмо можешь писать в течение двух недель и в последний день заложить в конверт все исписанные листы и отослать, то я должен писать письмо перед самым отправлением его.

Дорогая детка, я очень благодарен тебе за присланную фотографию, но меня очень огорчает, что на ней нет Лялиной рожицы. Надеюсь, что ты постарайся это исправить, а также пришли хорошую Витусину карточку 9×12, я отдам ее увеличить (у меня есть знакомый русский фотограф) до портретного размера.

На квартире, где я живу, есть маленькая девочка, и я по утрам с ней забавляюсь, мысленно отождествляя ее с Витусей.

Ты пишешь о Леночке, о том, что она хочет давать уроки иностранного языка Ляле, но ведь она знает только французский, а я бы хотел, чтобы

Ляля и Вита сейчас изучали немецкий язык, а также советую заняться этим их мамаше!

Не особенно доверяй „Леночке“, думаю, что она способна на провокацию, а особенно „их“ всех заинтересовало мое внезапное исчезновение и долгое невозвращение. Я считаю, что тебе надо лично видеться с „ребятами“, а не действовать через Шуру. Постарайся поговорить с Владимиром Петровичем (Карелин из ГПУ Украины. — Л. М.) и возьми у него удостоверение в том, что я призван в ряды РККА и нахожусь в распоряжении Особой Дальневосточной армии.

Имей в виду, что с „ребятами“ в центре я договорился, что ту же сумму ты получаешь от харьковского центра.

События развиваются, и я могу задержаться здесь на более продолжительный срок, чем мы предполагали, и ты, пожалуйста, не нервничай и больше растирайся холодной водой.

Ты меня успокаиваешь и просишь не тосковать и не нервничать. Дорогая моя, не тосковать по своей стране и вам я не могу. Не нервничать по своей натуре я не могу. Терять же бодрость духа в нашей работе я не имею права — ведь не для забавы и развлечения я сюда приехал! Ты себе представить не можешь, как хочется сделать для нашего Большого дела больше и лучше, как приятно чувствовать, что ты маленькое и активное звено в стройке новой жизни, и какая гордость в сознании, что тебе хоть частично доверили охрану спокойствия стройки этого нового мира и что ты стоишь часовым на границах жизни и смерти.

Наша кротовая работа когда-либо будет оценена историей, и нам, безымянным или многоименным, воздадут должное.

Скажу пару слов о себе. Жив, здоров, поправился на три с половиной килограмма, то есть на семь фунтов, всё свободное время болтаюсь в горах (живу в отрогах Альп). Ты себе не можешь представить, какая это прелесть в сочетании дикой природы с культурой! Что Европа, конечно, далеко впереди нас, то это всем известно, но, видя эти достижения культуры и техники, хочется скорее сесть на „наш паровоз“ (время покажет, „кто кого“, когда наш паровоз, неся твердо свою пятиконечную звезду, обгоняет паровоз с фашистским знаком) и обогнать гнилую Европу.

Как иллюстрацию развития путей сообщения могу сообщить следующее: курорт, в котором я живу, связан с центром: 76 пар поездов, 46 пар электрических поездов, 21 автобусный рейс.

Что касается жизни, то это предсмертная агония: достать можно всё, но на что может достать это всё рабочий? А вот ответ — экономический крах невероятный. Каждый день банкротства за банкротствами, рабочие

получают мизерные оклады, а именно от 20 до 50 шиллингов, то есть 6–15 руб., служащий и средний интеллигент столько же, и вот всё это тянется к тем, которые справляют „пир во время чумы“ и боятся оглянуться на восток, где горит заря нашей звезды.

Ты пишешь о женщинах, о том, что ничего не купишь! Дорогой Раек! Да наша последняя проститутка гораздо полнее (по своему внутреннему содержанию), честнее и порядочнее любой из женщин здешних. Ты себе представить не можешь, как мне хочется поболтать с нашими бабами из райсовета и посмеяться с ними — в платочках и с засаленными руками — над чопорными, беспринципными, продажными европейками.

Ну, детка! Я уже, кажется, заболтался, надо и кончать.

Пиши о себе и о всех делах. Твои здоровые письма поддают бодрость. Очень скучаю за вами и за всем нашим — хотелось бы скорее попасть в родную сферу, но имей в виду, что до тех пор, пока я буду здесь нужен, я и проситься не буду назад, — ведь дело прежде всего. Думаю, вы не будете на меня сердиться и будете терпеливо ждать.

Побеспокойся о зиме: об угле, дровах и теплой одежде как для себя, так и для детей. Для детей, думаю, что ты можешь использовать мое пальто, но об этом я напишу тебе в сентябре.

Дорогая детка, извините меня, что настоящее письмо носит более деловой, чем интимный характер, но тон, взятый сначала, дал общий тон письма, но имей в виду, что оно такое же теплое, как и предыдущее.

Целую всех вместе, каждого в отдельности, а тебя особенно.

Только ваш Петя.

P.S. Пришли скорее ваши карточки».

В Вене Ковальский провел несколько месяцев, возможно, лучших в его жизни. Пока что его единственное занятие состояло в том, чтобы регулярно наведываться на конспиративную квартиру, которую содержала резидентура, и в присутствии сотрудника разведки написать жене очередное письмо.

«20 сентября 1930

Дорогие мои,

Действительно в газе, радио, завоевании воздуха и рекордсменин наша связь побилла рекорд, и эти лавры мы можем уступить только французам, так как те умудрились письмо, отправленное в 1904 году, вручить адресату только в 1930, ровно через 26 лет. Твое же письмо, отправленное 2 июля, я получил 19 сентября, то есть через 48 дней — я думаю, что этому позавидовал бы гоголевский почтмейстер.

Но что же делать, другого способа связи я предпринять не имею права,

а настоящий довольно-таки хромает, но придется примириться с этим (со своей же стороны я напишу ребятам в центр письмо и буду просить улучшить связь). Со своей стороны еще раз прошу тебя не беспокоиться в случае долгого неполучения от меня писем по следующим причинам: 1) наша почта довольно хромает, 2) я очень часто могу не быть на своей основной базе в момент отправки почты, а почта у нас уходит через три недели. С другого же места я отправлять письма не имею права.

Тебя же прошу писать письма не только как ответ на мои письма, а возможно чаще и больше, ведь кроме моей работы меня здесь ничто не интересует, и одной отрадой для меня есть весточка от вас.

Раек! Не ленись и в письмах выходи из рамок нашей семьи, пиши и о стройке новой жизни, мне очень хочется знать, насколько мы продвинулись к намеченной нами цели. Раек, не так давно мне пришлось проезжать Швейцарию. Какая дивная страна и как высока их культура! Проехал всю Швейцарию и только на границе встретил паровоз, о них там забыли — всё электрифицировано, вся страна в проводах тока высокого напряжения, и как это гармонирует с дикой природой! Проезжая, хотелось закрыть глаза и не видеть подписей на иностранном языке, а перенести всю эту технику на наши Люботины, Казачьи... и только вера в наше большое дело и в наш боевой лозунг: „Догнать и перегнать!“ внушает бодрость и уверенность, что не за горами тот час, когда эта „европейская гниль“, пересекая наш необъятный Союз, с завистью будет смотреть на нашу новую культуру.

Дорогая Рая, я оставляю мою философию и перехожу к реальным вещам, а именно к ответу на твое письмо.

Меня очень волнует здоровье Виты, а именно ее кашель, я думаю, что ожидать будущего года — это преступление с нашей стороны, а посему с настоящим письмом пишу рапорт в центр с просьбой оказать содействие в лечении Витуси, а ведь ты знаешь, что наша поликлиника считается лучшей в Харькове и там врачи гораздо серьезней относятся к своим пациентам — глубоко уверен, что центр в этом пойдет навстречу.

Что касается жалованья, то его ты должна получать в начале месяца — за месяц вперед, то есть 1–2 июля за июль, и если тебе говорят, что ты в июне получила за июль, то это ложь. О дальнейшем получении денег, так как срок моей командировки окончился, переговори с „ребятами“. Если ты не будешь получать от „Радянської спилки“, то будешь получать от „нас“. Как только ты перейдешь на денежное довольствие к „нам“, сейчас же напиши в „Р.С.“ нижеследующее заявление:

„В Издательство 'Р.С.'

Согласно полученной мной доверенности от моего мужа (имя,

отчество, фамилия), ввиду призыва его в ряды армии, прошу учинить со мной с (укажи число) окончательный расчет, а именно:

1. Выдать положенное выходное пособие.
2. Оплатить неиспользованный отпуск (должны оплатить за месяц).
3. Оплатить за выходные дни согласно резолюции т. Фелипповича и заключению юриста“.

Ты меня спрашиваешь, когда я вернусь. Дорогая моя, да я и сам не знаю, ведь дела не бросишь, а одно кончишь, смотришь — другое началось, так и цепляется одно за другое, а может еще получиться и так, что придется еще задержаться месяцев на шесть — восемь. Жди терпеливо и помни, что как только можно будет, я ни секунды не задержусь среди этой гнили и сейчас же предстану перед ваши ясные очи.

Что касается твоего здоровья, то над ним ты должна серьезно призадуматься, так как запустить болезнь гораздо легче, чем избавиться от нее, — немедленно обратись к врачам и займись своим здоровьем.

Как я уже тебе раз писал, пожалуйста, немедля снимись втроем и пришли мне вашу карточку, а такженими Витусю одну и пришли ее карточку, я хочу ее увеличить, но эта карточка должна быть выполнена хорошо (если возможно, то получи у фотографа негатив, если это пленка, и вышли его).

Дорогая Рая, как и полагается, пока я получил возможность отправить ответ на твое письмо от 2 августа, я получил письмо от 13 августа. Во-первых, поздравляю тебя с днем твоего рождения и желаю всего, чего ты сама себе желаешь. Дальше спешу тебе ответить на твое письмо и поблагодарить за него, а также еще раз пожуришь. Ты пишешь, чтобы я писал чаще, но имей в виду, что я могу писать только в тот день, когда уходит почта. Ты же можешь писать чаще и, собрав свои записки, а не письма, в определенное время пересылать мне.

Рая! Твой бодрый дух письма мне приносит много радости. Дорогая моя, ты пишешь о мщении вокруг тебя, о недовольстве, но надо сначала посмотреть, кто мстит — ведь это гниль, и помни, детка, что когда строится здание, кругом лежат ненужные щепки и при окончании стройки этот мусор убирают и выбрасывают на свалку. Так и здесь — нет времени обращать внимание на этот гнойник, а пока нужно вырывать больших червей. Я думаю, ты хорошо знакома с вредительством на мясном, консервном и овощном фронте (если нет, то прочти „Известия ЦИК СССР“ от 22 сентября). Вот же сволочь! А разве мало еще невыуженной сволочи, и надо всеми силами стараться вскрывать эти гнойники и очищать нашу общественность от этой моли. Следя внимательно за событиями, за

развертыванием нашей стройки и за той вредительской работой со стороны наших врагов, получающих инструкции с Запада, ты поймешь всю важность нашей работы и не будешь сильно волноваться, если я долго задерживаюсь здесь.

Кончу свое дело и сейчас же буду у вас.

Пару дней назад был в кино и видел „Броненосца Потемкина“, к которому немцы примонтировали разговорную речь, как жаль, что этот монтаж сделали не мы, а немцы, но думаю, что и на этом фронте мы скоро обгоним. Конечно, публика, бывшая на этом сеансе, была совсем иная, чем в других фешенебельных кино, но когда над „Потемкиным“ взвился красный флаг, зал покрылся аплодисментами и возгласами „Хох Руссланд!“, из этого ты можешь судить, что нас и здесь знают и ценят и что наш флаг и звезда — проводники для всего угнетенного к светлым и безработным дням. Я знаю, что трудно строить нашу новую жизнь, но мы ее построим — если нужно, то я думаю, что и передвинем наши пояски и еще на одну дырочку, но своего добьемся.

Раенок, нужно получить текст приказа из „Радянської спилки“, на основании которого я снят с должности, и получить все причитающиеся мне еще там деньги. Поручи это делать Шуре, но подгоняй его, так как право на получение этих денег ты потеряешь через три месяца после моего увольнения. По этому вопросу пиши мне подробнее. На всякий пожарный случай сообщи мне номера вашей обуви, а также номер твоего платья и кофточки.

Постарайся лично увидеться с нашими „ребятами“ и прямо, как со мной, переговори о всех своих нуждах, а кроме того, я думаю, что ты уже достаточно поняла всю важность и необходимость нашей работы, и глубоко уверен, что при первом свидании с „ребятами“ ты предложишь и свои услуги, это будет для меня большой радостью.

Пиши много, буду очень рад получать от тебя большие письма. Глубоко уверен, что месяца через три я получу от тебя письмо на немецком или французском языках — если ты меня любишь, то сделаешь это для меня.

Целую всех крепко-крепко.

P.S. Привет всем, а Шуре отдельно».

Завтракая, прогуливаясь по улицам, заходя в магазины и кафе, Петр Георгиевич размышлял над тем, как хорошо было бы оказаться здесь вместе со всей семьей. Он не случайно настаивал на том, чтобы жена и дети взялись учить немецкий, — надеялся, что Иностранный отдел ОГПУ после успешно выполненного задания оставит его за кордоном на

постоянной работе и можно будет вызвать к себе семью.

Москва пересылала его пространные послания в Харьков: «При сем препровождается письмо „Сильвестрова“ Р. М. Подлущкой и записка „Сильвестрова“ о болезни его дочери. Просьба оказать возможное содействие жене „Сильвестрова“ в лечении ребенка, ибо „Сильвестров“ своей последней работой заслужил это».

Харьков ответил: «Содействие жене „Сильвестрова“ в лечении ребенка мы окажем. Просим выслать деньги жене „Сильвестрова“ за ноябрь».

Помогли. И попросили Москву рассчитаться: «Препровождаем письмо для „Сильвестрова“ от жены. Последней мы выдали двести пятьдесят рублей жалованья за январь месяц и сто рублей пособия на лечение ребенка, который серьезно болен. Выданные триста пятьдесят (350) рублей просим вернуть».

Десятого июня 1930 года Центр ответил венскому резиденту. Из письма становится понятно, почему для вербовки был выбран Николай Владимирович Скоблин. В Советской России чекисты установили контакт с одним из его братьев — Владимиром, и тот написал нужное для разведки письмо. Но попыткой вербовки Скоблина задачи Ковальского не исчерпывались. С ним связывались немалые надежды — проникновение внутрь эмиграции:

«„Иваницкого“ мы и направили вам не только для выполнения с вашей помощью специальных наших заданий, но и для непосредственного использования вами. Полагаем, что его знакомство с белым движением и его руководителями может быть вам иногда полезным. То, что он, будучи сам белым офицером, не работал до сих пор специально по белым, не может служить, с нашей точки зрения, препятствием для использования его по этой линии в будущем.

При сем прилагаем письмо к ген. Скоблину и фотокарточку его брата, находящегося в СССР. Просьба через ЕЖ-5 выяснить местопребывание ген. Скоблина (мы по другой линии даем аналогичное задание). По некоторым данным, Скоблин в настоящее время проживает в Ницце. Желательно вызвать его для вербовки в Вену под предлогом передачи письма от брата. Разговор с ним возложите на „Иваницкого“».

ЕЖ-5 — номер одного из агентов советской разведки. Петру Георгиевичу Ковальскому был присвоен агентурный номер ЕЖ-10.

Ковальский ждал, пока из Москвы перешлют письмо генералу Скоблину от его брата. Когда резидентура выяснила, где находится Николай Владимирович, и установила его точный адрес, Петр Георгиевич написал генералу, напомнил о себе и незамедлительно получил приглашение

приехать в Париж.

Певица и генерал дают подписку

Срочное послание от резидента в Вене было расшифровано на Лубянке в порядке очередности. Листок из шифровального блокнота передали машинистке, допущенной к работе со сверхсекретными материалами. Заложив три копии, она стремительно перепечатала телеграмму. Высокий молодой человек сложил листки в картонную папку с завязками и отправился в кабинет заместителя начальника Иностранного отдела ОГПУ.

В принесенной им папке лежала короткая телеграмма из Вены: «ЕЖ/10 вернулся в Вену из Парижа. Жена генерала согласилась работать для нас. Имеем подписку и первые сведения. Подробности будут сообщены почтой. Почтой жду подробных указаний».

Письмо из Вены от 1 октября 1930 года не заставило себя ждать. Третий пункт обширного послания гласил:

«При сем пересылаю доклад „Сильвестрова“ о его поездке в Париж. Генерал пошел на всё и даже написал на имя ЦИК'а просьбу о персональной амнистии. По моему мнению, он будет хорошо работать. Жалко только, что до сих пор нет от вас никаких инструкций.

Подписка Скоблина писана симпатическими чернилами „пургеном“ и проявляется аммоняком (летучая щелочь). Беда в том, что когда аммоняк улетучивается, то снова письмо теряется. Пусть у нас его проявят какой-либо другой щелочью после первого чтения.

Визитная карточка служит явкой (пароль). Генерал будет разговаривать с любым посланным от нас человеком, который предъявит ту же визитную карточку. Прошу срочно указаний. Месячное жалованье, которое желает генерал, около 200 американских долларов».

В сентябре 1930 года советская разведывательная сеть в Париже пополнилась еще одним агентом. Вернее, двумя, потому что Надежда Васильевна Плевицкая принимала участие во всех делах мужа. И в первой же телеграмме о большом успехе особо отмечалась вербовка Плевицкой.

Личное дело генерала, которое хранится в архиве внешней разведки, начинается короткой справкой:

«Скоблин Н. В., бывший офицер царской армии. Участник империалистической войны. В 1917 году будучи штабс-капитаном был в составе отдельного ударного отряда 8-й армии.

Был в Корниловском ударном полку, Славянском ударном полку. Участник Гражданской войны. Участник корниловского „Ледяного похода“. Служил в Корниловском ударном полку вместе с белой армией. Эмигрант. Эвакуировался вместе с белой армией. В 1921–25 году избран в члены Совета Правления общества галлиполийцев. Был на Галлиполи. Является руководителем корниловского объединения за рубежом. В 1929 году привлекался „Крестьянской Россией“ к руководству военной работой. Член РОВС. После назначения ген. Миллера и исчезновения Кутепова якобы привлекался к руководству и работе РОВС по разведке.

Женат на известной артистке Плевацкой Н. В.

Постоянно находится во Франции. Имел небольшую ферму на Юге Франции, которую сейчас продал и переехал в Париж, где приобрел участок земли под Парижем в Озуар-ла-Феррьер, где и живет».

Вот, собственно, и всё, что в 1930 году в Москве знали о генерале.

Впоследствии, когда в среде эмигрантов любовь к Плевацкой и уважение к Скоблину сменяются ненавистью и злобой, станут уверенно говорить, что они купили дом 345 на авеню маршала Петена в городке Озуар-ла-Феррьер на деньги советской разведки.

Но это не так. Дом они приобрели в рассрочку еще до вербовки, на деньги, полученные за концерты Надежды Васильевны, которая многие годы собирала полные залы. Два младших брата Скоблина, тоже покинувшие Советскую Россию, постоянно жили вместе с ними: Феодосий Владимирович, бывший подпрапорщик Корниловского полка, и Сергей Владимирович — ему было всего 23 года, и он писал стихи...

Историки должны быть благодарны Петру Григорьевичу Ковальскому, имевшему склонность к эпистолярному жанру. Он оставил полное описание встреч с Плевацкой и Скоблиным, встреч, которые определили их судьбу.

Ковальский отправился во Францию 1 сентября 1930 года. Так началась одна из самых успешных операций советской разведки. Поздним вечером 2 сентября он прибыл в Париж. Большие вокзальные часы показывали четверть двенадцатого. На привокзальной площади Ковальский взял такси и велел отвезти его, как ему было предписано в Вене, в отель «Монсени».

Петр Георгиевич провел беспокойную ночь. Незнакомый город, где

говорят на языке, которого он не знает... И главное: как его встретит старый знакомый после почти десятилетнего перерыва? Ответное письмо Николая Владимировича, полученное в Вене, было вполне доброжелательным. Он с явным удовольствием пригласил в гости бывшего сослуживца. Но какой будет реакция Скоблина, когда дело дойдет до откровенного разговора? Как поведет себя генерал? Возмутится? Потребуется уйти? Вызовет полицию? Или затеет двойную игру и даст знать своим из контрразведки РОВСа?

Волнения были напрасны.

Потом, вернувшись с победой, Петр Георгиевич подробно расскажет сотрудникам венской резидентуры, как именно он нашел подход к Скоблину и Плевацкой, и 16 сентября 1930 года составит детальный письменный отчет:

«3 сентября в 11 часов я отправился в „Zerbason“ (rue de Grommont) с целью получить адрес Скоблина, так как в предыдущем письме Скоблин для связи указал мне вышеозначенный адрес (Zerbason — это русское концертное бюро, возглавляемое князем Церетели). Здесь мне сказали, что адреса Скоблина не знают, но знают, что он приехал из своего хутора под Ниццей и живет во вновь строящемся городе в 30–40 километрах от Парижа, город этот называется Ozoir la Ferriere.

Я немедленно отправился на вокзал и поехал по указанному мне проблематичному адресу. Приехал я на станцию Ozoir la Ferriere в 5 часов вечера (я должен сообщить, что станция расположена в лесу и отстоит от города в трех километрах), и так как я не владею французским языком, то, естественно, не пытался расспрашивать, где находится город, а тем более, где живет Скоблин, а решил сам, без помощи найти город, а там, в мэрии, узнать и адрес Скоблина. Выйдя со станции, я повернул в совершенно противоположном направлении и, пройдя три километра, обнаружил, что ухожу от города и что до города осталось уже шесть километров. Установив ошибку, я зашагал обратно и случайно по дороге встретил трех человек, говорящих между собой по-русски. Я немедленно обратился к ним с просьбой указать адрес Скоблина. Они любезно проводили меня до строительной конторы, где я с трудом получил адрес Скоблина, а также и план города (при сем прилагаю). Адрес Скоблина: Ozoir la Ferriere, Seine et Marne, M-el Petain.

Прибыв по указанному адресу, я Скоблина не застал, но, прождав минут пятнадцать, я добился своего и увидел подъезжающий автомобиль, а в нем цель моих устремлений — генерал Скоблин. Встреча со Скоблиным носила самый дружеский характер. Он сейчас же познакомил меня с

„Надюшей“ со словами:

— Это тот Петя, о котором я тебе так много говорил.

Вместе с Скоблиным из Парижа приехал и Плевацкий, бывший муж жены Скоблина — Надежды Васильевны Плевацкой. Весь вечер разговор вели на отвлеченные темы, а больше всего я вспоминал со Скоблиным наши „ротные дела“ и друзей по полку, а также и по Добрармии.

Из разговора я выяснил, что Скоблин организовал четыре года назад хутор в ста километрах от Ниццы и что благодаря неурожаю виноград прогорел и аренду больше не возобновляет; что они (то есть Скоблин и Плевацкая) купили дом, уплатив десять тысяч франков, и каждый месяц в течение десяти лет должны уплачивать 800 франков.

Когда же Плевацкая стала меня расспрашивать, как поживает брат Скоблина Владимир, то Скоблин резко оборвал ее и перевел разговор на тему о жизни в Вене, и, как оказалось после, Скоблин хотел скрыть перед бывшим мужем Плевацкой, что я имею отношение к его братьям, а тем самым и к СССР.

В разговорах мы досиделись до одиннадцати часов вечера и пропустили последний поезд, и мне пришлось ночевать у Скоблина. 4 сентября рано утром я уехал в Париж. Условившись с Скоблиным, что он 5 сентября в одиннадцать часов приедет ко мне в Париж и тогда я ему передам письмо брата и поговорю с ним, так как присутствие Плевацкого мешало остаться наедине с Скоблиным.

5 сентября в одиннадцать часов Скоблин пунктуально был у меня. Скоблин приехал с женой, так как она его никуда со мной одного не отпускала (боялась, чтобы не удрал). Со Скоблиными я поехал делать покупки, так как они ожидали 6 и 7 сентября гостей. В час дня Плевацкая заявила, что она голодна, и я предложил ей поехать пообедать, на что она мне ответила:

— Я с удовольствием поеду, но вы знаете, что мне ехать в какой-нибудь ресторан неудобно, ведь меня здесь все знают.

Я на это сказал, что, конечно, я превосходно понимаю, что такой звезде не место обедать в столовках, и мы решили ехать обедать в Эрмитаж».

Полностью этот парижский ресторан назывался так: «Большой Московский Эрмитаж». Он был модным и дорогим, оттого Надежда Васильевна его и предпочла. Точнее было бы назвать его рестораном-кабаре. Здесь пели такие известные в ту пору певцы, как Юрий Морфесси, Александр Вергинский, Алеша Дмитриевич, выступал цыганский хор. Открыл ресторан — для живущих в Париже русских и для всех поклонников русской кухни — Алексей Васильевич Рыжиков, который

когда-то руководил и московским «Эрмитажем». Поваром пригласил Федора Дмитриевича Корнилова. Его представляли как личного повара последнего русского императора. Он им не был, а работал в столичном ресторане «Европа», и его не раз приглашали в Царское Село на большие торжества. Потом Корнилов открыл свой ресторан «Осетр» на Пляс Пигаль.

Вернемся к отчету Петра Ковальского:

«Пообедав в Эрмитаже, мы отправились бриться, и в парикмахерской Скоблин попросил меня передать ему письмо. Вручая письмо, я ему сказал, что по существу письма хочу с ним немедленно переговорить, но считаю, что парикмахерская — не место для разговоров. Мы условились с Скоблиным поговорить немедленно по приезде к нему. Я поехал вместе со Скоблиными в Ozoir la Ferriere.

По приезде я предложил Скоблину пойти со мной погулять и, когда мы прошли в глухие улицы города, я прямо заявил Скоблину, что приехал специально спросить его, думает ли он бросить затеянную им авантюру и не прекратит ли он играть в солдатики и согласен ли он вернуться как солдат в ряды „родной“ армии?

Скоблин был огорошен поставленным ему вопросом и спросил, на каком основании я задаю ему подобный вопрос. На это я ему ответил:

— Мы решили еще раз предложить всем тем, кого считаем полезными, прекратить белую авантюру и вернуться в ряды новой „русской“ армии.

На это Скоблин меня спросил:

— Кто это „мы“?

— Генеральный штаб СССР! — последовал мой ответ.

— Но если я возвращусь, то там создадут показательный процесс или просто меня расстреляют.

На это я ему ответил:

— Коля! Ты ведь не маленький и должен превосходно знать, что ты не представляешь из себя более или менее крупной величины, а являешься просто военным спецом и показательный процесс над тобой не представляет никакого интереса, а расстреливать тебя — это только поднять международную шумиху, так что, если ты здраво рассудишь, то поймешь, что ты сказал глупость. А тем более я тебе даю гарантию Генштаба, что ты будешь цел и невредим. Конечно, я тебе не говорю, что ты получишь строевую часть. Из тебя сначала надо выкурить твой белый дух, перевоспитать тебя в духе нашей новой армии, а тогда допустить к строевым должностям. Но что ты получишь должность в штабе, то это я тебе гарантирую. Помни, Коля, что я превосходно знаю твой патриотизм и

любовь к нашей великой России. А когда поднялся вопрос о твоей вербовке у нас в штабе, то раздались голоса, что Скоблина можно просто купить, предложив ему пару долларов. А я на это возразил, что Скоблин не продается и если он пойдет к нам, то только во имя служения Родине и родной армии. И теперь я жду от тебя прямого ответа: ты с нами или против нас?

Скоблин с дрожью в голосе и со слезами ответил:

— Петя, я всегда считал тебя своим лучшим другом и осуждать тебя за твое поступление в Красную армию не имею права. Каждый по-своему смотрит на вещи, но в данный момент ответить тебе на твой прямой вопрос я не могу, так как это коренная ломка моих убеждений, да и кроме того я связан присягой и тесной дружбой с моими подчиненными, разбросанными по всему свету, которые слепо верят мне и готовы со мной идти в огонь и воду. А еще я связан с Надюшей (его жена), и без нее я не решаюсь дать тебе тот или иной ответ.

Учтя то, что Скоблин находится всецело под влиянием и в экономической зависимости от жены, я решил перенести весь огонь на другой фронт, а именно повести наступление на фронте Плевицкой и, прекращая наш разговор с Скоблиным, я ему сказал:

— Меня удивляют твои рассуждения о присяге, ведь присягу ты давал не личности, а своему народу, и я тебя зову служить народу, и этим самым ты не только не нарушаешь присяги, а больше ее подтверждаешь, разрывая с врагами народа. Что же касается подчиненных тебе чинов, то мы никогда не думали, чтобы ты рвал с ними. Я глубоко убежден, что честные по твоему указанию будут нами завербованы и в Москве будут вместе с тобой служить русской армии.

На этом наш разговор прекратился, и я, дождавшись, когда Скоблин уедет в ближайшую деревню за молоком, энергично взялся за Плевицкую.

Я начал доказывать (предварительно узнав от нее самой ее происхождение), что она как дочь крестьянина, дочь трудящегося должна служить трудящимся, ей не место распевать песни горя русского народа по кабакам Парижа, что ее песня должна воодушевлять стройку новой свободной жизни, что только там (то есть в СССР) ее знают и понимают и ждут ее. Одним словом, залил столько, что „моя баба“ разревелась и заявила мне, что у меня „дивная чисто русская душа“ и что я ей внес своими словами бодрость и что она со мной согласна, что ей место не здесь, а там с „родным народом“, что она из народа и несет песню народа, которую здесь не могут понять, ведь это могут понять только такие „чистые русские души“, как моя, и добавила, что она готова хоть сейчас

возвратиться на родину, но боится за самое дорогое в ее жизни — это Колечку. А ведь если он возвратится, то его непременно расстреляют.

Почувствовав, что мое сражение выиграно и что надо действовать энергичнее, я заявил Плевацкой, что я говорил с Колечкой и что стоит ему только заявить, что он согласен служить у нас, его полная безопасность гарантирована, и что я считаю, что она должна повлиять на него. Плевацкая дала мне слово переговорить со Скоблиным, но от себя добавила, что она уверена, что раз я говорю, что „Колечке“ ничего не угрожает, то он согласится „работать“ с нами.

Закончив на этом наш разговор, я вечером уехал из Ozoir la Ferriere, но Плевацкая взяла с меня слово, что я вернусь 7 сентября и пробуду у них два дня и тогда мы всё выясним.

7 сентября я приехал в двенадцать часов, но переговорить с Скоблиным и Плевацкой мне в течение целого дня не удалось, так как у них были гости. Но за эти дни я присмотрелся к жизни Скоблиных и увидел, что материально положение их неважно и что они очень нуждаются.

8 сентября мы поехали автомобилем в Париж. Когда в Париже я остался наедине с Плевацкой, а Скоблин пошел по делам своей дачи, Плевацкая начала мне жаловаться на свое тяжелое материальное положение и сказала:

— Петр Георгиевич, ведь вы понимаете, что я большая артистка и мне нужны туалеты, а для туалетов нужны деньги, а вот их-то и нет.

На это я сказал, что мне важен ответ Скоблина, а деньги — это мелочь. Если она будет связана с нами, то это, пожалуй, удастся урегулировать. По приходе Скоблина мы отправились обедать опять в Эрмитаж, и Плевацкая сказала, что она очень рада, что имеет возможность хоть сейчас по-человечески посидеть в хорошем ресторане.

Из Парижа на автомобиле мы отправились домой к Скоблиным. По приезде я прямо заявил Скоблину, что время у меня ограничено и я хочу знать его прямой ответ: да или нет. Тогда Скоблин мне сказал, что он не знает, что он сейчас может делать в СССР — в Штабе он работать не хочет, а другой работы принять не может, так как ничего не умеет делать. На это я ему возразил, что это мелочь и мне важно знать в принципе согласие его работать с нами. Да и о его отъезде говорить преждевременно, так как нам необходимо официально оформить его возвращение, а на это потребуется не менее шести — восьми месяцев, и что за это время мы присмотримся к нему и он докажет здесь, на месте свою лояльность и преданность СССР, и что я считаю, что он сейчас принесет гораздо больше пользы здесь, чем в

СССР.

На это последовал вопрос Скоблина:

— Где я буду числиться на службе?

Я ответил:

— В Генштабе СССР.

— А в каком отделе?

— Не будь, Коля, мальчиком, конечно, в Разведывательном Управлении Республики.

— А что это такое и какое отношение имеет Разведывательное Управление к ГПУ?

Я ответил, что это средняя организация между Штабом и ГПУ.

— А скажи мне, пожалуйста, не предлагали ли вы Туркулу (бывший начальник Дроздовской дивизии, живет в Болгарии) работать с вами?

— Коля, не задавай глупых вопросов. Ты превосходно знаешь, что я из себя представляю и что подлинного ответа ты не получишь, — был мой ответ.

— У меня имеются сведения, что вы говорили с Туркулом и только не сошлись в цене, — говорит Скоблин.

— Хорош русский офицер, который за дело служения родине понимает торг. Но это не важно, и я хочу слышать твой прямой ответ, — работаешь ли ты с нами или нет?

Пауза минуты две:

— Я переговорил с Надюшей, и я согласен, но есть некоторые вопросы, какие я хотел бы выяснить.

— Мне важно было получить прямой ответ на мой вопрос, а детали не играют существенного значения. Получив твой прямой ответ, я готов заслушать и детали, говори.

— Первое, я хочу получить персональную амнистию, второе, я превосходно сознаю, что здесь я принесу гораздо больше пользы, чем в СССР, но ставлю обязательным условием, что я хочу держать связь только с тобой и знать только тебя. Не хочу связываться с вашими работниками в Париже, так как они себя скомпрометировали и немедленно провалят и меня. Ведь у нас довольно сильная, личная контрразведка в Париже; да, кстати, должен тебе сказать, что одно время генерал Миллер предлагал мне стать во главе контрразведывательной работы в СССР, но я отказался. И последнее — если вы будете воевать с Польшей и Румынией, я должен немедленно быть в рядах действующей армии, хотя бы и рядовым, и колотить эту сволочь. А остальное — мелочи, и о них поговорим после. Хорошо, что приехал ты, приехал бы другой с двумя письмами братьев, я

бы поступил с ним иначе и, пожалуй, ему бы не поздоровилось здесь, во Франции. А тебя я знаю как честного человека и как моего друга и верю тебе, как самому себе.

На этом наш разговор на интересующую меня тему окончился, и мы разошлись, условившись, что оформим наше дело 9 сентября.

9 сентября утром я поехал в Париж и хотел там остаться, но Плевицкая решительно запротестовала, и я, получив деньги по почте, пообедав с Скоблиным в гостинице, возвратился опять к ним.

Всю дорогу Плевицкая жаловалась мне на недостаток средств не только для приобретения нарядов, но и для существования. Плевицкая просила меня содействовать ей в получении визы в Польшу, так как ей кто-то сказал, что ей не дадут визы, так как наше правительство не согласно на это. Я обещал ей по силе возможностей содействовать во всем. Плевицкая предложила мне 10 сентября осмотреть окрестности Парижа, и я согласился.

10 сентября утром я предложил Скоблину оформить его согласие и для большей конспирации предложил Скоблину писать свое заявление пургеном. Когда была написана Скоблиным первая часть заявления, я сказал, что для полной гарантии Скоблин должен дать и подписку, и продиктовал ему подписку (заявление с подпиской — при сем прилагаю).

Но написав заявление, Скоблин спохватился и спросил меня:

— А как же я должен сейчас поступать? Я дал подписку, что не буду выступать активно и пассивно, а тем не менее остаюсь в рядах белой армии. Теперь меня могут обвинить в новом предательстве. Я хочу иметь какой-либо оправдательный документ, что я в данный момент уже не занимаюсь предательством.

Дабы успокоить Скоблина, я написал ему пургеном следующую записку: „Предлагается вам активизировать вашу работу в РОВС. Петр. Париж 10 сентября 1930 г.“. А карандашом поверх написал совершенно безопасную записку.

Написав заявление, Скоблин спросил меня, а что он должен теперь делать и как себя вести в отношении монархистов ОВС (ОбщеВоинского союза), своего полка и партии „Крестьянская Россия“, которая его зовет в свои ряды.

Вместе с этим Скоблин добавил, что у него натянутые отношения с генералом Миллером из-за заигрывания Миллера с монархистами и что он, Скоблин, уже просил освободить его от командования полком. Я сказал, что он не должен порывать ни с кем, активизировать свою работу среди РОВС и ждать наших дальнейших инструкций.

Как явочный документ для связи я получил от Скоблина его визитную карточку (которую при сем прилагаю) и сломанный карандаш, половина которого хранится у Скоблина. Но, передавая всё это, Скоблин опять просил держать связь только со мной.

Вручая мне всё это, Скоблин сказал мне следующее:

— Ты сам понимаешь, что я всех знаю и меня все хорошо знают, я могу принести вам (не вам, а теперь нам — поправил я его) пользу. Но для этого необходимо возобновить знакомства, а возобновить знакомства, начать принимать у себя людей стоит очень дорого, а теперь мы сидим без копейки.

Я его перебил и сказал:

— Коля, всё я понимаю хорошо и прошу назвать сумму, которая бы тебя удовлетворила, я смотрю на тебя не как на человека, который будет нас случайно снабжать документами, а как на нашего постоянного работника. Поэтому прошу назвать сумму, которую ты хочешь получать ежемесячно.

Скоблин начал мяться, и видно было, что он боится продешевить. Скоблин спросил меня, сколько я получаю. На что я ему ответил, что получаю столько, сколько мне необходимо для жизни.

После долгих колебаний Скоблин сказал, что ему лично ничего не нужно. Но для жены, так как ей надо покупать наряды, и для приемов он просил доплачивать ему двести пятьдесят долларов и здесь же добавил, что кроме этого у него есть личная просьба ко мне, а именно: он просит до 5 октября выдать одновременно пять тысяч франков, так как ему необходимо платить по векселю. На всё это я ответил, что я не имею полномочий говорить о суммах и сообщу куда следует, что же касается пяти тысяч франков, то это я постараюсь ему сделать по приезду в Вену.

10 сентября после упомянутого разговора мы отправились осматривать Булонский лес.

В лесу Скоблин сказал, что он считает целесообразным завербовать и его адъютанта Копецкого, который сейчас находится в Праге. На это я сказал Скоблину, что я думаю, что по его указанию мы завербуем много кирилловцев, но Скоблин подчеркнул, что он будет только указывать людей, а вербовкой будем заниматься мы сами.

11 сентября вечером по желанию Плевицкой мы отправились ужинать в Эрмитаж. Здесь Плевицкая, чокнувшись со мной и Скоблиным, на уход предложила выпить за „наше общее дело“. В Эрмитаже Плевицкая познакомила меня с сыном графа Л. Толстого. Представляя меня, она сказала:

— Это Петя, наш друг — один из пионеров Добровольческого

движения, сподвижник генерала Корнилова.

В этот день на память от Плевицкой я получил ее книгу.

Вечером я хотел остаться в Париже и на следующий день выехать в Вену, но Плевицкая заявила, что она боится ехать одна назад домой (был час ночи), и просила меня проводить их, и таким образом мне пришлось задержаться в Париже до 13 сентября.

12 сентября днем Скоблин начал разбирать свою корреспонденцию и среди писем обнаружил письмо „Крестьянской России“. Я просил дать его мне. Сначала Скоблин не соглашался, но, получив от меня слово, что я, сфотографировав его, немедленно возвращу, вручил мне таковое.

При прощании Скоблин просил меня выполнить его просьбу и прислать ему не позже 5 октября пять тысяч франков.

13 сентября я выехал из Парижа через Страсбург, Мюнхен, Зальцбург и 14 сентября в 9.30 приехал в Вену».

Невероятно довольный своим успехом, Петр Ковальский с удовольствием рассказывал, как ловко он исполнил задание и уговорил генерала Скоблина перейти на сторону советской власти. Сам Ковальский сделал этот выбор девять лет назад, когда в Варшаве позвонил в дверь советского полномочного представительства. Едва его пустили, он сразу всё выложил дежурному: готов делать всё, что понадобится, лишь бы простили и разрешили вернуться на родину.

Но Ковальский порвал с прошлым и перешел на другую сторону от безденежья, тоски и вообще полной безысходности. А у Скоблина — любимая жена, налаженная жизнь в благополучном Париже, положение, машина, загородный дом, они с Плевицкой по нескольку раз в год путешествуют по всей Европе. Вот если бы Скоблин, одинокий и нищий, хотя бы на день оказался в 1921 году в Польше, Ковальский не сомневался бы в успехе своей миссии.

Только расставшись с Надеждой Васильевной и Николаем Владимировичем, Ковальский вздохнул с облегчением. Дело сделано! Он справился с заданием! Завербовал генерала Скоблина, крупнейшую фигуру в русской эмиграции. За такой успех Москва расщедритя на награду. А лучшей наградой для Ковальского была бы длительная заграничная командировка — и вместе с семьей, скучавшей по нему в Харькове.

За вербовку Скоблина его, конечно, похвалили. Хотя находившиеся в Вене разведчики пока не представляли, какого рода информацию сможет поставлять им бывший белый генерал.

Удовлетворение от вербовки Скоблина Ковальскому несколько подпортило отсутствие писем из дома, из-за чего Петр Григорьевич закатил

истерику сотрудникам венской резидентуры. И отправил весточку жене:

«Дорогая Рая!

Ты представить себе не можешь, как я зол на наших „ребят“, которые выкинули следующий номер: прислали извещение, что пересылают твои письма, а письма пересланы не были — такого свинства я никак не ожидал; и, таким образом, я уже около двух месяцев не знаю, что с вами делается и как вы живете, так как получил последнее письмо — N 4, написанное в начале июня.

В данный момент меня очень беспокоит твое материальное положение, а также я обеспокоен топливным вопросом, ведь наши газеты сообщают о перебоях на топливном фронте, а учитывая работу нашего ХЦРК (Харьковский Церабкооп, то есть Центральный рабочий кооператив. — Л. М.), я боюсь, чтобы не получился перебой в снабжении топливом в Харькове и вы не остались на зиму „на бобах“. Сообщи немедленно, как поступили „ребята“ с продлением моей командировки, и освети этот вопрос в следующем письме. Возможно также, так как если я совсем снят, то с „Радяньской спилкой“ надо произвести полный расчет, а для этого надо переслать мои командировки, по которым ты получишь.

Пиши о себе и о детях более подробно и больше, а также я ожидаю карточку всей троицы: мама, Вита и Ляля. О себе писать я не буду, так как в предыдущих письмах уже писал слишком много. Одно могу сообщить, что за лето я поправился на восемь кило, то есть на двадцать фунтов. Ты себе представить не можешь, как мне надоела эта лакейская Европа, как хочется увидеть вас всех, как хочется поругаться на заседаниях райбюро ХЦРК, как хочется быть с вами вместе и дышать вашим, правда, сейчас довольно тяжелым, но здоровым воздухом.

Вам, находящимся там, вам, строящим новую жизнь, не видно той гигантской работы, какую вы совершаете, а мне здесь, наблюдающему за вами со стороны, следящему за каждым вашим шагом, читающему газеты всего мира, видно, как вы с каждым днем превращаетесь в гиганта, и даже та наглая свора, которая вас здесь каждый день травит, которая готова вас всех разорвать на клочки, и она сейчас признает ваш колоссальный рост и начинает трубить тревогу.

Я знаю, что ты скажешь: хорошо тебе, находящемуся в довольстве, со стороны так рассуждать. Я знаю, Раек, что эта стройка новой жизни не приходится легко, что пояса довольно туго подтянуты, но, Раек, всё не делается сразу — надо немного потерпеть. А что касается меня, то ты должна знать, что сижу здесь я не ради удовольствия и развлечения, а ради дела и, как только буду свободен, сейчас же примчусь к вам.

Все мы делаем маленькое дело стройки большой жизни.

Дорогой Раек, пиши подробней и больше о вашей жизни и о жизни всех.

Целую вас всех».

Неустанная забота Ковальского о семействе и о собственном материальном благополучии раздражала не только резидента в Вене, но и начальника отделения Иностранного отдела ОГПУ, ведавшего борьбой с белой эмиграцией. Украинские чекисты все проблемы семьи Ковальского перекладывали на Москву.

Харьков информировал Москву: «Жена „Сильвестрова“ обратилась к нам с просьбой назначить ей жалованье, так как она обременена большой семьей. Для сведения сообщаем, что до августа месяца она получала по прежней службе „Сильвестрова“ 250 рублей в месяц».

И заодно переслали письмо, которое Раиса Ковальская адресовала своему мужу. Прочитав письмо, в Иностранном отделе составили ответную шифровку в Харьков:

«Переданное вами нам для передачи „Сильвестрову“ письмо от его жены нами не передано ввиду его содержания.

В дальнейшем считаем необходимым продолжить выдачу жене „Сильвестрова“ 250 рублей в месяц, отнеся расходы за наш счет.

Просьба принять соответствующие меры к тому, чтобы в будущем письма такого содержания не посылались. Считаем, что с выдачей 250 рублей в месяц вопрос будет соответствующим образом урегулирован и „настроение“ изменится».

Разведывательные будни

Один из руководителей разведки, прочитав донесение из Вены, 18 октября 1930 года распорядился: «Заведите на С. агентурное личное и рабочее дело под кличкой „Фермер“». Некоторое время в служебной переписке Скоблина именовали «Фермером», Плевицкую — «Фермершей». Скоблину был присвоен агентурный номер ЕЖ-13.

Венский резидент переслал в Москву собственноручное обязательство нового агента:

«Ц.И.К. С.С.С.Р.

Николая Владимировича Скоблина Заявление

12 лет нахождения в активной борьбе против Советской власти показали мне печальную ошибочность моих убеждений.

Осознав эту крупную ошибку и раскаиваясь в своих проступках против трудящихся СССР, прошу о персональной амнистии и даровании мне прав гражданства СССР.

Одновременно с сим даю обещание не выступать как активно, так и пассивно против Советской власти и ее органов. Всецело способствовать строительству Советского Союза и о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны, сообщать соответствующим правительственным органам.

Н. Скоблин 10 сентября 1930 г.».

Скоблина приятно порадовала обязательность советской разведки — обещали денег и прислали, хотя он еще ничего не сделал. Николай Владимирович немедля откликнулся благодарственным посланием Ковальскому.

«3 октября 1930 г.

Дорогой Петя!

Большое спасибо за присланные тобой деньги в счет долга, которые я получил.

Надежда Васильевна благодарит за поздравление и за привет.

Ожидаю твоего письма с переданным моим, так как хочу писать дальше, почему и интересно мне, что ты напишешь по этому поводу.

У меня всё благополучно, работы по горло, подробно сообщу завтра.

Ну, будь здоров.

Обнимаю тебя

твой Николай».

В Иностранном отделе желали получить уже нечто более существенное. В венскую резидентуру ушло указание: «Ждем от вас доклада „Фермера“». Сообщите, каковы перспективы в отношении работы (а не только согласия «Фермерши»).

Началась повседневная работа. Николая Владимировича Скоблина и Надежду Васильевну Плевицкую, завербованных Ковальским, принял на свое попечение резидент ИНО ОГПУ в Вене. Он отправил в Москву свои комментарии:

«Я лично считаю, что Скоблин довольно искренне пошел на наше предложение работать с нами. Денежный вопрос был выдвинут Скоблиным только под давлением Плевицкой, которая имеет огромное влияние на Скоблина. Уверен, что от Скоблина мы получим много интересующих нас сведений не только по центру РОВС, но и по периферии его полка, так как Скоблин периодически получает донесения от своих объединений. Благодаря Скоблину мы сможем расширить сеть нашей агентуры во всех странах не только Европы, но и Америки.

По моему мнению, целесообразно было бы связать Скоблина с строго законспирированным лицом в Париже, которому поручить полную проработку Скоблина, обязав Скоблина (это на словах уже сделано мною) передавать нам всю переписку немедленно по ее получении.

Лицо, связанное с Скоблиным, должно обладать гибкостью и быстротой связи, так как, по моему мнению, некоторые документы, которые будет вручать нам Скоблин, должны ему возвращаться через один-два часа. Необходимым средством для связи с Скоблиным должен быть автомобиль, во-первых, ввиду того, что Скоблин живет в трех километрах от Парижа, а во-вторых, это средство более удобное для избежания слежки.

При желании расширить благодаря Скоблину сеть нашей агентуры нахожу необходимым при лице, связанном с Скоблиным, иметь нашего человека, хорошо владеющего языками, как вербовщика, так как таким образом сведения, полученные от лиц, завербованных при содействии Скоблина, можно будет на месте проверять — с данными, полученными через Скоблина и немного очищаться от лжи.

Скоблин, я полагаю, должен сейчас активизировать свою работу в РОВС с заигрыванием с монархистами и постараться получить предложенную ему должность заведования контрразведкой, этим мы, я полагаю, получим и часть контрразведки французов.

Что касается просьбы Скоблина об окладе, то я думаю, что надо удовлетворить, но не с предыдущей задачей, а с последующей, то есть не за месяц вперед, а за месяц назад. Выдачу ему пяти тысяч франков я считаю

обязательной».

Связь с генералом поддерживалась через Ковальского. Скоблин отправлял ему в Вену письма, написанные симпатическими (невидимыми) чернилами, дополнительно шифруя наиболее важные положения. В ту пору это считалось вполне достаточной мерой предосторожности. Шифр был примитивный. Но в резидентуре исходили из того, что Скоблина никто и ни в чем не подозревает, поэтому его корреспонденция не перехватывается и к специалисту-контрразведчику генеральское послание в руки не попадет.

Николай Владимирович с видимым интересом пробовал себя в непривычной роли разведчика. Он явно был рад — и не только деньгам, хотя ежемесячный оклад от разведки имел значение. Почти десять лет он зависел от жены. Мужчины, которые получают меньше своих жен, чувствуют себя отвратительно. Теперь он уравнился с Надеждой Васильевной. Многие годы он всего лишь состоял при жене, жил ее заботами, сопровождал на концерты и гастрели. Наконец, у него появилось собственное серьезное дело. И какое! К нему обратилась за помощью Красная армия. Значит, его военный опыт чего-то стоит, значит, его ценят в России. Внимание Москвы ему льстило.

Понимали ли они с Надеждой Васильевной, что, соглашаясь помогать советской разведке, предадут многолетних друзей и соратников?

Несложно предположить, что значение имело другое. Они видели, как живут эмигранты. Нищенствуют. Боялись остаться без копейки, опуститься, лишиться того, что имеют. Они говорили себе: мы хотим жить в комфорте, нам нравится наша нынешняя жизнь. Только это и важно. Страх, испытанный Надеждой Васильевной в год революции, остался с ней навсегда. В трудную минуту возвращался вновь и вновь. Эмоциональная память определяла ее мысли и поступки.

Восьмого октября 1930 года Скоблин отправил послание Ковальскому: «У нас тут начинается „сезон“ — организованы курсы на сто человек избранных, в числе каковых нахожусь и я. Открытие на днях. После первой лекции опишу подробно. Надежда Васильевна шлет тебе привет».

О каких курсах идет речь?

Врангель мечтал восстановить в эмиграции Академию Генерального штаба. Военный историк и теоретик генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин (до революции — профессор Николаевской академии Генерального штаба, организатор Общества ревнителей военных знаний) ответил, что это невозможно. Но взялся организовать изучение опыта мировой войны и дать возможность офицерам, окончившим лишь училище, получить высшее военное образование на созданных в Париже Высших

военно-научных курсах. Они открылись 22 марта 1927 года. Трехгодичные курсы окончил, например, адъютант Скоблина капитан Григуль и получил право носить серебряный нагрудный знак.

Скоблин сообщал Ковальскому: «Учреждены высшие повторительные курсы в Париже, куда назначены лучшие офицеры — 100 человек. Много корниловцев — 25. Лекции два раза в неделю. Цель — подготовка к посылке в СССР. Ознакомление с положением, знакомство с Красной армией, частями. Подготовка к отправке на Дальний Восток. Вся работа центра направлена сейчас к Дальнему Востоку, Оживленная переписка. Дитерихсу помогают деньгами».

Генерал Михаил Константинович Дитерихс командовал Восточным фронтом у адмирала Колчака. Руководил следствием о расстреле царской семьи в Екатеринбурге. Но в ноябре 1919 года адмирал снял его со всех должностей. Обиженный Дитерихс уехал в Китай. В мае 1922 года им заинтересовались японцы и привезли во Владивосток. Земский собор избрал генерала Верховным правителем Приамурского земского края и Воеводой земской рати. Дитерихс — единственный деятель Белого движения, обещавший восстановить монархию и объединить православную церковь и государство в единое целое. Но его армия насчитывала всего восемь тысяч человек, 19 орудий и три бронепоезда. Когда японские войска покинули российский Дальний Восток, Белое дело было проиграно.

Дитерихс вновь уехал в Китай. В 1930 году Миллер поручил ему принять на себя руководство Дальневосточным отделом РОВС. В отличие от других структур Союза в него вошли не бывшие подчиненные Деникина и Врангеля, а те, кто служил под знаменами адмирала Колчака.

Центр инструктировал Вену:

«„Фермер“ говорил о том, что генерал Миллер одно время ему предлагал работу по разведке. Нет ли у него сейчас возможности активизации в этом отношении? Центральная задача, которую мы ставим перед ним, таким образом, это работа в центре РОВС.

Запросите, может ли „Фермер“ выехать в какую-либо страну по нашему указанию вместе с „Сильвестровым“ (ЕЖ/10) для встречи с нашими людьми.

Теперь в отношении „Фермерши“. В докладе ЕЖ/10 упоминается о том, что она также дала свое согласие. Однако мы считаем, что она может дать нам гораздо больше, чем одно „согласие“. Она может работать. Запросите, каковы ее связи и знакомства, где вращается, кого и что может освещать. Результаты сообщите. В зависимости от них будет решен вопрос

о способах ее дальнейшего использования.

Вербовку генерала считаем ценным достижением в нашей работе. В дальнейшем будем называть его „Фермер“, а жену „Фермершей“. На выдачу денег в сумме 200 ам. долларов согласны, и соответствующая телеграмма вам была уже дана.

Однако прежде, чем мы его свяжем с кем-либо из наших людей, нужно получить от него полный обзор его связей и возможностей в работе. Пусть даст детальные указания о людях, коих он считает возможным вербовать, и даст о них подробную ориентировку. Возьмите у него обзор о положении в настоящее время в центре РОВС и поставьте перед ним задачу проникновения в верхушку РОВС и принятия активного участия в работе Союза. Наиболее ценным было бы, конечно, его проникновение в разведывательный отдел организации».

Скоблин ответил Ковальскому:

«Твои указания принял к сведению. Нового способа шифровки не разобрал, ибо написано слабо и при проявлении ничего не выходит. Пока буду писать старым способом. Напиши отчетливее, что нужно для нового шифрования.

Для предстоящего и необходимого свидания предлагаю следующее: в конце ноября — в начале декабря Надежда Васильевна едет в турне в Латвию и проездом через Берлин. Я мог бы увидаться с тобой и выяснить некоторые важные вопросы. Это было бы самое лучшее. Визу в Сербию получить сразу мне не удастся. Кроме того, 16 ноября у нас годовщина основания Добрармии и десять лет пребывания нашего за границей. В тот день будет торжественное заседание, и мне необходимо присутствовать здесь».

Одиннадцатого ноября 1930 года Вена доложила Центру: «„Фермер“ выезжает в начале декабря в турне с „Фермершей“ в Латвию и проездом будут в Берлине, куда и может выехать наш человек для встречи с ним. Если же вы не сможете выслать вашего человека — просьба прислать директивы, тогда я выеду с „Сильвестровым“ к нему».

Центр ответил: «Для свидания с „Фермером“ и „Фермершей“ выезжает наш товарищ. Он свяжется с вами. Подготовьте ЕЖ/10 (Сильвестров) к поездке в любую минуту в Берлин. Вопрос о том, когда произойдет встреча — до поездки „Фермера“ в Латвию или же после его возвращения в Берлин, — будет установлен в дальнейшем. Через ЕЖ/10 срочно запросите „Фермера“ о датах, когда он будет в Берлине как при поездке в Латвию, так и при возвращении обратно».

Скоблин писал регулярно. Ковальский под диктовку венского

резидента составлял ответ, требуя от генерала большей активности. Тон писем был несколько недовольный — генерала следовало настроить на постоянную работу, внушая, что он дает слишком мало информации и свои деньги не отрабатывает.

Скоблин прикидывал, кого еще можно завербовать. Рекомендовал Ковальскому:

«Копецкого считаю возможным завербовать, почва соприкосновения: приезд кого-нибудь из молодых ученых филологов в Прагу, кончивших или учившихся в Харьковском университете. Насколько я знаю, в начале этого года в Прагу приезжали ученые филологи из СССР на какой-то съезд и один из них встречался с Копецким.

Леонтий Копецкий либеральных взглядов, большой умница, а сейчас крупный ученый, великолепно разбирается в настоящих вещах. Сочувствует новой работе, новому темпу и новому строительству республики. Пользуется большим авторитетом среди рядового офицерства и у своих ближайших начальников».

Платон Васильевич Копецкий воевал в Корниловском полку и стал адъютантом Скоблина. Вместе с ним служил его брат Леонтий, о котором писал Скоблин. Он окончил семинарию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В эмиграции Леонтий Копецкий обосновался в Чехословакии, стал видным лингвистом, преподавал в Карловом университете.

Скоблин информировал Ковальского:

«Главную роль во всем РОВС играет генерал Шатилов, который, пользуясь своим влиянием на Миллера, держит всё и всех в своих руках. Практически РОВС — это он. Миллер представляет. Среди эмигрантских организаций Шатилов не пользуется симпатией. Опирается, главное, на нас (корниловцев).

Личная встреча с тобой дала бы мне возможность сделать подробный доклад о всех группировках и жизни их, и даст возможность мне предложить ряд возможностей, которые надо приводить в исполнение, так как всё и подробно излагать в письме очень трудно и слишком громоздко.

Попасть в оперативно-разведывательный орган РОВС сразу трудно, но постепенно сделаю. На этот счет есть у меня свои соображения, которые я изложу при встрече, да и охарактеризую этот отдел. Совершенно другая работа, чем при Кутепове.

Как решен вопрос о встрече? Где и когда?»

Николай Владимирович писать не любил, жаждал прямого общения:

«Визы в Латвию пока не получены, и трудно сказать пока, когда они

будут. Германскую визу имею и могу в Берлин выехать немедленно. Предоставляю тебе решить вопрос о свидании. Предлагаю между 2 и 10 декабря. Выеду вместе с Надеждой Васильевной. Имею большой материал.

Прошу тебя немедленно сообщить дату свидания и прислать часть долга на дорогу. У меня кончились химические чернила, и будь добр написать разборчиво название нового состава и его употребление. В прошлом письме ты написал очень слабо, и прочитать было невозможно».

Резидент советской разведки в Вене, просмотрев письма Скоблина, остался недоволен. Написал в Москву 30 ноября 1930 года:

«После ознакомления с донесениями „Фермера“ я пришел к убеждению, что „Фермер“ совершенно не знаком с разведработой и понемножечку еще трусит.

Причисляя себя к верхушкам, он бы хотел сразу разрешать вопросы общего руководства РОВС, упуская из виду имеющиеся у него (по словам Сильвестрова) разные интересные материалы, как то: сводки и донесения всех ячеек ОВС.

Он не имеет и от нас тоже не получил точного наставления его работы и виляет пока по нашему указанию между РОВС и „Крестьянской Россией“.

Его слишком затрудняет писание симпатическими чернилами, и поэтому многие вопросы он не освещает и оставляет до свидания. Резюмируя всё это, я думаю, что хорошо было бы поддержать его еще немножко у нас и передать его кому-либо поближе места его пребывания или дать ему с нашей стороны точную ориентировку».

Резидент не мог избавиться от сомнений, знакомых каждому разведчику: если кого-то удалось слишком легко завербовать, не значит ли это, что тот просто-напросто работает на контрразведку врага?

Первые донесения Скоблина не представляли особой ценности для Москвы. Он рассказывал о том, что и без того было известно Иностранному отделу, располагавшему внутри Русского общевойскового союза не одним и не двумя агентами.

Скоблин обижался, когда его укоряли. Писал Ковальскому:

«20 ноября генерал Миллер выезжает в Болгарию. Поездка серьезная. Кроме посещения отдела РОВС — свидание с царем болгарским. Все эти поездки — восстановить план Кутепова.

Ты прав, браня меня, но ведь я не могу сразу ориентироваться в этой работе, тем более, что необходимо проявлять сугубую осторожность. Я особенно стремлюсь к предстоящему свиданию, так как некоторые затронутые тобою вопросы настолько обширны, что ответить письменно,

да еще шифруя, для меня на первый раз трудно. Необходимы вообще периодически встречи.

Теперь разреши побранить и тебя. Мы с тобой условились, если письмо зашифровано, то обращение ко мне или к тебе будет печатными буквами. Ты это не сделал, и я это письмо расшифровал случайно. В одном из твоих писем ты указал, что для собственного контроля нужно в верху письма ставить дату последнего, а внизу — посылаемого. Ты это тоже не сделал.

Все твои указания принял к сведению».

Встреча с Николаем Скоблиным и Надеждой Плевицкой была организована в конце декабря. Надежда Васильевна отправилась в турне по Европе. Генерал, как обычно, ее сопровождал. Он использовал поездку для бесед с руководителями отделов РОВСа в разных странах, видными деятелями эмиграции, которые рады были встрече и охотно делились своими успехами и заботами.

Скоблин и Плевицкая приехали в Вену 19 декабря и остановились, как им велели, в отеле «Континенталь». Резидент сам встречаться с ними не рискнул, поэтому отправил Ковальского одного. Петр Георгиевич задавал им вопросы, поставленные резидентом, добросовестно записывал ответы и вечером докладывал начальству.

Так продолжалось два дня. Скоблин, кроме всего прочего, начал понимать, что именно интересуется Москву и как нужно излагать информацию.

Он сам предложил провести операцию, которая помогла бы советской разведке проникнуть в «епархию» генерала Драгомирова, то есть в секретное подразделение РОВСа, занимающееся активной разведкой в СССР.

Генерал от кавалерии Абрам Михайлович Драгомиров в Первую мировую командовал войсками Северного фронта. Он председательствовал на военном совете, на котором избрали преемника Деникина — Врангеля. С 1924 года был генералом для поручений при председателе РОВСа, руководителем «особой работы РОВС».

Венский резидент был опытным работником. Понимая ценность Скоблина как агента, всё же опасался: не с двойником ли имеем дело? О своих сомнениях сообщил Центру:

«Нужно получить только доказательства, что „Фермер“ не действует с благословения миллеровской банды. А это пока очень трудно сделать.

Материалы, которые привез „Фермер“, все устарели и представляют интерес только в том (невероятном) случае, если их у нас не было. Связи

„Фермера“ в Париже, Болгарии, Праге — очень интересны (опять-таки если он не провокатор), и мы из него выкачиваем всё, что он знает, и даем ему инструкции, как сообщать, фиксировать и присылать нам добываемую информацию.

Мы еще не знаем, удастся ли организовать поездку на гастроли супруги „Фермера“ в Болгарию и Югославию. Ответа от вас еще не имеем. Было бы неплохо „Фермеру“ прокатиться по Балканам (кое-что из его информации можно было бы проверить через ЕЖ/5, но неизвестно, удастся ли еще в декабре это осуществить). Если „Фермер“ вернется в Берлин для поездки в Париж, то он захватит у Лампе письма для Миллера и Шатилова и передаст их, конечно, ЕЖ/10-му, которого нужно будет опять послать в Германию с „Фермером“. Письма перлюстрируем, и по содержанию сможем (может быть) судить, сфабриковали ли они специально для нас (если „Фермер“ — провокатор), или они отвечают истине.

ЕЖ/10 я предупредил, чтобы он всё время следил за „Фермером“, чтобы все с ним разговоры он вел, исходя из расчета, что „Фермер“ может оказаться провокатором. ЕЖ/10, нужно сказать, не больно „Фермеру“ доверяет. Он задал последнему такой вопрос:

— Если бы к тебе из СССР явилось какое-либо лицо с каким-либо предложением или поручением, что бы ты считал своим долгом сделать в первую очередь?

И получил от „Фермера“ такой ответ:

— Доложил бы об этом Миллеру и Шатилову.

Как вам это нравится? Какие у нас основания на самом деле думать, что „Фермер“ не сообщил Миллеру и о ЕЖ/10?

Дня два мы с „Фермером“ еще повозимся. Судить о его провокаторстве по всем этим данным пока еще рано. Посмотрим».

Венский резидент полагал, что генерал Скоблин — двойной агент и ведет игру с советской разведкой с санкции председателя РОВСа Миллера. Но Иностраный отдел в отношении Скоблина и Плевицкой был более оптимистичен:

«„Фермер“ крайне известный объект для будущих разработок, особенно благодаря своему положению как представителя целого объединения.

Подробный анализ его знакомств, связей в ряде стран, взаимоотношений с различными объединениями и группировками, всё это при соответствующем подходе и построении определенной комбинации может дать исключительно ценный результат. По-моему, нельзя перестраховки ради в каждой фразе говорить о „Фермере“ как о

провокаторе. Некоторый процент должен быть, но увлекаться особо не следует.

Несколько слов о материалах, полученных от „Фермера“. Особо нового или чего-либо сенсационного в них нет, но зато он довольно четко информирует нас о взаимоотношениях в руководящей верхушке РОВС, подробностях о поездке Миллера на Балканы и т. д. Этих подробностей у нас не было, а если бы они и были? Разве это меняет положение? Наоборот, мы получаем дополнительный проверочный материал».

Проводив Николая Владимировича и Надежду Васильевну в Берлин, Ковальский по обыкновению составил подробный отчет:

«Скоблин прибыл в Вену с Надеждой Васильевной 19 декабря в 1.30 и поселился, согласно моего указания, данного в Берлине, в отеле „Континенталь“.

После обеда я предложил Скоблину отправиться в отель и подробно изложить его беседу в Германии с Лампе, а сам с Н. В. отправился в Шенбрунн. По дороге в такси Надежда Васильевна заявила мне:

— Колечку нервирует ваше недоверие к нему — поверьте, ведь Колечка солдат, политикой раньше не занимался и хотел совершенно уйти в отставку, но ваш приезд втянул его вновь в работу, и сейчас он всецело предан только вам, и вы должны помнить, что требовать от него сейчас много вы не должны — он может дать только то, что имеет и знает. Не заставляйте его много писать, так как он это делает неохотно, да и не обладает даром слова — иное дело я, я могу написать вам сколько хотите.

В зимнем саду в Шенбрунне Надежда Васильевна рассказала о ее связях со всей „царской фамилией“ и заявила, что ее идеалом всегда был только „Николай“, а раз его нет, то она никого из „царей“ не признает и считает, что она служит только „родному народу“. По дороге назад Н. В. просила еще раз не „налегать на Колечку и помнить, что он только солдат и политикой раньше не занимался“.

22 декабря, согласно данной мне инструкции, решено было провести малую проверку Скоблина. Для этого, соблюдая максимум конспирации, приехал с ним в кафе, где сказал, что у меня с ним будет довольно неприятный разговор. Скоблин заявил мне, что он готов выслушать и принять всё что угодно.

Тогда я ему сказал:

— Часть наших товарищей не особенно доверяет тебе, и мне приходится вести с ними большую борьбу, а мотивов для недоверия тебе слишком много, а именно: твоя недоговоренность в твоих донесениях, нежелание приехать сразу в Вену, несообщение тобой немедленно плана

налета на полпредство и так далее.

После этого последовала продолжительная пауза, и минут через 3–5 Скоблин со слезами на глазах ответил мне:

— Скажи, чем я могу доказать мою преданность вам? Я честно служил 13 лет делу Добрармии. Уже в 1924 году, по приезде из Америки, я разочаровался в идее, выдвигаемой вождями Добрармии. И если бы в это время предложил служить вам, то я уже бы шесть лет работал бы с вами. Я даю вам всё, что имею, но ведь из лимона нельзя больше выжать соку, чем в нем есть, да к тому же надо помнить, что я отошел от работы в Добрармии, и теперь мне вновь приходится втягиваться в работу. Что же касается вашей работы, то это для меня совершенно новое и незнакомое дело, поэтому я всё время стремился к свиданию и получению подробных и четких инструкций, а также хотел просить вас быть в связи со мной особенно осторожными, так как мой провал вам ничем не грозит, мне же пустят пулю в лоб. Сейчас же, после нашего с тобой разговора, я вижу, что я так или иначе, с той или иной стороны получу пулю.

Видя, что парень разволновался, я решил смягчить разговор и заявил Скоблину, что мы подходим к нему сугубо осторожно, так как не считаем его простым информатором, а считаем его ценным работником Генштаба, и, прежде чем дать ему сложное поручение, должны убедиться в его 100-процентной верности и что ему как разведчику не приходится обижаться — лучше десять раз проверить, чем раз ошибиться в нашей работе.

23 декабря в 10 часов утра я пришел в отель и вручил Скоблину портфель, сказав, что я глубоко убежден, что следующая награда будет у него красоваться в петлице.

Надеждой Васильевной я был встречен очень холодно, и она заявила мне, что не ожидала такой встречи и что мы должны к ним относиться более бережно, что она и „Колечка“ всей душой сейчас с нами, и что наше недоверие только подрывает их бодрость, и что она сейчас чувствует, что они сели между двух стульев: „от своих“ отстали и „предали их“, а к „вам“ не пристали, то есть „нет нам веры“.

Н. В. заявила мне, что все ее симпатии по „ту сторону“, на стороне „русского народа“, и начала просить меня, чтобы мы были очень осторожны, так как провал „Колечки“ будет стоить ему жизни.

Скоблин, вмешавшись в наш разговор, заявил, что наше недоверие он превосходно понимает:

— Как так, такой матерый доброволец, тринадцать лет сражавшийся против СССР, и вдруг сразу перешел к ним на службу! Да, но надо помнить, что перелом во мне произошел еще шесть лет тому назад и не

было только удобного случая перейти к вам. А явился ты, живой человек, горящий энергией и верой в свое дело, и сразу же сломил меня. Поверь, Петя, — сотня писем моих братьев не могла сделать то, что сделал ты. Я тебе верю как другу, солдату и боевому товарищу и со своей стороны прошу так же относиться ко мне — пройдет время, и вы удостоверитесь в моей преданности. Мой приезд в Вену научил меня многому, и теперь я знаю, что вам надо и что вы от меня требуете, и постараюсь это выполнить.

Предложенная позже коробка конфет окончательно смягчила ее, и, расставаясь, Скоблин и Надежда Васильевна заверили меня, что они отдадут все силы и возможности на выполнение поставленных перед ними задач.

Они уехали из Вены в Берлин 23 декабря в 18.20».

Детальным отчетом Ковальский не удовлетворился. Петр Георгиевич изложил свои соображения относительно того, как следует работать со Скоблиным и Плевицкой, и направил начальству:

«Проанализировав встречу с Скоблиным в Берлине и Вене, я пришел к следующим выводам:

Последнее время Скоблин совершенно отошел от жизни РОВС и занимался только личными и семейными делами, находясь всецело как в экономической зависимости, так и под моральным гнетом Надежды Васильевны. Будучи по натуре человеком совершенно безвольным (знаю Скоблина с 1917 года), Скоблин был послушной игрушкой у истерически изнеженной Н. В.

Быстро блекнувшая былая слава Н. В. заставила последнюю, а вместе с ней Скоблина, искать новых средств для продолжения прежней жизни Н. В. (аренда виноградников), выступления в ресторане Рыжикова.

Всё это не давало необходимых для Н. В. средств, а тем более крах аренды виноградников поставил Н. В. и Скоблина в тяжелое материальное положение.

В самый напряженный материальный момент явился я со своим предложением, и перед семейством Скоблиных сразу стали две дилеммы:

1. Получение денег и
2. Надежда на воскресение былой славы Надежды Васильевны у себя „на родине“.

Скоблин согласно приказанию Н. В. дал согласие на свою работу, но не оторвавшись от прежней своей среды и боясь мести с ее стороны. Начал работать с нами, поставив своей задачей: „без вреда для своих, с пользой для них“, желая таким образом обеспечить себе пути отхода.

Я лично считаю, что Скоблина можно сейчас использовать на все 100

процентов, но для этого надо:

1. Разъединить его с Надеждой Васильевной, что, по-моему, сделать довольно легко, так как Н. В. заявила мне, что она охотно поедет в СССР, но только со мной и при моей гарантии (боязнь) дать несколько концертов.

2. Дать Скоблину комиссара, который бы подчинил Скоблина своему влиянию, что с ним благодаря его бесхарактерности легко сделать, и вывел бы его из состояния „без вреда, но с пользой“, а втолкнул бы его в активную работу и тем самым затянул бы совершенно шнур.

3. Базировать Скоблина только на Париж».

Петр Георгиевич Ковальский сразу невзлюбил Плевицкую, хотя без ее согласия Николай Владимирович никогда бы не решился работать на советскую разведку. Завербовав генерала, Ковальский считал его своей собственностью, и ему не нравилось, что генерал так зависит от жены.

Его предложения не встретили понимания. Венский резидент отозвался о них иронически. Написал в Центр:

«Я считаю нужным сказать, что ЕЖ/10 добросовестно работал, но показал себя не очень сильным партнером ЕЖ/13-го. Очень характерна фраза, какую бросила Надежда Васильевна: „Ну, теперь, надеемся, ученик превзойдет своего учителя“, и это, конечно, верно. Эпизод с „недоверием“ оказался небесполезным; чтобы показать свою нам преданность, ЕЖ/13 (небольшой охотник писать доклады) написал доклад о собрании 24 ноября с удивительной скрупулезностью.

Пробыл ЕЖ/13 здесь с 19 по 23 декабря, и больше задерживать его нельзя было по целому ряду причин. Маленькое добавление: так как ЕЖ/13 будет участвовать в „комиссии по разработке мобилизации“, то он сам высказал желание заполнить на два часа весь план для переписи; мы же со своей стороны посоветовали ему за наш счет купить фотоаппаратик (он любитель) и сфотографировать всю эту музыку».

Сомнения венской резидентуры были напрасны.

Николай Скоблин и Надежда Плевицкая преданно служили советской разведке. Почему? Чем они руководствовались?

Причин, видимо, несколько. Разочарование в Белом движении, которое дробилось, старело, теряло надежду на возвращение в Россию и поддержку в Европе. Безднадежность, которая усиливалась с каждым новым сообщением из России: коммунистический режим и не думал разваливаться.

Не меньшее значение имели чисто личные причины — нехватка денег. Во всяком случае, так думали многие.

Владимир Владимирович Набоков написал рассказ «Помощник

режиссера», в котором, как считается, описана Плевицкая. Портрет получился не комплиментарный:

«Выйдя из мест, бывших, по крайней мере, географически, самым сердцем России, она с годами достигла больших городов — Москвы, Санкт-Петербурга, а там и Двора, где стиль этого рода весьма одобрялся. В артистической Федора Шаляпина висела ее фотография: осыпанный жемчугами кокошник, подпирающая щеку рука, спелые губы, слепящие зубы и неуклюжие каракули поперек: „Тебе, Федюша“. Снежные звезды, являвшие, пока не оплывали края, свое симметрическое устройство, нежно ложились на плечи, на рукава, на шапки и на усы, ждущие в очереди открытия кассы. До самой смерти своей она пуще любых сокровищ берегла — или притворялась, что бережет, — затейливую медаль и громоздкую брошь, подаренную царицей...

Вкус у нее был никакой, техника беспорядочная, общий тон ужасающий; и всё же люди, для которых музыка и сентиментальность — одно, или те, кто желал, чтобы песни доносили дух обстоятельств, в которых они их когда-то слышали, благодарно отыскивали в могучих звуках ее голоса и ностальгическое утешение, и патриотический порыв. Считалось, что она особенно трогает душу, когда звучит в ее пении нота буйного безрассудства. Кабы не вопиющая фальшь этих порывов, они еще могли бы спасти ее от законченной пошлости. Но то мелкое и жестокое, что заменяло ей душу, лезло из ее пения наружу, и наивысшим достижением ее темперамента — был водокруг, но никак не вольный поток...

Шло бы всё так, как должно было по всем приметам идти, она могла бы еще и сегодня выступать в оснащенной центральным отоплением Дворянском Собрании или в Царском, а я выключал бы поющий ее голосом приемник в каком-нибудь дальнем степном углу Сибири-матушки. Но судьба сбилась с пути, и когда приключилась Революция, а за ней — война Белых и Красных, ее лукавая крестьянская душа выбрала партию попрактичней».

Скоблин был кругом в долгах. Даже благоволивший к нему генерал Миллер, ссужая некую сумму, неукоснительно требовал возвращения займа. Объясняя, почему ему постоянно нужны деньги, Скоблин передал связному из резидентуры адресованное ему сугубо личное письмо председателя РОВСа:

«Париж 18 ноября 1930 года Многоуважаемый Николай Владимирович,

Так как я в четверг рано утром уезжаю на три недели из Парижа, и возможно, что до моего отъезда я не смогу Вас повидать, то прошу Вас во

время моего отсутствия деньги внести в „Нэшнл сити бэнк“ на мой текущий счет.

Вам дадут расписку от Банка, которая и будет служить Вам документом в возврате денег, а Банк меня уведомит о внесении на мой счет внесенной Вами суммы.

Прошу Вас засвидетельствовать мое глубокое уважение и сердечный привет Надежде Васильевне.

Всего хорошего.

Искренне уважающий Вас

Е. Миллер».

Деньги Скоблину советская разведка выдавала регулярно. За каждый франк или доллар требовала информации.

Центр инструктировал венского резидента: «В том случае, если вы сумеете связаться с „Фермером“ до его поездки в Софию и вообще на Балканы, укажите ему на необходимость уделения им максимального внимания выявлению лиц, ведущих разведывательную работу на СССР, путей и способов связи».

Командировка Ковальского окончена

Тем временем подал голос Петр Ковальский, уверившийся после вербовки Скоблина в своей незаменимости. 31 декабря 1930 года Ковальский через голову непосредственного начальника обратился в ИНО ОГПУ.

«Считаю своим долгом обратить ваше внимание на нижеследующее:

22 декабря с. г. истекло семь месяцев моего ничегонеделания в пределах Австрии. Работа по вербовке Скоблина потребовала всего-навсего 14 дней (с 1 сентября по 14 сентября); остальное всё время я являлся ненужным балластом венского аппарата, так как в связи с Скоблиным и свиданием с ним я был просто третьим лицом (техническим передатчиком получаемых мною сведений и распоряжений).

Всё время у товарищей, к коим я обращался с вопросом: „Что мне делать?“, естественно возникал тот же вопрос: что же действительно делать со мною?

Получилось, что не работа ищет людей, а люди работу.

Отбросив подозрение, что мне не доверяют, всё же осталось то, что я здесь лишний человек, так как для работы на Балканах у меня „тяжелый стаж семилетнего пребывания в СССР“ и полное отсутствие связей и возможностей „зацепиться“ на Балканах; для работы в Австрии у меня отсутствует знание языка, да и я лично считаю, что для Австрии я человек с довольно-таки подмоченной репутацией: мое сидение в Бадене с персидским паспортом, на котором „красовалась“ виза СССР».

Через день, 2 января 1931 года, венский резидент передал свои соображения о Ковальском в Центр:

«Мы с ним очень хороши во всех отношениях, но я предугадал, что он будет вам писать письмо, адресуя его через нашу голову начальнику...

Это стало для меня ясно после того, как я скептически отнесся к его плану быть комиссаром при ЕЖ/ 13-м. Меня смущает в нем его слабая сообразительность. Его анализ встречи с ЕЖ/13-м: сплошная глупость.

Его выводы:

1) разъединить 13-го с Надеждой Васильевной. Это сделать не „легко“, а трудно или невозможно (Н. В. говорит: „я за своего 'Колечку' так боюсь, я его никуда одного не отпускаю“; даже сюда прикатили оба);

2) дать 13-му комиссара. Кого? ЕЖ/10-го? Какие основания думать, что комиссар подчинит своему влиянию 13-го. Может быть, наоборот. Недаром

Надежда Васильевна заметила, как бы ученик не превзошел учителя. Словом, не анализ, а сплошная глупость.

Хорошо бы, если бы вы ему отписали и сказали, что его „безделье“ в течение семи месяцев есть результат не злой воли с нашей стороны, а результат трудностей того положения, в котором он находится, и задач, которые он еще только должен выполнить. А в конце припишите, что есть мой резидент, он с тобой и будет поступать по нашему указанию».

Двадцать первого января 1931 года Надежда Васильевна Плевицкая и Николай Владимирович Скоблин прибыли в Берлин. Им была обещана встреча с большим начальником из Москвы. В тот же день из Вены должен был приехать Ковальский, чтобы их познакомить.

Но Петр Георгиевич в германскую столицу не прибыл.

Берлинский резидент встревожился: что могло произойти с Ковальским? Арестован? Тогда нужно принимать меры безопасности... Если он просто задерживается, то логично было бы его дожидаться. При его участии проще установить доверительные отношения со Скоблиным и Плевицкой. Но отложить встречу хотя бы на день оказалось невозможно: на 25 января 1931 года был назначен первый концерт Надежды Васильевны в Белграде. Задерживаться в Берлине Плевицкая и Скоблин не могли.

В какой-то степени берлинский резидент даже обрадовался. Ковальский только бы мешал ему вести разговор со Скоблиным и Плевицкой.

Пароль резиденту был известен. Фотографии генерала и певицы он видел, поэтому вечером 21 января просто поехал к ним в отель. Представился и сразу же их увез. Устроились они в пустой квартире одного из сотрудников резидентуры. Скоблин и Плевицкая очень хотели понравиться человеку, от которого зависело их будущее, и это им удалось. Он увидел в них великолепно информированных агентов, которым известно всё, что делается в белых кругах.

Двадцать четвертого января 1931 года доложил в Центр:

«ЕЖ/10 к назначенному времени не приехал, а чета прибыла 21-го в 6 часов вечера. Я решил связаться с ними без ЕЖ/10, так как я думал вообще отшить его от связи с ними и связать непосредственно Биля (псевдоним сотрудника резидентуры. — Л. М.).

Связались мы с ними сами, в тот же вечер на квартире Сергея (Сергей был в отъезде) произошла встреча (гостиница или другие места для такой беседы, конечно, не подходили): чета „Фермеров“, Биль и я. Из продолжительного разговора, его доклада и прочего выяснились его громадные возможности с установкой на далекий срок работы.

Произвели на меня очень хорошее впечатление; работать с нами хотят, видимо, без всякой задней мысли, вполне искренне. Пока дал ему основную установку: медленно, незаметно для окружающих вождей начать активизироваться, постепенно укреплять связи со всеми знакомыми ему деятелями РОВС'а и других белых организаций, не вырисовываясь как миллеровец, а просто как белый генерал, хранящий заветы генерала Корнилова, как последний командир Корниловского полка. Офицеры его находятся в различных местах Европы, с большинством имеет тесную связь и большое на них влияние.

Установка для нее: своими выступлениями на благотворительных вечерах РОВС-овских организаций создать себе и мужу имя, заставить печать говорить о ней, а заодно и о нем.

Оба великолепно обо всем информированы, что делается в белых кругах, знают подноготную многих лиц, начиная от Миллера, Деникина и пр. По словам „Фермера“, не исключена возможность довольно скорого появления на горизонте генерала Деникина (с ним он в хороших, даже близких взаимоотношениях).

Беседа наша длилась с 8 до часу ночи за хорошо сервированным столом. Оба почти ничего не пьют».

Дождавшись удобного момента, резидент торжественно объявил, что Центральный исполнительный комитет СССР (высший орган государственной власти) персонально амнистировал Скоблина и Плевицкую. Все прошлые преступления против советской власти родина им великодушно простила.

Радостно возбужденные, они поклялись в верности советской власти и в готовности выполнить любое задание Москвы. Резидент попросил их кое-что написать. Сдвинули на край стола пустые уже тарелки, отогнули скатерть, и Скоблин, а затем Плевицкая под диктовку написали:

«Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик о персональной амнистии и восстановлении в правах гражданства мне объявлено.

Настоящим обязуюсь до особого распоряжения хранить в секрете.

Б. генерал Н. Скоблин

21.1.31 г.

Берлин».

Второй документ был серьезнее, но резидент всё правильно рассчитал — супруги были так польщены вниманием Москвы, что не могли ответить отказом:

«Подписка

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной Армии безотносительно территории. За невыполнение данного мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

Б. генерал Николай Владимирович Скоблин

21.1.31 г.

Берлин».

Вслед за Скоблиным письменное обязательство работать на советскую разведку подписала и Надежда Васильевна Плевицкая.

Чекисты благоразумно решили, что нет смысла объяснять Скоблину, что на самом деле он работает не на разведывательное управление Красной армии, а на ОГПУ, наследницу ВЧК. Пугающая аббревиатура производила слишком сильное впечатление на эмигрантов.

Резидент заключил:

«Объявление им о персональной амнистии ЦИК'ом произвело хорошее впечатление. Поклялись в верности нам, в выполнении каких угодно заданий и распоряжений. Мое впечатление — они не врут.

Разошлись друзьями, обусловив всю дальнейшую работу (встречи, письма и проч.).

Мое впечатление — „Фермер“ в результате хорошего руководства — если не будет каких-либо ляпсусов с нашей стороны, будет таким ценным источником, каких мы в рядах РОВС'а, да и в других организациях белых пока еще не имеем».

А что же приключилось с Петром Георгиевичем Ковальским? Почему он не явился на важнейшую встречу в Берлине, где его ждали и где он сам так хотел присутствовать?

В личном деле Ковальского хранится обширный документ под всё объясняющим названием «Доклад ЕЖ/10 о своем провале»:

«Согласно полученного мною распоряжения я 20 января в 18 часов был на вокзале с целью выехать в Берлин. Проходя по перрону, я услышал позади себя русскую речь (кажется, слова „что скажете“) и машинально обернулся. Увидел сзади двух человек, которые говорили между собою: один высокого роста, полный, другой низкого роста средней комплекции, оказавшийся впоследствии агентом полиции, который меня и задержал. Минут через десять-пятнадцать после отъезда из Вены я отправился в вагон-ресторан, где и просидел до девяти часов.

Как только поезд отправился со станции Линц, в мое купе вошел агент полиции (пограничная полиция) и попросил предъявить документы. Я

предъявил мой паспорт. Он внимательно осмотрел его и задал мне вопрос:

— Скажите, Брно — это бывший Брюн?

Я ему ответил:

— Да.

— А не Берн? — последовал вопрос агента.

— Не Берн, а Брно, чешский город. Родился я в Ужгороде, а паспорт выдан в Брно.

— Я пока задержу ваш паспорт, — сказал мне агент и ушел, оставив купе открытым.

Зная, что у меня в кармане, я сразу же решил выбросить бумаги в окно, но решил проверить, не ведется ли за мной наблюдение и смогу ли я это сделать. Я вышел в коридор, направляясь в уборную, но немедленно из соседнего купе вышел агент полиции, подошел ко мне и попросил зайти в купе.

Войдя в купе, он закрыл за собой дверь и спросил:

— На каком языке вы говорите? (обращался по-немецки)

— На польском, украинском.

— Неправда, вы хорошо говорите по-русски и вы коммунист, — перебил меня агент, говоря по-русски.

— Что же касается коммунизма, то я тринадцать лет веду борьбу с ним.

— Неправда, вы коммунист. У вас недавно был другой паспорт. Где он, кстати?

— Никакого другого паспорта у меня не было, и я не могу понять, о чем вы говорите.

— Не будьте маленьким и скажите, где вы купили этот паспорт? Скажите, и мы вам ничего не сделаем.

— Паспорт я не покупал, а получил в полиции в Брно.

— Неправда, вы имели недавно другой паспорт, а этот купили. Скажите, когда вы были в Голландии?

— Я паспорта не покупал и никогда в Голландии не был.

Тогда он достал записную книжку и начал что-то разыскивать в ней. Найдя то, что ему нужно, он начал читать мои приметы в паспорте, сверяя их с записями в книжке.

— Нет, вы коммунист, имели другой паспорт, недавно были в Голландии. Скажите, в ноябре вы были в Вене?

— Нет, не был.

— Скажите правду, ведь коммунизм не запрещен в Австрии, и вам ничего не будет. Встать!

Я встал, он что-то посмотрел в книжке.

— Сядьте. Покажите, что у вас в карманах.

Я вынул бумажник, деньги, которые лежали в другом кармане, перочинный нож и ключи, оставив списки и квитанции в кармане. Агент взял мой чемодан, поверхностно осмотрел вещи и, выбросив их, начал выстукивать дно. Тогда я взял нож:

— Если дело обстоит так, то давайте я разрежу.

— Не надо.

Потом он подошел ко мне и начал осматривать мои карманы и обнаружил списки и квитанции на посылку писем Скоблину.

— А это что? Списки вашей партии и квитанции на письма товарищам? — спросил он.

— Да, вы не ошиблись, это списки моей партии.

— Ну, вот видите, а вы не хотели сознаваться, что вы коммунист. Теперь скажите, когда вы приезжали в Австрию и где ваш старый паспорт?

— Да, если кадр Корниловского полка числится в списках Красной армии, то я, по-видимому, действительно коммунист. Старый мой нансеновский паспорт в Чехии, а в Австрию я приехал 14 сентября 1930 года.

— Так вы что, офицер Корниловского полка?

— Да.

— Я очень хорошо знал Корнилова, я его видел в Екатеринодаре.

— Сомневаюсь, что вы видели Корнилова в Екатеринодаре. Он никогда не был в Екатеринодаре, он был убит под Екатеринодаром.

— А на какой день штурма Екатеринодара убит был Корнилов и когда?

— Корнилов убит на третий день штурма, перед ним был убит полковник Неженцев. Это было в конце марта месяца.

— А откуда пришла Добровольческая армия к Екатеринодару, с какой стороны реки?

— Из-за Кубани.

— А какой красный генерал выгнал Врангеля из Крыма?

— Не генерал, а Фрунзе.

— А кто командовал Красной армией во время первого похода добровольцев на Кубань?

— Кажется, Егоров и Жлоба.

— А вот Сорокина вы не помните!

— Я знаю всех добровольческих полководцев, а красных не знаю.

— Ну вот, хорошо, всё, что касается добровольцев — „отлично“, а вот каким образом вы, русский офицер, получили чешский паспорт? Ведь вы

русский подданный?

— А вот если это вас интересует, то я готов вам сказать правду.

— Вот так бы и давно.

— Если вам известно, то одно время Корниловский полк стоял в Ставке Верховного главнокомандующего и после корниловского наступления был переименован в Словацкий и стал полком чехословацкой дивизии.

— Которая стояла в районе Бердичева.

— Да, вот там, то есть в ставке и в Печановке, я познакомился с комиссаром дивизии, теперешним президентом Чешской Республики Масариком, и когда была разбита армия Врангеля, то мы все начали искать какие бы то ни было предлоги получить иностранный паспорт, и я на основании того, что родился в Прикарпатской Руси, в городе Ужгороде, обратился персонально к Масарику, и тот на моем заявлении положил резолюцию: „Выдать паспорт — знаю лично“. Вот таким образом я и получил паспорт.

После этого, так как поезд подошел к станции Пассау, он предложил мне одеться и следовать за ним.

Когда мы пришли в комнату, где помещалось управление австрийской пограничной полиции в Пассау, агент начал продолжать допрос.

— Скажите, почему у вас списки полка и где ваш генерал Кутепов?

— Где генерал Кутепов, это, пожалуй, вам лучше знать. Мы сами его ищем. А списки я получил от командира полка для фильтрации, так как именно в связи с похищением Кутепова настал момент детальной чистки всего зарубежного офицерства. Среди офицеров много провокаторов, и в списках вы найдете фамилии офицеров, которые нами уже вычищены.

— А скажите, что вы делаете в Вене и на какие средства живете?

— Я в Вене ничего не делал, а живу на деньги, которые получаю от брата из Чикаго.

— Как вы получаете деньги, непосредственно из Америки или как?

— Я деньги получаю через моего приятеля, так как я живу в Вене временно и ожидаю получения визы в Америку, куда хочу выехать.

— Как вы можете ехать в Америку с таким маленьким багажом?

— А кто вам сказал, что я сейчас еду в Америку, я сейчас еду в Берлин.

— А скажите, кто это такой Скоблин, с которым вы ведете переписку?

— Генерал Скоблин — это командир Корниловского полка.

— Значит, это он передал вам списки для проверки?

— Да, это он поручил мне сделать как старому корниловцу.

— Хорошо, а кто же этот ваш приятель в Вене, который вас снабжает

деньгами?

— Я вам не сказал? В Вене я получаю деньги через генерала Скоблина.

— А почему брат не пересылает вам денег непосредственно в Вену?

— Потому что я не живу постоянно на одном месте, а Скоблин имеет постоянное местожительство и притом друг моего брата.

— А скажите, почему на вас одето всё новое?

— Ну, если вы находите мое пальто новым или мой уже блестящий костюм новым, то я действительно ношу всё новое.

— Ну, а что это за лекарство у вас, баночка с пургеном?

— А разве вы не заметили, что у меня грипп и неважно с желудком, это я разбавил желудочные капсулы.

— Ну, подождите, я сейчас приду.

В это время вошел другой полицейский, а мой вышел.

Когда он ушел, я попросил отвести меня в клозет, где я намеревался выбросить мою ручку для химических чернил. Но агент оставил двери открытыми, и мне и это сделать не удалось.

Возвратившись из уборной, я попросил стакан воды и когда принесли воду, я слегка отпил и попросил разрешения принять лекарство. Агент мне разрешил, и я выпил сразу весь пурген.

Возвратился другой агент и, обращаясь к моему коллеге, сказал по-немецки:

— Его нет и будет только около часа.

После этого обратился ко мне:

— Вам придется переночевать. Идите в гостиницу. Да я вас сам проведу. Так как Вена сейчас не может выяснить правдивость ваших слов, в девять часов приходите, и тогда увидим, куда вам придется ехать: в Вену или в Берлин. За номер не платите, мы всё заплатим.

Он отвел меня в гостиницу, и я оставался там до девяти часов утра. Здесь в уборной я ликвидировал свою ручку.

В девять часов 21 января я явился в управление и был встречен самим „доктором“ (так называли начальника пункта) словами (он говорил только по-немецки):

— А, господин Храмов, здравствуйте. Пожалуйста ко мне в кабинет.

Я зашел в кабинет. У него на столе лежали мои списки и паспорт.

— Вы не волнуйтесь, с ближайшим поездом, я уверен, вы поедете в Берлин. Я ничего подозрительного в паспорте не нахожу, но всё же относительно вас я запросил Вену. Если вы сказали правду, то вам беспокоиться нечего. Но меня интересует вопрос, как вы, бывший офицер,

а следовательно, и русский подданный, получили чешский паспорт?

— Но я же вам сказал, что я получил по распоряжению президента Масарика.

— Да, но я не понимаю, как не чешскому гражданину могут выдать чешский паспорт?

— Скажите, если вам прикажет президент выдать паспорт, вы выдадите или нет?

— Если он прикажет, то, конечно, выдам, но я думаю, что у нас это труднее.

— Ну, вот видите, полиции в Брно приказали, и мне выдали паспорт. Тем более, что я уроженец Ужгорода.

— А списки — это действительно офицеров?

— Да.

— А скажите, вы просто информатор о белых организациях в Австрии, о настроении белых офицеров и, наверное, интересуетесь кое-каким другим посольством? (При этом он лукаво взглянул на меня.)

— Если хотите, то да, я слежу за настроениями и связями наших офицеров.

— А теперь вы едете с докладом к своему начальнику генералу Лампе в Берлин, и, наверное, там будет конференция, где вы встретите всех своих и генерала Скоблина? Ведь Австрия в вашей организации подчинена Берлину.

— Не знаю, встречу ли я Скоблина в Берлине или мне требуется ехать дальше, в Париж, но относительно дальнейших встреч разрешите мне не говорить, так как я не знаю, к какой партии вы принадлежите, а мои встречи — это вопрос воссоздания России.

— Нет, я спросил вас просто из любопытства. Ваша работа меня не интересует, так как ваша организация полуполегална у нас. Что же касается моей партийности, то я ни к какой партии не принадлежу — я полицейский. А скажите, откуда вы берете деньги на вашу работу? Ведь Франция вам сейчас много не дает.

— Деньги есть, кое-как получаем от всех.

— Скажите, сильна ли ваша организация в Австрии?

— Нет, в Австрии нас немного, так как в Австрию проникло не очень много эмигрантов, да и в Австрии, и Германии сильны коммунистические организации.

— А как вы думаете, возможен коммунизм в Австрии?

— Не думаю, так как Австрия настолько культурна, что не позволит делать над собой экспериментов.

— А скажите, вам очень мешает работать наша полиция?

— Полиция нам совершенно не мешает, так как мы работаем совершенно открыто и, как вы сказали, полулегально.

В это время вмешивается в наш разговор вчерашний агент (задержавший меня) и заявляет:

— Наша полиция так хорошо работает. Вот пример: недавно появился из Голландии один коммунист, а мы уже знаем, хотя нам задержать пока его не удалось.

„Доктор“ побагровел, грубо оборвал его и уставился глазами на агента. Он замялся и перевел разговор на то, что он хорошо знал Корнилова, Деникина, Врангеля.

После этого „доктор“ сказал, что я могу пойти позавтракать, распорядился выдать мне из отобранных денег десять рейхсмарок и просил зайти в одиннадцать часов.

В 11.00 я зашел вторично. „Доктор“ встретил меня следующими словами:

— Извиняюсь, я уже вторично звонил в Вену, но у них не всё готово, они наводят о вас справки, зайдите в двенадцать часов.

В 12 часов я зашел, и „доктор“ мне сразу заявил:

— Пока нет, но я думаю, что минуты через две будет звонок. А вы не беспокойтесь, поезд на Берлин уходит в 2.50. До этого времени всё успеем.

В это время раздался звонок. „Доктор“ подошел к телефону и сказал мне:

— Относительно вас сейчас будем знать всё.

После этого он начал разговор.

Повесив трубку, он подошел ко мне:

— Я получил сведения о вас очень хорошие. Вы полдня спите, а потом проводите время с вашей дамой. Все ваши данные сошлись в точности. Очень извиняюсь, что произошло недоразумение, но сейчас ничего не поделаешь. Получайте ваш паспорт, деньги, списки, но списки берегите и смотрите, чтобы их у вас не украли, ведь большевики за них дали бы большие деньги.

В это время вошел агент, задержавший меня. Я подошел к агенту и сказал ему:

— Что вы наделали! Через вас я всю ночь не спал. Теперь, когда я буду ехать еще раз, я вам вообще не покажу паспорт.

— Извиняюсь, г-н Храмов, но это моя обязанность, и могут случаться ошибки. Теперь будем знакомы, ведь вы, наверное, скоро будете ехать назад?

— Да, конечно, — был мой ответ.

После этого я распрощался со всеми. Выехал в Берлин из Пассау в 11.15 ночи 21 января и прибыл в Берлин в 9 часов утра 22 января».

На встречу со Скоблиным и Плевицкой бывший штабс-капитан опоздал. Но поздравлял себя с тем, что остался на свободе. Австрийские полицейские проявили редкостное благодушие и полный непрофессионализм, поэтому иностранный разведчик ушел у них из рук. Хотя у него с собой были все доказательства его шпионской работы: от средств тайнописи до фальшивого паспорта. Изготовленные Ковальскому «сапоги», как называли в Иностранном отделе фальшивые паспорта, выдержали, конечно, поверхностную проверку, но если бы полиция не затруднилась запросить власти Чехословакии, подделка бы вскрылась.

Тем не менее эта история поставила крест на командировке Ковальского. Когда Петр Георгиевич доложил, что с ним произошло на пути в Берлин, запросили Центр. В Москве пришли к выводу, что он на грани провала. То, что австрийская полиция его отпустила, ничего не значило. Если полиция за ним наблюдает, он начинает представлять опасность для всех, с кем имеет дело. Если разведчик попал под подозрение, его надо немедленно эвакуировать.

Из Берлина через Данциг (Гданьск), Кёнигсберг (Калининград) и Ковно (Каунас) Петр Ковальский добрался до Риги. Резидент советской разведки в Латвии получил шифрованное послание из Центра: «Телеграфно мы вас поставили в известность о том, что 27 января к вам должен явиться источник ЕЖ/10, кличка „Иваницкий“, которому вы должны оказать содействие для возвращения в Союз. При настоящем письме пересылаем вам фотокарточку ЕЖ/10-го. Просим вас сообщить нам телеграфно о его явке к вам, а также дать нам номер выданного вами ему свидетельства на возвращение и пути его следования в СССР. Сообщите также даты его выезда и возможного прибытия».

Паспорт у Ковальского изъяли. В советском постпредстве в Риге выдали новые документы, с которыми он мог спокойно въехать в Советский Союз.

Кроме того, были предприняты шаги к тому, чтобы ликвидировать все следы пребывания Ковальского в Вене. Резидент в столице Австрии получил такую телеграмму:

«Произошел провал источника ЕЖ/10. Ввиду того, что ему пришлось срочно уехать, все еще вещи остались на его квартире. Просим вас эти вещи изъять и переслать их нам тяжелой почтой. Лучше всего, если вы это сделаете быстро, чтобы не было времени каким-либо образом выяснить

посещение вами этой квартиры. Туда можно прийти точно к десяти утра в любой день, кроме воскресенья и праздников, и вручить прилагаемое письмо хозяйке квартиры.

Получить от нее три чемодана.

Приметы хозяйки: среднего роста, худая, брюнетка, лет тридцати, продолговатое лицо, волосы с проседью, темно-серые глаза, говорит по-немецки, употребляя венгерские обороты речи.

Письмо для хозяйки прилагаем в распечатанном виде, после его прочтения перед передачей запечатайте его. Отдельным приложением посылаем список вещей, находящихся в этих трех чемоданах.

Указываем, что если эта операция может представить для вас какую-либо опасность провала, то лучше ее не проводить. Проведите ее лишь в том случае, если будете уверены в удачном исходе».

Петра Георгиевича Ковальского, к его величайшему огорчению, вернули в Харьков.

Московские чекисты информировали украинских:

«2 февраля с. г. в Харьков выехал через Москву „Сильвестров“, отозванный нами из-за кордона ввиду того, что он был накануне фактического провала.

Несмотря на то, что он возложенную на него работу провел довольно удовлетворительно и тем самым оправдал целесообразность своей командировки, вместе с тем последние события, ведущие к провалу, говорят о том, что он еще нуждается в систематическом воспитании для дальнейшей работы за кордоном.

Мы прорабатываем в настоящее время возможности его будущего использования по линии загранработы и в зависимости от результатов поставим вопрос его дальнейшего использования».

Ни его начальники в Иностранном отделе, ни сам Ковальский не предполагали, что больше за кордон он уже не поедет.

Украинское ГПУ доложило в Москву: «„Сильвестрова“ мы устроили на постоянную работу. Просьба выслать выданные „Сильвестрову“ 250 руб. за март месяц».

Отныне Москва руководила Скоблиным и Плевицкой напрямую, без посредничества Петра Ковальского.

Смена караула

Для Русского общевойскового союза настали трудные времена.

Александр Павлович Кутепов считался бесспорным вождем эмигрантского офицерства, особенно молодежи. Ему было 48 лет — возраст расцвета для политика или военачальника, уже накоплен солидный опыт, но еще достаточно сил, и многое можно сделать... РОВС держался на его энергии, инициативе и личном авторитете.

Двадцать седьмого января 1930 года генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер подписал приказ по Русскому общевойсковому союзу: «26 января генерал Кутепов в 10.30 утра вышел из дому и более не возвращался к себе. Ввиду неизвестного отсутствия председателя Общевогоинского союза генерала от инфантерии Кутепова я, как старший заместитель его, вступил в должность председателя Русского общевойскового союза».

Памятью о судьбе его предшественника, генералу Миллеру предоставили автомобиль с водителем — для удобства и охраны. Но его это не спасет.

В Москве появление Миллера в роли председателя РОВСа встретили не без удовлетворения. Евгений Карлович был значительно старше Кутепова — 66 лет. Менее решительный. Не склонен к авантюрам. Избегает риска. И вовсе не так популярен. Особенно среди молодежи, готовой к террору против большевиков и потому опасной. Предположили, что Миллер станет опираться на старый генералитет. В том числе и на Скоблина.

Евгений Людвиг Карлович Миллер родился в Динабурге (ныне Даугавпилс) 25 сентября 1867 года. Он вспоминал: «В доме моих родителей с детских лет я был воспитан как верующий христианин, в правилах уважения к человеческой личности — безразлично, был ли человек в социальном отношении выше или ниже, чувство справедливости во взаимоотношениях с людьми, явное понимание различия между добром и злом, искренностью и обманом, человеколюбием и звериной жестокостью — вот те основы, которые внушались мне с детства».

Миллер окончил Николаевский кадетский корпус в 1884 году, Николаевское кавалерийское училище в 1886-м, Николаевскую академию Генерального штаба в 1892-м. Накануне Первой мировой служил начальником штаба Московского военного округа. В войну — начальником штаба 12-й армии, затем 5-й армии. Командовал 26-м армейским корпусом.

За успешные действия против немцев на территории нынешней Польни был произведен в генерал-лейтенанты. В конце Первой мировой его отправили представителем Ставки главковерха при итальянском главном командовании.

В апреле 1917 года Миллер как царский генерал был арестован революционной властью. Но его почти сразу отпустили. Генерал понял, что происходит, и уехал из России. А в конце 1918 года его призвали на пост генерал-губернатора Северной области.

Противники большевиков 2 августа 1918 года создали в Архангельске свое правительство — Верховное управление Северной области. Его возглавил Николай Васильевич Чайковский. Народник по взглядам, он когда-то эмигрировал в Америку и в штате Канзас организовал колонию, члены которой исповедовали религиозно-коммунистическое учение. Вернувшись в Россию, присоединился к эсерам. Социалистическое правительство Чайковского обещало политику «третьего пути»: без крайностей большевизма, но и без военной диктатуры.

Эсеры и интеллигенция его поддержали. Правые партии, офицерство, церковь были против. Военные организовали переворот. Министры Чайковского оказались на Соловецких островах. В январе 1919 года адмирал Колчак на правах формального главы всего Белого движения в стране упразднил местное правительство и назначил генерал-губернатором Северной области и командующим Северной добровольческой армией Миллера.

Евгений Карлович управлял краем твердой рукой. На Севере России противники советской власти совершили те же ошибки, что и Белое движение в целом. Они пытались противопоставить диктатуре большевиков свою диктатуру и переусердствовали по части жестокости, оттолкнув от себя население. Офицеры контрразведки арестовывали крестьян, избивали, издевались над ними.

Такая власть не могла пользоваться народной поддержкой. Осенью 1919 года союзники, потерявшие интерес к России после окончания Первой мировой войны, стали уезжать. Первыми эвакуировались французы, итальянцы, сербы и американцы (их потери на Севере России составили 500 человек). В октябре 1919 года — последними — ушли англичане.

После отъезда англичан белые офицеры, которым надоело подчиненное положение при союзниках, поздравляли друг друга. Но уход иностранных войск стал губительным для Белого движения. Северный фронт продержался пять месяцев. 19 февраля 1920 года Красная армия взяла Архангельск. Генерал Миллер эмигрировал в Норвегию, потом

перебрался во Францию.

Кутепов сделал его своим первым заместителем в РОВСе.

Генерал Шатилов вспоминал о генерале Миллере: «Первое впечатление он произвел на меня довольно суровое, но уже через день-два я составил о нем правильное суждение. В высшей степени воспитанный человек, большой эрудиции, скромный, спокойный, хорошо владеющий многими языками... Миллер мне очень понравился».

Генерал Миллер поначалу смог укрепить финансовое положение РОВСа. Дело в том, что в японских банках остались деньги казенного большевиками адмирала Колчака — 6,9 миллиона иен, 395 тысяч франков и 15 тысяч фунтов стерлингов. Распоряжался ими финансовый агент в Токио Карл Карлович Миллер. Он не согласился передать эти деньги Врангелю, но не мог отказать своему брату Евгению Карловичу Миллеру. Однако и эти деньги быстро кончились. Русскому общевойсковому союзу пришлось перейти на режим строгой экономии.

Тем временем советская разведка всячески старалась укрепить позиции Скоблина внутри военной эмиграции. 15 февраля 1931 года резидент доложил в Центр:

«Имел беседу с „Фермером“ вместе с его половиной. Проинструктировал обоих вполне достаточно, зарядку дал хорошую, и по моему, и он, и она достаточно усвоили и ясно отдают себе отчет в серьезности работы.

Сегодня утром чета уехала в Прагу давать концерт — увидится с кем нужно и на обратном пути в Париж 20-го остановится на день здесь. Получим исчерпывающий доклад о Праге и особенно о взаимоотношениях Харжевского с Ходоровичем и о роли Харжевского в Праге».

Разведку интересовали эти два генерала, игравшие важную роль внутри РОВСа.

Генерал от инфантерии Николай Александрович Ходорович в эмиграции обосновался в Праге, где получал пенсию за участие в создании чешских дружин в Первую мировую войну. 31 мая 1930 года Миллер назначил его начальником 4-го отдела РОВСа в Чехословакии. А генерал-майор Владимир Григорьевич Харжевский, последний командир Дроздовской дивизии, возглавлял Галлиполийское землячество в Праге и вроде бы руководил нелегальной работой внутри РОВСа — по поручению Кутепова.

Берлинская резидентура высоко оценила работу Скоблина и Плевицкой:

«Гастроли прошли благополучно. Концерт состоялся только в Софии.

В Белграде оба провели около недели отнюдь не по делам концертным (концерта в Белграде не было).

Если поездку четы ЕЖ/13 на Балканы рассматривать как первую контрольную, то нужно сказать, что ЕЖ/13-й добросовестный и, если хотите, талантливый агент. Его сообщения, в трех направлениях подтверждающиеся целиком данными ЕЖ/5, достаточное для этого доказательство. Это в порядке контрольном.

Вообще говоря, нужно констатировать, что короткое пребывание на Балканах ЕЖ/13-й использовал исчерпывающе и не только в области информационной, а, так сказать, стратегической. Мы пришли к мысли выписать из Софии в Париж Туркула (командира дроздовцев), которого ЕЖ/13 будет использовать „вслепую“. А ЕЖ/13 плюс Туркул — это такой кулак, который, выражаясь словами ЕЖ/13-го, „может разнести весь РОВС“.

В Париже ЕЖ/13-му предстоит подойти вплотную к аппарату РОВС и, лавируя между Миллером, Драгомировым и Шатиловым, сохранить свое самостоятельное лицо.

Денег я ЕЖ/13-му дал до мая. Дам немного на установку телефона (у них свой дом), на вызов Туркула в Париж. Обусловим всё до мелочей в отношении будущей моей с ним связи; словом, он с Веной ничего общего больше иметь не будет».

После вдохновляющей беседы с посланцем Москвы Скоблин и Плевицкая рьяно принялись за работу. Скоблин взял в штабе РОВСа три секретных доклада с мобилизационным планом всех белых войск в Европе. Генерал Шатилов сам завел с ним разговор о том, что штабисты РОВСа составили новый план, и предложил Скоблину ознакомиться с ним. Шатилов при Миллере стал ключевой фигурой в РОВСе.

Парижский резидент доложил в Москву о встрече со Скоблиным:

«Он рассказал подробно, как он получил у Шатилова три доклада. После трехчасового разговора с Шатиловым последний предложил ему познакомиться с докладами мобилизационного порядка. 13-й берет доклады и спрашивает („Очень я при этом волновался“, — говорит 13-й):

— Когда прикажете, ваше превосходительство, вернуть их?

Шатилов подумал и ответил:

— К завтрашнему утру, не позже.

Поехал 13-й к себе и всю ночь вместе с ней (женой, Надеждой Плевицкой. — Л. М.) доклады переписывал и переписал. А утром возвратил. Переписаны они были карандашом чуть ли не на картонной бумаге — страниц на сорок. Я все эти листы сфотографировал (у него в

доме), погода была пасмурная, выдержки я не знал (сообщите, кстати, какая выдержка нужна при съемках против окна без электрического света, утром при солнце, и когда хмуро), работал часа четыре, проявлял (всё это без всяких приспособлений) и не получилось ничего. Пришлось мне доклады тайнописью переписать. Доклады чрезвычайно интересны».

По предложению самого Скоблина закрутилась интрига с генералом Туркулом, который возглавлял объединение ветеранов-дроздовцев. Николай Владимирович сам посоветовал: «Туркула хорошо было бы привлечь. Я полагаю, что это будет стоить денег. Живет он в Софии. Можно подойти к нему через его жену».

Скоблин предполагал, что бывший командир Дроздовской дивизии точно так же, как он сам, пожелает работать на советскую разведку. Они дружили семьями. Плевицкая симпатизировала Антону Васильевичу и его жене Александре Федоровне. Но Скоблин сильно ошибся в Туркуле.

В Иностранном отделе намеревались, играя на безмерных амбициях Туркула, использовать резкого, неуправляемого генерала для развала парижского штаба РОВСа. Впоследствии советская разведка пожалела о том, что Туркул перебрался во Францию.

Парижский резидент сообщил в Москву о разговоре со Скоблиным:

«Дал ему указание на необходимость перетянуть во что бы то ни стало в Париж генерала Туркула и, если не поможет деньгами Шатилов, то принять нам участие в его переезде. Этим мы убьем двух зайцев:

1) насколько возможно, ослабим болгарскую группу белых войск, которая, как уверяет „Фермер“, держится Туркулом, и после его отъезда, безусловно, начнутся интриги между кандидатами в его заместители, и

2) „Фермер“ будет использовать его втемную для проведения нужных нам задач».

Антон Васильевич Туркул охотно приехал в Париж на рекогносцировку. Разговор со Скоблиным ему понравился. Перспектива переехать во Францию — еще больше. Туркул решил всё сделать как можно быстрее. Смущала его материальная сторона дела — на что жить?

Он придумал открыть на паях со Скоблиным бензоколонку — бензиновую лавку, как тогда говорили, чтобы все русские таксисты в Париже заправлялись только у них. Туркул и Скоблин обратились к руководству РОВСа за материальной помощью. Николай Владимирович предположил, что генералы Миллер и Шатилов отказать Туркулу не посмеют. Так и случилось.

Парижский резидент информировал Центр:

«На днях приезжает Туркул. 13-й его возьмет к себе. Оба они, как вы

знаете, сила, с которой должны считаться. Нужно будет Туркула оставить в Париже.

Откроем, говорит 13-й, бензиновую лавку, все наши шофера у нас будут всё, что нужно, покупать. Это бесспорно. Нужно было бы такое предприятие нам субсидировать суммой до 800–1000 долларов, с тем, чтобы 13-й, Туркул и „Главное командование“ (то есть Шатилов и Миллер) тоже внесли по паю. 13-й думает, что „Главное командование“ не посмеет отказать, так как к нему еще ни разу за субсидией такая публика не обращалась.

На приезд Туркула Шатилов дал 1200 франков, он даст, вероятно, и на бензинную лавку немного денег, так как для него чрезвычайно важно иметь на своей стороне основную активную силу. И нам, мне думается, такое положение на руку. Сообщите вашу точку зрения. Если вы со мной согласны, пришлите на это дело до 1000 долларов».

Центр 10 мая 1931 года санкционировал операцию:

«Перевод Туркула в Париж мы одобряем. Что же касается взноса денег на открытие лавочки, то таковые можно будет внести лишь в том случае, если хотя бы небольшая часть денег будет внесена Туркулом или Шатиловым, дабы не обратить внимание соответствующих кругов на то, что деньги вносятся только со стороны 13-го, что может привести к нежелательным результатам.

13-му нужно заявить, что деньги выдаются ему взаимнообразно как прикрытие для перевода Туркула.

Деньги вам нами будут переведены, но дать их 13-му вы должны лишь после детального обсуждения с ним всего плана открытия этой лавочки».

Словом, совместными усилиями перетащили Антона Васильевича во Францию. И тут с ним у всех возникли проблемы. Туркул сразу вошел в конфликт с парижскими генералами, ни один из которых не желал уступать ему свое место. Туркул грозил разрушить РОВС. А в Иностранном отделе тем временем приняли иную стратегию: не разваливать Союз, а продвигать Скоблина на самый верх.

Шестого августа 1931 года Центр инструктировал резидентуру:

«ЕЖ/13 просит у нас инструкций о том, как ему держать себя на предстоящем съезде, так как за последние дни он вошел в головку и может получить работу. В свое время мы ему давали директиву активно самому не выдвигаться и не вылезать. Однако если обстановка сама его выдвигает, нужно входить в головку, забирать руководящие места и на предстоящем совещании РОВС'а выступать с установками на активность и активизацию всей работы.

Никакого участия во внутренней борьбе ЕЖ/13-й проводить не должен, ибо несомненно, что Миллер французами снят в ближайшее время не будет, и никакие внутренние склоки РОВС'а, пользующегося всей поддержкой французов, не развалят организацию.

Исходя из этого, если даже сведения в отношении генерала Туркула и его антировсовской политики соответствуют действительности, чему мы склонны не верить, то ЕЖ/13 в этом деле не только не должен принимать участия, но должен одернуть Туркула и, если понадобится, даже выступить против него. В общем, установка ЕЖ/13-го не на личность, а на центральную линию РОВС'а, на максимальную поддержку „боеспособности“ организации и т. д.».

Агентурная сеть была немаленькой. Как правило, другие агенты не располагали столь же точной информацией, как Скоблин, поэтому приносили своим связным слухи и обрывки досужих разговоров. Но с важным видом выдавали их за сведения, полученные из первых рук. Иногда одинаковые слухи поступали из разных источников, что создавало иллюзию достоверности.

Центр требовал от резидентуры всё выяснить:

«По одной из наших других линий нами получены подробные данные о приезде Туркула в Париж и о том, какое положение в кругах РОВС'а в настоящее время существует. Эти данные требуют тщательной проверки через ЕЖ/13-го, ибо через него мы ничего подобного не имели, а посему в некоторой степени к этим данным относимся скептически.

По нашим сведениям, в субботу, 11 июля, Объединение Дроздовской дивизии устроило чествование генерала Туркула, причем присутствовали представители полков Корниловского, Алексеевского и Марковского. Никто из высших начальствующих лиц РОВС'а на это чествование якобы не был приглашен.

Туркул выступил с речью, в которой резко критиковал деятельность руководителей РОВС'а, заявив, что эти руководители не только совершенно не считаются с создавшимся теперь в СССР положением, но просто избегают вести активную борьбу. Единственным выходом, по мнению Туркула, из этого положения является создание нового Союза участников Гражданской войны. Этот новый Союз под названием „Союз первопоходников“ или „Союз Добровольцев“ должен фактически заменить собой РОВС, причем нынешние руководители РОВС'а в эту организацию допущены не будут. При этом Туркул высказал мысль, что по борьбе с СССР работа должна быть передана строевым офицерам без руководства штаба РОВС.

В результате этого совещания решено было собрать в воскресенье 19 июля общее собрание представителей всех цветных войск для обсуждения вопроса об организации нового Союза.

В понедельник, 13 июля, вечером в помещении штаба РОВС состоялось секретное собрание всего руководящего состава организации. На собрании присутствовали также генералы Туркул, Скоблин, Пешня и полковник Трошин от группы Корниловского полка.

Генерал Туркул выступил на этом собрании с открытой резкой критикой РОВС'а и предложил следующие мероприятия: произвести чистку РОВС'а в отношении начальствующего состава, сократить штаб, видоизменить работу на Россию. Присутствующие на совещании командиры цветных полков якобы заявили о своей полной солидарности с генералом Туркулом. К его же мнению присоединился и генерал Фок.

Кроме того, у нас имеются сведения о том, что после приезда Туркула в Париж руководство РОВС'а установило за ним наблюдение, причем это наблюдение столкнулось с дроздовцами, охранявшими Туркула, и произошел колоссальный скандал, в результате коего был резкий разговор Туркула с генералом Миллером.

Просим вас при первом же очередном свидании с ЕЖ/13 немедленно проверить и уточнить эти данные, ибо эти данные ведут еще дальше и говорят о том, что Туркул предполагает, якобы, произвести вообще полный раскол РОВС'а».

Полковник Григорий Захарович Трошин руководил объединением корниловцев, обосновавшихся в Париже. Генерал-майор Анатолий Владимирович Фок у Врангеля служил командиром артиллерийской бригады, в эмиграции работал на заводе.

Информация о происходящем внутри РОВСа тревожила Москву. А один из агентов сообщил резидентуре, что будто бы состоялось секретное собрание офицеров-дроздовцев, на котором Туркул потребовал передать ему работу против Советского Союза. И как будто бы такое решение уже принято и он приступил к работе!

За разъяснениями вновь обратились к Скоблину.

Центр запросил резидентуру:

«Нам приходится вновь вернуться к вопросу, поставленному нами уже раньше в отношении пребывания Туркула в Париже. Для нас всё же до сих пор не ясно, было ли собрание, о котором так много шумели, было ли резкое выступление Туркула и т. д. У нас есть сведения, говорящие о том, что во всех этих делах, якобы, принимал активное участие 13-й, что 13-го поддерживал неофициально Шатилов, с которым у него хорошие

отношения и т. д.

Имеются сведения о том, что Туркулу поручена разведка на СССР, что он уже получил 200 000 франков, причем эти сведения из различных источников, что для производства террористических актов за границей Туркулом уже завербованы в Софии четыре македонца и т. д.

Пусть ЕЖ/13-й без выдержек и сообщений разных лиц просто и ясно ответит нам на следующие вопросы:

- 1) Было ли собрание такого характера, или же его не было.
- 2) Получил ли Туркул деньги, или не получил.
- 3) Работает ли ген. Туркул по разведке, или же не работает.

13-й — один из наших лучших источников. За короткое время работы он сумел понять, что нам требуется. Но нужно его еще научить не только передавать разговоры с различными лицами, но и писать для нас подробную сводку оценки происходящих событий. До последнего времени 13-й этого не делает, а ведь он является не мелким объектом, имеющим возможность что-то слышать и эти разговоры передавать, а политической фигурой, могущей совершенно свободно делать правильные выводы из происходящих событий.

Думаем, что вы понимаете нашу просьбу и сумеете нам ответить на интересующие нас вопросы. Мы более склонны верить информации 13-го, чем информациям наших других источников. Но всё же именно в силу того, что сведения настойчиво поступают, мы просим уделить соответствующее внимание их проверке».

Все сообщения оказались липой!

Парижская резидентура доложила в Центр:

«Самое важное сводится к следующему: секретного собрания в РОВС'е, на котором будто бы выступал Туркул, не было. Было чествование Туркула дроздовцами, на котором Туркул, как 13-й говорит, произнес два слова.

Жена 13-го, присутствовавшая при моем разговоре с 13-м, заметила мужу:

— Мы ведь уехали с обеда, ты ведь не знаешь, о чем говорил Туркул.

13-й ответил:

— Знаю, великолепно знаю. Он двух слов порядком связать не может перед народом. Ничего он не говорил. К нам же он приехал после обеда. Ничего ведь не рассказал. Не было выступления Туркула.

Это раз.

Получил ли Туркул 200 000 франков?

Я вам отвечаю: не получал.

Подумайте сами: Туркул жил всё время в вилле 13-го, без 13-го шагу не делал. К Миллеру ездили вдвоем. Их двумя Аяксами называли. И вдруг 200 000 франков. Если бы это было так, то об этом знал бы 13-й. И такой „пустяк“ в 200 000, то есть в десять раз больше того, что хотели отпустить на убийство Троцкого, 13-й забыл бы нам сообщить?

Категорически исключаю. Значит, он нам не сообщил умышленно; значит, он провокатор. Но это ведь исключается. Значит, насчет 200 000 — ложь или, если хотите, о них ни 13-му, ни Туркулу не известно. Спрашивать об этом 13-го просто стыдно, так как это явная бессмыслица».

Скоблин принес связному послание, полученное им от генерала Туркула:

«Дорогой Николай Владимирович!

Письма от генерала Фока не получал. Вообще ничего не знаю о новой организации активной работы. Никто и ничего о ней нам в Болгарию не сообщает.

Твое предположение, что будет назначен Фок, мне кажется верным, у него хорошие отношения с Шатиловым, которому хочется быть в курсе активной работы. Когда я говорил в Париже об активной работе, я ни одной минуты не желал становиться во главе новой организации. Я считал и считаю, что активная работа должна быть основой существования нашего союза здесь, за рубежом...

Активная работа — вот душа и сердце нашего союза. Прекратив работу, союз будет подобен живому трупу. Ни курсами, ни школами его оживить нельзя. Ты пишешь, что активная работа должна быть передана нам. Принципиально я согласен, но считаю, что если нас не хотят, то не следует поднимать из-за этого шума. Нам важно, чтобы работа была и работа большая и видная, важно, чтобы глава организации был смел и решителен. Опытов в этой области достаточно.

Неуспех новой организации будет большим скандалом. Мне кажется, что тебе выдвигать нас в штабе не совсем удобно. Если хотят нас видеть во главе, то пускай нас выдвигают другие. Если же придется работать, я уверен, что мы не осрамим нашего оружия и сделаем всё возможное для скорейшего низвержения власти товарищей в СССР.

Прошу меня поставить в курс дела после совещания в присутствии Ф. Ф. Абрамова.

Во всяком случае, будь уверен, что я тебя поддержу всячески. Покупателя на свое дело нашел. Жду возвращения генерала Абрамова, и тогда с песнями тронемся в Париж. Ты же сейчас присматривай хорошие районы. Необходимые письма от „Шелла“ уже посланы в Париж. Там, то

есть в Париже, обещано всяческое содействие. Я тебя очень прошу присмотреть районы, так как район для торговли бензином крайне важен.

Прошу написать мне более подробно настроение штаба и наших чинов.

До сих пор не решил, брать ли с собой вестового, боюсь взять, так как в случае слабой торговли человек без права работы явится большим грузом.

Пока всех благ.

Поцелуй ручки Надежды Васильевны.

Твой А. Туркул.

Александра Федоровна целует Надежду Васильевну и тебе шлет привет.

3 сентября 1931 г.».

Резидент сообщал в Центр:

«Теперь насчет того, что Туркулу поручена разведка на СССР. У вас ведь есть собственноручное письмо Туркула, в котором он пишет об активной работе. Туркул скоро должен быть в Париже. Тогда станет ясно, кому это дело будет поручено и возьмет ли на себя Туркул выполнение активных задач.

Работает ли Фок по разведке. Спрошу еще раз 13-го. Я знаю, что 13-й и Шатилов о Фоке очень слабого мнения. Несомненно, что Фоку льстило бы такое дело, как работа по разведке, но я лично сомневаюсь, чтобы ему такое дело поручали. Хорошо. Спрошу.

Насчет сводок-оценок я буду подробно говорить с 13-м в духе ваших требований».

Информация, получаемая от Скоблина и Плевицкой, была точной и надежной. В отличие от слухов, которые приносили другие агенты. Так что у парижской резидентуры постоянно были основания хвалить своего агента и просить Главное управление государственной безопасности НКВД отметить его успехи.

Парижская резидентура — Центру:

«Разрешить нужно пока несколько маленьких вопросов с 13-м. Он завел новую машину. Ему явно не хватает денег; работает он добросовестно, много и охотно. Из-за этого он не отдохнул, она (Плевицкая. — Л. М.) не едет на гастроли. Ее оперировали (пластическая операция). Я операцию оплатил. Через пару недель он хочет „отпраздновать“ год работы с нами. Он сказал мне, чтобы мы, со своей стороны, оценили его. Я предлагаю следующее: 200 долларов дать ей на месячный отпуск. 200 долларов дать им обоим наградных. Оплачивать

содержание его машины. Сообщите ваше мнение».

По тем временам 200 американских долларов были большими деньгами. Сам резидент получал 250 долларов в месяц. Но генерал Скоблин с его широчайшими связями стал незаменимым агентом для советской разведки. Его работа становилась все более важной для Москвы.

В шифровках резидентуры чаще упоминался один Скоблин, на самом деле без Надежды Васильевны он не смог бы столь плодотворно работать. Плевицкая и Скоблин взаимно дополняли друг друга. Надежда Васильевна охотно помогала мужу. Она не только копировала секретные документы Общевоинского союза, которые Скоблин приносил домой, но и писала за него агентурные донесения. Присутствовала на встречах со связными из резидентуры и высказывала свое мнение, к которому прислушивались и в Москве.

Бесконечные интриги

Плевицкая и Скоблин занимали настолько видное место в эмиграции, что другие агенты советской разведки (разумеется, ничего о них не знавшие) время от времени настойчиво рекомендовали Москве завербовать бывшего генерала. В личном деле Николая Владимировича хранится выписка из донесения источника под псевдонимом «Мальш»:

«Командир Корниловского полка (Корниловской дивизии) генерал Скоблин.

Случайно встретил его на рю де Колизе, встретились, тепло разговорились, когда вышли оттуда, зашли в кафе и просидели там часа два. Ему нужно было на некоторое время выехать из Парижа, поэтому я его больше не видел. Живет он со своим братом и женой Плевицкой теперь в Париже, был в Америке, а перед этим разводил кур где-то около Парижа. О нем говорят, что стал больно гордым, это немного заметно, но я его сразу посадил на место, сказал, что живу хорошо, у меня большое свое дело и пр. пр.

Он по натуре неглупый и авантюрист, деньги ему нужны, но для его обработки нужно время, в один-два дня ничего нельзя сделать. Главная работа ведется, по его словам, в Сербии и Болгарии, там надежные офицеры и прочее, а в Париже только головки и связь с французским Генштабом».

Надо понимать, источнику «Мальш» вежливо ответили, что генералом Скоблиным советская разведка заниматься не намерена.

Но Плевицкой и Скоблиным настойчиво интересовались другие люди, весьма опасные, что постоянно создавало напряженную ситуацию.

Двадцать четвертого августа 1931 года парижский резидент срочно запросил Центр: «Дайте мне как можно скорее оценку откровений Завадского и его группы. Я дал задание 13-му снять свою активность, потому что это может кончиться плохо: у него обострятся отношения с Миллером и его окружением».

Шестого сентября 1931 года Центр ответил:

«1) Абсолютно правильно ваше указание о необходимости 13-му снизить свою активность. В данной ситуации он может „заинтересовать“ французов и работа от этого может пострадать.

2) „Откровения“ 48-го частично верны и именно поэтому нами поставлена задача — вплотную подойти и впоследствии попытаться

приобщить его к работе. Как видите, задача не из легких, особенно учитывая прошлую работу 48-го. Однако в деле облегчения нам выполнить эту задачу 13-й сможет нам сильно помочь, дав нам подробное освещение фигуры 48-го и его окружения.

Нам нужны до мелочей подробные данные о 48-м с момента появления его в эмиграции. Образ жизни. Состав семьи за границей. Есть ли кто-либо из его родственников на нашей территории. Где постоянно или в последнее время на нашей территории находился 48-й и т. п. Одним словом, точную „вербовочную“ справку.

Эту справку нам необходимо иметь очень быстро, так как в результате проделанной вами и нами работы по одной и другой линии попробуем вступить с ним в разговор. Считайте задание по 48-му ударным.

3) Выдачу „юбилейных“ в сумме 300–400 долларов 13-му санкционируем».

48-й, заинтересовавший Центр, — это упомянутый в письме парижского резидента Игорь Владимирович Завадский-Краснопольский, бывший капитан белой армии. Он эмигрировал в Югославию, был там секретарем областного отдела Общества галлиполийцев, но проявил себя на ином поприще, шпионско-полицейском. Казался очень осведомленным человеком, и в этом качестве привлек внимание Скоблина. Советская разведка хотела и его завербовать. Но вокруг Завадского-Краснопольского закрутилась сложная интрига, неприятная для Плевицкой и Скоблина.

Историк Сергей Петрович Мельгунов вспоминал:

«В Париже было своеобразное учреждение, официально зарегистрированное в префектуре. Оно именовалось „Русский Исторический Союз“. Этот РИС в обиходе называется „Русская Интеллидженс Сервис“ — попросту „Охранкой“. Созданное, может быть, с самыми благими целями бороться с большевицкой провокацией, оно, по выражению Бурцева, превратилось в как бы отделение парижского ГПУ.

Привело к этому культивирование начала двойной агентуры. Некоторым членам РИС специально предписывалось войти в соглашение с большевиками. Возглавлял РИС капитан Завадский-Краснопольский — один из тех, кто насаждал двойную агентуру. Он был исключен из армии, ибо обнаружилось, что он передавал большевикам документы, похищенные в сербском штабе. Русское начальство прикрыло Завадского на том основании, что он входил в сношения с большевиками по указанию штаба и делал это с патриотическими целями.

Это открыто признал генерал Шатилов в циркуляре, разосланном по РОВС в те дни, когда в связи с похищением генерала Кутепова в печати

начались нападки на капитана Завадского: „По убеждению генерала Кутепова связь его с большевиками выполнялась с целью разведки“.

Краснопольский-Завадский был тем самым лицом, через которое, по словам Зайцова, генерал Кутепов, когда было нужно, сносился с французской полицией. Начальником РИС, „ордена чести“, как выражается Краснопольский, он был назначен распоряжением генерала Кутепова 12 мая 1929 года. После похищения генерала Кутепова и расследования это почтенное учреждение было ликвидировано официальной властью».

Во время Второй мировой войны, в декабре 1940 года, Завадский-Краснопольский будет арестован немецкой службой безопасности СД. Его посадят в концлагерь Заксенхаузен. Он изъявит желание помогать гестапо, и в декабре 1943 года его выпустят, чтобы он наблюдал за советскими людьми, которых вывезли в Третий рейх на работу. Игорь Завадский-Краснопольский сам расскажет: «1 января 1944 года я был принят сотрудником в главное управление государственной безопасности в Берлине с окладом в 500 марок. Моя задача заключалась в политическом наблюдении за лагерями восточных рабочих».

А пока что в Париже Завадский-Краснопольский проявил большой интерес к Скоблину. Москва попросила Николая Владимировича выяснить, что тот собой представляет, поэтому они сблизились. Но в Иностранном отделе быстро осознали, что от такого одиозного и опасного человека лучше держаться подальше.

Тридцатого сентября 1930 года Центр информировал парижскую резидентуру:

«Нами выяснено путем соответствующей проработки, что каких-либо серьезных и значительных связей у Завадского-Краснопольского нет, что всё дело, как мы вам об этом уже и писали, ограничивается тем, что он является агентом парижской префектуры, близко связан с Фо-Па-Биде, и Фо-Па-Биде через него старается „подкузьмить“ своего врага и конкурента — начальника Сюрте Женераль. Отсюда и вся беготня Завадского-Краснопольского и весь шум, поднимаемый им.

Когда Завадский-Краснопольский говорил ЕЖ/13-му о своих „крупных связях“ с поляками и вообще с „иностранными державами“, набивая на этом себе цену, для выполнения задания Фо-Па-Биде в смысле проникновения в РОВС, то речь шла, очевидно, как мы выяснили сейчас, о некоем „полковнике“ Бабецком, агенте Завадского-Краснопольского. Ввиду того, что эта история является чрезвычайно поучительной для характеристики Завадского-Краснопольского, мы ее вам коротенько ниже сообщаем.

В 1930 году в Париже появился некий Лев Бабецкий, называвший себя полковником польского Генштаба, командированным во Францию со специальным поручением. При нем оказались официальные документы, удостоверявшие это. Бабецкий близко сошелся с Завадским-Краснопольским, которого он уверил, что имеет возможность близкого подхода к большевикам. Через некоторое время он вошел в полное доверие Завадского-Краснопольского. И получил от него некоторые задания, в частности, задание о разработке связей 58-го с большевиками. Через некоторое время Бабецкий сообщил З.-К. о том, что ему удалось „не только разработать связи 58-го с Советами, но и лично с ним связаться под видом большевистского агента“. Затем он неоднократно сообщал З.-К. о своих „свиданиях“ с 58-м и о том, что он ему даже передал деньги „от большевиков“ (вы сами понимаете, насколько всё это неправдоподобно и неверно).

Таким образом, на „данных“ Бабецкого и Завадского-Краснопольского была построена в значительной степени вся история обвинений 58-го».

58-й в шифропереписке советской разведки — это генерал Павел Дьяконов, которого многие подозревали в работе на Москву, но не могли это доказать.

Центр — парижской резидентуре:

«Однако делу совершенно неожиданно пришел финал. Парижская префектура получила сведения о том, что Бабецкий является подозрительной личностью. В дело вмешался 2-й отдел французского Генштаба, запросив неофициально Варшаву. В ответ были получены данные о том, что никакого „полковника“ Бабецкого в польском Генштабе вообще не существует и не существовало, а следовательно, вся история о его секретной командировке во Францию — ложь. Ввиду того, что Бабецкий проживал во Франции по поддельному польскому паспорту, польские власти потребовали его ареста и высылки в Польшу. Бабецкий был арестован и под конвоем препровожден в Данциг и выдан польским властям.

Однако этим история с Бабецким не закончилась. Начальство Фо-Па-Биде поставило ему на вид (что называется, в приказе) сомнительность его источников. А больше всего влетело Завадскому-Краснопольскому, которому сейчас приказано тщательно проверить всю свою агентуру.

Мы так подробно вам написали об этом для того, чтобы вы поняли следующий факт, сообщенный вами нам по сведениям ЕЖ/13-го о последнем письме Бурцева к ген. Миллеру и о той беготне, которую Завадский-Краснопольский и Колтыпин вокруг этого письма устроили.

Совершенно был прав в этом деле ген. Шатилов, когда он указал ЕЖ/13-му, что ему ни в коем случае в это дело вмешиваться не нужно и если эта публика что-либо хочет делать, то пусть делает сама или же передает через консьержку. К этой директиве Шатилова мы могли бы только присоединиться.

Картина ясна. За всеми махинациями этого субъекта, то есть Завадского-Краснопольского, вам нужно внимательнейшим образом следить, но ни в коем случае не нужно забывать, что он не является политической фигурой, а лишь мелким шпином, правда, могущим нам во многом повредить. Учитывая это, пусть ЕЖ/13-й не выпускает его из поля своего зрения, пусть держит его около себя, но пусть создаст отношения старшего к младшему, при котором Завадский-Краснопольский был бы ему во многом обязан, слушался бы его, регулярно бы его ориентировал и доносил бы ему обо всем. В мелких шпиновских интригах Завадского-Краснопольского 13-й ни в коем случае участвовать не должен».

Упомянутый в письме Николай Евгеньевич Колтыпин-Валловский — секретарь Бурцева. Он воевал в белой армии, состоял в РОВСе. Потом присоединился к генералу Туркулу, чтобы вести боевую работу против СССР. Два раза переходил советскую границу и оба раза возвращался. Во Вторую мировую войну примет сторону Третьего рейха — пойдет служить подпоручиком в штаб казачьих войск, который возглавит генерал-лейтенант Андрей Григорьевич Шкуро, затем — в Русскую освободительную армию Власова.

Парижский резидент незамедлительно успокоил Центр: «Вы опять повторяете, что 13-й ни в коем случае не должен становиться на равную ногу с Завадским-Краснопольским. Я об этом говорил с 13-м еще до получения от вас на этот счет писем, потому что это само собой понятно. И 13-й к Завадскому-Краснопольскому снисходит, и вся З.-К.-овская банда почтительна к 13-му. Эти взаимоотношения я определяю на их же языке. Привет!»

Москва утратила интерес к расколу РОВСа. Напротив, теперь хотела сохранить его единым и держать под контролем. Не желала, чтобы Скоблин завяз в интригах, которыми богата эмиграция, и оказался в плену одной из группировок. Ставила иную задачу: ориентироваться на центральную линию РОВСа и благодаря этому иметь доступ к тому, что обсуждается и решается верхушкой Общевоинского союза. Тем более что такие возможности у него появились.

Желание вернуться к активной работе, инспирированное Москвой, было оценено и Миллером, и Шатиловым. Причем эмигранты не только

высоко ценили боевое прошлое Скоблина, но и говорили, что он обладает недюжинными административными способностями.

Советская разведка старалась оберегать Скоблина от неприятностей.

Центр — парижскому резиденту:

«По вопросу о 13-м и основных установках для него.

Ни в коем случае ни на какие авантюры против штаба РОВС 13-й идти не должен и ни на какие комбинации, предлагаемые Фо-Па-Биде по созданию группы в составе — 13-го, Улагая и Завадского — идти не следует.

Вообще для нас непонятно, почему вы так сильно преувеличиваете как Завадского, так и самого его хозяина Фо-Па-Биде. У нас есть уже достаточный опыт в отношении различных авантюр и интриг и поэтому ни в какие интриги и авантюры 13-го мы пускать не будем и категорически это вам запрещаем.

13-й должен остаться строевой и политической фигурой, имеющей значение и вес в штабе, а не мелким склочником и интриганом.

Теперь об отношениях с Завадским. Конечно, хорошо, что 13-й держит Завадского в „почтительных отношениях“ к себе, но нужно учесть, что Завадский — мелкий шпик, могущий наделать очень много пакостей, и это нужно учесть, а поэтому, чтобы не вызывать подозрений, не всегда будет правильно давать сто франков, когда просят двадцать. Учтите это.

Вообще в отношении поставленных вами многих вопросов, не освещаемых пока еще 13-м, нужно искать других путей, а по линии 13-го ограничиваться тем, что он может, как вы сами говорите, „тихой сапой“, узнавать и выведывать, постепенно подходя всё ближе и ближе к интересующим нас вопросам. Начинать же сейчас борьбу с Харжевским, Фоссом, Драгомировым и Глобычевым нельзя и невыгодно. Очень мало шансов на то, чтобы действительно удалось захватить в свои руки активную работу.

Далее вы пишете: „я не хочу преувеличивать значимость этой системы (РОВС), так как очень многое здесь вращается вокруг пустых разговоров“. Мы эту систему отнюдь не преувеличиваем, а смотрим совершенно здраво, на основании имеющихся у нас данных, делаем выводы, изложенные в циркуляре».

Двенадцатого марта 1932 года корниловцы в Париже устроили ежегодный бал. Собирали деньги для инвалидов. Приехали председатель РОВСа Миллер, его заместитель адмирал Кедров с женой, генералы Репьев, Фок, Туркул... Собрали 3600 франков. Играл оркестр и пела Плевицкая! Гости искренне благодарили Скоблина за чудесный концерт.

В Иностранном отделе составили справку о работе Скоблина для начальства:

«13-й, он же „Фермер“.

Завербованный полтора года тому назад, он и его жена стали основными агентами группы. Человек материально независимый, отошедший одно время от основного ядра РОВС'а, он, будучи завербован, не вошел и не может войти в аппарат РОВС'а, точнее, в аппарат руководства РОВС'а, но он занял как командир одного из цветных полков официальное положение среди генералитета и, пользуясь уважением и достаточным авторитетом, стал активно влиять как на общую политику РОВС'а, так и на осуществление ее боевой работы.

Основные результаты работы 13-го сводится к тому, что он:

во-первых, ликвидировал боевые дружины, создаваемые Шатиловым и генералом Фоком;

во-вторых, свел на нет зарождавшуюся мысль у Туркула и Шатилова об организации особого террористического ядра;

в-третьих, прибрал к рукам Завадского, основного агента Фо-Па-Биде, и помимо информационного материала, как то дела о Кутепове, исследованного Заварзиным, и дела о разоблачении нашей легальной резидентуры (Марков и Сперанский), он разоблачил агента-провокатора, поданного нам французами и работающего у нас одиннадцать месяцев;

в-четвертых, донес о готовившемся убийстве Троцкого Миллером-Драгомировым-Харжевским и Фоссом;

в-пятых, выдал организацию по подготовке убийства Литвинова;

в-шестых, разоблачил работу РОВС'а из Румынии на СССР (дело Жолондковского)».

На волосок от провала

Профессиональная жизнь агента редко бывает долгой. Чем активнее он работает, тем большей опасности подвергается. Деятельность Плевицкой и Скоблина была успешной во многом потому, что им удавалось умело использовать противоречия между различными группировками внутри РОВСа, доходившие до открытой вражды.

В среде военной эмиграции шла борьба за власть, за влияние, за близость к генералу Миллеру, единолично распределявшему должности и деньги.

Лавируя в половодье интриг, Скоблин стремился сохранить независимость, поэтому каждая группа пыталась привлечь его на свою сторону, щедро делаясь информацией и замыслами. И всё же генерал Скоблин, пользовавшийся искренним расположением председателя РОВСа Евгения Карловича Миллера (высоко ценившего талант Плевицкой), нажил себе немало недоброжелателей.

Кроме того, после каждого провала задуманной РОВСом акции составлялся список тех, кто знал об операции и мог ее выдать. С некоторых пор в каждом из этих списков фигурировал Скоблин. Наступил момент, когда подозрения контрразведки РОВСа, интриги недоброжелателей и реальные просчеты советской разведки поставили Николая Владимировича в трудное положение.

Берегли его, берегли, да и не уберегли!

Как сказано в письме Иностранного отдела ОГПУ, сотрудники берлинской резидентуры, подчиненные «товарища Артема», совершили грубейшую, nepозволительную ошибку, грозившую расшифровкой Скоблина и Плевицкой.

«Артем» — оперативный псевдоним Бориса Давидовича Бермана.

Он служил в Красной армии. С 1923 года в ВЧК. В 1931 году был назначен резидентом в Германию. Его ждала большая карьера. Он станет первым заместителем начальника внешней разведки, в 1937-м — наркомом внутренних дел Белоруссии, ему присвоят высокое звание комиссара государственной безопасности 3-го ранга. А в 1938-м арестуют и расстреляют. Его брат Матвей Берман сделает еще большую карьеру — начальник ГУЛАГа, заместитель наркома внутренних дел, нарком связи СССР. Его тоже расстреляют.

Так что же произошло?

Сотрудник советской разведки, занимавшийся эмиграцией, попытался в Берлине завербовать бывшего полковника Корниловского полка Бориса Марковича Федосеенко. Он в 1916 году окончил 2-ю Ораниенбаумскую школу прапорщиков. Участвовал в Первом кубанском Ледяном походе в составе пулеметной роты Корниловского ударного полка. В Добровольческой армии в 1-м броневом автомобильном дивизионе командовал бронеавтомобилем. В отличие от главных героев этой книги Федосеенко прожил долгую жизнь и умер в 1972 году...

Полковник казался подходящим объектом для вербовки. Работал таксистом, бедствовал. Ему предложили приехать из Парижа в Берлин для важного разговора. Провели с ним вербовочную беседу, нарисовали заманчивые перспективы. Федосеенко сначала вроде как согласился, а потом, возможно испугавшись разоблачения, в мае 1932 года доложил обо всем председателю РОВСа Миллеру.

И в это дело зачем-то втянули Скоблина. Дабы предложение о сотрудничестве звучало убедительнее, вербовщик сказал полковнику Федосеенко:

— А ваш командир уже давно с нами.

Невиданное дело! Агенту никогда не называют имена других! Это одно из базовых требований конспирации. Борис Федосеенко сказал Миллеру, что Скоблин состоит у большевиков на службе. Миллер ему не поверил и выставил за дверь. Но растерянный и обозленный полковник говорил по всему эмигрантскому Парижу о том, что генерал Скоблин тоже работает на советскую разведку.

Такие слухи не редкость в эмигрантской среде. Заметных эмигрантов обвиняли в том, что они агенты ОГПУ, — это был обычный способ сведения счетов. К Федосеенко в РОВСе относились плохо, а к Скоблину, наоборот, прекрасно. Но скандал выплеснулся на страницы эмигрантских газет, и можно себе только представить, что испытали Скоблин и Плевацкая.

Обиженный отказом Миллера поверить ему, Борис Федосеенко отправился в полицию. И сообщил, что, по его мнению, русский эмигрант, стрелявший в президента Франции, — советский агент.

Шестого мая 1932 года президент Франции Поль Думер приехал в особняк Ротшильда в Париже, чтобы участвовать в благотворительной продаже книг писателей, участников Первой мировой войны. К президенту прорвался человек высокого роста в теплом пальто и пять раз выстрелил в него из пистолета прежде, чем полицейские его разоружили.

Пули попали президенту в голову, 67-летний Поль Думер был

смертельно ранен. Он умер 8 мая, не поняв, за что его убили. Президентом он стал всего год назад. Четверо его сыновей погибли на фронте в Первую мировую.

Убийцей оказался Павел Тимофеевич Горгулов, казак станицы Лабинской на Кубани. Он называл себя главой русской национал-фашистской партии. Мечтал развязать новую мировую войну ради свержения большевиков. Горгулов был антисемитом, считал, что Франция попала в руки жидомасонов. Поэтому убил французского президента.

Двадцать пятого июня 1932 года начался суд.

Эмигрант Лев Дмитриевич Любимов, сын сенатора, так описывал убийцу: «Изуродованное русское лицо, русский выговор. А в глазах, едва видных из-под кровотокащих отеков, — мелькающая быстрыми всплывками глупая, безумная, жуткая гордость. Выше ростом державших его полицейских, он стоял, словно какое-то чудовище, грозно и неумолимо наседающее на всех нас, слушающих его в оцепенении».

«Преступление было совершено иступленным, отчаявшимся эмигрантом, находившимся на грани безумия, — рассказывал писатель Илья Григорьевич Эренбург, присутствовавший на процессе в качестве корреспондента „Известий“. — Три дня я глядел на Горгулова, слушал его страстные и нелепые выкрики. Передо мною был человек, которого мог бы выдумать в часы бессонницы Достоевский.

Он кончил в Праге медицинский факультет и работал по своей специальности в небольшом городке Моравии. Это было удачей — сколько русских эмигрантов стали чернорабочими или попросту нищенствовали. Но Горгулов был человеком, неспособным приладиться к скромному существованию в чужой стране. Повсюду ему виделись подвохи, унижения. После нескольких скандалов чехи лишили Горгулова права врачебной практики, и он перекочевал в Париж; здесь он познакомился с Яковлевым, который торговал дамскими чулками и выпускал газету „Набат“.

Успехи Гитлера в те годы вдохновляли многих. Яковлев, Горгулов с десятком единомышленников по воскресеньям собирались в рабочем кафе, подымали руки вверх и кричали;

— Русь, пробудись!

Французская полиция узнала, что Горгулов незаконно принимает пациентов; у него отобрали вид на жительство. Он ненавидел французов за то, что они ведут переговоры с большевиками, а его, честного казака, верного союзника, выслали из Франции. Где-то он прочитал, что Колчака „предали французы“. На стене его комнаты висел портрет Колчака. Горгулов написал на портрете две даты: день смерти русского адмирала и

день предстоящей смерти французского президента...

Горгулов приехал в Париж с двумя револьверами; пошел в собор, молился; потом выпил литр вина; опасаясь полиции — ведь у него нет вида на жительство, — выбрал третьеразрядную гостиницу, где сдают номера на ночь или на час, для отвода глаз взял с собой проститутку, вскоре ее отослал и всю ночь писал: проклинал коммунистов, чехов, евреев, французов. Потом вышел из гостиницы и убил Думера».

Пятнадцатого сентября 1932 года убийцу французского президента казнили на гильотине.

Для русской эмиграции эта история была тяжким ударом. Отношение французов к русским ухудшилось. К тому же выяснилось, что профашистски настроенных эмигрантов хоть отбавляй.

Французская полиция заинтересовалась рассказом полковника Федосеенко.

В Иностранном отделе ОГПУ разразился скандал. Парижский резидент рвал и метал: неумелые коллеги из Берлина подставили Скоблина и Плевицкую под удар!

Москва оправдывалась 5 июля 1932 года:

«По основному вопросу — делу Федосеенко. Мы тщательно проверяем сейчас всё это дело и, считая правильными ваши предложения, дали немедленно указания Артему осторожно, не вызывая никаких подозрений, возобновить связь с Федосеенко, согласовывая все принципиального характера вопросы и письма с нами. Нужно указать вам, что по некоторым причинам, сказавшимся сейчас, мы не были в курсе весьма важных деталей этого дела, вернее, не были поставлены в известность своевременно аппаратом Артема. Отсутствие этой оперативной четкой отчетности и привело нас к создавшемуся положению.

Директивы по этому вопросу были даны немедленно телеграфно в копии вам и даются сегодня этой почтой.

Вместе с тем, учитывая то, что Федосеенко не очень-то доверяют в штабе РОВС (данные 13-го) и что его переписка, несомненно, просматривается французами, мы предложили Берлину осторожно проработать вопрос постепенной его компрометации путем дачи в последующем в дальнейших письмах намеков на ряд бывших в прошлом, якобы, заданий, которые он своим хозяевам объяснить не мог. Без утверждения нами каждого варианта такого порядка аппарат Артема писать не будет.

Мы возражаем против длительной ликвидации связи с 13-м (консервации), но предлагаем не писать писем и встречаться в ближайшее

время как можно реже. Вместе с тем укажите 13-му на необходимость в ближайшее время сжать свою активность и ни в коем случае не выпячиваться».

Масла в огонь подлило сообщение о том, что еще один корниловец будто бы подтвердил: Скоблин давно служит большевикам.

Полковник Корниловского полка Семен Гаврилович Магденко в эмиграции жил в Германии. Он был участником Ледяного похода, но о нем давно говорили как о человеке, близком к большевикам. В июле 1930 года начальник 2-го отдела РОВС Алексей фон Лампе писал Шатилову: «Полковник Магденко, который и сам не отрицает своих старых связей с большевиками, предложил мне свои услуги по разведке в России». Шатилов отсоветовал фон Лампе иметь с ним дело.

Центр информировал парижскую резидентуру: «Для вашего сведения сообщаем также, что Лампе уже начал проверять Магденко и дал ему задание провокационного характера — сблизиться с советскими сотрудниками в Берлине. Когда Магденко заявил, что у него этих возможностей нет, Лампе замял этот вопрос».

Кончилось тем, что полковника Магденко в Берлине арестовали по обвинению в шпионаже на Советский Союз. Центр успокоил парижскую резидентуру: «Магденко тринадцатого не может знать. Имеющиеся данные говорят, что он на допросах держится хорошо, пока ничего не выдал».

Семена Магденко в 1933 году выслали из Германии — нацисты избавлялись от эмигрантов, сотрудничавших с большевиками. Но попытка восстановить контакт с Федосеенко, чтобы он замолчал, завершилась полной неудачей. Теперь уже Иностранный отдел предложил законсервировать ценного агента, беспокоясь о безопасности Скоблина и Плевицкой.

Центр — парижской резидентуре 25 июля 1932 года: «После восстановления связи с известным вам Федосеенко Берлином допущена вновь ошибка. Для сохранения 13-го, которого, очевидно, сейчас Ф. П. Биде будет разрабатывать, мы предлагаем вам прервать с 13-м связь месяца на два. Обеспечить его на это время деньгами, успокоить и обеспечить восстановление связи не раньше, чем через два месяца. Если у вас будут какие-либо другие соображения, хотя это фактически является тем предложением, которые вы выдвигали с самого начала, — просим нам сообщить».

Парижская резидентура намеревалась сделать Скоблину что-то приятное — преподнести подарок. Центр запретил: «По вопросу о выдаче подарка 13-му. Мы считаем, что сейчас выдавать на руки такой подарок

было бы опасно. Мы считали бы более целесообразным приготовить такой портсигар с надписью и монограммой, показать его 13-му, но не давать сейчас на руки и заявить, что это хранится в его личном деле как награда. Мы исходим здесь из того, что лишние ценные вещи могут сейчас возбудить большое подозрение».

Роли переменялись. Парижская резидентура не хотела даже на время оставаться без такого источника информации, как Скоблин:

«Обращаю ваше внимание на то, что к 13-му Миллер и Шатилов продолжают относиться с полным доверием. Когда он донес Миллеру, что Федосеенко уверяет, что провокатор не кто иной, как Скоблин, Миллера передернуло, и он предложил Федосеенко немедленно исключить из списков полка. Когда 13-й о том же заявил Шатилову, тот ему сказал:

— Вас это не должно смущать, гадина Завадский и про меня муслирует слухи, что я не только агент большевиков, но что мне платят большевики жалованье в 2000 франков.

Только вчера Шатилов под большим секретом сказал 13-му, что решено на секретном военном совещании по докладу генерала Архангельского о VI Отделе в Чехии. Приказ об этом Миллера будет через неделю, и с участников совещания взято слово никому не говорить. Говорил 13-й с Витковским (командир 1-го корпуса). Витковский не сказал ни слова, а Шатилов 13-му сказал всё. Эрго (следовательно. — Л. М.) — верят.

Если вы осторожно будете вести дело Федосеенко, то мы 13-го, я думаю, выгородим из этой пренеприятнейшей истории».

Жизнь эмиграции проходила в бесконечных интригах, в атмосфере подозрительности и зависти. Иного и быть не могло в достаточно замкнутом мире. Агенты разных спецслужб пытались на этом заработать. Подсовывали своим связным различные слухи, выдавая их за секретную информацию.

Парижская резидентура — Центру 22 октября 1932 года:

«Шатилову стало известно, что Глобачев передал Миллеру полученный им от Завадского доклад о том, что Шатилов, Туркул и Скоблин готовили переворот против Миллера и что Скоблин и Туркул с этой целью посетили комиссара Фо-Па-Биде, стремясь привлечь его на свою сторону. Шатилов добавил, что донос определенно построен так, чтобы восстановить Миллера против него, Скоблина и Туркула.

Шатилов полагает, что надо принять решительные меры против провокатора Завадского, тем более что есть предположения о том, что Фо-Па-Биде уходит.

Миллер, по-видимому, будет говорить со Скоблиным по этому поводу, но Туркула вызывать не будет, так как боится его боевитости».

Упомянутый в шифровке генерал-майор Константин Иванович Глобачев был начальником Петроградского охранного отделения. В эмиграции жил в Германии. Драгомиров пригласил его в Париж работать по специальности: проверять сомнительные дела.

В данном случае Шатилов поддержал Скоблина потому, что и сам стал жертвой слухов. Он ходил к Миллеру объясняться и оправдываться и заодно говорил о клеветнической кампании против Скоблина. Но Миллер и так однозначно занял сторону старых друзей и Плевицкую со Скоблиным в обиду не давал.

Пока в русской эмиграции происходило бурное выяснение отношений, Скоблин чуть было не отправился на тот свет. В парижской резидентуре советской разведки о тяжелой болезни Скоблина узнали случайно, потому что уговорились месяц не встречаться. Разведчик, который непосредственно работал с генералом, помчался в больницу. Когда он приехал, Скоблин чувствовал себя уже вполне прилично.

«а) С 13-м чуть было не приключилось большое несчастье. Последние месяцы он лечится от малокровия, впрыснули ему какую-то сыворотку, и после 18-го укола он серьезно заболел. Дней семь тому назад он чуть не отдал богу душу, его оперировали. Заявили врачи, что опоздай они на час, у пациента было бы общее заражение крови. Я узнал о его состоянии случайно. Условились мы с ним месяц не встречаться, и не позвони я ему, так и не узнал бы, что с ним приключилось».

Я его видел. Состояние теперь хорошее. Он поправляется. Лежит и лежа печатал для нас копию доклада Шатилова — „положение на Дальнем Востоке на фоне местной обстановки“. Но больше полутора страниц печатать не мог. Еще полторы странички я перепечатал на его машинке, а потом решил снимать на фото, так как на печатание ушло бы слишком много времени.

Использовать для печати этот доклад нельзя. Ни в коем случае. Это не только, как мы выражаемся, будет угрожать провалом, погубит его окончательно.

б) Заодно я печатал с его слов ряд сообщений — ответы на поставленные вами в последних письмах вопросы.

в) К 13-му относятся прекрасно. 23-го у него побывали: Шатилов, Фок, Туркул. Миллер каждый день звонит, пару раз по телефону справился насчет состояния больного».

Но история с полковником Борисом Федосеенко не закончилась. После

двух с половиной лет молчания он написал обширный рапорт, в котором изложил всю историю с вербовкой. 30 машинописных страниц попали генералу от кавалерии Эрдели, новому начальнику 1-го отдела РОВСа.

Иван Егорович Эрдели окончил Академию Генштаба. В 1917-м командовал армией на Юго-Западном фронте. Участвовал в Корниловском мятеже, воевал в Добровольческой армии.

Генерал Лукомский вспоминал: «Иван Егорович был прекрасным товарищем, хорошим офицером Генерального штаба, но очень легкомысленным по части женского пола. Во время войны он командовал, кажется, 14-й кавалерийской дивизией, а затем принял пехотную дивизию и в 1917 году дошел до командования армией. Действовал храбро, но в боях его сопровождала неудача. Он подтвердил старую истину об „удачниках“ и „неудачниках“. Так вот он на поле брани был неудачником, хотя и действовал хорошо. Эта неудачливость его преследовала и в период борьбы с большевиками на Юге России».

В эмиграции Эрдели работал таксистом, играл на пианино в кинематографе во время демонстрации фильмов. В 1934 году Миллер поставил бывшего сослуживца во главе 1-го отдела РОВСа. Эрдели ухватился за рапорт Федосеенко. История со Скоблиным давала возможность отличиться. Эрдели пригласил к себе Федосеенко. После беседы с ним назначил негласное расследование. Но генерал Миллер воспротивился расследованию:

— Скоблин выше всяких подозрений.

Евгений Карлович хранил верность друзьям.

«Скоблин постарался превратить свои и Плевицкой отношения с генералом Миллером и его семьей в близкие и дружественные, — говорили в среде эмиграции, — оказывая старику-генералу всяческие знаки внимания и почтения, бывая в семье Миллеров и часто приглашая их к себе на виллу под Парижем. Генерал Миллер явно не оставался равнодушным к проявлениям такой „преданности“».

Евгений Карлович не очень хорошо себя чувствовал. Очень уставал от интриг внутри эмиграции. Инстинктивно избегал неприятностей. В мае 1934 года пригласил к себе адмирала Кедрова, сказал, что чувствует себя крайне переутомленным, не спит и осмотревший его профессор Алексинский категорически рекомендовал полный покой. Миллер хотел серьезно полечиться и временно передать свои обязанности генералу Абрамову. Но Федор Федорович Абрамов предпочитал оставаться в Болгарии. Так что Миллер остался на своем посту.

А скандал с Федосеенко только разгорался. Копию своего доклада

генералу Эрдели он показал нескольким людям, в том числе одному из сотрудников Завадского-Краснопольского. А тот отнес в редакцию «Возрождения».

Николай Николаевич Алексеев, заместитель главного редактора газеты «Возрождение», выступавший под псевдонимом «Али-Баба», не мог упустить сенсационный материал и написал статью.

Грузовик мчался на полной скорости

Обширной агентурной сетью советской политической разведки среди русской военной эмиграции в центральном аппарате разведки руководил Сергей Михайлович Шпигельглас. В судьбе Плевицкой и Скоблина он сыграл особую роль.

Шпигельглас родился в Варшаве в 1897 году, окончил реальное училище, поступил на юридический факультет Московского университета. Прямо со студенческой скамьи его призвали в царскую армию, он был прапорщиком в запасном полку. После революции служил в Московском военном комиссариате.

В 1918 году Сергея Шпигельгласа взяли в особый отдел (военная контрразведка) ВЧК. Работал в контрразведывательном и оперативном отделах, потом попал в Иностраный отдел, поскольку свободно говорил по-немецки, по-французски и по-польски. Жена одного из разведчиков описывала его так: «Шпигельглас — толстый, светловолосый маленький человек с выпуклыми глазами».

Он был умелым и изобретательным разведчиком. Бумаги, подписанные Шпигельгласом, выдают в нем смелого и решительного оперативника и очень отличаются от сухих и лишенных налета интеллекта донесений его коллег по разведке. В середине 1930-х годов он подолгу нелегально жил в Западной Европе, в том числе и в Париже, чтобы непосредственно руководить наиболее важной агентурой. Сергей Михайлович ценил Плевицкую и Скоблина, сам ими занимался.

Шпигельглас выбрал себе оперативный псевдоним, который сегодня кажется, мягко говоря, странным — «Дуче». Так именовали вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини. Но в начале 1930-х слово «дуче» не звучало так одиозно. Советский Союз поддерживал с фашистской Италией полноценные отношения.

Когда разгорелись страсти из-за разоблачений полковника Федосеенко, Шпигельглас находился в Париже. Ему и пришлось гасить скандал вокруг Скоблина и Плевицкой. Он требовал выяснить, по чьей вине лучшие агенты оказались под угрозой разоблачения, и наказать виновных.

Его возмущенные послания поступали в 7-й (иностраный) отдел Главного управления госбезопасности НКВД, где на их основе составили справку:

«Дуче сообщает, что в „Возрождении“ в № от 27 января 1935 года

появилась статья о разоблачениях Федосеенко. 13-му угрожает провал, ибо Федосеенко нашел защиту в лице Эрдели. Дуче пишет, что его многочисленные и настойчивые просьбы в течение двух лет подвергнуть формальному расследованию данные о том, что 13-й был выдан врагу сотрудником нашего органа, остаются без внимания. Считаюсь с необходимостью твердо знать, при каких обстоятельствах в свое время разгласили государственную тайну, настаивает на привлечении виновного к ответственности.

Наше решение Дуче просит сообщить».

Руководитель 7-го отдела оставил резолюцию: «Запросите Дуче, что он предполагает предпринять. Мы не знаем, что опубликовано, поэтому трудно дать директиву».

В справке отметили: «Дуче сообщили, что из-за отсутствия статьи о Федосеенко дать директиву не можем, он запрошен о предпринятых им мерах к сохранению 13-го».

Иначе говоря: решай сам, что делать.

Тем временем ветераны Корниловского полка вступились за Скоблина. 30 января 1935 года в русских газетах появилось письмо корниловцев:

«Мы, корниловцы, слишком хорошо знаем служебную, общественную и личную жизнь нашего возглавителя, чтобы у кого-нибудь могла возникнуть хоть небольшая тень сомнения в безукоризненной преданности его тому делу, ради которого мы стойко переносим все невзгоды изгнания в полной уверенности, что наши силы под руководством нашего доблестного начальника еще понадобятся в борьбе за нашу родину.

Мы, корниловцы, все, как один, встанем на защиту доброго имени того, кто в течение всего боевого периода Гражданской войны вел нас для выполнения нашего долга. Все мы воодушевлялись примером нашего неизменного начальника. Мы умеем повиноваться, но мы сумеем и защитить нашего начальника.

Наш начальник вне подозрений. Сам факт расследования оскорбителен для нас, корниловцев, тем более, что оно было бы выполнено по клеветническому выступлению большевистского агента.

Это письмо подписано старшими корниловцами, находящимися в Париже, но оно направляется от имени всех решительно корниловцев, не потерявших связи с своими знаменами, бережно хранимыми генералом Скоблиным.

Начальник группы корниловцев во Франции и в Париже полковник Трошин

Полковой адъютант штабс-капитан Григуль».

Изложившее историю Федосеенко «Возрождение» — ежедневная газета, выходившая в Париже с 1925 года. Издавал ее меценат и общественный деятель Абрам Осипович Гукасов, младший брат крупного нефтепромышленника Павла Осиповича Гукасова. О Федосеенко написали и «Последние новости», самая популярная в эмиграции газета. Она издавалась в Париже с апреля 1920 года, на ее страницах печатались все заметные писатели-эмигранты. Редактором был Павел Николаевич Миллюков, бывший депутат Думы и министр иностранных дел во Временном правительстве.

Полковник Федосеенко не рассчитывал на такого рода популярность, которая ему самому принесла больше вреда, чем пользы. Через две недели после статьи в «Возрождении» собрались офицеры Марковского полка.

Девятого февраля 1935 года агент по кличке «Юркий» информировал своего куратора из парижской резидентуры:

«В связи с появлением в „Возрождении“ статей о провокаторе в руководстве РОВС среди марковцев отмечается значительное оживление. 6 февраля состоялось собрание марковцев, специально посвященное этому вопросу. Зачитывалось обращение Миллера к марковцам с призывом не верить „темным силам“, стремящимся сеять раздор среди руководства РОВС. Миллер призывает не верить провокатору, пытающемуся очернить Скоблина и т. д. Среди собравшихся господствовало настроение озлобления против Федосеенко и мнение о том, что он — провокатор, желающий скомпрометировать Скоблина.

Полковник Щавинский утверждает, что Федосеенко в свое время был завербован полковником Магденко из Берлина. Вообще в РОВС'овских кругах полагают, что вся работа советской агентуры ведется из Берлина. После собрания хотели собрать группу марковцев с целью пойти избить Федосеенко на стоянке его такси (Федосеенко — ночной таксист, имеет постоянную остановку на Пляс Пигаль).

Вообще дело Федосеенко сильно переполошило и оживило как круги марковцев, так и „Белой идеи“, причем руководство и того, и другого прилагает все усилия использовать это обстоятельство для подъема духа и активности. Параллельно с почти единодушным возмущением по адресу Федосеенко в этих кругах усиливается недоверие к нынешнему руководству РОВС'ом. Марковцы по призыву полковника Щавинского отказались от взносов в „фонд спасения родины“ в знак того же недовольства».

Подполковник Вадим Всеволодович Щавинский в Гражданскую воевал в составе марковской артиллерийской бригады. В эмиграции нашел

место чернорабочего на фабрике, потом стал таксистом. Со временем именно он возглавит 1-й отдел РОВСа.

Сергей Шпигельглас в Париже бил тревогу и требовал активных действий. В Москве же сохраняли завидное спокойствие.

Тринадцатого февраля 1935 года в 7-м отделе составили очередную справку:

«Дуче в ответ на его запрос сообщено, что поднятая Эрдели шумиха является повторением полностью истории, которая в свое время была предметом обсуждения в РОВС'е, в результате чего Федосеенко был исключен из состава полка как провокатор. Насколько нам известно, это было санкционировано Миллером. Поднятая кампания сейчас никаких новых моментов не выдвигает.

Мы понимаем, что обстановка для 13-го во много сложнее, ибо за дело взялся Эрдели, но вместе с этим положение 13-го у Миллера сейчас значительно солиднее, нежели в момент возникновения всей истории в прошлом. Исходя из того, что в этом деле ничего сейчас не выдвигается, считаем что 13-й должен решительно придерживаться прежних позиций, которые привели его в свое время к реабилитации. Еще раз повторяем, что о 13-м Магденко не мог знать от Олега.

Дуче предложено принять исключительные меры предосторожности при встречах с 13-м, ибо допускаем за ним наблюдение».

Мимо громкой истории не мог пройти известный журналист Владимир Львович Бурцев, разоблачитель знаменитых агентов охраны Евно Фишелевича Азефа, руководителя боевой организации партии эсеров, и Романа Вацлавовича Малиновского, бывшего члена ЦК и главы фракции большевиков в Государственной думе.

Владимир Львович Бурцев родился 29 ноября 1862 года. В 20 лет за участие в студенческой сходке был арестован и отправлен в ссылку. Из ссылки бежал. Во Франции издавал журналы и сборники по истории революционного движения. После революции вернулся в Россию. Власть большевиков не признал, обвинял их в тайных связях с Германией. В октябре 1917 года был арестован. Когда его освободили, уехал за границу. Обосновался он в Париже и неутомимо искал в среде эмиграции агентов Кремля.

Владимир Бурцев жил в гостинице, в небольшой комнате, заваленной книгами, газетами, журналами, бумагами. Бурцев был человеком «своеобразным и каким-то несуразным», как описал его Дмитрий Мейснер, сотрудник газеты «Общее дело».

«Вскоре мне пришлось побывать в Париже, — писал Мейснер, — и

увидеть Бурцева дома, тогда уже старого, высохшего человека. Жил он в крохотной комнатке третъеклассной гостиницы, у него было холодно, бедно, грязно, неустроенно...

Бурцев издавал вначале ежедневную газету, ставшую потом еженедельной; позже он перешел на журнал, еще позже на маленький журнальчик, выходивший от случая к случаю, когда заводились деньги. Бурцев был тщеславен, но бескорыстен. Он предпочитал голодать, но от своей фантастической „миссии“ отказаться не мог... Я и сейчас помню его комнатку, кипы газетных вырезок на двух стульях, которые он тщетно стремился разгрузить, чтобы посадить гостя и сесть самому».

Бурцев возмущался пассивностью французской полиции в борьбе с большевистскими агентами в Париже. Особенно его поражало нежелание французов искать советский след в похищении генерала Кутепова.

— Ясно же, что генерал был похищен большевиками! — внушал Бурцев всем, кто желал его слушать. — Начали следствие, были многочисленные допросы, исписали груды бумаги. Но никто из большевиков не был привлечен к делу. Не только никого не арестовали или обыскали, но никого даже не осмелились допросить в качестве свидетеля!

Что же удивляться, заключал Бурцев, что большевики могут и похищать людей, и убивать их, и сухими выходить из воды.

Агент по кличке «Аллигатор» сообщил парижской резидентуре:

«4 февраля 1935 года к Бурцеву явился полковник Федосеенко и попросил выслушать его, чтобы затем, если Бурцев сочтет это нужным, выступить на его защиту.

Федосеенко рассказал всю свою историю относительно своей работы с большевиками, с которыми он связался в Берлине через посредство своего знакомого, а также о том, как он узнал, что с большевиками же работает и генерал Скоблин. Рассказ Федосеенко ничем не отличается от тех по этому делу данных, которые приведены в газете „Последние Новости“. Заявил также Федосеенко Бурцеву и о том, что он подал начальнику 1-го отдела РОВС'а генералу Эрдели подробный письменный по этому делу доклад, требуя назначения расследования.

Впечатление, которое получилось у Бурцева от рассказа Федосеенко, таково, что Федосеенко как будто бы искретен, но, несомненно, в его рассказе есть некоторые неточности и преувеличения, может быть, даже и непонимание сущности того дела, в которое он ввязался. Но не это важно для Бурцева. Для него самым существенным является то, что члены РОВС'а продолжают вести двойную игру с большевиками, действуя при этом не только с ведома, но и, несомненно, даже по указаниям своих

высших начальников. Такую игру Бурцев всегда считал недопустимой и преступной, ибо, по его мнению, лица, вступающие в такого рода сношения с большевиками, не могут не сообщать им весьма важные сведения, не получая от них взамен решительно ничего, кроме денег.

По мнению Бурцева, нет никаких сомнений, что именно такого рода двойную игру с ведома Миллера вел и генерал Скоблин, которого теперь разоблачает Федосеенко, который, несомненно, в своей игре с большевиками зашел очень далеко и затем сам испугался, чем только и можно объяснить его признание во всем Миллеру.

Бурцев считает, что так оставить дело нельзя и необходимо печатно протестовать против такого рода приемов руководителей РОВС'а, но для подобного выступления у Бурцева пока средств нет. После 4 февраля Бурцев ожидал к себе опять Федосеенко, но до сегодняшнего дня он к нему не явился. Тем не менее Бурцев не теряет надежды вызвать к себе Федосеенко и получить от него дополнительные сведения для выступления в печати с обвинением руководителей РОВС'а».

Участие в этом скандале еще и Бурцева, к которому в эмиграции прислушивались, тревожило Сергея Шпигельгласа. Он хотел выяснить намерения знаменитого разоблачителя.

Семнадцатого февраля 1935 года к Владимиру Львовичу Бурцеву наведалься Павел Павлович Дьяконов. Как он выразился, «для совершенно секретного разговора». Генерал и журналист познакомились давным-давно и были друг с другом откровенны.

Рапорт агента по кличке «Аллигатор» незамедлительно поступил в парижскую резидентуру советской разведки:

«Бурцев сообщил Дьяконову подробности. Федосеенко, видимо, был не особенно доволен приглашением Бурцева и сначала держал себя очень сдержанно, но затем, после заверений Бурцева, что он преследует только одну цель — осветить это дело всесторонне, при чем в нем он считает главными виновниками вовсе не Федосеенко или Скоблина, а руководителей РОВС'а — генерала Миллера и Шатилова, которые не в первый уже раз провоцируют своих подчиненных на ведение двойной игры с большевиками, начал откровенничать и рассказал Бурцеву всё, прося его защитить от тех нападков, которым он в настоящее время подвергается.

Федосеенко сообщил, что в связи с большевиками он вошел по предложению и через посредство некоего полковника Магденко, который заверил его, что в борьбе с большевиками все средства хороши, а потому необходимо использовать имеющуюся возможность войти с ними в связь, чтобы, во-первых, получать от них деньги, а во-вторых, постараться

одновременно получить от них сведения, которые могли бы оказаться полезными для борьбы белых с Советами.

Для установления контакта с представителями большевиков Федосеенко был вызван в Берлин, причем деньги на дорогу были ему заранее высланы. Здесь он познакомился с тем, кто должен был являться его руководителем в работе, получил от него задания и возвратился в Париж. Никому решительно из руководителей РОВС'а и вообще кому бы то ни было он в то время о своей связи с большевиками не говорил. Затем в одно из свиданий со своим руководителем он узнал от последнего, что в Париже готовится покушение на президента Думера, причем исполнителем этого покушения должен явиться „полусумасшедший русский эмигрант“. Это заявление очень встревожило Федосеенко, и он тогда же решил предупредить об этом французские власти и послал такого рода предупреждение в виде анонимного письма в Сюрте Женераль.

После убийства Думера, совершенно потерявши голову и очень напуганный, Федосеенко решил рассказать обо всём Миллеру, к которому он и явился. Однако Миллер, выслушав его, не дал ему никаких практических указаний, а только посоветовал ему прекратить всякую связь с большевиками, при этом обещав решительно никому о своей беседе с ним не говорить.

Федосеенко через несколько дней вызвали к генералу Скоблину, который являлся его начальником как глава корниловского объединения. Скоблин сразу же заявил ему, что знает решительно всё относительно его истории от Миллера, но что он не только не советует ему бросать свою работу с большевиками, но, наоборот, очень убеждает его продолжить поддерживать связь с ними, чтобы попытаться получить от них ценные для белых сведения. Одновременно же Скоблин сам заявил Федосеенко, что в этих самых целях он также состоит в связи с большевиками.

Федосеенко решил было последовать совету Скоблина, но через несколько дней, к своему большому удивлению, он получил по почте приказ по корниловскому объединению. Почти одновременно же прервали с ним связь и большевики, и на свои к ним письма он никакого ответа не получал. Такие совпадения событий Федосеенко ставит в определенную связь со своим разговором со Скоблиным и считает, что именно он и предупредил большевиков относительно двойной игры Федосеенко.

В результате всего этого Федосеенко подал генералу Эрдели как начальнику 1-го отдела РОВС'а письменный доклад с подробным изложением всей его истории и с просьбой назначить расследование относительно и его самого, и генерала Скоблина.

Бурцев отправил Эрдели письмо, в котором в очень корректных выражениях просил его с ним повидаться, чтобы переговорить о деле Скоблина раньше, чем он выступит в печати. В ответ последовал телефонный звонок. Бурцева вызвал состоящий при Эрдели корнет Кирилл Анатольевич Половцев и заявил, что Эрдели просит его повидаться с Бурцевым и от его имени дать все ответы на вопросы. При этом Половцев добавил, что в данном случае он является наиболее доверенным лицом генерала Эрдели.

Это свидание состоялось на другой же день на квартире у Бурцева. Из разговора с Половцевым выяснилось следующее:

Эрдели, получив рапорт Федосеенко, доложил его Миллеру и заявил при этом, что он не считает возможным оставить это дело без последствий и полагает, что необходимо назначить по нему расследование. Миллер первоначально категорически отказал в этом, но затем вновь вызывал к себе Эрдели и сообщил, что он признает возможным поручить расследование этого дела уволенному бывшему прокурору Григорьеву как специалисту подобного рода дел. Однако с таким решением вопроса Эрдели не согласился и ответил Миллеру, что подобного рода келейное разбирательство дела никого не удовлетворит и что необходимо произвести более широкое расследование при непосредственном участии лиц, которые пользуются доверием военных кругов, чтобы успокоить возбуждение, в кругах этих, несомненно, растущее. С такого рода постановкой вопроса Миллер не согласился, и на этом всё дело пока и застопорилось.

На вопрос Бурцева — известно ли что-либо Эрдели относительно позиции, которую предполагает занять Скоблин, Половцев ответил, что у них имеются сведения, что Скоблин считает себя выше всяких подозрений и обвинений, а потому просто никому и никаких по этому делу объяснений давать не намерен.

Половцев сообщил, что Эрдели смотрит на Бурцева в данном деле как на своего союзника и рассчитывает на его поддержку в своих требованиях относительно полного расследования дела Скоблина. Из разговора Бурцев вынес впечатление, что Эрдели находится в нерешительности и не знает, что ему надо делать дальше. Видимо, он очень рад, что за дело это взялся Бурцев.

Сам Бурцев считает, что главным действующим лицом во всей этой истории является не сам генерал Скоблин, а его жена Плевицкая.

В 1918 году, во время борьбы Красной армии с белой, Плевицкая находилась в СССР и в качестве народной певицы разъезжала по фронту, давая свои концерты, чтобы подбодрить красноармейцев на борьбу с

белыми. Во время одной из таких поездок она вместе с отрядом красных, где она давала свой очередной концерт, попала в плен к белым и немедленно же перекрасилась в антибольшевичку. Здесь она и познакомилась со Скоблиным, сошлась с ним, а затем и вышла за него замуж.

В Константинополе, в период перехода Слащёва к красным, Плевицкая упорно уговаривала Скоблина последовать его примеру, убеждая его тем, что она как русская народная певица легко может там хорошо устроиться и продвинуть и своего мужа. Однако Скоблин на это не согласился.

Ходили затем слухи о сношениях Плевицкой с большевиками и в парижской эмиграции. В частности во время ее поездки по Америке лица, организовавшие эту поездку, убедились, что в этом деле участвуют большевики, и порвали с Плевицкой. Тогда же эти лица предупреждали Бурцева о подозрительности Плевицкой, но Бурцев за неимением достаточно основательных фактических данных выступить против нее не считал возможным.

Бурцев предполагает, что если обвинения Скоблина правильны, то в деле связи его с большевиками главную роль играла Плевицкая. Даже может быть, что сам Скоблин и ни при чем, но Плевицкая вследствие своей близости к мужу знала о всех делах и могла сама всё передавать большевикам. Во всяком случае, по мнению Бурцева, огромное значение имеет тот факт, что по точным имеющимся у него сведениям до похищения Кутепова Скоблин с женой очень бедствовали, а затем у них неизвестно откуда появились крупные средства, и они начали вести широкий образ жизни».

Всё это представляло большую опасность для Плевицкой и Скоблина.

Но сказалась своего рода корпоративная солидарность. Эрдели слишком явно хотел играть первую скрипку в РОВСе и настроил против себя бывших командиров частей Добровольческой армии. Преследование Скоблина воспринималось как недостойная попытка вывести из игры влиятельную фигуру. Большинство генералов заняли сторону Скоблина.

Сергей Шпигельглас писал из Парижа 6 марта 1935 года:

«Опасность, угрожавшая 13-му, принудила нас к исключительной выдержке, а возникавшие варианты контрмер подвергались многократному анализу и в конце концов отпадали, признавались несостоятельными, не говоря уже о тех, которые мы не в силах были осуществить.

Ряд способов (телефонные звонки, анонимки) воздействия на командный состав в смысле „разоблачения“ Ивана Эрдели казались действенными, но от них пришлось отказаться, потому что все они имели и

свою обратную сторону. Лучшим оказалось выжидание. Положение 13-го теряет постепенно свою остроту, но остается по-прежнему опасным. Метод „тихой сапы“ Эрдели, просачиваясь наружу и становясь ощутимым для головки РОВС'а, превращается в свою противоположность, создавая угрозу для самого Эрдели.

Есть некоторые шансы, что как только Миллер до конца осознает „вредительскую“ линию Эрдели, он предложит ему оставить пост начальника 1 отдела».

Для Скоблина и Плевицкой одна неприятность следовала за другой. Поздно вечером 27 февраля 1935 года супруги попали в автокатастрофу.

О случившемся парижская резидентура узнала из газеты «Последние новости», где было написано, что Надежду Плевицкую и Николая Скоблина извлекли из автомобиля в бессознательном состоянии и доставили в больницу. 1 марта газета сообщила:

«Известная певица Н. В. Плевицкая и ее муж ген. Скоблин стали третьего дня жертвами тяжелой автомобильной катастрофы.

В среду, около 10 часов вечера, Н. В. Плевицкая и ее муж возвращались из Парижа в Озуар-ла-Феррьер в своем автомобиле. Близ Венсена на машину их наскочил грузовик, неожиданно выехавший на дорогу слева. Удар был так силен, что автомобиль сплюснулся.

Н. В. Плевицкая и ген. Скоблин были извлечены из машины в бессознательном состоянии и доставлены в госпиталь, где им была оказана первая помощь. Вчера утром ген. Скоблина перевезли в клинику „Мирабо“, где его должны радиографировать. Состояние его не внушает опасений. В клинике „Мирабо“ находится и Н. В. Плевицкая, получившая ряд сильных ушибов и общее сотрясение. Популярная артистка надеется, что, несмотря на полученные ранения, ей удастся выступить 7 марта в концерте в пользу строящейся в Озуар-ла-Феррьер церкви».

Центр потребовал разъяснений от парижской резидентуры: что случилось со столь важным агентом? И вообще что это — случайность или покушение?

В личном деле Скоблина появилась справка: «Дуче сообщено, чтобы он немедленно сообщил подробности катастрофы с 13-м, состояние его здоровья и причины его молчания по этому случаю».

Шпигельглас сам рвал и метал:

«Я умышленно не осведомил об этом несчастном случае по телеграфу, ибо опасно доверить шифру такого рода сообщение. Я сижу, как на иголках, ни позвонить по телефону, ни посетить их не могу. Рассчитываю, что она (Плевицкая. — Л. М.), выписавшись из больницы первой, найдет

способ со мной связаться. Но предположение, что именно 13-й будет назначен Миллером центральным руководителем всей активной работы, становилось уже совсем реальным, но временно отпало из-за того несчастья, которое постигло 13-го».

Шпигельглас доложил, что грузовик мчался на большой скорости и автомобиль Скоблина разбит всмятку. Уцелели Надежда Васильевна и Николай Владимирович только потому, что дверца машины от удара открылась, и они выпали на мостовую прежде, чем машину сдавило так, что от сидений ничего не осталось. Плевицкая выпала первой и отделалась ушибами. Скоблину сделали радиографию, как тогда именовалось рентгенологическое обследование. Диагностировали перелом руки, трещины лопатки и ключицы. Лечение обошлось им в кругленькую сумму.

Скоблин чувствовал себя виновным в том, что произошло в тот вечер. Конечно, в реальности виноват был водитель грузовика, но Николай Владимирович думал: если бы они выехали чуть позже, если бы он вовремя свернул. Если бы... Словом, переживал, что подверг опасности жизнь Надежды Васильевны.

Шпигельглас нашел способ навестить Скоблина в больнице.

Написал в Центр 9 марта 1935 года:

«Видел 13-го. Правая рука, лопатка и ключица пострадали. Из строя он вышел на недели три. Она в синяках — и ничего больше. Паломничество к ним — непрерывное.

Миллер бегает к нему чуть ли не каждый день — за советом: привязан он к нему необычайно. Он сознался 13-му, во-первых, в том, что всю работу Жолондковского он свертывает, во-вторых, в том, что он готов все средства мобилизовать на северное направление с тем, чтобы к маю перебросить к нам через Финляндию группу террористов, в-третьих, в том, что он вынужден Харжевского направить на место Подгорного только потому, что он Харжевского просто боится, зная, что Харжевский — демагог, от которого можно ждать не только скандала, но и гадости. Поэтому, он говорит, нужно Харжевского купить, нужно платить ему хотя бы 400–500 франков в месяц».

Необходимо пояснить, о ком и о чем идет речь.

Полковник Владимир Ефремович Жолондковский окончил Псковский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище, служил в Марковской артиллерийской бригаде. В эмиграции жил в Бухаресте и руководил переброской агентуры через румынскую границу. Капитан 1-го ранга Яков Иванович Подгорный служил на Черноморском флоте, эвакуировался с эскадрой в Тунис. В Чехословакии руководил группой

галлиполийцев. В 1939 году, после оккупации Чехословакии вермахтом и раздела страны, он возглавит отдел РОВСа в протекторате Чехии и Моравии.

Северное направление, то есть переброска боевиков РОВСа через финскую границу, было предметом постоянного беспокойства чекистов. Этим маршрутом пользовался один из самых заметных в эмиграции боевиков — капитан Ларионов.

Виктор Александрович Ларионов в 1917 году был выпущен прапорщиком из Константиновского артиллерийского училища. После октябрьского переворота поехал на Дон и присоединился к Добровольческой армии. Участник Ледяного похода, он был ранен в первых же боях. После эвакуации из Крыма капитан Ларионов уехал в Финляндию, где у него были родственники. Но искал он не тихий приют, а плацдарм для боевых действий против большевиков.

Первого июня 1927 года Ларионов беспрепятственно перешел советскую границу, а вместе с ним ученики русской гимназии в Гельсингфорсе (Хельсинки) — Сергей Соловьев и Дмитрий Мономахов. 7 июня в Ленинграде — в лекционном зале Центрального партийного клуба на набережной Мойки, дом 59, они бросили гранаты в участников собрания агитационно-пропагандистского отдела коммуны. Ранили 26 человек. И благополучно ушли в Финляндию.

Ларионов в 1931 году выпустил книжечку под названием «Боевая вылазка в СССР» о том, как он взорвал Центральный партклуб:

«„Ответный террор против коммунистической партии“ — вот лозунг, наиболее действенный в борьбе с палачами... Было восемь вечера и три четверти. Белый вечер, сырой и теплый... У подъезда Партклуба стоит милиционер. Он скосил на нас взгляд и отвернулся. Поднимаемся вверх, идем по коридору... Дверь распахнута. Я одну-две секунды стою на пороге и осматриваю зал... Столик президиума посреди комнаты... Вдоль стен — ряды лиц, слившихся в одно чудовище со многими глазами... На стене „Ильич“ и прочие „великие“, шкафы с книгами. Вот и всё, что я увидел за эти одну-две секунды.

Я говорю моим друзьям одно слово: „можно“ — и сжимаю тонкостенный баллон в руке. Дмитрий и Сергей берутся на полу над портфелями, спокойно и деловито снимая последние предохранители с гранат. Сергей размахивается и отскакивает за угол. Секунда тишины, и вдруг страшный нечеловеческий крик:

— Бомба!

Я кинул баллон в сторону буфета и общежития и побежал вниз по

лестнице. На площадке мне ударило по ушам, по спине, по затылку звоном тысячи разбитых одним ударом стекол: это Дима метнул свою гранату».

Теракт в лекционном зале Центрального партийного клуба в Ленинграде превратил Виктора Ларионова в кумира радикальной эмигрантской молодежи. Во Франции он создал боевую группу «Белая идея», исповедовавшую фашистские идеи. Боевое прошлое и репутация бесстрашного героя помогли ему отобрать в «Белую идею» 20 молодых людей, которых он учил стрелять, бросать гранаты, изготавливать и закладывать взрывчатку, ориентироваться на местности и маскироваться.

Ларионов занимался с ними даже русским языком: они должны были отвыкнуть от привычных «старорежимных» слов и обогатить словарный запас новой, послереволюционной лексикой, принятой в Советской России. Боевики «Белой идеи» пытались переходить финскую границу, чтобы раствориться в Ленинграде.

Представителем РОВСа в Финляндии был генерал-майор Северин Цезаревич Доливо-Добровольский. В Гражданскую войну он служил в Архангельске военным прокурором у генерала Миллера, когда тот возглавлял правительство Северной области.

По личному поручению Миллера Скоблин ездил в Финляндию и обсуждал с генералом Добровольским планы разведывательных и диверсионных акций против Советского Союза. Когда Скоблин заблаговременно узнавал о планах капитана Ларионова, сообщал советской разведке. Иностранный отдел предупреждал пограничников, и боевиков перехватывали уже на границе.

Виктор Ларионов подозревал, что где-то есть предатель. Поэтому парижская резидентура пыталась отвлечь внимание от Скоблина, а если удастся, то и перевести стрелки на самого Ларионова, чтобы возбудить против него подозрения в штабе РОВСа.

Тридцать первого августа 1935 года сотрудник парижской резидентуры информировал Центр о придуманной им оперативной комбинации.

«Дал задание 13-му, чтобы он в очередной беседе с Миллером (это будет, очевидно, в понедельник) высказал свои подозрения в отношении Ларионова как о возможном виновнике всех провалов.

Мотивы и доказательства:

Ларионов недоволен своим положением. Честолюбивые замыслы руководят поступками. Не исключена возможность, что его действиями руководят лица, находящиеся в оппозиции к руководству РОВСа. Например: Шатилов, находящийся в хороших отношениях с Ларионовым, или Туркул.

Это общие тезисы для беседы Скоблина с Миллером.

Ваше мнение по существу изложенного телеграфъте. Во всяком случае, пуская эту версию, я никакому другому вашему решению вреда не принесу».

В 1938 году французское правительство выслало Ларионова в нацистскую Германию. В 1939 году он создал там Национальную организацию русской молодежи. В 1941-м в роли корреспондента газеты «Новое слово» поехал в оккупированный немцами Смоленск. Служил у генерала Власова в Русской освободительной армии. После разгрома Германии чекисты до него не добрались. Он дожил до преклонных лет и умер в Мюнхене...

Когда Плевицкая и Скоблин оказались в больнице, все увидели, как Миллер привязан к своим друзьям. Несчастье в определенном смысле пошло Надежде Васильевне и Николаю Владимировичу на пользу. Эмиграция сочувствовала певице и ее храброму мужу.

Еще 18 февраля 1935 года уверенный в себе Скоблин, кипя праведным гневом, подал рапорт Миллеру с просьбой передать рассмотрение дела Федосеенко в суд чести. Но это было даже излишним. Миллер ответил отказом, заявив генералу Витковскому, что у Скоблина «безупречная репутация». Николай Владимирович настаивал. 11 июня Миллер всё же приказал суду чести разобрать дело. Председателем суда назначил генерал-лейтенанта Стогова.

Николай Николаевич Стогов Первую мировую войну закончил начальником штаба Юго-Западного фронта. Вступил в Красную армию и был назначен начальником Всероссийского главного штаба. 13 апреля 1919 года его арестовали чекисты, подозревали, что он затеял антибольшевистский заговор. Стогов бежал к белым. Стал начальником штаба Кубанской армии. Был комендантом Севастополя в момент эвакуации Крыма. В 1930 году Миллер сделал Стогова начальником канцелярии председателя РОВСа. Кусонский являлся его заместителем.

Допросили свидетелей. 6 июля 1935 года суд признал «возведенные г. Федосеенко обвинения против генерал-майора Скоблина необоснованными и ничем не подтвержденными». 10 июля довольный Миллер написал Скоблину: «Примите от меня сердечные приветствия по случаю окончания этого неприятного для Вас, Надежды Васильевны и всех нас дела».

Но неприятности буквально подстерегали Скоблина и Плевицкую.

Сотрудник парижской резидентуры доложил Шпигельгласу 10 ноября 1935 года:

«Над 13-м навис „злой рок“: одна беда ползет следом за другой. На

прошлой неделе у него украли машину. Увели ее около галлиполийцев. 13-й подозревает, что это дело рук туркуловской банды. Был он этим случаем сильно удручен, но понемногу успокоился. Машина застрахована, и ему, очевидно, возместят ее фактическую стоимость.

Теперь недостает, чтобы у меня сперли машину. Я решил устроить в ней потайной замок к контакту, всё же меньше шансов, что ее сопрут. Ну и дела!»

С Туркулом советская разведка здорово промахнулась. Пути Скоблина и Туркула разошлись. Антон Васильевич, охваченный желанием свергнуть руководство РОВСа и взять власть в свои руки, превратился в вождя радикалов. В этом качестве он напрочь раздружился со Скоблиным и, как считали разведчики, делал ему всякие гадости.

В Париж ушла еще одна шифровка, а в личное дело Скоблина положили короткую справку: «Дуче сообщено, чтобы он обратил внимание на вновь начавшийся разговор о материальном положении 13-го, источниках его дохода и пр. (ИНД от 11 февраля), а также необходимо подготовить 13-го к возможному объяснению и предложить ему войти в рамки бюджета с таким расчетом, чтобы получаемое от нас содержание не проявлялось для посторонних».

Шпигельглас быстро ответил Центру:

«Финансовая сторона 13-го меня не беспокоит. У 13-го всё подсчитано, сведены все его расчеты, начиная чуть ли не с 1922 года. У него должны быть в сейфе деньги, акции или ценные бумаги.

Чтобы показать Миллеру и только Миллеру, а не подпоручикам Ивановым, с какими деньгами она (Плевицкая. — Л. М.) возвращается из турне, я купил здесь к тем леям, какие 13-й привез с собой, еще 100 000 лей (это 8000 франков). Пакет солидный, мы показали Миллеру, потом произвели обмен на франки. Потеря ничтожная. Я считаю нужным купить на 25 000 франков (минимум) — ценных бумаг (скажем, французскую ренту) и положить их в сейф 13-го (у него есть в банке сейф).

Я прошу вас разрешить мне самостоятельно распоряжаться железным фондом во всех случаях, когда я по ходу дела вижу необходимость производить денежные комбинации. Ведь в самом деле опыт показал, что я деньгами не швыряюсь — раз, что в моих же интересах — быть сугубо осторожным — два, что запросы по телеграфу не всегда для вас понятны, ибо исчерпать по телеграфу все „за“ и „против“ невозможно, — три.

Наконец, с точки зрения оперативной, мой железный фонд должен быть эластичным, он должен служить нашему делу, в противном случае он превращается в мертвый груз, который, пожалуй, безопаснее хранить у вас,

чем у меня».

Но откуда в Центре вообще узнали, что руководство РОВС проявляет нездоровый интерес к материальному положению Плевицкой и Скоблина? И что означает аббревиатура ИНД, которая всё чаще стала встречаться в шифропереписке парижской резидентуры с Центром? Это длинная история, связавшая Плевицкую и Скоблина с еще одним видным в эмиграции человеком.

Окороков, «Ветчинкин» и Третьяков

Можно предположить, как изумились бы не только деятели русской эмиграции, но и многие видные парижане, узнай они тогда, что Сергей Николаевич Третьяков работает на советскую разведку. Третьяков! Крупнейший российский промышленник, до Октябрьской революции — один из бесспорных лидеров московских деловых людей, министр Временного правительства, министр в Сибирском правительстве адмирала Колчака... В первые годы эмиграции эта фигура была заметнее Плевицкой и Скоблина. Но постепенно он отошел в тень. Устроиться на чужбине он не смог. Мучительно искал выхода. И нашел.

Началось всё с того, что в мае 1929 года сотрудник парижской резидентуры провел конспиративную встречу с агентом по кличке «Ветчинкин». Отчет 10 мая отправил в Иностранный отдел:

«На днях я лично встретился с „Ветчинкиным“. Говорил с ним о его работе по освещению Торгпрома и кругов бывших промышленников. Кое-какие возможности у него намечаются. Подробный доклад он представит следующей почтой.

„Ветчинкин“ сообщил, что Третьяков, заместитель председателя Торгпрома, отошел сейчас от деятельности в Торгпроме, так как последний не имеет средств его оплачивать. Причем из имевшихся с ним разговоров у „Ветчинкина“ сложилось впечатление, что Третьякова можно завербовать. „Ветчинкину“ мы дали 40 американских долларов».

После этой беседы в судьбе Сергея Третьякова наступил переломный момент, определивший всю его последующую жизнь и раннюю смерть.

В Москве в Иностранном отделе составили справку о Третьякове:

«Пользуется хорошей репутацией в русских торгово-промышленных кругах и главным образом по своему прошлому. Является представителем Союза в различных общественных организациях. Служит для связи Союза с французскими правительственными и общественными учреждениями, так как безукоризненно владеет французским языком, и еще в Петербурге в период Временного правительства по личному поручению Керенского находился в связи с французской военной миссией.

Его жена, Наталия Савишна Мамонтова, разошлась с ним и живет в настоящее время с Расторгуевым. Она располагает некоторыми средствами, принадлежащими ей лично, и имела в своем распоряжении бриллиантовый фонд, совместно с мужем.

Сын Сергей окончил Американский институт в Париже, работает в американском яхт-клубе, живет с американкой. Две дочери имеют шляпную мастерскую. Сестра Ольга — художница, живет в Страсбурге с художником Поповым».

Внук основателя Третьяковской галереи Сергей Николаевич Третьяков родился 26 августа 1882 года. Окончил физико-математический факультет Московского университета. Руководил Костромской льняной мануфактурой, председательствовал во Всероссийском объединении льняных фабрикантов, в Московском биржевом комитете.

Третьякову покровительствовал известный промышленник Павел Павлович Рябушинский, который вовлек его в общественную и политическую деятельность. Третьяков стал заместителем председателя Московского военно-промышленного комитета, заместителем председателя Всероссийского союза торговли и промышленности. В 1917-м его избрали в Московскую городскую думу по списку кадетской партии.

Ему дважды предлагался пост министра торговли и промышленности во Временном правительстве. В июне он отказался из-за только что принятого закона об увеличении налогообложения промышленности. В июле отказался, потому что не мыслил работы в правительстве вместе с эсером Виктором Михайловичем Черновым — взгляды на экономическую политику у них были противоположными.

Тем не менее Третьяков был уверен, что правительству всё равно понадобятся «люди житейского опыта». Он сказал коллегам:

— Нам нужно в любой момент быть готовыми прийти на помощь своей родине, хотя сейчас мы не видим поддержки, и наоборот, всюду и везде нас травят.

Сергей Николаевич все-таки согласился войти во Временное правительство в роли председателя Экономического совета (в ранге министра) 27 сентября 1917 года. А через месяц большевики совершили военный переворот.

Третьяков среди других министров, арестованных в ночь с 25 на 26 октября, попал в казематы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Октябрьские дни 1917 года остались страшным воспоминанием. Толпа, ворвавшаяся в Зимний дворец, — этого он забыть не мог. Считал, что только случай спас его от смерти.

В ночь на 7 января 1918 года в Мариинской тюремной больнице пьяные матросы убили министра финансов Андрея Ивановича Шингарева и государственного контролера Федора Федоровича Кокошкина. Министров положили в больницу, потому что у них оказалась открытая

форма туберкулеза. Наказывать никого не стали — «свои»... После этого усилиями политического Красного Креста Третьякова и еще троих министров перевели в тюремную больницу. Там не было красноармейцев, еще оставалась старая тюремная охрана.

Писательница Зинаида Гиппиус записала в дневнике: «29 января 1918, понедельник. Выпустили (тишком и за деньги) Третьякова и Коновалова. Один от неожиданности заплакал, другой упал в обморок».

Успешный костромской промышленник и бывший депутат Думы Александр Иванович Коновалов был министром торговли и промышленности, а по совместительству заместителем Керенского. Именно он вел последнее заседание Временного правительства 25 октября 1917 года.

Одиннадцать лет спустя Москва санкционировала вербовку бывшего министра.

Парижская резидентура — Центру 21 июня 1929 года:

«Третьего дня Третьяков приехал в Париж. „Ветчинкин“ написал ему в тот же день и получил от него прилагаемый при сем ответ. Вчера состоялось их свидание и первый предварительный разговор. Опуская детали разговора, передаю некоторые выводы: Третьяков по-прежнему очень нуждается в деньгах, просил одолжить 500 франков, разочарован в эмигрантском движении, у „Ветчинкина“ интересовался, как ему послужит у большевиков. После этого „Ветчинкин“ уверен, что вербовка удастся.

Единственное, чего мы опасаемся, это того, что Третьяков по солидности лет и по своему прошлому положению не пойдет на роль информатора, а попытается повернуть дело в сторону „сменовеховства“ и официальной службы у нас, полагая, что мы гонимся за его „декларацией“ и тем „потрясающим впечатлением“, какое произведет на эмиграцию его уход к нам. К сожалению, и сам „Ветчинкин“ еще недостаточно усвоил роль нашего вербовщика. Следующее свидание состоится у них завтра. Выработали с „Ветчинкиным“ план вербовочного, так сказать, разговора. О результатах сообщим».

Но агент-вербовщик очень старался. И добился успеха, о чем парижская резидентура доложила Центру 26 июня 1929 года: «С Третьяковым половина дела сделана. Он дал свое согласие на работу с нами. Остается более трудная часть, воспитать этого „старого“ деятеля в нужном нам духе и наметить план его использования. Об этом в следующем письме».

Решительный разговор агента с Третьяковым всё расставил на свои места. Против ожидания бывший министр легко согласился работать на

Москву: «Третьяков предъявил следующие требования: в виде обеспечения „на будущее“ единовременно двадцать пять тысяч франков (тысяча американских долларов) и ежемесячно 200 долларов. Мы полагаем, что о единовременном взносе и речи быть не может, а на 150 долларов в месяц нужно согласиться для начала. Просьба с обратной почтой сообщить, нет ли с вашей стороны возражений. Сообщите также ваши указания о планах использования Третьякова».

«Ветчинкин» — прозрачный псевдоним Александра Матвеевича Окорокова. Инженер, предприниматель, владелец небольшого дрожжевого завода в Барнауле, председатель Алтайского союза кооператоров, он после революции ушел в политику. Окороков стал комиссаром Временного правительства в Алтайской губернии, депутатом Сибирской областной думы.

При Колчаке ненадолго оказался на высоких постах. Товарищ министра (с мая 1919) и министр (с 9 ноября 1920) торговли и промышленности Временного Российского правительства адмирала Колчака. То есть он был заместителем Третьякова, а затем сменил его на посту министра.

А как сам Сергей Третьяков оказался в Омске?

После Октябрьской революции он от греха подальше уехал из Петрограда, а в 1918-м перебрался в Париж, где жил до сентября 1919 года. Пока его от имени адмирала Александра Васильевича Колчака, Верховного правителя России, не пригласили вернуться в Россию, в Сибирь, чтобы войти во Временное Сибирское правительство. Некоторые историки считают его самой законной властью в России после осени 1917 года. Сибирское правительство управляло обширной территорией от Зауралья до Забайкалья, а фактически подчинило себе и Дальний Восток.

Третьяков согласился и пустился в путь, который оказался долгим. До Омска, который превратился в столицу Сибири, он добирался месяца три — через Пекин и Токио.

«На омском горизонте, — вспоминал управляющий делами колчаковского правительства Георгий Константинович Гинс, — появился новый человек всероссийского масштаба, европейского лоска, не скомпрометированный еще никакими провинциальными сплетнями, не сделавший еще никаких ошибок, которые были неизбежны у других, работавших полтора года. Это был С. Н. Третьяков. Он прибыл в Омск в начале октября. Здесь его знали как крупного промышленника, московского деятеля и члена кабинета Керенского».

Третьякову хотели предложить пост председателя Совета министров.

Едва он приехал в Омск, как адмирал с ним встретился. Гинс поинтересовался у Колчака:

— Как он вам понравился?

— Третьяков произвел на меня хорошее впечатление, — ответил адмирал, но заметил, что Третьяков всё же мало знает Сибирь: — И не подходит как представитель крупного капитала.

Спустя минуту прибавил:

— Вот Пепеляев — энергичный человек и понимает военные задачи.

Адмирал назначил председателем Совета министров Владимира Николаевича Пепеляева, который годом раньше, будучи министром внутренних дел, помог ему взять власть в Омске. Его младшего брата Анатолия Пепеляева, популярного в войсках, Колчак произвел в генерал-лейтенанты и назначил командующим 1-й Сибирской армией.

Третьяков получил портфель министра торговли и промышленности.

«С его приездом связывались надежды на реорганизацию правительства, — вспоминал Гинс. — Я и сам надеялся, что Третьяков окажется подходящим премьером, но первые мои впечатления были не в его пользу... Мои сомнения в Третьякове основывались, главным образом, на впечатлении от тона и характера его реплик, всегда подернутых тенью скептицизма и разочарованности».

Третьякову не хватало бойцовских качеств. Однажды в неурочный час Гинса вызвал Колчак. У него сидел Сергей Николаевич. Адмирал был взволнован:

— Вот министр торговли говорит, что правительство слишком неактивно, чтобы спасти Сибирь, и что он не может больше оставаться членом правительства...

Колчак заметил, что всякий раз, когда дела на фронте ухудшаются, растет число желающих подать в отставку.

Третьяков вспыхнул:

— В таком случае я остаюсь.

Они с Гинсом вышли из кабинета Колчака. Третьяков негодовал:

— Если меня считают трусом, то, конечно, я не уйду и докажу, что я не трус...

Он прибыл в Омск, когда уже началась агония колчаковской власти.

Пепеляев пытался сговориться с эсерами и меньшевиками и создать единый антибольшевистский фронт. Предложил войти в правительство Александру Александровичу Червен-Водали, видному деятелю военно-промышленных комитетов, и крупному предпринимателю Павлу Афанасьевичу Бурьшкину, который избирался в Московскую городскую

думу, а в войну стал членом Центрального военно-промышленного комитета. Они оба приехали к Колчаку помочь наладить взаимодействие фронта и тыла. Согласились войти в кабинет при условии, что Третьяков станет заместителем председателя Совета.

«Всё зависело от того, согласится или нет Третьяков, — вспоминал Георгий Гинс. — Ему трудно было дать согласие. Он пережил тяжелую ночь в Зимнем дворце, и теперь, когда положение правительства было не лучше, он должен был выразить согласие вновь riskовать своей жизнью».

И всё-таки Третьяков согласился.

Журналистам он объяснял:

— К заверениям большевиков о готовности идти на уступки следует относиться с исключительной осторожностью. Они заявляют это только для того, чтобы привлечь на свою сторону иностранцев. Я знаю цену этим заявлениям и непоколебимо уверен, что кровавая диктатура Ленина и Троцкого ни на шаг не может приблизиться к тому, что мы понимаем под истинно демократическими методами управления страной.

Сергею Николаевичу определено не везло. На сей раз его министерская карьера уместилась в три месяца — с ноября 1919-го по январь 1920 года. Но его счастье, что он не стал премьер-министром. Владимир Пепеляев, которого предпочел Колчак, 7 февраля 1920 года был расстрелян вместе с адмиралом.

Сергей Третьяков вернулся во Францию. Александр Огороков эмигрировал в Японию, оттуда перебрался в Китай и, наконец, во Францию. Здесь они вновь встретились.

В эмиграции безукоризненно владевший французским языком, имевший широкие связи Третьяков оказался в первом ряду. В 1921 году оказавшиеся за границей русские предприниматели объединились в Российский торгово-промышленный и финансовый союз (Торгпром).

— На нас лежит колоссальная обязанность, — говорил Павел Рябушинский, — возродить Россию. И, не в пример прошлому, к нам придут и другие. В прошлом мы были одиноки. Русская интеллигенция не шла к нам, чуждалась нас; она жила в мечтах, относилась к нам — людям практики — отрицательно... Но я уверен, что русская интеллигенция поймет уроки настоящего и изменит свое отношение... А мы должны научить народ уважать собственность как частную, так и государственную, и тогда он будет бережно охранять каждый клочок достояния страны.

Сергей Третьяков был очень активен, играл заметную роль во всех дискуссиях. Председатель Торгпрома Николай Хрисанфович Денисов ревновал Третьякова, к которому проявлял интерес великий князь Николай

Николаевич.

Еще возлагались большие надежды на перемены в России. В 1921 году, когда началось восстание в Кронштадте, Третьяков предлагал собирать деньги для кронштадтцев, для голодающих в России. Но ситуация в России быстро менялась. А деньги кончились еще быстрее.

Никанор Савич, бывший депутат Думы, записал в дневнике 22 сентября 1922 года:

«Видел Третьякова, очень удручен сведениями из России, считает положение безнадежным: надо ждать, запастись терпением, откуда-то почерпнуть энергию, чтобы жить, ведь у меня семья большая.

Он вел переговоры со своим бывшим управляющим. Тот проявил беззастенчивую грабительскую психологию. Даже не скрывает и не отказывается говорить, что грабил Третьякова, участвовал в ограблении нескораемого шкафа, причем завладел „портретом Врангеля в золотой раме, но уже после оказалось, что рама не золотая, а накладного золота“. Предлагались Третьякову обручальные кольца его матери и отца, кои он выманил у матери Третьякова, бывшей в крайней бедности, за небольшую денежную поддержку. Словом, определенный тип большевистской психологии перерождается в исступленного грабителя. Таких много, и они заменят прежних чекистов-фанатиков.

Третьяков так убит, что, видимо, мечтает о том, чтобы вступить в соглашение с большевиками, получить от них хоть часть дела обратно на правах долгосрочной аренды. Ясно совершенно, что предложи ему сейчас большевики сделку — примет с радостью. Но гордость еще пока не позволит „просить“».

Савич точно почувствовал, что Сергей Николаевич Третьяков созрел для сотрудничества с советской властью. А Москву он очень интересовал.

Дзержинский отправил записку начальнику Иностранного отдела Меиру Абрамовичу Трилиссеру (он восемь лет руководил разведкой, получил орден Красного Знамени): «Прошу взять как задание найти пути для проникновения в „Русский Торгово-Промышленно-Финансовый Союз во Франции“ для наблюдения за их связями с Россией и иностранными государствами. Прошу доставить мне их издания как гласные, так и негласные».

По сведениям ИНО, в начале 1920-х годов Торгпром помогал деньгами Борису Савинкову. И деньги знаменитому террористу передавал именно Третьяков. В ИНО полагали, что Торгпром глубоко законспирировал свою работу. Вот почему весьма перспективной представлялась разработка такой фигуры, как Сергей Третьяков. А его прежде всего интересовали деньги.

Парижская резидентура — Центру 16 августа 1929 года:

«Разработка уперлась в следующее обстоятельство: Третьяков согласился на ту сумму, ежемесячную, которую мы, с вашего согласия, ему предложили, но он заявляет, что у него уже на сегодняшний день в результате всей его прежней деятельности имеются целый ряд сведений, что он их не может нам сообщить в порядке его постоянного сотрудничества с нами (за месячное вознаграждение) и что за эти сведения он требует единовременного вознаграждения. Сумму он запросил весьма несусветную: через „Ветчинкина“ никак не удастся получить те сведения, которыми он располагает (о чем они), Третьяков на эти вопросы отвечает: „большевики сами прекрасно знают, что я могу дать“.

В общем нужно рискнуть на личную встречу с Третьяковым. Свое согласие он дал, и на будущей неделе эта встреча должна состояться. Ничего не поделаешь, придется осуществить эту встречу до получения от него материалов, на основании которых мы могли бы судить, не подходит ли он к нам с провокационной целью. Встреча, конечно, будет обставлена с максимальной предосторожностью».

Личная встреча всё решила.

Парижский резидент — Центру 25 октября 1929 года:

«Тщательно взвесив обстановку, я всё же нашел возможным продолжать разработку Третьякова. В дальнейшем буду именовать его „Ивановым“. Имел с ним второе свидание. Положительно у него есть все данные для того, чтобы стать крупным нашим работником.

Если его согласие с нами — не провокация, то из этого дела выйдет толк. Официально его положение следующее: он заместитель председателя эмигрантского комитета, заместитель председателя Торгпрома, второй редактор „Иллюстрированной России“. Кроме этого у него есть целый ряд отличнейших связей, и он может стать крупным работником не только по эмиграции. Даже внешность у него для этого подходящая: высокий, красивый мужчина, изящно одевается, говорит на всех европейских языках и т. д.

Вчера мы с ним торговались. Я ему дал сто долларов, он должен завтра дать свой первый материал, и если по этому материалу будет решено продолжать с ним связь, я ему дам вторые 100 долларов, и всё. А дальше наступают нормальные отношения с месячной оплатой. Вряд ли он пойдет на то, чтобы обжулить меня на каких-нибудь сто долларов.

Расписку его препровождаю при нашем отчете. Он не возражал против того, чтобы подписать ее настоящей своей фамилией, но в отношении этого мне казалось целесообразным выкинуть жест, и я предложил ему

подписать ее псевдонимом (Иванов). Посмотрим, каков будет его завтрашний материал».

Итак, Сергей Николаевич Третьяков стал агентом советской разведки на год раньше Скоблина и Плевицкой. Они, конечно же, были знакомы. Наверное, Надежда Васильевна и Николай Владимирович с сожалением наблюдали, как разрушается жизнь одного из самых заметных промышленников России. Но такие истории в эмиграции были не редкость. Пройдет время, и они узнают друг о друге то, что держалось в глубокой тайне от всех остальных. Они узнают, что все трое работают на советскую разведку.

А поначалу вербовщики не очень представляли, какую, собственно, информацию можно получать от Третьякова.

Парижская резидентура — Центру 1 ноября 1929 года: «Задание для нашего нового источника „Иванова“ нужно серьезное, такое, на котором мы могли бы проверить источника, его действительное желание работать с нами, но в то же время не такое, при выполнении которого ему пришлось бы указать связанных с белыми лиц, находящихся в СССР. Мы не хотели бы с первых же дней ставить перед ним вопрос о том, что ему кого-то придется в СССР выдавать. Это у него связано с представлением о немедленных арестах, расстрелах и т. д.».

На следующий день Центр попросил парижскую резидентуру уточнить: «По вопросу о Третьякове: просьба сообщить, встречаетесь ли вы лично с ним. Не может ли это послужить к провалу источника? Вообще наличие этого источника считаем ценным, и, вероятно, при изменении конъюнктуры или в другой форме, чем это можно сейчас, источник используем».

Парижская резидентура ответила 9 ноября 1929 года:

«Вы правы, встречи с „Ивановым“ (условимся впредь так именовать Т.) сопряжены, конечно, с известным риском для обеих сторон, но другого выхода как будто бы нет. Когда удастся его более или менее проверить, можно будет поставить вопрос о передаче его какой-нибудь другой линии.

Остро стоит вопрос о необходимости его проверки в кратчайший срок на конкретных ответственных заданиях. Период взаимного знакомства прошел, вкус к деньгам он уже приобрел, теперь можно начинать нажимать на него и требовать серьезных вещей. Поэтому просьба прислать мне несколько конкретных и серьезных заданий.

„Иванов“ по своему положению должен знать абсолютно всё, что делается в Торгпроме. Отвильнуть незнанием он не сможет. Не найдется ли у какого-либо из этажей здания законченная или полужаконченная

разработка, в которой был бы запутан Торгпром? На таком деле легче всего его проверить».

Центр предупредил парижскую резидентуру 16 ноября 1929 года: «Мы не совсем уверены, что „Иванов“ не ведет двойной игры и что здесь исключена провокация».

Начало сотрудничества с бывшим министром совпало с высшей степени неприятным для чекистов событием. Советник полпредства в Париже Григорий Зиновьевич Беседовский попросил политического убежища у французов. Третьяков был напуган: не выдаст ли его Беседовский? Но Беседовский не знал о вербовке Сергея Николаевича. Разведчики никогда не сообщали дипломатам имена своих агентов. Но Беседовский даст показания, когда будут судить Плевицкую. И расскажет о работе чекистов в Париже...

Григорий Зиновьевич Беседовский — анархо-коммунист до революции, левый эсер в 1917-м, член украинской партии левых социалистов-революционеров (боротьбистов) — в 1919-м, большевик с августа 1920 года. Выпускник Харьковского сельскохозяйственного института, он руководил губернским советом народного хозяйства в Полтаве.

В январе 1922 года Беседовского отправили на дипломатическую работу — консулом Советской Украины в Вену, в ноябре перевели в Варшаву. Хотели командировать в США, но американцы не дали визы. Его послали советником в Токио, где он исполнял обязанности полпреда и торгпреда. В Наркомате иностранных дел отмечали: «Очень способный и хороший работник с большим кругозором, инициативой и знаниями». И в кадровом аппарате ЦК его очень ценили. Осенью 1927 года командировали в Париж первым советником.

Но он не поладил с полпредом Валерианом Савельевичем Довгалевским и вторым советником полпредства Жаном Львовичем Аренсом. Коллеги писали на него доносы в Москву. Осенью 1929 года, после отъезда полпреда Беседовский остался за хозяина. Именно в этот момент доносы возымели действие.

Двадцать восьмого сентября 1929 года политбюро постановило: «Отозвать т. Беседовского согласно его просьбе из Франции и предложить ему в день получения шифровки выехать в Москву со всеми вещами и все дела немедленно сдать т. Аренсу». Но Беседовский отказался передавать дела до возвращения полпреда Довгалевского.

Неподчинение приказу считалось невиданным и недопустимым делом. На следующий день ему отправили грозную телеграмму: «На предложение

ЦК сдать дела и немедленно выехать в Москву от Вас до сих пор нет ответа. Сегодня получено сообщение, будто бы Вы угрожали скандалом полпредству, чему мы не можем поверить. Ваши недоразумения с работниками полпредства разберем в Москве. Довгалева ждать не следует. Сдайте дела Аренсу и немедленно выезжайте в Москву».

В Париж отправили разбираться старого большевика Бориса Анисимовича Ройзенмана, члена президиума Центральной контрольной комиссии и члена коллегии Наркомата рабоче-крестьянского контроля. Он занимался заграничными делами. Его напутствовали: «Дело в парижском полпредстве грозит большим скандалом. Необходимо добиться во что бы то ни стало немедленного выезда Беседовского в Москву для окончательного разрешения возникшего конфликта. Не следует запугивать Беседовского и проявить максимальный такт».

Борис Ройзенман устроил Беседовскому разнос, обвинил в уклонении от партийной линии и потребовал, чтобы тот немедленно выехал в Москву. После в высшей степени неприятной беседы Григорий Зиновьевич обнаружил, что он уже взят под стражу. Фактически глава полпредства хотел выйти на улицу, но его не выпустили!

— Товарищ Беседовский, есть приказ не выпускать вас из посольства, — сообщил ему охранник. — Будьте добры возвратиться в свою комнату.

Тот взорвался:

— Как вы смеете говорить со мной таким тоном? Забыли, что я поверенный в делах!

Он сделал шаг к двери. Охранник выхватил из кармана револьвер:

— У меня есть приказ товарища Ройзенмана не выпускать вас из посольства. Я отвечаю головой. Предупреждаю, что если вы сделаете еще одно движение, я вас застрелю.

Григорий Беседовский не стал рисковать. Он вышел в сад, перебрался через стену полпредства, не очень высокую, подтянулся и перелез. Пошел прямо в полицию и попросил политического убежища. И помощи, чтобы забрать жену и сына. В восемь вечера вернулся с полицией на улицу Гренель и забрал жену и десятилетнего сына Артура. Советским дипломатам ничего не осталось, как их отпустить.

Восьмого октября 1929 года московские «Известия» опубликовали заявление ТАСС с запоздалыми обвинениями в уголовщине:

«Бывший советник полпредства Беседовский, который в прошлом вел образ жизни далеко не по средствам, растратил значительную сумму денег, доверенную ему, и оказался не в состоянии отчитаться за нее.

Беседовский сделал попытку представить инцидент как политический,

коим он в действительности не является, поскольку носит чисто уголовный характер. Надеюсь, что это отвлечет внимание от его действий, он стал распространять ложную версию, будто бы он и его семья подверглись в здании полпредства домашнему аресту и их жизнь находится в опасности. Полпредство заранее отвергает любые домыслы».

«Известия» назвали Беседовского «пошлым развратником и вором», получившим во Франции трибуну для антисоветских измышлений. 8 января 1930 года его заочно приговорили к десяти годам тюрьмы. В эмиграции он стал заметной фигурой, со знанием дела рассказывая о том, что происходит в Советском Союзе.

Связной Третьякова констатировал настроение нового агента: «Напуган здорово бегством Беседовского и возможностью предательства в наших рядах. Беспокоится, не станет ли известна и его фамилия».

Москва велела парижской резидентуре успокоить Третьякова и поручить именно ему следить за Беседовским и другими перебежчиками: «„Иванову“ не трудно будет не только ориентировать о работе группы Беседовского, но и быть полезным в смысле персональных подходов к кому-либо из лиц парижской эмиграции, прямо соприкасающихся с Беседовским и его группой. „Иванов“ мог бы ориентировать вас о техническом персонале, работающем при Беседовском, „Иванова“ следует использовать в качестве наводчика к работникам и связям Беседовского».

В Москве сразу высоко оценили Третьякова. Поэтому для работы с ним подобрали нового сотрудника разведки. Перед первой встречей с Третьяковым он получил напутствие из Центра:

«Источник весьма крупный, с большими перспективами в будущем, и мы рассчитываем добиться через него ряда серьезнейших разработок.

Необходимо поставить перед источником вопрос об освещении деятельности вредительских организаций и отдельных вредителей. Этот вопрос был перед ним поставлен и прежде, но к выполнению его как следует он еще не подошел. Правда, по некоторым его материалам документального характера были раскрыты вредители в СССР. Об этом, между прочим, источнику не говорите, а то он начнет требовать деньги. Но всё то, что он в этой области дал до сих пор, не представляет десятой части того, что он мог бы дать.

Необходимо, чтобы он связался с отдельными крупными промышленниками, ведущими вредительскую работу в СССР, а главное — чтобы он выявил, существует ли и если существует, то где и в каком городе, тот центр, который объединяет и руководит деятельностью вредителей.

Мы полагаем, что Торгпром этим центром не является.

В работе с источником учтите, что он, хотя разочаровался в эмиграции, нами он еще далеко не очарован. Подходит он к нам осторожно, сохраняя подчас еще враждебное отношение к нам, имеющиеся у него сведения дает скупое, дает под большим нажимом, под угрозой лишения денег. Дает ровно столько, сколько, по его мнению, необходимо, чтобы оправдать получаемое у нас жалование.

Поэтому в отношении его нужно проявлять всё время особую осторожность. Демонстрируйте „недовольство“, требуя всё время большего. Нажимать на него следует всюду, прибегая к комбинированному методу денежного зажима и обещания выдать крупную сумму в случае, если он раскроет что-либо серьезное. На его попытки отделаться всякими архивными материалами Торгпрома не идите пока что, отказывайтесь от этих материалов как не представляющих интерес. Требуйте от него оперативного выявления вредителей, сидящих у нас в СССР, имена, фамилии, линии связи, организационную структуру.

Он вам будет предлагать материалы, письма, всякие блестящие комбинации (вся активная эмиграция — его знакомые, его друзья). Не разбрасывайтесь, а с самого начала возьмите в отношении его четкую линию: выявление вредителей. Как только он почувствует, что вы проявляете интерес ко всяким документам исторического характера, он на этом успокоится и большего не даст. Поэтому требуйте от него оперативной работы, а исторические документы всегда успеем получить.

Работает он с нами пока что исключительно из-за денег. Денег он у вас будет вымогать всяческими путями, держитесь твердо установленного месячного оклада, обещая ему крупную выдачу, если он раскроет какую-либо серьезную организацию в СССР. Проверяйте его всё время и вообще проявляйте в отношениях с ним большую осторожность. Жулик он большой. Фигура очень интересная и крупная. Сделать он может многое, и вашей главной задачей является это „многое“ из него выудить.

Платили мы ему сначала 200 долларов в месяц, причем было обусловлено, что к концу декабря он разовьет максимально свои связи, так как он этого еще не сделал, то мы ему из этих 200 выплачиваем (как было в январе и феврале) только 100 американских долларов (с целью нажима) с тем, что остальные 100 откладываются у нас на „текущем счете“ с тем, что когда он покажет работу, то ему будут они выплачены. В смысле денежных взаимоотношений с ним предоставляем вам полную свободу».

Ключевая фраза из зашифрованного письма Иностранного отдела ОГПУ в парижскую резидентуру звучит так: «Мы полагаем, что Торгпром не является центром, который объединяет и руководит деятельностью

вредителей». Это признание дорогого стоит: через несколько месяцев в обвинительном заключении прокуратуры по делу Промпартии именно Торгпром будет назван главным центром вредительства в Советском Союзе. Иначе говоря, в разведке знали, что к чему, но вынуждены были выполнять прямые указания руководства ведомства госбезопасности.

Новый связной встретился с Третьяковым. Побеседовав, послал в Центр подробный отчет. Отозвался о Третьякове самым пренебрежительным образом. Агент ему сильно не понравился:

«Он хочет заработать. Вряд ли этот тип удовлетворится 100–200 долларами, которые ему удастся в ближайшее время с нас содрать. „Интерес“ к деньгам большой и нескрываемый. Разворачивается осторожно, сведения дает скупно. Чувствуется, что внимательно приглядывается и изучает своих будущих хозяев, стараясь отделаться на это время чепухой и общими разговорами о том, что „эмиграция мертва, что нет ничего интересного, что не представляет себе, чем вызван наш интерес к ней и т. д.“.

Вряд ли благородством поймешь этого прожженного типа, но чувствуется, что он ожидал всяких ужасов, — расписок, обязательств и т. п. аксессуаров пресловутой руки ЧК. Ничего этого не было, даже разговор об этом не поднимался. Более того, несмотря на выраженное мною ему при личном свидании резкое недовольство его докладом, обещанные 100 долларов всё же были уплачены (совсем как у английских лордов). Это его озадачило. Предел нашему благородству — 200 долларов (из которых 100 уже уплачены), это та сумма, на которую нужно рискнуть, даже если мы немедленно не получим никакого эквивалента (в виде ценных сведений).

В разговоре он между прочим заявил, что единственная группа, которой, по его мнению, нам следовало бы интересоваться, — это кутеповцы и что у него там найдутся кой-какие приятели. С Кутеповым он в личных хороших отношениях и может с ним встретиться в любой день».

Сергей Третьяков действительно постоянно думал о деньгах, потому что он их лишился. Он всегда был богатым человеком и внезапно обеднел. Покидая Россию, даже не предполагал, что очень быстро останется ни с чем. Эмигранты поначалу не верили в то, что советская власть просуществует долго. Поэтому Рябушинский приобрел у Третьякова права на принадлежавшую ему Большую Костромскую льняную мануфактуру — с перспективой: когда большевиков скинут, завод его. Уплатил сто тысяч долларов. Но деньги у Третьякова быстро кончились.

Жена его — Наталья Саввишна, дочь знаменитого промышленника Саввы Мамонтова, создала Комитет русских женщин при центральном

представительстве Российского общества Красного Креста во Франции для помощи русским беженцам и военным служащим, эвакуированным из России. Она истратила все свои деньги на благотворительность. Оставшись без гроша, торговала парфюмерией. Дочь шила шляпки.

Третьяков нашел работу у известного в прошлом петроградского журналиста Мирона Петровича Миронова, который с 1924 года издавал в Париже еженедельный журнал «Иллюстрированная Россия». Миронов даже удостоился ордена Почетного легиона. Редактировать журнал Миронов попросил Александра Ивановича Куприна.

Сергей Николаевич Третьяков ведал подпиской и собирал платные объявления для журнала. Агент по рекламе — мелкая, унижительная должность для бывшего министра. Он впал в тоску, стал пить. Пытался покончить с собой — принял большую дозу веронала, но его дочь успела вызвать «скорую помощь». Об этом стало известно.

После вербовки в Париже Третьяковым заинтересовались смежники — советские разведчики в Берлине. Доложили в Москву, что есть подходящий объект для, как говорят профессионалы, вербовочного подхода. Свои услуги предложил агент А-208: «Будучи в Париже, часто встречался и был в самых лучших отношениях с бывшим председателем правления Большой Костромской мануфактуры Третьяковым Сергеем Николаевичем. Третьяков — чрезвычайно умный и разносторонне образованный человек, тесно связанный своим воспитанием и прошлым с купеческим миром. Ввиду своей большой роли, которую он играл в свое время в промышленных кругах России, и резкого контраста теперешней обстановки Третьяков в 1926 году впал в отчаяние и сделал попытку покончить жизнь самоубийством. Его в последний момент вынули из петли. Этот факт известен крайне ограниченному кругу лиц и обращаться с ним нужно осторожно».

Третьякова часто передавали от одного связного к другому.

Оперативный работник, который его завербовал, написал ему 30 июня 1930 года:

«Дорогой Сергей Николаевич!

Напишите, пожалуйста, в срочном порядке мне адрес, по которому Вам могло бы написать лицо от моего имени. По-моему, Вашу встречу с этим лицом можно было бы организовать следующим образом: давайте условимся — местом встречи назначим кафе „Генри IV“, что на улице Пляс де ла Бастиль и Бульвар Генри IV. Днем свидания назначим среду, 5 часов.

Вы сообщите мне Ваш частный адрес. Лицо по приезде в Париж напишет Вам письмо по этому адресу следующего содержания:

„Уважаемый Сергей Николаевич, хотел бы лично передать Вам пару слов от Иванова“. Получение Вами такой пневматички означало бы, что в ближайшую после пневматички среду в 5 часов Вы должны быть в кафе „Генри IV“. Таким образом жду от Вас адреса, по которому это лицо могло бы отправить Вам такую пневматичку.

Посылаю Вам 100 американских долларов. Все денежные дела с Вами урегулирует это лицо. Пришлите расписку на эту сумму».

Центр инструктировал парижскую резидентуру:

«По указанному адресу следует направиться вашему человеку рано утром или поздно вечером, чтобы лично застать „Иванова“, тотчас же установив с ним связь...

Для вашей ориентировки в работе и в возможностях „Иванова“:

По линии РОВС (кутеповской) и белой активной эмиграции.

По этим линиям „Иванов“ при желании (вернее, под нажимом) может сделать многое. Его положение в Торгпроме и в кругах русской эмиграции в Париже дает ему возможность связываться и говорить с рядом активных военных фигур, в том числе с ген. Миллером, Стоговым, Абрамовым, Драгомировым (в особенности на Драгомирова и его ближайший актив следует сейчас обратить особое внимание, поскольку Драгомирову поручена теперь особая работа РОВС, ранее проводимая Кутеповым).

В разговорах с „Ивановым“ следует указать на необходимость подробного и полного освещения деятельности не только наиболее активной верхушки РОВС, но и „незаметных“, находящихся в тени оперативных работников штаба ген. Миллера. К их числу следует отнести полковника Зайцова.

Необходимо получить от „Иванова“ солидный доклад-обзор по деятельности штаба Миллера и об особой работе генерала Драгомирова. В своем докладе „Иванов“ должен дать личные характеристики руководителей штаба, взаимоотношения друг с другом, родственные или иные связи с СССР, попытаться установить находящихся в СССР, близких знакомых или родных активных работников штаба. В разговорах с „Ивановым“ каждый раз используйте его характеристики вышеупомянутых лиц под углом возможности найти вербовочный подход.

Обратите на этот момент самое серьезное внимание, ибо теперь, как никогда, нам следует использовать все возможности для расширения и углубления нашей агентуры в верхушке и отделениях РОВС. Запросите „Иванова“ также о его личных связях и знакомствах в среде военной эмиграции на Балканах (Югославии, Болгарии и Румынии). Нет ли у него по этим линиям каких-либо вербовочных предложений или проектов».

Новому связному — псевдоним «Поль» — Третьяков тоже не понравился.

Парижский резидент — Центру 19 октября 1930 года:

«С „Ивановым“ работа пока не очень-то клеится. Поль мне говорит, что с более противным источником ему в жизни не приходилось иметь дела. При всей его мягкости в обращении и разговорах от него так и пышет звериной ненавистью к нам. Его положение и его возможности вам хорошо известны, поэтому я о них писать не буду.

Линия, которую Поль взял в отношении него с первого же момента, соответствовала вашим указаниям. Каких-либо других материалов по линии Торгпрома Поль от него отказывается брать и применяет в отношении него испытанный метод нажима — деньги. Почти каждое свидание кончается просьбой — дать сто франков, и Поль так ему и платит — от случая к случаю по сто франков.

Однако в положение с „Ивановым“ очевидно в ближайший же месяц-полтора придется внести ясность. Дело в том, что у Поля создается впечатление, что две фамилии, которые он в свое время нам дал, являлись единственными, которые он знал, и что при теперешнем его положении в Торгпроме (формально — довольно приличном, а фактически — нулевом) он навряд ли разрешит нам вопросы освещения вредительства.

Если ближайшие полтора месяца не дадут чего-либо нового, его или придется попробовать на вербовочной работе, на что он навряд ли пойдет, или же оставить для выполнения целого ряда заданий второстепенного характера по линии Торгпрома и всей этой среды, или же ликвидировать».

Центр предложил «нажать» на агента:

«„Иванов“ регулярно увивает от дачи нам вредительских материалов. В „дружеском разговоре“ укажите ему, что благодаря его прошлой работе нами были в свое время открыты большие вредительские дела. Дайте ему таким образом понять, что мы его держим в руках и что нас крайне удивляет то, что он сейчас молчит.

Вопрос о ликвидации, как вы об этом пишете, не стоит и на сегодняшний день стоять не должен. Нужно добиться от него работы для нас».

Третьяков носил связному документы Торгпрома. В том числе передал свою переписку с оставшимися в Советской России бывшими промышленниками Александром Александровичем Нольде, который после революции руководил «Льнотрестом», и Константином Васильевичем Суздальцевым.

Резидентура доложила Центру: «Пока что единственным светлым

оазисом является данная им переписка Суздальцева и Нольде. Пожалуй, давать ему задание еще несколько преждевременно. Ведь что мы о нем знаем? С одной стороны, всё его прошлое активнейшего и виднейшего белогвардейца, который далеко не располагает к доверию, с другой, оброненное вами вскользь в одном из ваших писем замечание о том, что он может быть провокатор».

Но в Москве высоко оценили полученную от Третьякова переписку, потому что старые друзья Третьякова были зачислены во вредители и арестованы.

Центр — парижской резидентуре:

«Что же касается личного архива „Иванова“, то, как вы видите, он из этого архива дал весьма ценные письма. В них имеется именно то, что нам нужно, имена и связи шпионов и вредителей, находящихся на нашей территории. Если „Иванов“ приносит этих людей нам в жертву, а он отдает себе в этом отчет, будет ли он дальше давать нам „чепуху“.

Мы считаем полезным возобновление переписки „Иванова“ с его московскими приятелями. Мы рассчитываем, что москвичи в своих письмах сообщат „Иванову“ о своих перспективах в настоящее время, о размахе своей работы и назовут кое-кого, кто может быть нам еще неизвестен».

От Третьякова требовали назвать имена и адреса засевавших в советской промышленности «вредителей», а он уверял, что ему ничего не известно. Связной доложил в Центр:

«Если, как вы мне телеграфно сообщили, Нольде является активным вредителем, а Суздальцев, судя по его переписке, тоже недалек от этого, то, пожалуй, можно было бы дать „Иванову“ указание восстановить связь с этими лицами.

Я щупал предварительно почву у „Иванова“. Он абсолютно уверен, что на первый его зов и Суздальцев, и Нольде откликнутся немедленно и охотно вступят с ним в связь. В результате этого можно будет выявить либо всю организацию, либо отдельных вредителей. В дальнейшем разработка может превратиться в очень интересную „легенду“, в которую можно будет втянуть целый ряд заграничных промышленников, своими собственными путями связывающихся с отдельными вредителями в СССР.

Учтите, что в этих кругах „Иванов“ пользуется абсолютным доверием и авторитетом и его возврат к активной политической деятельности ни в ком не вызовет подозрений. Разработка может далеко выйти за пределы Нольде и его группы и охватит целый ряд других вредительских организаций. Если ваше принципиальное отношение к этому делу

положительное, то следующей почтой смогу представить более подробно свои соображения по этому вопросу».

Идея Москве понравилась. Но работавший с Третьяковым сотрудник быстро терял к нему интерес.

В Центр ушло весьма раздраженное послание:

«Это активность не „Иванова“. Он по этому вопросу ничего не предлагал, а письмам Суздальцева и Нольде большого значения не придавал. Связи с ними не имеет давно и не знает, где они и что с ними. Предложение это исходит от нас. Мы видим два варианта восстановления „Ивановым“ связи с Суздальцевым и Нольде, а через них и с другими вредителями.

Между прочим, по ряду тактических соображений я в последнее время демонстрирую недовольство им и даже заявил ему, что вынужден буду уменьшить ему жалование вдвое. За январь я выдал ему только 100 американских долларов (вдвое меньше). Думаю, что остальные 100 он с меня всё же высосет, но этот прижим, по моим расчетам, должен его подстегнуть.

Вот со всей возможной подробностью об „Иванове“. А теперь решайте, продолжать ли его разработку или бросить его. Основным вопросом, который следует решить или который я бы хотел решить совместно с вами, это стоит ли тратить на это дело 200 американских долларов в месяц. Откровенно говоря, денег мне очень жалко, хотелось бы иметь за них уже сейчас ценные сведения, интересные документы и т. д.».

История так называемой Промпартии — одна из самых громких в начале 1930-х годов.

Одиннадцатого ноября 1930 года в московских газетах было опубликовано обширное обвинительное заключение по делу контрреволюционной организации «Союз инженерных организаций» («Промышленная партия»). Самый известный из обвиняемых — профессор Леонтий Константинович Рамзин, директор Теплотехнического института, участник ленинского плана ГОЭЛРО, электрификации всей страны.

Обвинения были предъявлены не мнимым «вредителям» в какой-то одной отрасли, а старым специалистам, высококвалифицированным инженерам, которые не разделяли авантюрных идей малограмотных советских руководителей, технократам, критиковавшим пятилетний план. Лучших инженеров страны обвинили в подрыве советской экономики, сотрудничестве с иностранными разведками и подготовке военной интервенции в Советскую Россию.

Это была хорошо спланированная акция. Она должна была показать стране, что повсюду действуют вредители, они-то и не дают восстановить

промышленность и вообще наладить жизнь. А вредители — бывшие капиталисты, белые офицеры, старые специалисты. Некоторые из них — агенты империалистических разведок.

За две недели до этого, 25 октября, политбюро сформировало комиссию «для просмотра в кратчайший срок показаний вредителей об интервенции» в составе самого Сталина, наркома иностранных дел Максима Максимовича Литвинова, наркома по военным и морским делам Климента Ефремовича Ворошилова, председателя ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского и прокурора РСФСР Николая Васильевича Крыленко.

Двадцать первого ноября политбюро образовало комиссию для непосредственного руководства ходом судебного процесса: те же Сталин, Литвинов, Ворошилов, Менжинский, Крыленко и им в помощь — глава правительства Вячеслав Михайлович Молотов и нарком юстиции РСФСР Николай Михайлович Янсон.

Двадцать пятого ноября в Москве открылся процесс по делу Промпартии.

Читая обвинительное заключение, советские люди узнавали о том, что чекисты наконец-то обнаружили центр всей вредительской деятельности в стране.

Промпартия объединила «все отдельные вредительские организации по различным отраслям промышленности и действовала не только по указаниям международных организаций бывших русских и иностранных капиталистов, но и по прямым указаниям правящих сфер и генерального штаба Франции по подготовке вооруженного вмешательства и вооруженного свержения советской власти».

Деятельностью вредителей из-за рубежа руководил Торгпром — находящееся в Париже объединение «крупнейших заправил дореволюционной промышленности, поставившее своей задачей политическую работу по борьбе с советской властью за возвращение своих бывших предприятий».

Руководители Торгпрома Денисов и Третьяков значились в списке кандидатов на пост министра торговли и промышленности в правительстве, которое будто бы предлагалось сформировать после свержения советской власти.

Николай Хрисанфович Денисов, инженер-путеец, до революции был директором правления Троицкой железной дороги. В Париже Денисов стал председателем Российского торгово-промышленного и финансового союза. Сергей Николаевич Третьяков был у него заместителем.

Главный обвиняемый профессор Рамзин на допросе рассказывал:

— Третьяков сказал, что при использовании войск Польши, Румынии, Прибалтийских стран и врангелевской армии — около ста тысяч человек — интервенция будет располагать прекрасно оборудованной армией, что, по мнению многих бывших промышленников, при морской поддержке на юге и севере можно рассчитывать на успех даже с небольшой армией.

Всё это была сплошная липа. К моменту начала процесса над Промпартией Сергей Третьяков уже год работал на советскую разведку. В ОГПУ прекрасно знали, что Торгпром, названный прокуратурой главным центром вредительства, фактически уже не существовал, а вредительской работой не занимался никогда.

Но Третьяков и Денисов уже прочно вошли в список врагов.

Писатель Алексей Николаевич Толстой отправил своей третьей жене Наталии Васильевне Крандиевской-Толстой письмецо из Парижа, куда приехал из Лондона: «Я ночевал в Сент-Джеймском парке в нашем посольстве, и в 7 часов меня разбудили соловьи под окном. В 10 часов сел в поезд, в купе, где сидел старый, гнусный мышиный жеребчик, всё прихорашивался, и с ним девчонка с собачонкой. Это был Н. Х. Денисов, глава антисоветского движения, наш лютый враг. Мы сделали вид, что не узнали друг друга».

После революции Алексей Толстой несколько лет жил в эмиграции. Потом вернулся в Москву. Обласканный советской властью, демонстрировал неприязнь к прежним знакомым. Даже в личных письмах (предполагая, что они читаются не только адресатом) Толстой возмущался заграницей, хотя не упускал ни одной возможности побывать в Европе. Поделился с женой:

«Париж — это какой-то город призраков, мертвецов. Вчера я прошел пешком по С. Мишелю и Монпарнасу, мимо залитых светом кафе, глядел на некрасивые (красивых здесь нет, еще не видел) лица, на жесты, на всё поведение бесчисленного множества людей, — и меня охватила такая отчаянная тоска, что я с недоумением остановился... Жизнь — без цели, без заботы, без связи друг с другом. Они сидят, пьют, ходят, смеются, — потому что другого они не знают, а это — не весело, это — с погасшими глазами... На Монпарнасе в новых, огромных, как целая площадь, кафе — страшные лица сутенеров, потенциальных и явных преступников, усталые девки. И ни одного живого лица, призраки под призрачным светом всевозможных реклам из красных, синих светящихся трубок.

Париж переживает страшный кризис — моральный и материальный... У людей потухшие глаза. Умерла радость жизни. Я встретил Саломею. Она

расспрашивала о России, как о стране чудес, как бы мертвые расспрашивали о жизни. Я чувствую, что мы морально другого склада, мы выше — чем здесь».

На следующий день после публикации обвинительного заключения по делу Промпартии из Иностранного отдела ОГПУ в Париж специальной почтой было отправлено следующее письмо:

«В обвинительном заключении по делу Промпартии существенное место отводится связям отдельных членов Промпартии за границей, в особенности во Франции. Связи ведут в Торгпром, и в заключение перечисляется поименно головка Торгпрома и, как увидите, и „Иванов“.

Как вам известно, „Иванов“ до сих пор ничего нам о своем участии в переговорах с рядом лиц, приезжавших из СССР, не говорил. Теперь когда это написано черным по белому, „Иванов“ сможет убедиться, что все его „старания“ показать нам свою „лояльность“ на деле не оправдываются. Его нужно зажать самым суровым образом.

Следует ему поставить ультиматум — или он немедленно с фактами и документами в руках доказывает нам свое желание и в дальнейшем вскрывать работу Торгпрома, его связи, работу отдельных активных лиц, или мы раскрываем его участие в разработке дела текстильщиков. Следует его уверить, что имеющиеся у нас документы (письма), в свое время нами от него полученные, смогут на предстоящем процессе эффективно быть использованными, а выводы, которые последуют вслед за эффектом со стороны французов и белой эмиграции, он сможет себе представить сам. Именно сейчас этот момент следует использовать и „Иванова“ попытаться „поставить на место“. Затяжка в проведении нажима на него будет объяснена им только нашей слабостью.

Мы должны быть исчерпывающе информированы о настроениях, контрмерах и мероприятиях Торгпрома, просьба уделить особое ваше внимание этой разработке».

На следующую встречу со связным Сергей Николаевич Третьяков принес свою исповедь, которая интересна прежде всего тем, что позволяет лучше понять этого человека:

«Для пишущего эти строки эмигрантский период начался очень рано. В 1918 году в декабре месяце после совещания в Яссах делегация от русских общественных организаций на юге России прибыла в Париж. Таким образом в декабре этого года будет 11 лет моего здесь пребывания. Из этого периода времени надо исключить лишь месяцы, которые я провел в Сибири, будучи членом правительства адмирала Колчака.

Можно было, конечно, за весь этот период многому научиться, многое

осознать, на многое смотреть иными глазами, но я не хочу писать воспоминаний или исторических трактатов, тем более, что жизнь идет быстро и сегодняшний день интереснее и злободневнее вчерашнего.

Русская эмиграция прожила целый ряд этапов своей жизни за границей, причем, как общее правило, этап последующий был всегда бледнее, неинтереснее, хуже предыдущего. Объясняется это двумя причинами. С одной стороны, неправильной концепцией, что русский народ не принял и никогда не примет советскую власть, а с другой, тем, что самый состав эмиграции и культурный ее уровень падает с каждым днем. Последняя большая волна эмиграции была волной врангелевского поражения, и она дала чрезвычайно разнокалиберный, некультурный клубок, элемент, не ставящий себе никаких широких задач и не строящий никаких планов будущей жизни на родине. Этот элемент расколол и разжижил эмиграцию 1919–1920 годов.

Эмиграция как таковая переживала целый ряд периодов, и до тех пор, пока в России шла борьба с советской властью и пока существовали генералы, боровшиеся против нее, было хотя и не полное, но хоть видимое объединение. Власть и сила манили.

После победы большевиков эмиграция разбилась на целый ряд групп и группировок, да это и вполне понятно: впереди ничего определенного, советская власть справилась с белым движением, Европа в недоумении. Началось дробление и деление на секты. В сущности, с этого момента эмиграция, по-моему, потеряла всякое значение. Вражда, борьба между собой, злоба и злословие — вот характеристика этого периода, продолжающегося до сих пор. С этого момента эмиграция потеряла какое-либо значение в смысле борьбы с советской властью и в смысле влияния на политику иностранных государств. И если некоторые террористические акты против советской власти имели место как за границей, так и в России, — это дело рук отдельных лиц или маленьких группировок, но не эмиграции как таковой.

С каждым днем, с каждым месяцем эмиграция теряет свое значение, и сейчас она его утратила окончательно. С ней никто не считается, ее никто не слушает, и те истины, которые она ежедневно повторяет в своей прессе, созданной на последние трудовые гроши старых беженцев (молодые русские газет не читают), никого не волнуют и не убеждают. Эмиграция умирает уже давно, духовно она покойник.

Торгово-промышленный союз создан не без моего участия в конце 1919 года Н. Х. Денисовым. Цель — объединение торгово-промышленного класса с заграницей, защита своих интересов и борьба с большевиками.

Последняя цель — скорее конспиративная, и в уставе она не упоминается.

Несколько слов о Денисове — человек без общественного стажа, нажившийся на войне, уехавший из России накануне большевистского переворота, сумел сделать деньги в Англии в начале 1919 года. Он продал большой пакет акций Сибирского банка и получил до миллиона фунтов стерлингов. Веря в скорое падение большевиков и желая создать себе имя, этот человек стал бросать деньги направо и налево, не забывая и себя самого. Он имел жену, двух любовниц, тратил огромные деньги на кутежи и на спорт (охота), но в то же время создал так называемый Торгово-промышленный союз. Был куплен в Париже на Плас дю Пале Бурбон — против палаты депутатов — прекрасный дом, отданный даром в распоряжение Союза. Были приглашены сотрудники с хорошими окладами, устраивались завтраки и обеды для привлечения членов, и, само собою, работа закипела.

Я лично подошел к Союзу лишь в конце 1920 года, после приезда из Сибири, и так как в Союзе не было элементов, прошедших большой общественный стаж, я скоро стал в организации персоной грата. Первое время меня мало посвящали в интимные дела, но после съезда 1921 года и после внесения мною на нужды Союза ста тысяч франков я стал одним из главных действующих лиц этой организации. В течение целого ряда лет она пользовалась большим влиянием в эмигрантских, а иногда и во французских, правящих кругах.

У организации были две цели: одна — доказывать несостоятельность и временность советской власти перед иностранными правительствами путем подачи докладных записок, публичных докладов, замаскированного участия в конференциях (Генуя, Гаага) — это, так сказать, борьба открытая, а другая борьба — конспиративная. Второе действие было в руках президиума, куда входили Николай Денисов, Павел Гукасов, Степан Лианозов, Густав Нобель и Третьяков.

В этой борьбе надо отметить желание устройства террористических актов в России, так как такого рода акты за границей считались нецелесообразными. Были сделаны две крупные попытки — одна с Эльвенгреном, другая с Савинковым. О первой попытке должен сказать, что всё это дело совершенно точно было изложено в советских газетах того времени. Что же касается Савинкова, то могу сказать, что он стоил Союзу не менее трехсот тысяч старых франков и пользы никакой не принес, потратив эти деньги на женщин и на игру на скачках».

Необходимо уточнить. Георгий Евгеньевич Эльвенгрен, штаб-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка, сражался в армии генерала

Юденича против большевиков. В эмиграции — соратник Савинкова. В 1926 году перешел советскую границу и был арестован. Его судили по обвинению в шпионаже и подготовке терактов. 9 июня 1927 года расстреляли. «Известия» напечатали выдержки из его признательных показаний на следствии. Эмиграция не поверила в их подлинность. Петр Струве утверждал: «Нравственными и иными пытками Эльвенгрэн был доведен до сумасшествия и расстрелян он был душевнобольным».

Но продолжим исповедь Сергея Третьякова:

«После краха всех этих начинаний Президиум обратил свое внимание на Кутепова, но, принимая во внимание прежний горький опыт, деньгами не бросается. Я лично не знаю ни одной выдачи денег Кутепову от Союза, но думаю, что некоторые состоятельные члены Союза (Нобель) деньги ему давали, и даже крупные.

В данное время Союз не имеет никакого значения. Он захирел, денег у него нет, находится он в маленьком помещении на рю Николо, 3. Служащих двое, да и те не знают, получают ли они свое жалованье первого числа, но так как председатель Союза Денисов — человек энергичный и щедрый, он может устроить какое-либо выгодное для себя дело. Сейчас он без денег».

Переписка со старыми знакомыми, оставшимися в России, — Нольде и Суздальцевым, переданная Третьяковым советской разведке, пригодилась, когда начались заседания Специального присутствия Верховного суда СССР. Председательствовал Андрей Януарьевич Вышинский. Обвинение поддерживал прокурор РСФСР Николай Васильевич Крыленко, старый большевик, первый главнокомандующий Красной армией.

На вечернем заседании 1 декабря Вышинский просил коменданта пригласить свидетеля Александра Нольде, который покорно поведал суду, что по указанию Торгпрома занимался вредительской деятельностью в льняной промышленности и что инженер Суздальцев участвовал в финансировании вредительства...

Тем временем в Париже Сергей Третьяков принес на очередное свидание со связным подробный доклад. Он уже знал о московском процессе и сказал:

— Я утверждал и утверждаю, что никого из обвиняемых по делу Промпартии я лично не видел и разговоров с ними не вел.

Доклад Третьякова о Торгпроме переслали в Москву:

«1. Краткая справка

С августа 1928 года я ушел с того места, которое занимал в Торгпроме, так как задумал заниматься другими делами. Я был управляющим делами,

ведал кассой и счетоводством и вел всю переписку Торгпрома. Товарищем председателя я остался и недавно опять был выбран на этот пост.

В середине 1928 года денежные дела союза были очень неблагоприятны; еще в 1927 году Денисов за гроши продал свой дом А. О. Гукасову, а в 1928-м Гукасов выгнал Союз, и ему пришлось поместиться в двух меблированных комнатах, и уже после было снято помещение на рю Николо.

В это же время произошла крупная ссора между Денисовым и А. Гукасовым, которая лишила возможности Союз получать от него деньги на текущую работу и заставила П. Гукасова совершенно покинуть свою работу в Союзе и снять с себя звание зам. председателя. Союз всё это время нуждался в деньгах, и его поддерживали исключительно нефтяники и Нобель.

Мое участие в жизни Союза за это время было небольшим, и лишь в конце 1929 года я стал часто бывать и на заседаниях, и регулярно видется с руководителями организации. С марта 1930 года опять наступил небольшой перерыв, а с августа я опять стал входить в курс всех дел.

2. Внешняя работа Торгпрома сводилась всё это время к обыкновенной переписке, писанию протоколов и резолюций, собиранию всяких материалов, созыву экономических совещаний и т. д., причем всё время внешне Союз нуждался в деньгах. Внутренняя скрытая работа Союза, конечно, была, но я лично не мог следить за ней ежечасно — по причинам, о которых говорил выше. Мне придется в этом докладе говорить главным образом о деятельности Союза в связи с делом Торгово-промышленной партии. Я утверждал и утверждаю, что никого из обвиняемых я лично не видел и разговоров с ним не вел.

В 1923 или 1924 году Кутепов пригласил Денисова, П. Гукасова и меня позавтракать в ресторан с ним и какими-то двумя лицами, приехавшими из России и будто бы офицерами Красной армии. Разговор, как всегда, свелся к тому, что Красная армия накануне восстания, но только нужны деньги, а люди имеются. Из моей памяти изгладились физиономии этих людей и их вымышленные фамилии, знаю лишь одно, что денег на месте они не получили. Больше личных свиданий у меня не было.

Откуда брались деньги и было ли замешано в этом деле французское правительство? С момента организации Торгпрома, то есть с 1920 г. деньги притекали главным образом от Денисова, тогда очень богатого человека, а затем, после промышленного съезда 1921 г., от целого ряда лиц, в частности и от меня. В те времена они расходовались широкою рукою. В 1920–1924 годах Савинков получил около 200 000 франков, Кутепов — не

менее 250 000 франков. Начиная с 1924 года, средства Торгпрома стали истощаться, и старые эмигранты стали придерживать карманы. Я утверждаю, что в это время мы от французского правительства не получали денег.

Настроение текущего момента. Оно очень приподнято. Руководители Торгпрома полагают, что всё внимание эмиграции обращено на них, они имеют прекрасную рекламу, и им нужно действовать быстро и решительно».

Упомянутый Третьяковым Павел Осипович Гукасов — крупный нефтепромышленник, председатель Совета съездов представителей бакинских нефтепромышленников, член Государственного совета, председатель совета Русского торгово-промышленного банка. А его младший брат Абрам Осипович Гукасов — меценат и общественный деятель. Во Франции издавал газету «Возрождение».

Упоминание на процессе в Москве имени Третьякова чуть было не привело к его провалу.

На вечернем заседании 4 декабря после окончания судебного следствия Специальное присутствие перешло к прениям сторон. Сначала слово было предоставлено государственному обвинителю.

По классическим правилам Крыленко должен был проанализировать доказательства, улики, подтверждающие преступную деятельность обвиняемых.

— Какие улики могут быть? — задавал сам себе вопрос Крыленко. — Есть ли, скажем, документы? Я спрашивал об этом. Оказывается, там, где они были, там документы уничтожались... Конечно, такие документы, как письма Торгпрома и другое, были уничтожены... Я спрашивал: может быть, какой-нибудь случайный остался? Было бы тщетно на это надеяться... Преступник, естественно, уничтожает улики. А почему он преступник? Потому что арестован и сознался. Ни с того ни с сего ОГПУ не арестовывает...

Председательствующий Вышинский вполне удовлетворился логикой государственного обвинителя. Это же была его главная идея — признание и есть царица доказательств.

Но Крыленко лихо выкинул свой главный козырь:

— Но всё же не все документы были уничтожены... В материалах, касающихся деятельности текстильной группы, имеются письма Третьякова Лопатину и Лопатина Третьякову.

Инженер-механик Измаил Николаевич Лопатин, происходивший из ярославской купеческой семьи, до революции состоял членом правления

Товарищества мануфактур «Иван Коновалов с сыном», это было одно из процветающих предприятий дореволюционной России, хозяева которого прославились на всю страну заботой о фабричных рабочих. После революции Лопатин трудился в Высшем совете народного хозяйства, который управлял всей отечественной индустрией. Он умер в 1927 году, за три года до процесса, поэтому не попал на скамью подсудимых, но на процессе его назвали одним из главных руководителей вредителей.

Московские газеты приходили в Париж с опозданием. 11 декабря в полпредство доставили газеты с обвинительной речью Крыленко. Парижский резидент, занимавшийся Третьяковым, решил почитать газету на сон грядущий.

Добрался до фразы о письмах Третьякова и не поверил своим глазам... Утром отправил письмо в Центр:

«Вчера ночью, прочитывая блестящую речь Крыленко, я весь похолодел, когда прочел заявление Крыленко, что в его распоряжении имеются письма Лопатина к Третьякову и письма Третьякова к Лопатину. Первая моя мысль была о Поле, и я немедленно же ему отправил телеграмму — прекратить всякую связь с „Ивановым“ до свидания со мной.

Чего я никак не могу понять, это почему вы, принимая решение о том, что Крыленко сделает на процессе такое заявление, не посчитали нужным предупредить об этом нас для того, чтобы мы сумели к этому подготовиться. Подготовиться нам нужно было или в порядке прекращения всякой связи с „Ивановым“, или же, если бы вы решили, что окончательно рвать с ним, несмотря на заявление Крыленко, не стоит, то надо было его об этом предупредить, чтобы он подготовил себе ответы для Торгпрома о том, каким образом письма Лопатина к нему попали к нам.

Судя по немецкой прессе, выступление Крыленко состоялось 5 сего месяца. Если предположить, что уже 6-го об этом знали в Париже, то не подлежит никакому сомнению, что или „Иванову“ по линии Торгпрома был устроен допрос с пристрастием, или же там было принято решение об установке за ним наблюдения.

Можно, конечно, допустить, что из этой истории „Иванов“ как-нибудь выпутается и оправдать себя сумеет, но, принимая во внимание всеобщую подозрительность в эмиграции ко всем и ко всему и то обстоятельство, что это были единственные документы, которые были названы на процессе, то не подлежит никакому сомнению, что отношение к нему со стороны эмиграции теперь станет более чем настороженным. Не менее важным моментом является дальнейшее отношение „Иванова“ к нам. Если мы до

этого у него не пользовались особенной любовью, то сейчас его отношение к нам перейдет в зверскую озлобленность.

Независимо от того, как и чем это дело кончится, я всё же не могу понять, почему вы не посчитали необходимым предупредить меня о том, что Крыленко сделает на процессе такое заявление».

Парижский резидент занялся ликвидацией ущерба. Доложил в Центр: «После получения вашей телеграммы, а затем письма относительно „Иванова“, я решил с ним повидаться лично. Свидание это продолжалось часа три, и единственным результатом этого свидания будет то, что кроме Поля „Иванов“ сейчас знает и меня.

Я могу лишь подтвердить характеристику, данную Полем „Иванову“, что более поганого и злостного источника, чем „Иванов“, ему на своем веку видеть не приходилось.

Ту работу, которую мы приписываем Торгпрому, он не ведет. Вообще „Иванов“ сильно сомневается в правдивости того, что написано в наших газетах о том, что членам Промпартии были пересланы такие большие суммы. „Помилуйте, господа, откуда, откуда? Ведь не только я, даже такие лица, как Денисов, еле перебиваются на насущную жизнь“. К делу Промпартии он, понятно, не имеет никакого отношения, о существовании такой организации понятия не имел, никогда ни с кем не виделся, и всё то, что ему приписывается членами этой организации, — плод фантазии этих людей.

На всю эту наглую и нахальную галиматью я ему ответил, что если у него хотя бы на минуту создастся иллюзия, что я поверил хоть одному слову из тех, что он произнес, то он жестоко ошибается. Никаких данных верить этому у нас нет оснований потому, что о его действительной роли в Торгпроме мы достаточно хорошо осведомлены, и лучшим подтверждением правильности тех сведений, которыми мы располагаем, служат показания членов Промпартии. Тут же я ему в соответствующей форме указал, что так как на войне действуют, как на войне, и всякая дальнейшая связь с ним совершенно бесполезна, то мы себе не откажем в имеющем для нас чрезвычайно большое значение опубликовании на процессе тех сведений и писем, которые он нам в свое время передал.

Сразу он на это не реагировал, у него забегали быстрее крысиные глаза на его иезуитском лице, а через полчаса, когда я ему это еще раз подтвердил, он ответил:

— Что же, хотите — публикуйте.

Временами я был готов усомниться, действительно ли он ведет в Торгпроме ту роль, которую мы предполагаем. А может быть, это не совсем

так?

Что он свои деньги потерял и почти все — сомнению не подлежит. Одна его внешность чего стоит. Изможденное от недоеданий и недосыпаний и беготни по целым дням с впадинами лица, потертый костюм, какой редко встретишь в этом городе, дрянное пальтишко. Все его друзья знают, что он добывает себе кусок хлеба (и только) мелкой службишкой. Причем характер этой службишки таков, что приходится бегать по целым дням по разным учреждениям и кланчить по разным вопросам. В таком материальном положении действительно трудно быть вхожим в соответствующие круги и быть в курсе основных вопросов.

Но когда этот гад имеет наглость не только отрицать свою роль в Торгпроме, но и роль Торгпрома как такового по части работы на нашей территории, у меня всякие сомнения о его роли и его отношении к нам окончательно рассеиваются. Мало того, под конец свидания я с ним беседовал об общеполитическом положении в Европе и положении у нас. Вот его мнение. Наши страхи об интервенции, подготовляемой Францией, ни на чем не основаны. Бриан — сторонник мира и продолжает начатую им политику Локарно. Кто же против вас, он спрашивает, будет воевать?

Эмиграция переживает подъем, какого уже не было несколько лет. Уверенность в нашем близком падении у них очень большая, и они уверены, что в ближайшее время им придется паковать чемоданы. „Иванов“, очевидно, также живет этими настроениями, и ему думается, что в случае чего ему удастся вывернуться и реабилитировать себя за ту предательскую роль в отношении белых, какую он играл.

Расстались мы с ним со следующим. Он просит дать ему несколько недель времени, и он уверен, что за этот срок ему удастся удовлетворить наши желания. Так как для этого ему всё же нужны деньги, то я велел присутствовавшему Полю выдать ему жалованье из расчета второго жалованья, то есть 200 долларов.

Какие у „Иванова“ после беседы со мной произойдут решения о дальнейших действиях, продолжать ли старую политику с нами, то есть водить нас за нос и ничего не давать, или же всё же кое-что нам давать — сказать затрудняюсь. В одном же я почти уверен, что если он примет решение кое-что нам давать, то это ни в коем случае не будут фамилии, явки и тому подобные факты о работе вредителей на нашей территории. На этот счет я себе никаких иллюзий не строю и вам не советую.

Довольно характерным было прощание. Сделав мне комплимент, что встреча со мной ему доставила удовольствие, потому якобы, что со мной очень интересно беседовать на политические и прочие темы, он меня

спросил, увидит ли он еще меня. Ответил я ему, что если к тому будет надобность или пожелание с его стороны, то я ничего против такого свидания иметь не буду. Тогда он нахально задает вопрос: а вы живете в этом городе постоянно? Ответил я ему, что кому же не интересно жить в таком прекрасном городе».

Резидент был искренне возмущен словами Третьякова. Его раздражало, что Третьяков всё отрицал. И вот вопрос, на который сейчас уже, видимо, невозможно получить ответ: неужели руководители ведомства госбезопасности, которые читали шифровки из Парижа и всё знали, искренне верили в реальность Промпартии?

За рубежом с изумлением констатировали, что все обвиняемые по делу Промпартии сознались в чудовищных преступлениях, хотя на процессе не было представлено ни одного доказательства их вины!

Обвиняемые, действуя по разработанному в ОГПУ сценарию, нарисовали грандиозную картину разрушения «вредителями» экономики страны, создавая Сталину алиби, которого хватило на десятилетия.

В студенческие годы я встречал людей старшего поколения, которые помнили процесс Промпартии и говорили, какой ущерб нанесли стране такие вредители, как профессор Рамзин. Они и не подозревали, что профессор, так хорошо подыгравший чекистам, был помилован и восстановлен в правах решением политбюро от 4 апреля 1936 года, вернулся к любимой работе и даже получил в 1943 году Сталинскую премию за свои исследования.

«Господин Рамзин позволил себе принять участие в известной комедии — с орденосным хеппи-эндом и ведром прописной морали, вылитой по этому поводу на головы зрителей и слушателей», — писал поэт и прозаик Варлам Тихонович Шаламов, которого впервые посадили в 1929 году, а отпустили только в 1956-м, коллеге по перу и несчастью Александру Исаевичу Солженицыну, проведенному в неволе 11 лет.

Некоторое время советские разведчики опасались встречаться с Третьяковым. Но обошлось. Никакого волнения в эмигрантских кругах по поводу заявления Крыленко не наблюдалось. В Париже никто и не предположил, что чекисты получили письма непосредственно от Третьякова. Эмиграция решила, что их переписка была конфискована после смерти Лопатина...

Парижская резидентура — Центру 5 января 1931 года:

«Поля ждут некоторые неприятные объяснения с „Ивановым“ относительно выступления Крыленко. Я велел Полю занять следующую позицию в беседе с ним.

„Иванову“ мы не можем объяснить, что Крыленко о его связи с нами ничего не знает. За две недели до выступления Крыленко я с ним имел соответствующую, вам известную беседу, в которой заявил, что если он не станет работать, то мы из этого сделаем соответствующие выводы с вытекающими из этого последствиями. И поскольку в обещанный семидневный срок соответствующие материалы о деятельности Торгпрома по линии Промпартии нам не дали, мы считали, что он решил занять по отношению к нам враждебную позицию, и сделали из этого соответствующие выводы.

Как-нибудь иначе из этого положения вывернуться мы возможности не видели. Выступление Крыленко, если не провалит „Иванова“, может иметь даже положительные результаты, ибо покажет „Иванову“, что если мы о чем-нибудь разговариваем, то не шутим».

Пройдет совсем немного времени, и резидент сам убедится в том, что всё приписанное Торгпрому не имеет отношения к реальности. Посылая в Центр очередной отчет Третьякова, он отметит: «Подробный его доклад о Торгпроме пришлю со следующей почтой, хотя там настолько мертво, что интереса какого-либо этот материал не представит».

Связной (Поль) выполнил поручение резидента и провел беседу с Третьяковым, о чем резидент сообщил в Центр:

«С „Ивановым“ Поль виделся дважды. Настроение у него мрачное. Фирма, где он служил, лопнула (что не так уж для нас плохо). О выступлении Крыленко он не заикнулся. Тогда Поль посчитал нужным его об этом спросить. Он ответил, что не читал.

Поль на это заметил, что это есть первый результат беседы с ним, „Ивановым“, что так как „Иванов“ после этой беседы своего обещания не выполнил, то выступление Крыленко пусть он рассматривает как первое легкое предупреждение ему. Если его позиция...

Тут „Иванов“ побледнел, прервал Поля:

— Не продолжайте, мы друг друга понимаем.

Я думаю, что после потери службы и этого разговора он окончательно склонится к тому, что надо начать по-настоящему работать».

Между тем Третьяков приносил только точную информацию. Другие агенты сообщили, что генерал Павел Николаевич Шатилов и военный министр во Временном правительстве Александр Иванович Гучков организовали некую Национальную революционную партию.

Третьяков встретился с Гучковым и доверительно с ним поговорил. Сообщил связному: «Гучков вопросами внутреннего террора в России больше не интересуется, ибо убедился в их бесполезности, так как при

теперешнем положении там всё мало-мальски активное загнано в глубокое подполье, а больше занимается вопросами международной политики в связи с русскими делами».

Докладывая Центру, резидент укоризненно напомнил: «Между прочим, в свое время на основании некоторых материалов в нашем учреждении раздавались голоса за то, что именно Гучков есть то лицо, которое возглавляет террористическую работу на нашей территории»...

Опять вернулись к вопросу о деньгах для Третьякова:

«Как ни странно, но обстоятельства сложились так, что, прежде чем говорить о нем как об агенте, прежде чем говорить о его работе, нужно решить, сколько ему платить. Авансом ему уплачено по сто долларов в месяц. Продолжать в таком духе — невозможно. Он плачет, ноет, всё в нем устремлено к деньгам. Он просит, клянчит. Так нельзя. Я знаю, что, как бы никчем он ни был, вы от него не откажетесь.

Значит, нужно:

- 1) скостить всю задолженность;
- 2) платить ему максимум 140–150 долларов в месяц.

Сообщите мне ваше решение.

Об „Иванове“ как об агенте — я уже могу сказать:

1) что он воспитан так, что к каждому свиданию он преподносит донесение.

2) что это последнее ему хочется передать нам с маленьким присовокуплением: „очень важно“, „получил только на короткое время“.

3) что сам, конечно, он прекрасно знает, что этим донесениям — грош цена.

4) наконец, он не всегда отдает себе отчет, зачем нам всё это нужно.

Однако „Иванов“ может стать полезным ориентировочными и регулярными сообщениями о галлиполийцах. Посылаемое мною его донесение о туркуловском докладе (см. информацию 13-го — более исчерпывающую) интересно только лишь в части его разговоров на эту тему с Нобелем.

Как бы то ни было, нам следует излечить „Иванова“ от навязчивой идеи: „деньги, деньги и деньги“, так как иначе о работе с ним не может быть и речи».

Процесс над Промпартией закончился, и разведка могла бы продолжить нормальные контакты с Третьяковым, но 2 января 1931 года из берлинской резидентуры, где концентрировалась значительная часть работы с белой эмиграцией, в Париж поступила информация:

«А/15 вернулся из поездки в Париж. А/15 сообщает, что в связи с

процессом Промпартии в Торгпроме была большая паника: наблюдалось недоверие друг к другу, боязнь высылки из Франции, все важные документы были спрятаны в банковский сейф, посетителей принимали недоверчиво, ключи от всего помещения и шкафов были переданы управделами. Префектурой была поставлена охрана внутри помещения Торгпрома и наблюдение извне. РОВС предложил офицеров-добровольцев, но это по соглашению с префектурой было отклонено.

А/67-му удалось нащупать существование при Торгпроме так называемого „специального сектора“. Основную роль в этом секторе играет якобы С. Н. Третьяков».

В Центре заподозрили Третьякова в обмане и запросили Париж:

«Мы не имеем от „Иванова“ самого таких же подробных и интересных данных, как от А/67-го. Вот тут-то опять возникает ряд вопросов.

1) Действительно ли организован так называемый „спец. сектор“.

2) Работает ли действительно „Иванов“ в этом секторе.

3) Соответствует ли действительности персональный состав комиссии.

Наряду с этими вопросами возникает и основная: сообщил ли вам „Иванов“ о спец. секторе? Если проверкой через „Иванова“ подтвердятся данные источника А/67-го, то необходимо будет развить разработку „спец. сектора“ и установить действительные связи Торгпрома в СССР».

Оказалось, что сообщения о «спецсекторе» — липа. Некоторые агенты кормились с того, что придумывали громкие истории, дабы набить себе цену.

В начале января 1931 года с Третьяковым встретился парижский резидент:

«Вчера я вернулся из своего последнего путешествия. Мои переговоры с „Ивановым“ приняли совершенно неожиданный для нас оборот, и содержание этих переговоров я не считал возможным доверить даже курьерской связи (на случай провала).

По мере возможности я постараюсь почти стенографически вам передать содержание моих с ним двух бесед, которые длились по несколько часов.

Встретились, сели в машину и поехали. Я ему говорю:

— А мы с вами, оказывается, товарищи по несчастью.

— Почему?

— Да вы, оказывается, старый ишиатик, и я болею тем же. Нельзя ли узнать, чем вы его лечите?

— Нет, ишиасом я давно не болею. А вот геморрой мне очень докучает.

— Почему же вы его не оперируете?

— Где же деньги взять? За квартиру нечем платить, где уж тут об операции думать!

— А почему же не обращаетесь к вашему другу и приятелю профессору Алексинскому? Товарищ по партии и работе, неужели он с вас деньги потребует?

— Ну, знаете, к Алексинскому обращаться почти бесполезно. К нему надо за несколько месяцев записаться в очередь. И к тому же вообще неохота сейчас этим заниматься. А что он мне товарищ по работе — это я от вас впервые слышу. Насколько мне известно, Алексинский никакой работы не ведет.

— Ну, как не ведет! Ведь он у вас состоит председателем организации помощи семьям борцов, погибших в борьбе с большевиками.

— Состоять-то он, может быть, и состоит, да толку никакого от этого состояния. Чтобы помогать, нужно иметь деньги, а положение такое, что с колоссальным скандалом, когда угрожали выбросить наше учреждение на улицу, мы еле-еле достали двести долларов на уплату за наем помещения.

— Кстати, не знаете, какова партийная кличка Алексинского? Ведь у вас тоже, как и в других партиях, у каждого существует кличка.

— Нет, понятия не имею и думаю, что никакой клички у Алексинского не имеется.

В промежутке всяких других разговоров я его спрашиваю, знает ли он адмирала Ермакова.

— Как же, старый друг и приятель! Неужели и он вас интересуется?

— Ну, а что вы про него знаете?

— Беженец, как и все. Голодает и чем пробавляется, неизвестно. В свое время, когда больше денег бывало, при каких-либо съездах или прочих торжественных случаях Ермакову всегда поручалось разместить гостей, наблюдать за сервировкой и прочее. А сейчас он и того не делает. Но если вас интересуют подробности, что он делает, то мне это не составит труда узнать.

— Насколько мне известно, ваше учреждение совсем недавно проектировало привлечь Ермакова для работы по некоторым вопросам, и, как будто, вам должно быть об этом известно.

— Нет, ничего подобного мне не известно. Он, правда, иногда заглядывает к нам. Не исключено, конечно, он там по линии своих связей подкапывается под одного из наших секретарей, чтобы сесть на его место. Но о привлечении его к работе в наше учреждение, насколько мне известно, никогда вопрос не поднимался.

Дальнейшая беседа происходила уже в кафе. Я поставил вопрос относительно переговоров с министерством страны его проживания. Обычно всегда спокойный и выдержанный „Иванов“, никогда и ни в каких случаях не меняющий выражения своего лица, услышав этот вопрос, заерзал на стуле, лицо у него залилось всеми красками — от багрово-красного до зеленого, мундштук во рту забегал от одного угла рта до другого до того, что папироса из него выпала. Смотрел он минуты полторы уже не прямо на меня, а в сторону, несколько раз повторил сам вопрос: „переговоры с министерством, переговоры с министерством“, а потом, придя немного в себя, сказал:

— Нет, относительно таких переговоров мне ничего не известно. Да и кто их мог вести? Нобель? Его сейчас нет здесь. Остается только лишь Денисов. Знаете, может быть, переговоры и были, но я о них впервые от вас слышу. Обещаю вам сделать всё возможное, чтобы об этом узнать. Попытаюсь переговорить лично с Денисовым.

Из материалов 67-го видно, что лично „Иванов“ вел переговоры с министерством. При виде его состояния, когда я ему задал этот вопрос, я решил, что материалы, данные нам 67-м, верны. „Иванов“ о них знает, он вел переговоры с министерством.

Я его спросил, что у них сейчас нового в учреждении:

— Какие заседания и совещания происходили за последнее время? Что обсуждалось в связи с процессом? Кстати, кто председательствует на этих собраниях? Есть ли постоянный председатель? Или попеременно? Как часто вы лично председательствуете?

— Собрания происходят почти регулярно раз в неделю. На обсуждение, как правило, ставятся вопросы о положении в СССР. Причем к каждому такому собранию кто-либо подготавливает доклад.

Главари почти никогда не председательствуют. Что же касается его лично, то он не председательствовал на каких-либо собраниях уже года полтора-два.

— Так и не председательствовали?

— Нет, полтора года как я не председательствовал ни на одном собрании.

Я решил, что дальнейшую игру в прятки с ним нет никакого смысла вести. Если верны материалы 67-го, если верно то, что говорилось на процессе, то в лице „Иванова“ мы имеем самого злого двойника и игра эта может кончиться только лишь тем, что он нас, хорошенько разработав, предаст.

Мне ничего не оставалось, как заявить ему следующее:

— Всё то, что вы мне сейчас рассказывали о деятельности вашего учреждения, и все ваши ответы на мои вопросы, есть явная чепуха. Такой игры с нами мы никому не позволим вести. Силой работать с нами мы вас не заставляли, вы добровольно на это согласились, поэтому будьте добры или работать по-настоящему, или же совсем отказаться от работы с нами. Сегодняшний вечер мы с вами должны договориться в одну или другую сторону. Вам предстоит решить вопрос, или окончательно закрепить свою дружбу с нами, или же с нами рассориться со всеми вытекающими отсюда для вас последствиями. В нашем распоряжении имеются данные, не подлежащие никакому сомнению, о той настоящей роли и той работе, которые вы ведете в вашем учреждении. Этих данных вы нам не сообщаете, а, приходя на свидание, рассказываете нам детские сказки, не представляющие для нас никакого интереса. В вопросах денежных взаимоотношений с вами, возможно, были созданы не те отношения, которые соответствовали бы вашей работе, и мне предлагается этот вопрос коренным образом пересмотреть. Я имею довольно широкие полномочия. И при первых же доказательствах с вашей стороны о наличии доброй воли к дружественным взаимоотношениям с нами я вам выдам сегодня же вечером в порядке аванса 25 тысяч. Я вам предлагаю следующее. Вы мне сообщаете двадцать процентов того, что вам известно, и я вам выплачиваю обещанную сумму.

При упоминании двадцати пяти тысяч „Иванов“ также заерзал на стуле, как и при вопросе о переговорах с министерством. Свой ответ мне он и начал с денег, ибо денежный вопрос у него вообще всегда занимает половину времени его свиданий с нами.

— Слушайте, двадцать пять тысяч! Да представляете вы себе, какой это для меня капитал! Ведь он меня сразу выводит из всех бед и ставит во всех отношениях на ноги. Какой из меня сейчас работник, когда я принужден бегать в поисках маленького займа. А при таких деньгах...

Тут он назвал целый ряд „имен“, отношения с которыми, если бы у него появились деньги, сразу бы улучшились.

— На всё то, что вы мне сказали, я вам могу ответить следующее. Вы говорите, что у вас имеются неопровержимые данные о моей роли и работе. Я вам должен заявить следующее. А вы, как хотите, — верьте или не верьте. Смерти я не боюсь. В моем теперешнем положении она мне не страшна. Я прекрасно знаю, что достаточен с вашей стороны нажим кнопки — и единственное, что мне остается, — это пуля в лоб. Но я вам заявляю, что за всё время моей связи с вами я еще никогда не был во всех отношениях вашим человеком, как я есть сейчас. Вы ссылаетесь на

имеющиеся у вас данные. А я считаю, что вы вообще переоцениваете эмиграцию и ее органы. И раньше они, с моей точки зрения, ничего существенного из себя не представляли, а при теперешнем политическом положении в Европе это одна пыль. Положение у нас кислее кислого. Что же касается моей работы, то я вам сообщаю абсолютно всё, что мне известно. Выдумывать для вас — я не выдумывал и впредь это делать не буду, ибо считаю, что такой путь взаимоотношений может быть для меня самым пагубным. Я — ваш приказчик, а вы — мой хозяин. Обязанности приказчика и хозяина я, как вам известно, очень хорошо знаю... И вот как приказчик я честно делаю для вас всё, что в моих силах. Это всё, что я могу вам ответить.

Тогда я ему заявляю, что это очень красивые слова, но чтобы он себе иллюзий не строил, что его словам поверят. Замечание это он, очевидно, понял по-своему и заявляет мне следующее:

— Знаете что, если вам нужны более реальные доказательства моей преданности вам, то если вам нужно, чтобы мое учреждение вело переговоры со здешним министерством, то я вам напишу, что такие переговоры оно вело. Пожалуйста!

Я ему отвечал, что это нам не интересно, а нам нужно знать только то, что есть на самом деле. Закончилось свидание моим заявлением, что я готов дать ему несколько дней на обдумывание нашего разговора. Поэтому пусть он себе иллюзий насчет последствий не строит. Не обошлось, конечно, без выплакивания денег, и я решил пожертвовать еще 100 долларами. Следующее свидание произошло дней через пять-шесть. После разговоров на общие темы он первый начал беседу по существу:

— Я могу вам только лишь повторить то, что сказал при предыдущем свидании. Для большего доказательства, что я полностью ваш человек, я вам принес (вынимает из кармана и передает) чистый лист бумаги с моей подписью. Можете там написать всё, что захотите. Больше того, если хотите, чтобы я собственной рукой написал там то, что вам нужно, я это сделаю. Если и после этого вы мне не поверите, что я — ваш преданный приказчик, то больших доказательств уже вам дать не могу...

Такой оборот в действиях „Иванова“ я менее всего предвидел, и признаться, выкинутый им номер произвел впечатление. Однако я положил бумагу на стол и заявил, что не это нам нужно, а то, что я ему говорил при предыдущем свидании. Минут двадцать продолжалась прежняя волынка — я свое, он свое, и в конечном счете я убедился, что продолжать эту волынку совершенно бесполезно. Тут „Иванов“ отправился на пару минут в уборную, и я это использовал для того, чтобы положить бумагу к себе в

карман.

А еще минут через пятнадцать он мне заявляет следующее:

— Слушайте, душу человека очень трудно распознать. Вы, например, не знаете, какую большую роль в вопросе моей связи с вами сыграла моя озлобленность против моих вчерашних друзей. Сейчас говорить об этом еще не время. Но знайте, если в ваших государственных интересах, чтобы я написал кое-какие вещи и их подписал, то я согласен это сделать. Я полагаю, что мое положение еще не подмочено (прошу обратить внимание на это заявление, которое он впервые делает).

Я всё более начинал склоняться к тому, что мы „Иванова“ переоценивали. Он ничего не знает о деятельности своего учреждения или же почти ничего не знает. И для меня стало ясным, что материалы, данные нам 67-м или же 15-м, надо рассматривать на 99 процентов как липу. Я дал ему еще три тысячи монет (120 долларов). Он начал клянчить: ну, хоть еще пятьсот дайте. И клянчил он так нахально, что пришлось ему отдать почти последние деньги, которые были в кармане.

Выводы, которые я могу сделать на основании своей трехкратной встречи с „Ивановым“, следующие:

1. За деньги „Иванов“ продаст всё и что угодно.
2. В серьезную работу, проводимую учреждением „Иванова“, он не посвящен. Если бы он был в курсе этой работы, он бы нам если не всё, то почти всё докладывал бы, тем паче при перспективе получения за это больших денег.
3. „Иванова“ и его возможности мы переоценивали с первого же момента нашей связи с ним.
4. Сейчас он может быть использован только как второстепенный источник, и делать ставку на него как на генерального осведомителя по линии его учреждения было бы заблуждением.

Или „Иванов“ — гениальнейший артист, который ведет какую-то очень неплохую, тонкую и с дальним прицелом двойную игру. Последнее предположение не имеет никакой логики под собой. Ведь он ни минуты не сомневается в том, что в случае разрыва с нами мы его немедленно провалим. Он знает, что он нам передал в свое время вещи, которые пахнут кровью, и что за такие вещи, какая бы там ни была с нами большая или маленькая игра, даже по поручению его учреждения, ему не простят — никто и никогда. Поэтому я более чем убежден, что правильны мои предположения.

В этом случае возникают следующие вопросы: с какой провокацией мы имеем дело? Есть ли эти материалы — липа одного 15-го или же

совместно с 67-м? Если в этой провокации участвовал и 67-й, то не имеем ли мы здесь дело с чрезвычайно тонкой провокацией — поймать и уличить „Иванова“ как нашего агента?»

Эта беседа, особенно эпизод с подписанным Третьяковым чистым листом бумаги, не могла не произвести впечатления на руководителей разведки. Третьяков, во-первых, доказал, что он будет сообщать Москве только то, в чем полностью уверен. Не подсунет сомнительную информацию. Не введет в заблуждение. И, во-вторых, продемонстрировал искреннюю преданность Советской России. Подписав чистый лист, он рисковал абсолютно всем. Его подписью можно было воспользоваться для самого громкого дела.

Москва немедленно откликнулась:

«Ваш подробный доклад о встрече и разговорах с „Ивановым“ и ваши выводы в отношении него дают нам ясную картину того, кого мы имеем перед собой в качестве источника, и подтверждают наши законные сомнения в подлинности материалов источника А/15 и А/67-го.

„Иванову“ следует назначить месячное жалованье в удовлетворяющем его размере. Очень „зажимать“ его в денежном отношении нам не хочется, и даже выгодно нам известное время быть в отношении него „джентльменами“. Воспитывая его как нашего работника, освободив его от мелких материальных тревог, поставив ему задачу поднять свой общественный вес, мы надеемся, что он из второстепенной личности сможет выйти на „роли“ и взять соответствующую инициативу в организации в свои руки».

Но сотрудники парижской резидентуры по-прежнему испытывали к Третьякову неприязнь. Постоянно жаловались в Центр.

Семнадцатого февраля 1931 года: «Всё, что можно было написать об „Иванове“, уже исписано. Нового ничего не скажешь. И, к моему величайшему сожалению, я должен констатировать, что моя точка зрения о нем была верной. Он или ни черта не знает, или давать не желает. Следующим письмом я напишу подробнее о нем и о тех предложениях, которые мы имеем для его дальнейшего использования».

Тринадцатого апреля 1931 года: «С „Ивановым“ всё то же. Ничего он не дает. После того, как он начал от нас получать те деньги, о которых он раньше и не мечтал, он еще больше обнаглел в этом отношении и вечно просит пару сот франков, как он любит выражаться. Подробнее на нем не буду больше останавливаться. Я лично пришел к окончательному и последнему убеждению, что его надо беспощадно выгнать. Жаль тех 200 долларов, которые он совершенно зря получает. Ничего из него не выйдет».

Москва на это отвечала: «Мы всё же считаем, что пока тех мер, которые вы предлагаете, то есть ликвидации — проводить не нужно. Мы остаемся при нашей старой точке зрения, что „Иванова“ можно будет заставить работать».

Но тут возникла новая опасность.

Связной Третьякова 25 августа 1931 года сообщил в Москву:

«В свое время, когда я принимал „Иванова“, меня просили ему передать, чтобы он порвал всякие отношения с неким О कोरोковым, который его в свое время с нами свел.

Год „Иванов“ О कोरोкова не видел. Некоторое время тому назад О कोरोков опять стал к нему приходить. Сначала он заявил ему, что получил письмо с родины, его просят повидаться с „Ивановым“ и передать задания. „Иванов“ ответил, что он с нами не работает и работать не желает и просил О कोरोкова оставить его в покое. Однако О कोरोков продолжал являться и в последний приход сообщил „Иванову“, что он, О कोरोков, откроет скоро в Париже дело и хочет взять „Иванова“ на службу и хорошее жалованье. В виде задатка предложил 100 франков. „Иванов“ денег не взял.

Я велел „Иванову“ переезжать на другую квартиру и тем самым исчезнуть из поля зрения О कोरोкова. Я полагаю, что О कोरोков связан с каким-либо нашим аппаратом, и т. к. он думает, что „Иванов“ с нами не работает, хочет нам его „продать“ вторично. Если это так, предпишите соответствующему аппарату оставить „Иванова“ в покое».

Москва дала иные рекомендации:

«Думаем, что „бегать“ от встречи с О कोरोковым не дело, ибо в конце концов эта встреча все-таки произойдет. Для того же, чтобы обезопасить себя со стороны О कोरोкова, по нашему мнению, нужно проделать следующее.

При ближайшей встрече „Иванов“ должен обрушиться на О कोरोкова с руганью за те „гнусные предложения“, которые он ему делал в свое время о работе с нами. Иванов должен заявить, что он не только никогда не согласится на такое позорное сотрудничество, но при ближайшем же случае взорвет О कोरोкова как большевистского агента.

Нам кажется, что такой оборот может дать нам соответствующую страховку и, может быть, убедит О कोरोкова, что „Иванов“ действительно с нами не работает. Сообщите ваши соображения».

Связной Третьякова предупредил Центр 18 октября 1931 года: «Насчет О कोरोкова прошу учесть следующее соображение „Иванова“: О कोरोков не скрывает своих общений с советскими учреждениями, его все считают большевистским агентом и стараются бойкотировать».

В Москве не понимали, что происходит:

«По вопросу настойчивых подходов Огорокова к „Иванову“. Нам так же, как и вам, в этом деле ничего не понятно. Мы срочно по этому вопросу запросили тамошний аппарат. Мы считаем этот вопрос весьма серьезным, так как в свое время мы давали категорические указания аппарату ни в коем случае не реализовывать Огорокова по этому делу. Исходя из этого, мы сомневаемся, рискнул ли наш аппарат без нашей санкции на такую операцию, имея наше запрещение. Мы боимся, что здесь дело более серьезное и что Огороков действует по своей собственной инициативе, а, быть может, и что-либо похуже.

При получении ответа оттуда мы вас срочно поставим в известность. Пока что дайте указания „Иванову“ ни в коем случае не встречаться с Огороковым».

Первая же проверка насторожила Центр:

«Оказывается, наш аппарат никаких указаний Огорокову по этому вопросу не давал, никаких записок мы не писали, и Огороков, у коего осторожно выясняли этот вопрос, утверждает, что после получения им в прошлом году директив не связываться с „Ивановым“ как с „provokatorom“, он эти наши директивы строго соблюдает и никаких подходов к „Иванову“ не делал.

Как вы видите, дело становится весьма серьезным. Здесь мы допускаем, что Огороков — provokator, выясняющий сейчас по заданиям противника, связан ли с нами „Иванов“ или нет. Каких-либо данных, кроме сообщенных вами фактов о подходах, против Огорокова у нас нет; наоборот, за последнее время он более или менее прилично работал как средний информатор.

Учитывая важность всего этого дела, мы со своей стороны приняли меры к детальной разработке Огорокова и устанавливаем за ним наблюдение. Вас просим дать указания „Иванову“ ни в коем случае ни на какие провокации — звонки и записки — не идти».

Огороков утверждал, что вовсе не преследует Третьякова:

«Третьяков был привлечен к сотрудничеству мною. Это было еще в 1930 году. Я изредка встречался с Третьяковым, который меня информировал по некоторым вопросам. Третьяков по обыкновению, нуждаясь в деньгах, просил взаимобразно.

Третьяков теперь часто уезжает из Парижа в Швейцарию, так как он каким-то образом установил, что у швейцарской фирмы „Брун Бовери“ находится около полутора миллионов франков, переведенных фирмой Третьякова из Москвы в 1916 году.

Но, начиная с июня 1931 года, я встречаться с Третьяковым избегаю, так как мне передали предостережение, чтобы избегать Третьякова вследствие его нелояльности».

Связной Третьякова доложил в Москву:

«Окороков не только не оставил „Иванова“ в покое, но продолжает засыпать его угрожающими письмами. Вы в свое время говорили мне, что Окорокова можно забрать домой. Я полагаю, что это единственный исход и необходимо сделать это немедленно, иначе возможны самые неожиданные последствия.

Окороков, как я вам говорил, просто жулик, который хочет заставить „Иванова“ работать на себя. Сам он никаких сведений иметь не может. Я настаиваю на том, чтобы вопрос этот был решен немедленно. Не забывайте, что из-за какого-то Окорокова ставится под удар целая организация».

Но парижский резидент своего мнения о Третьякове не изменил:

«Получаемые им от нас сейчас сравнительно большие деньги его только еще больше развратили, и деньги, которые мы на него тратим, просто-напросто выброшены на ветер. Из „Иванова“ ничего путного не выйдет.

Мне совершенно непонятно, чем вы руководствуетесь, когда вы с такой патетичностью утверждаете, что из него может выйти источник и что его можно заставить работать, в то время, когда мы, то есть те, кто с ним непосредственно связан, категорически утверждаем обратное. Я отнюдь не хочу этим сказать, что правда на нашей, а не на вашей стороне, не такие я и Поль умники, чтобы не грешить и не ошибаться, но если бы вы были более последовательны, то после того, как мы в течение почти года не сумели его заставить работать, вам надо было бы его от нас забрать и передать кому-либо другому, ибо наша связь с ним, с нашей точки зрения, никаких результатов не даст.

Я сейчас больше, чем когда-либо, убежден в том, что связь эта ничего не даст, не потому, что „Иванов“ не хочет, а только лишь потому, что „Иванов“ ничего не знает. Цепляться за выдохшегося источника — это политика страуса. Источник давно выдохся и просится на покой, а мы за него держимся. А под боком вырастает заговор... Выдохшегося источника надо безжалостно ликвидировать.

Ни я, ни Поль заставить „Иванова“ работать, очевидно, не сумели. Ежемесячно платить 200 долларов и ничего не получать — полная бессмыслица. Поэтому если вы уверены в том, что из него можно сделать источника, вам надлежит его передать кому-либо другому».

Москва ответила нейтрально: «„Иванова“ в дальнейшем будем именовать УЖ/1. За последнее время мы отмечаем то, что материалы УЖ/1 стали гораздо более интересными и конкретными».

Связной Третьякова доложил в Москву:

«Прилагаю очередной доклад „Иванова“ и обращаю ваше внимание на следующие обстоятельства:

1) „Иванов“ сильно пил и начал постепенно опускаться, чему способствовала нужда (он у меня в авансе в размере двухмесячного оклада, который я думаю ему теперь простить, иначе он не выпутается), он содержит две квартиры и две семьи.

Удалось привести его опять в нормальный вид, он бросил пить и с известным рвением принялся за работу.

2) Избрание Нобеля главой Торгпрома, с одной стороны, укрепило положение „Иванова“, а с другой, подняло престиж Торгпрома. В эмиграции к людям с деньгами питают всегда уважение, и к ним стекаются всегда всякие дела и предложения. Поскольку такие предложения теперь будут попадать к „Иванову“, то он может приобрести известный интерес.

С первым деловым предложением обратился к „Иванову“ генерал Туркул („Иванов“ дружен с Витковским и Туркулом — у последнего почти ежедневно завтракали). Туркул жаловался на бездеятельность РОВСа, на ничтожество Миллера и т. п. Им в противовес он ставил группы „молодых генералов“, которые действительно могут кое-что сделать, посылают людей в СССР и т. п. Они имеют людей, способных на теракты. Туркул спросил „Иванова“, может ли последний помочь им получить деньги на эти дела у Нобеля.

Передаю „Иванова“ Дуче».

Вот это решение оказалось удачным. Приехавший во Францию Сергей Михайлович Шпигельглас превратил Третьякова в ценнейший, незаменимый источник информации. У него возникла идея, реализация которой сделала Третьякова одним из самых ценных агентов в Париже.

Шпигельглас пришел к разумному выводу, что Торгпром и в самом деле не представляет реального интереса для советской разведки. Сосредоточиться надо на главном противнике — Русском общевоинском союзе. Именно Третьяков открыл разведке повседневный доступ к секретам РОВСа. И помог Скоблину с Плевицкой...

Министр у микрофона

Последние годы Сергей Николаевич Третьяков, поссорившись с женой, жил отдельно от семьи. Шпигельглас обратил внимание на то, что семья Третьякова снимает три квартиры в доме, который очень интересовал советскую разведку.

При Кутепове аппарат РОВСа располагался на рю Казимир Перье. Помещение обходилось недешево. Когда Евгений Карлович Миллер возглавил союз, он в апреле 1930 года из экономии перевел канцелярию РОВСа и управление 1-го отдела в дом 29 на рю дю Колизе.

По счастливой для Москвы случайности Третьяков снимал в том же доме три квартиры. Одну, побольше, как раз над штабом РОВСа, и другую, поменьше, рядом. В третьей квартире поселилась семья Третьякова. И у Шпигельгласа родилась новаторская по тем временам идея: установить подслушивающую аппаратуру и записывать все разговоры, которые ведутся в святая святых РОВСа!

Он изложил ее в письме Центру 25 мая 1933 года:

«Я провожу с „Ивановым“ следующее: его семья, с которой он до сих пор не жил (жена и две дочери), живут на рю Колизе в том же доме, где РОВС.

„Иванов“ с семьей сошелся. Жить будет вместе. Из комнат „Иванова“, что над кабинетом Миллера, Шатилова и залом заседаний, будем слушать. Пришлите мне срочно (ближайшей почтой) самый примитивный, но чувствительный подслушиватель. Приставив мембрану к полу, слушаем, что делается, что говорят внизу.

„Иванов“ за мое предложение ухватился, так как я обещал ему оплачивать квартиру. Задаток, оборудование, мебель, ремонт, уплата его старых долгов — всё это должно стоить 700 долларов. Я считаю совершенно необходимым действовать.

К 5 июня квартира будет готова, чтобы поселиться. 10 июня, то есть к следующей почте, я должен иметь уже подслушиватель. Учтите, что в кабинете Миллер с Драгомировым говорят, Драгомиров Миллеру докладывает, решают вопросы, которых мы до сих пор не знаем.

200 долларов я уже „Иванову“ дал. Контракт уже заключается. На это очень нужное дело я прошу прислать 700 долларов и принять все необходимые меры, чтобы техническими средствами мне помочь. Сообщите, когда высылаете аппарат. Не забудьте приложить указание, как с

аппаратом обращаться».

В кабинете председателя РОВСа советские разведчики ночью установили подслушивающее устройство, хотя это оказалось непростым делом. 12 января 1934 года началось постоянное подслушивание разговоров в кабинете председателя РОВСа Евгения Карловича Миллера. Подслушивающая аппаратура в переписке Иностранного отдела с парижской резидентурой именовалась «Петькой».

Магнитофонов еще не существовало. Почти ежедневно по несколько часов Третьяков, надев наушники, записывал всё, что ему удавалось разобрать. «Петька» оказался далеко не идеальным механизмом, и временами работа эта была настоящим мучением. Третьяков научился распознавать собеседников по голосам. Он составлял донесение и передавал его сотруднику парижской резидентуры советской разведки.

Двадцать четвертого ноября 1934 года Шпигельглас обратился в Центр: «Считаем нужным отметить проявленную „Ивановым“ добросовестность и преданность работе. В ночь на 23 ноября он серьезно заболел и, несмотря на крайне болезненное состояние, все-таки целый день работал, как вы увидите из записей».

Четвертого декабря Центр ответил: «За добросовестную и преданную работу выдайте ему пособие на лечение в размере по вашему усмотрению, но не превышая месячного содержания».

Шпигельглас отчитался: «„Иванова“ за добросовестную работу я наградил суммой в 2000 франков. Он работает удивительно хорошо и внимательно, не за страх, а за совесть».

Сначала операция называлась «Дело „Крот“», потом ее переименовали в «Разговор вокруг кнопки», а затем окончательно — в «Информацию наших дней», сокращенно ИНД. Вот каким образом советская разведка знала, что в руководстве РОВСа говорили о Скоблине и Плевицкой. Появилась возможность уберечь их от лишних неприятностей. А заодно и проверять их донесения.

Шпигельглас сообщил в Москву, что информацию такой точности резидентура не имеет даже от лучших агентов внутри РОВСа. Недавно созданное Главное управление государственной безопасности Наркомата внутренних дел интересовали прежде всего данные о заброске разведывательных и террористических групп: схемы действий, цели, способы проникновения на советскую территорию. Эти сведения и искали в записях разговоров.

Использование подслушивающей аппаратуры в середине 1930-х годов было сравнительно новым делом, поэтому, хотя РОВС располагал

собственной контрразведывательной службой, никому и в голову не приходила мысль о профилактическом осмотре помещений на предмет обнаружения скрытых микрофонов.

Сергей Третьяков мог бы трудиться спокойно. Но в работе секретных служб любая случайность грозит провалом. А предусмотреть всё невозможно...

Русский общевойсковой союз никак нельзя было назвать тихой заводью. Несмотря на армейскую дисциплину и внешне соблюдаемую субординацию: «Ваше превосходительство», «Ваше высокопревосходительство», РОВС походил на бурлящий котел.

Главная цель, ради которой союз был создан Врангелем, — свержение советской власти — была по-прежнему далека. Развитие событий в СССР не внушало эмиграции надежд на скорое возвращение. Европейские державы, весьма сочувственно относившиеся к эмиграции, постепенно теряли к ней интерес. Реальная политика брала верх над симпатиями.

Таял и сам огромный айсберг эмиграции. Люди старели, уходили в мир иной или старались приспособиться к европейской жизни, оставив мысль о возвращении в Россию. Сравнительно молодые генералы пытались гальванизировать свой союз, сделать его более боевым. Им казалось, что активизация борьбы против СССР взбодрит эмиграцию, да и европейские правительства станут больше ценить РОВС.

Генералы были недовольны Евгением Карловичем Миллером. Он не пользовался таким же авторитетом, как его предшественник Кутепов, и ему не хватало характера для того, чтобы держать подчиненных в узде.

Советские разведчики тоже не считали Миллера сильной личностью. Он избегал конфликтов, конфронтации, выяснения отношений, боялся ссориться с людьми и не увольнял людей, которые ему самому доставляли массу неприятностей. Вообще Миллер больше думал о подрастающем поколении эмиграции. Считал своим долгом сделать так, чтобы эмигрантская молодежь на чужбине получила достойное образование.

Первоначально пассивность Миллера советскую разведку вполне устраивала. Но в Москве происходили большие перемены. В июле 1934 года был создан общесоюзный Наркомат внутренних дел. В передовой статье, посвященной его созданию, «Известия» писали, что создание НКВД означает, что «враги внутри страны в основном разгромлены, что возрастает роль революционной законности». Но главный редактор «Известий» Николай Иванович Бухарин сильно ошибался. НКВД обнаружил еще больше врагов, чем ОГПУ.

Оперативные отделы вошли в Наркомат внутренних дел в составе

Главного управления государственной безопасности. Руководство наркомата требовало от внешней разведки жесткости и активности. Тогда и возникла идея о том, что, возможно, стоит избавиться от Миллера.

Бывшие приближенные Кутепова, люди, ставившие первоочередной задачей террор внутри Советского Союза, были недовольны Миллером. Его считали слишком старым, нерешительным и безынициативным, склонным к кабинетной работе и неспособным руководить столь крупной организацией. Кутеповская идея налаживания контактов с антисоветски настроенными командирами Красной армии не умирала.

Писатель Николай Алексеевич Раевский, который жил в Праге, 5 июля 1934 года записал в дневнике слова, сказанные вдовой генерала Брусилова одному из эмигрантов («Литературная газета», 9 марта 1994 года): «Покойный генерал под личиной видимой лояльности будто бы подобрал на ответственные места приемлемых для советских властей антисоветских по существу людей, при помощи которых он будто бы хотел в удобный момент произвести переворот».

Считалось, что Брусилов был предан советской власти. Когда генерал умер, его вдове разрешили уехать за границу. В Праге она в узком кругу рассказывала, что ее муж быстро разочаровался в советской власти.

Иногда молодые генералы высказывали свое недовольство вслух.

Третьяков передал Шпигельгласу запись разговора на повышенных тонах, который эти генералы вели в кабинете Миллера. Информацию сочли настолько важной, что в Москве составили спецсообщение для руководства Наркомата иностранных дел:

«22 февраля с. г. без предупреждения к ген. Миллеру явилась группа командиров отдельных воинских частей РОВС во Франции.

Командиры частей вручили ген. Миллеру меморандум, суть которого сводится к следующему: к моменту похищения ген. Кутепова главное командование РОВС обладало громадным моральным престижем и, кроме того, имело крупные средства. Последние годы жизни Кутепова ознаменовались активной борьбой с большевиками.

Теперь у главного командования авторитета нет, а борьба не ведется. РОВС не имеет никакой политической линии и потому уже давно потерял среди эмиграции всякий престиж. В меморандуме предлагается провести реорганизацию РОВС. В противном случае лица, подписавшие этот документ, выйдут из организации».

Тринадцать старших начальников РОВСа (тон задавали Туркул, Скоблин и Фок) выступили и против Ивана Егоровича Эрдели, начальника 1-го отдела РОВСа, требовали его отставки. Но Миллер их требования

отклонил. Когда-то Эрдели и Миллер вместе служили в лейб-гвардии Гусарском полку его величества.

Жертвой генеральского бунта неожиданно стал Сергей Третьяков.

Генералы готовили меморандум втайне от Эрдели. И попросили Миллера дать честное слово, что он никому о меморандуме не скажет. Но на следующий день после встречи генералов с Миллером в газете «Последние новости» появился отчет! Без подробностей, но вполне точный. Генералы предположили, что редакцию через своих людей оповестил Эрдели.

Но от кого он обо всем узнал?

Полковник Бурлаков нашел ответ. Он подал генералу Фоку рапорт с требованием: а) расследовать, нет ли среди командиров предателей, б) провести техническое исследование кабинета Миллера с целью установить, нет ли скрытых микрофонов.

Полковник Глеб Васильевич Бурлаков когда-то служил в Алексеевском артиллерийском дивизионе, а в Париже руководил французским отделением Союза галлиполийцев и работал сборщиком стартеров на автомобильном заводе «Ситроен».

Миллер, правда, не придавал значения рапорту Бурлакова, считал его предположения смехотворными. Сказал, что к нему до появления газетной статьи наведася адмирал Кедров, спрашивал: правда ли, что генералы требуют реформ внутри РОВСа?

— И до него, значит, дошли какие-то тревожные слухи, — снисходительно заметил Евгений Карлович.

Но другие генералы не разделяли его уверенности. Мысль о тайном микрофоне их не оставляла. И записывая все эти разговоры, Третьяков, должно быть, испытывал в тот момент только одно желание: немедленно бежать.

Шпигельглас докладывал в Центр:

«„Иванов“, принявший это заявление Бурлакова по ИНД, проявил все признаки полнейшей растерянности. Он — трус, нервничает невероятно, требует денег про запас, на случай побега, потерял или теряет способность владеть собой.

13-й подтвердил всю запись ИНД по этому вопросу и считает необходимым безотлагательно навести командиров на мысль о предательстве Эрдели. В противном случае, он говорит, Миллер под их давлением может согласиться на технический обыск своего кабинета.

Получасовой обыск микрофон обнаружит, по проводам дойдет до „Иванова“.

Но нельзя сейчас ломать ИНД. Проникнуть ночью в кабинет Миллера, ломать ночью карнизы под полом — провал обеспечен и неминуем».

Что же делать?

Изобретательный Сергей Шпигельглас искал способ отвлечь внимание генералов от идеи поиска тайных микрофонов. Обдумывал разные варианты. Скажем, позвонить от имени некоего сотрудника газеты «Последние новости» Фоку и сказать, что это Эрдели рассказал редакции о встрече в кабинете Миллера и о генеральском меморандуме.

Шпигельглас доложил о плане Центру:

«Выждем, какие будут результаты. В случае если бы Миллер начал поиски микрофона: убрать всю аппаратуру. Миллер не посмеет громогласно заявить о микрофоне, если б даже он его нашел.

Если б он, однако, посмел заговорить, если он заподозрит „Иванова“ — явиться к Миллеру и сознаться в том, что микрофон был установлен по прямому распоряжению самого Эрдели, что запись велась в двух экземплярах: один для Эрдели по использованию его против Миллера на овладение РОВСом в пользу Деникина. Что деньги на эту музыку поступили от Деникина. Второй экземпляр передавался „Иванову“, чтобы в будущем „Иванов“ имел возможность написать книгу о РОВСе.

В этом духе мы и действуем. Через два часа звоним Фоку.

Дуче.

P. S. Фоку мы не звонили.

Дуче».

Подумав, Шпигельглас избрал иную тактику. Не нервничать, не поддаваться панике и следить за развитием событий. В донесении в Москву он обосновал свое решение следующим образом: изучая ситуацию внутри РОВСа, он пришел к выводу, что Миллер склонен избегать конфликтов, прямой конфронтации.

Сергей Михайлович Шпигельглас инструктировал Третьякова, как вести себя в этой ситуации. Сообщил Центру 6 марта 1935 года:

«ИНД затрещало очень серьезно. „Иванов“ перетрусил страшно. Если бы он был помоложе — раз, если бы мы не знали досконально его нутра — два, если бы не пришлось считаться с невероятно истрепанной его нервной системой — три, можно было б сделать вывод, что мы имеем дело с вымогателем, теряющим от страха голову.

Однако такой вывод был бы неправильным: простительно испугаться до смерти старику, который сверх своих физических сил исполняет добросовестно необычайно трудную работу, ибо несомненно, что производство ИНД — вредное производство: слух, внимание, нервы

напряжены целых 8–9 часов.

Еще сильнее перетрусил он и принял как „божье наказание“ мой ему приказ, как быть в случае обнаружения кнопки. Исходя из того, что Миллер не позволит никому обыскивать свой кабинет и не допустит гласного скандала, провал, конечно, сведется к объяснению с глазу на глаз между Миллером и „Ивановым“, которые должны свестись к такому диалогу.

„Иванов“: кнопку я поставил в моей квартире из соображений сугубо частных. Сдавая часть моей квартиры вам, я вел переговоры с И. Эрдели, которому счел нужным сказать о кнопке. Именно Эрдели убедил меня о ней молчать, и оба мы делились подслушанным. Эрдели вел работу против вас в чью-то пользу, видимо, Деникина. Я сообщал этот материал для книги о военной эмиграции.

Миллер (если осмелится позвать Эрдели): Подлецам купеческого рода простительна коммерческая гнусность, но ты, Эрдели, — Брут, ты не рыцарь-джентльмен, а лавочник, дрянь и проходимец. Карету мне, карету!»

Впрочем, до этого дело не дошло. Мысль о потайных микрофонах при том развитии техники казалась экзотической и была отброшена как совершенно фантастическая. Проверять кабинет Миллера не стали. Третьяков продолжал работать.

Красная папка, которую никто не видел

Советская разведка располагала во Франции, где сосредоточилась значительная часть русских эмигрантов, немалой агентурной сетью. Имена большинства тех, кто помогал Москве, до сих пор не названы. Только Скоблин и Плевицкая вошли в историю мировой разведки. Заслуженно и незаслуженно.

Имена их прежде всего связывают с тремя громкими операциями 1930-х годов. Скоблина и Плевицкую называют погубителями бывших генералов белой армии Кутепова и Миллера, а также советского маршала Тухачевского.

Николая Владимировича Скоблина считают тем человеком, через которого немецкая разведка умело подбросила Сталину фальшивые материалы о заговоре в Красной армии, что привело к аресту маршала Тухачевского и других видных военачальников.

На самом деле судьба Тухачевского и Кутепова решилась без участия Скоблина и Плевицкой.

Во всевозможных слухах о причинах гибели Тухачевского фигурирует так называемая «папка Гейдриха» — документы, будто бы переданные советской разведке начальником Главного управления имперской безопасности нацистской Германии обергруппенфюрером СС Райнхардом Гейдрихом.

Эту папку упомянул первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета министров СССР Никита Сергеевич Хрущев в заключительном слове на XXII съезде партии 27 октября 1961 года:

— Как-то в зарубежной печати промелькнуло довольно любопытное сообщение, будто бы Гитлер, готовя нападение на нашу страну, через свою разведку подбросил сфабрикованный документ о том, что товарищи Якир, Тухачевский и другие являются агентами немецкого Генерального штаба. Этот «документ», якобы секретный, попал к президенту Чехословакии Бенешу, и тот, в свою очередь, руководствуясь, видимо, добрыми намерениями, переслал Сталину...

Многие историки полагают, что маршал Тухачевский пал жертвой немецкой разведки, которая подсунула чекистам умело сфабрикованную фальшивку, а подозрительный Сталин ей поверил.

Михаил Николаевич Тухачевский, занимавший в Красной армии высшие посты, в том числе должность заместителя наркома обороны,

бывал в Германии в служебных командировках шесть раз, не считая плена в Первую мировую. У немцев остались какие-то документы, подписанные им. Его подписи будто бы и использовали немецкие спецслужбы, готовя для Сталина красную папку с фальшивками.

Эту версию изложил руководитель внешней разведки Третьего рейха бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг. Правда, знал он эту историю из вторых рук. Сослался на убитого в 1942 году чешскими партизанами обергруппенфюрера СС Райнхарда Гейдриха, своего начальника. Гейдрих вроде бы говорил Шелленбергу, что «в середине декабря 1936 года бывший царский генерал Скоблин, который работал как на советскую, так и на немецкую разведку, сообщил, что группа высших командиров Красной армии во главе с заместителем наркома обороны маршалом Тухачевским готовит заговор против Сталина и при этом поддерживает постоянные контакты с Генеральным штабом вермахта». Немцы решили «поддержать Сталина, а не Тухачевского, и было приказано изготовить поддельное досье маршала и передать его в Москву». Досье вроде бы переправили через тогдашнего президента Чехословацкой Республики доктора Эдуарда Бенеша, поддерживавшего доверительные отношения с советскими руководителями.

Вальтер Шелленберг как один из самых заметных разведчиков XX столетия воспринимается всеми всерьез. Но не надо забывать, что он рассказывает о деле с чужих слов. Мемуары Шелленберг писал, находясь в британском плену. Вышла книга в свет после его смерти, ее явно редактировали и дописывали. Досье, о котором пишет Шелленберг, не найдено ни в немецких архивах, ни в советских.

Президент Чехословакии Эдуард Бенеш действительно не раз заговаривал с советским полпредом в Праге Сергеем Сергеевичем Александровским о контактах между Красной армией и рейхсвером. Чехословацкий посол в Берлине Войтех Мастный был исключительно информированным человеком.

Да и Скоблин, видимо, поддерживал какие-то контакты с немецкими военными. Но в его личном деле, которое хранится в архиве внешней разведки, нет упоминаний о том, что он когда-либо получал от немцев полезную информацию. Скоблин работал, что называется, сдельно: чем больше ценной информации приносил, тем больше денег получал. Если бы немцы с ним чем-то делились, он поспешил бы с этой информацией к связнику.

И главный вопрос: куда же делась эта красная папка, если она существовала?

Решением президиума ЦК КПСС в 1961 году была создана комиссия для изучения материалов о причинах и условиях возникновения «дела Тухачевского». Комиссия, в которую входили руководители Комитета партийного контроля, КГБ и союзной прокуратуры, работала долго и основательно.

Летом 1964 года член президиума ЦК и председатель Комитета партийного контроля Николай Михайлович Шверник представил результаты Хрущеву. Это объемный документ, основанный на всех материалах, которые в тот момент были найдены в советских архивах. «Дело Тухачевского» пересматривалось и в новой России президентской комиссией по реабилитации под руководством бывшего члена политбюро академика Александра Николаевича Яковлева.

Ни на одной странице этого многотомного дела нет и упоминания о том, что следствие в 1937 году располагало таким важнейшим доказательством, как «досье Тухачевского» из немецкого Генштаба. И в архивах нет и следов «папки Гейдриха».

Само предположение о том, что машина репрессий нуждалась в доказательствах, свидетельствует о непонимании сталинского менталитета. Да разве для проведения гигантской чистки армии Сталин нуждался в немецких подсказках? В разгар Большого террора армия не могла избежать судьбы, уже постигшей всё общество...

Но имя Скоблина во второй половине 1930-х годов замелькало в сводках различных спецслужб. Это было опасно и для него, и для Плевицкой. Они и не подозревали, что оказались в центре очень сложной интриги.

Увлечение фашистскими идеями не обошло и лидеров белой эмиграции. Петр Струве писал в декабре 1925 года: «Как бы критически ни относиться к фашизму, к его отдельным проявлениям и приемам, — он есть спасительная, даже для демократии, реакция против коммунизма, он есть великое охранительное движение, сильное и замечательное тем, что консервативные соки и силы оно ищет и извлекает из народных глубин».

Через полтора года Струве отметил: «Фашизм — крупное духовно-политическое явление. Он очаровывает и зачаровывает».

Приход Адольфа Гитлера к власти в Германии пробудил надежды у некоторой части русской эмиграции.

Четырнадцатого апреля 1933 года парижская резидентура советской разведки передала в Центр:

«Писатель Иван Лукаш предполагает подать Гукасову проект о действиях эмиграции в связи с настоящим политическим моментом в

Германии. Его мысль состоит в том, чтобы командировать к Хитлеру кого-либо из военных молодых генералов (говорит о 13-м) или общественных деятелей, знакомых с германской ситуацией, дабы уговорить Хитлера на образование в Германии международного добровольческого корпуса исключительно для борьбы с коммунизмом. Если бы в какой-либо стране обозначилось бы коммунистическое движение, то двинуть туда этот корпус.

Корпус должен состоять из нескольких соединений, причем русское соединение должно составлять главное ядро корпуса и быть под командой молодых генералов, прошедших Гражданскую войну. Лукаш считает, что создание такого корпуса возможно именно теперь. А раньше или позже нельзя будет и поднять этого вопроса. Всё будет зависеть, как преподнести Хитлеру это предложение».

Десятилетием ранее, в июле 1922 года, страстный германofil бывший донской атаман Краснов призвал генерала Врангеля готовить военный поход с помощью Германии. Петр Николаевич ответил так: «Я неоднократно говорил и писал, что мне хоть с чертом, да за Россию. Однако в моем понимании этот черт отнюдь не должен был в вознаграждение за свои услуги получить возможность оседлать Россию... Германцы преследуют одну цель — обратить русский народ в навоз для удобрения германского племени».

Не все были столь же брезгливы.

С лета 1922 года представителем Врангеля в Берлине стал Алексей Александрович фон Лампе. Он участвовал в войне с Японией, окончил Академию Генштаба. Накануне революции служил в штабе 18-го армейского корпуса. Присоединился к Белому движению, руководил оперативным отделом штаба Добровольческой армии.

В эмиграции он подрабатывал на киностудии статистом и консультантом на съемках фильмов о России. С Кутеповым у него отношения не сложились. Зато Миллер, когда возглавил РОВС, поддержал фон Лампе. Предложил ему взять на себя тайную работу. Тот отказался:

— Террористом никогда не был, конспирацией не занимался и учиться этому не хочу.

В 1933 году умерла от туберкулеза легких девятнадцатилетняя дочь фон Лампе. Нацисты, придя к власти, эмигранта из России посадили в тюрьму. Но быстро выпустили. Фон Лампе решил с ними сотрудничать. Его прапрадед приехал в Россию из Германии при Наполеоне. Семья обрусела, его отец стал жандармским полковником. Сам Алексей фон Лампе немецкого не знал, выучил в эмиграции.

Двадцать шестого октября 1933 года фон Лампе доложил Миллеру:

«Я вошел в частные переговоры с представителем соответствующего учреждения Германской Национал-Социалистической партии по вопросу о совместных действиях против большевиков... Мне пока не ясно, в какой степени руководящие круги партии заинтересованы в этом вопросе, но считаю совместную работу между нами и национал-социалистами настолько естественной, что охотно пошел на переговоры».

Военная эмиграция искала контакты с нацистской Германией, и в Москве об этом хорошо знали.

Вот один из документов разведки, разосланный руководителям ведомства внутренних дел — наркому Генриху Григорьевичу Ягоде, его заместителям Якову Сауловичу Агранову и Георгию Евгеньевичу Прокофьеву, начальникам особого отдела (контрразведка в армии) — Марку Исаевичу Гаю, секретно-политического (борьба с враждебными политическими партиями) — Георгию Андреевичу Молчанову, экономического (борьба с диверсиями и вредительством в промышленности) — Льву Григорьевичу Миронову, оперативного (охрана политбюро, наружное наблюдение, аресты и обыски) — Карлу Викторовичу Паукеру и начальнику Главного управления пограничной и внутренней охраны Михаилу Петровичу Фриновскому. Через несколько лет их всех расстреляют.

«Совершенно секретно

НКВД СССР

Главное управление государственной безопасности

Иностранный отдел

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

1. т. Ягоде

2. т. Агранову

3. т. Прокофьеву

4. т. Гай

5. т. Молчанову

6. т. Миронову

7. т. Паукеру

8. т. Фриновскому

9. Начальникам оперативных отделов

Иностранным отделом ГУГБ получены сведения, что генерал Миллер в беседе сообщил своему заместителю адмиралу Кедрову, что при свидании с немецким журналистом он указывал последнему, что Германия может справиться с ненавистным ей коммунизмом коротким ударом по большевистской головке.

Если Германия изберет этот путь борьбы, вся эмиграция будет на ее стороне, больше того — пусть Германия дает средства, эмиграция даст необходимый людской материал... В данный момент РОВС должен обратить всё свое внимание на Германию, это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть».

Не все так думали. Еще до войны эмигранты разделились на тех, кто был готов союзничать с Гитлером, и на тех, кто считал это невозможным.

Антон Иванович Деникин верил, что Россия восстанет против большевиков и он сможет вернуться домой. Но возражал против участия русских людей в иностранной интервенции. В конце 1933 года он обратился к эмиграции: «Не цепляйтесь за призрак интервенции, не верьте в крестовый поход против большевиков, ибо одновременно с подавлением коммунизма в Германии стоит вопрос не о подавлении большевизма в России, а о „восточной программе“ Гитлера, который только и мечтает о захвате юга России для немецкой колонизации. Я признаю злейшими врагами России державы, помышляющие о ее разделе. Считаю всякое иноземное нашествие с захватными целями бедствием. И отпор врагу со стороны народа русского, Красной армии и эмиграции — их долгом».

Многие эмигранты доказывали: нет иного пути освободить Россию, кроме как с внешней помощью, потому нужно идти на поклон к нацистской Германии.

В декабре 1938 года Деникин выступил с докладом «Мировые события и русский вопрос». Он говорил о том, что долг эмиграции помимо ведения борьбы с большевизмом — «защищать интересы России... Не наниматься и не продаваться». Он произнес слова, которые оказались пророческими:

— Мне хотелось бы сказать — не продавшимся, с ними говорить не о чем, — а тем, которые в добросовестном заблуждении собираются в поход на Украину вместе с Гитлером: если Гитлер решил идти, то он, вероятно, обойдется и без вашей помощи. Зачем же давать моральное прикрытие предприятию, если, по вашему мнению, не захватному, то, во всяком случае, чрезвычайно подозрительному? В сделках с совестью в таких вопросах двигателями служат большей частью властолюбие и корыстолюбие, иногда, впрочем, отчаяние. При этом для оправдания своей противонациональной работы и связей чаще всего выдвигается объяснение: это только для раскочки, а потом можно будет повернуть штыки... Простите меня, но это уже слишком наивно. Наивно, войдя в деловые отношения с партнером, предупреждать, что вы его обманете, и наивно рассчитывать на его безусловное доверие. Не повернете вы ваших штыков, ибо, используя вас в качестве агитаторов, переводчиков, тюремщиков,

быть может, даже в качестве боевой силы, этот партнер в свое время обезвредит вас, обезоружит, если не сгноит в концентрационных лагерях. И прольете вы не «чекистскую», а просто русскую кровь — свою и своих напрасно, не для освобождения России, а для вящего ее закабаления.

Так и случится. Русские эмигранты, которые пойдут за Гитлером, опозорят себя сотрудничеством с Третьим рейхом, вознамерившимся уничтожить Россию.

Когда вспыхнула гражданская война в Испании, Евгений Карлович Миллер объявил участие в ней на стороне мятежников-националистов продолжением Белого дела. Договариваться об условиях службы к каудильо Франсиско Франко отправил генерала Шатилова. РОВС вербовал офицеров в Испанский иностранный легион. Но французские власти запретили переходить испанскую границу. Поэтому к Франко поехало не так много русских офицеров — всего 72 человека.

Среди них были генерал Николай Всеволодович Шинкаренко (у Врангеля он командовал Туземной горской дивизией) и генерал Анатолий Федорович Фок, опытный артиллерист. Он писал из Испании: «Те из нас, кто будет сражаться за национальную Испанию, против Третьего Интернационала, а также, иначе говоря, против большевиков, тем самым будут выполнять свой долг перед белой Россией».

Генерал Фок был убит под Сарагоссой в сентябре 1937 года. 34 русских офицера погибли. Девять были ранены. В знак благодарности каудильо Франко предоставил русским офицерам право получить гражданство и остаться в Испании.

**ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
КУРСКИЙ СОЛОВЕЙ ВО
ФРАНЦУЗСКОЙ ТЮРЬМЕ**

Последний праздник и последний концерт

А в Париже в сентябре 1937 года военная эмиграция пышно отмечала двадцатилетие Корниловского полка. И конечно же, прежде всего это был праздник Скоблина и Плевицкой. Несмотря на интриги и обвинения, репутация супружеской пары оставалась безупречной среди эмигрантов.

Николай Андреевич Келин, бывший офицер, в Париже оказался на выступлении Ивана Лукьяновича Солоневича о положении в России (Солоневич воевал в белой армии, остался в Советской России, его посадили, но он сумел бежать): «Недалеко от нас, слева сидел подтянутый брюнет с военной выправкой. Он что-то говорил своей соседке, располневшей блондинке лет сорока. Пара меня заинтересовала, и я узнал, что это был известный генерал Скоблин, командир лучшего полка Добровольческой армии — Корниловского, а соседка — его жена, славившаяся когда-то на всю Россию исполнительница русских песен Плевицкая. Тогда я не мог знать, что этот преданнейший из самых преданных Белой идее генерал Скоблин состоит на службе ГПУ».

Все праздничные хлопоты взял на себя полковник Григорий Трошин, глава группы корниловцев, живших во Франции. 18 сентября, в субботу вечером, прошли всенощная и панихида в церкви галлиполийцев. 19 сентября, в воскресенье утром, устроили молебен с выносом знамен после литургии в Александро-Невском соборе в Париже.

Прибыли представители других частей белой армии. Развевались знамена. Стоял почетный караул. Корниловцы хорошо подготовились, собрали деньги и вечером в воскресенье устроили торжественное заседание. Закатали банкет. Главную скрипку, естественно, играл Николай Владимирович Скоблин. На празднование пригласили видных гостей.

Деникины лето проводили в местечке Мимизан вблизи Атлантического океана. Оставив жену и дочь наслаждаться теплой осенью на побережье, Антон Иванович приехал в Париж. Пропустить такой праздник он не мог.

На торжественном заседании в Галлиполийском собрании председательское место занял Скоблин, справа от него разместился Деникин, слева — Миллер. Присутствовали генералы Шатилов, Стогов, Кусонский, адмирал Кедров, войсковой атаман Всевеликого войска Донского Африкан Богаевский. Приехала дочь Корнилова — Наталья Лавровна Шапрон дю Ларре. Она давно жила в Брюсселе. На вокзале Гар

дю Нор ее встречали Скоблин с Плевицкой.

Николай Владимирович руководил всем празднеством. Его бывшие командиры и соратники по белой армии за полтора десятка лет жизни в эмиграции сильно постарели. Он же выглядел прекрасно. Ему было всего 45 лет.

Миллер и Деникин, выступая, превозносили подвиги корниловцев. Газета «Возрождение» поместила подробный и благожелательный отчет о банкете, прошедшем весьма торжественно: «Заключительную речь произнес командир Корниловского полка генерал Скоблин, в прошлом начальник Корниловской бригады, а потом и дивизии. Генерал Скоблин состоит в полку с первого дня его основания; он — один из совершенно ничтожного количества уцелевших героев-основоположников. В его обстоятельной и сдержанной речи были исключительно глубокие места. Глубокое волнение охватывало зал, склонялись головы, на глазах многих видны были слезы. На вечере, как всегда, пленительно пела Надежда Васильевна Плевицкая».

Это был ее последний концерт. Никогда больше она не выйдет на сцену. Не услышит аплодисментов. Не увидит слезы на глазах благодарных и восхищенных слушателей... Пройдет всего несколько дней, и рядом не останется ни одного друга, ни одного близкого человека. И в устремленных на нее глазах она прочитает только ненависть и презрение.

Впоследствии впечатления от банкета будут иными. И от Скоблина: «Небольшого роста, худой, хорошо сложенный, с правильными, даже красивыми чертами лица, с черными, коротко подстриженными усами, он производил бы вполне благоприятное впечатление, если бы не маленькая, но характерная подробность: Скоблин не смотрел в глаза своему собеседнику, взгляд его всегда скользил по сторонам».

Деникин своему биографу говорил, что Скоблина в Гражданскую войну считали человеком очень храбрым. Но «он отличался холодной жестокостью в обращении с пленными и населением... В полку его недолюбливали, осуждали за карьеризм и за неразборчивость в средствах... Но в суровые дни и однополчанам, и начальству приходилось прежде всего считаться с воинской смекалкой Скоблина, закрывая глаза на его недостатки. По инерции это отношение к Скоблину сохранилось и после Гражданской войны. В памяти его бывших соратников, попавших в эмиграцию, неприятности сгладились и остались воспоминаниями о молодом и храбром офицере».

И о Плевицкой — когда ее посадят на скамью подсудимых — тоже вспомнят иначе: «Необразованная и малограмотная, она была чрезвычайно

умна и обладала тем свойством талантливой актрисы, которое давало ей возможность при желании перевоплощаться то в беспомощную, слабую, простую, доверчивую и добрую женщину, то в существо твердое, как кремень, где человеческое чувство жалости и сострадания отбрасывалось в сторону, где доминировал холодный расчет».

Торжества завершились. Но некоторые почетные гости задержались в Париже. Дочь Корнилова уезжала в среду, 22 сентября. Скоблин и Плевицкая обещали ее проводить. Скоблин попросил и адъютанта полка капитана Петра Григуля с женой приехать на вокзал.

Впоследствии французская полиция достаточно точно установит, что именно 22 сентября, в день похищения Миллера, делали Скоблин и Плевицкая. А Владимир Бурцев опишет результаты следствия в книге, которую издаст на свои средства: «Большевицкие гангстеры в Париже. Похищение генерала Миллера и генерала Кутепова».

С самого утра Скоблин и Плевицкая начали выстраивать свое алиби. Они поехали в русское кафе на рю Донизан, где пробыли полчаса, до половины одиннадцатого. Из кафе Скоблин отвез жену в модный магазин «Каролина» на авеню Виктора Гюго и оставил ее там, обещав вернуться за ней после встречи с Евгением Карловичем Миллером.

Официанты в кафе и продавцы в магазине должны были в случае необходимости подтвердить, что всё утро Скоблин и Плевицкая провели на публике. Из «Каролины» они намеревались ехать на Северный вокзал — провожать Наталью Лавровну Корнилову-Шапрон дю Дарре. Брюссельский поезд уходил в начале третьего.

Пока Надежда Васильевна с удовольствием примеряла платья, Николай Владимирович вышел из магазина, уселся в свой автомобиль и уехал. Обещал вернуться через час.

С Евгением Карловичем Миллером они встретились на углу улиц Раффэ и Жасмэн. Здесь Скоблина и Миллера поджидал еще один человек. Его имя мне не известно. Скоблин оставил свой автомобиль, и они втроем, разговаривая, пошли по улице Раффэ к калитке дома на бульваре Монморанси.

Его в 1936 году за 30 тысяч франков в год арендовал советский полпред Владимир Петрович Потемкин (будущий первый заместитель наркома иностранных дел и академик). В доме находилась школа для детей советских сотрудников, работавших в Париже. Но в сентябре каникулы еще не закончились, и школа пустовала. Здание сторожила одна безграмотная женщина.

Позднее следствие обратит внимание на то, что место для похищения

генерала Миллера выбрали очень удачно. Советский дом находился на окраине Парижа, возле Булонского леса, в пустынном (в те годы) месте, где редко можно было встретить прохожего — особенно в обеденные часы.

Следствие даже найдет свидетеля последних минут свободной жизни генерала Миллера. Бывший офицер Добровольческой армии 22 сентября 1937 года находился на террасе дома всего в нескольких десятках метров от советской виллы на бульваре Монморанси. Оттуда ему было прекрасно видно, как у самого входа в советский дом стояли хорошо ему известные генералы Миллер и Скоблин, а между ними — спиной к нему — находился какой-то человек плотного сложения. Скоблин в чем-то убеждал Миллера и показывал на калитку советского дома. По-видимому, предлагал генералу войти в дом. Евгений Карлович, похоже, колебался.

Что произошло потом, свидетель не видел, так как в это время его позвали с террасы внутрь дома. Он не придавал никакого значения увиденной им сцене. Только на другой день, прочитав в газетах о похищении Миллера и исчезновении Скоблина, понял, чему был свидетелем.

Надо понимать, генерала Миллера втолкнули в дом, где находились оперативники Главного управления государственной безопасности Наркомата внутренних дел, и всё было кончено. Его одурманили хлороформом, уже в бессознательном состоянии заткнули рот и связали руки и ноги. Через несколько минут к дому подкатил новенький восьмицилиндровый грузовичок компании «Форд», приобретенный советским полпредством. В грузовик погрузили большой и тяжелый ящик, его вынесли вчетвером.

Передав Миллера оперативной группе НКВД, Скоблин на машине поехал за Плевицкой. Но опоздал. К «Каролине» он подъехал буквально через пять минут после того, как Надежда Васильевна отправилась на вокзал. Скоблин поспешил за женой. Догнал ее только на перроне. Дочери Корнилова Николай Владимирович непринужденно объяснил, что они с Надюшей приехали вместе, но он появился позже, поскольку ему пришлось отогнать машину на стоянку и что-то исправить в моторе.

Следствие назначит экспертизу, которая установит: мотор купленной на деньги НКВД новенькой машины работал идеально, исправлять было нечего. Да и весь день Николай Владимирович преспокойно на ней раскатывал.

С вокзала Скоблин и Плевицкая отправились в Галлиполийское собрание (на рю де ля Фезандери) — пить чай. Затем Скоблин завез жену в гостиницу «Пакс» (на авеню Виктора Гюго) и оставил там немного отдохнуть. А сам вместе с полковником Трошиным и капитаном Григулем

нанес визиты Деникину и Миллеру, дабы поблагодарить обе семьи за участие в прошедшем накануне банкете корниловцев.

На процессе Плевицкой капитан Григуль расскажет, как в тот день Скоблин настойчиво приглашал Деникина вместе поехать в Брюссель. Антон Иванович благообразно отказался.

Не застав — по причине ему одному известной — генерала Миллера, Скоблин как ни в чем не бывало попросил его жену передать генералу искреннюю благодарность преданных Белому делу офицеров-корниловцев.

Впоследствии его невероятное хладнокровие станет предметом взволнованного обсуждения в эмигрантской среде. Он же только что отдал в руки злейших врагов своего старого и доброго друга!

Многие задавались вопросом: как Плевицкая и Скоблин могли так поступить, зная, что ждет Миллера в Москве?.. Тюрьма, а то и смерть.

Скорее всего, они просто не думали об этом. И не испытывали ни малейшего сожаления. Не интересовали их ни судьба Миллера, ни страдания его жены и детей. Чувство вины — естественная часть нормальной человеческой личности, но это чувство возникает не у всех.

Они целиком и полностью сосредоточились на себе. Важнее всего — собственное благополучие и положение в жизни. Детей у них не было. Заботиться о других они не привыкли. А благотворительность, в которой Плевицкая всегда участвовала, — это нечто иное, это часть образа жизни.

Ближе к вечеру они вернулись к себе в Озуар-ла-Феррьер, чтобы накормить кота и собак. Но вечер еще не был закончен. Им не хотелось сидеть дома, и они вновь поехали в Париж. Плевицкая осталась в гостинице «Пакс», а Скоблин еще раз наведлся в Галлиполийское собрание и потом только присоединился к жене. Скорее всего, он был доволен тем, как удачно провернул дельце. И Надежда Васильевна разделяла с ним эту радость.

А Миллера уже искали. Но Скоблин лег спать, не подозревая, что его вскоре разбудят и попросят приехать в канцелярию РОВСа. И он никогда больше не увидит свою жену.

А что же происходило с председателем Русского общевойскового союза?

Когда генерала хватились, машина, увозившая Евгения Карловича Миллера, была уже далеко от Парижа. Связанного генерала, находившегося без сознания, на максимальной скорости везли в портовый город Гавр.

Здесь на разгрузке стояло советское судно «Мария Ульянова», доставившее 5522 тюка с бараньими кожами на общую сумму в девять миллионов франков. Груз предназначался для отправки в Бордо.

Товаро-пассажирское судно «Мария Ульянова» сошло со стапелей Северной судостроительной верфи в Ленинграде 1 мая 1925 года. Скорость — двенадцать с половиной узлов. Команда — 42 человека. Еще недавно судно носило иное имя — «Ян Рудзутак». Его назвали в честь члена политбюро ЦК партии Яна Эрнестовича Рудзутака. Но в мае 1937 года заместитель председателя правительства Рудзутак был арестован (его расстреляют через год). Пароход переименовали — в честь младшей сестры Ленина Марии Ильиничны Ульяновой, умершей в июне 1937 года.

Портовой команде оставалось выгрузить еще 600 тюков, когда «Мария Ульянова» внезапно стала готовиться к отходу. Капитан получил по радио мало понятный ему приказ принять важный дипломатический груз и немедленно покинуть порт. Оставшиеся 600 тюков с бараньими кожами вернутся в Россию, где их перегрузят на другой пароход и вновь повезут — на сей раз непосредственно в Бордо.

Фордовский грузовичок, покрытый пылью, подкатил к самому причалу, окутанному туманом. Из машины выскочил человек и быстро поднялся по трапу. Вахтенный провел его прямо к капитану. На несколько минут они остались один на один в каюте. Потом капитан стремительно прошел в рубку готовиться к отплытию, а гость вернулся к трапу, чтобы помочь втащить на борт тяжелый груз. По приказу капитана в этот момент с палубы исчезли все матросы.

Таможенникам предъявили документы, из которых следовало, что в ящике — дипломатическая переписка советского полномочного представительства во Французской Республике. Дипломатическая переписка таможенному досмотру не подлежит. Судно немедленно отошло от причала и взяло курс на Ленинград.

Полицейское расследование быстро привело французских сыщиков в Гавр. Они заподозрили, что Миллера увезли на советском судне. Министр обороны Эдуард Даладье вызвал к себе советского полпреда и потребовал, чтобы пароход немедленно вернулся во Францию. Но разговором дело и ограничилось. Французское правительство не захотело ссориться с Советской Россией.

Двадцать девятого сентября пароход «Мария Ульянова» вошел в порт Ленинграда, на следующий день Миллера доставили в Москву на Лубянку. Он оказался на тюремных нарах.

Действующие лица и исполнители

Московские газеты буквально на следующий день сообщили об исчезновении белогвардейского генерала Миллера и потом регулярно информировали своих читателей о ходе поисков.

Парижский корреспондент ТАСС, ссылаясь на французские газеты, объяснял, кому выгодно устранить председателя РОВСа:

«Заставить исчезнуть генерала Миллера с тем, чтобы поставить во главе белой эмиграции более подходящего для Гитлера человека, несомненно, в интересах той части белой эмиграции, которая связана с фашистской Германией.

Миллер не проявлял того рвения и горячности в отношении службы Адольфу Гитлеру и испанскому каудильо Франко, которых хотели бы от него некоторые из главарей РОВС. Некий генерал Т. (по-видимому Туркул, добавлял корреспондент ТАСС) недавно отправился в Германию. По возвращении из Германии имел встречу с Миллером. После этой встречи Миллер говорил некоторым из своих друзей, что он испытывает тревогу за свою дальнейшую судьбу».

Парижский корреспондент «Известий» 27 сентября, когда Плевицкую уже арестовали, процитировал «белоэмигранта Бурцева»: «Генерал Скоблин — это новый Азеф. Я являюсь ярим врагом большевиков, но правда — прежде всего. СССР не имеет никакого отношения к этому делу. Похищение было совершено немцами. Правительственные круги Германии желали избавиться от генерала Миллера, который хотя и не был франкофилом, но всё же был нейтральным. Что же касается Скоблина, то он находился в тесной связи с русскими белогвардейцами в Берлине и организовал отправку большого числа авантюристов на помощь генералу Франко».

Еще через день «Известия» сообщили: «Расследование установило, что Скоблин входил в организацию белогвардейских генералов, занимавшихся вербовкой бывших офицеров врангелевской и деникинских армий, проживавших во Франции, в Германии и на Балканах, для составления из них „русского добровольческого корпуса“. Этот корпус должен был влиться в германскую армию „в соответствующий момент“. Миллер, так же, как и Деникин, был якобы противником открытия в Париже вербовочных пунктов. Скоблину было, по-видимому, поручено его германским начальством ликвидировать Миллера, а затем Деникина».

Решения о такого рода публикациях принимались в аппарате ЦК партии и только с санкции вождя. Аппаратчики на Старой площади, инструктировавшие редакторов газет, сами ничего не знали о судьбе пропавших белых генералов. Принцип был простой: всё, что пишут буржуазные газеты о Советском Союзе, — вранье, которое следует разоблачить.

Руководителям Наркомата внутренних дел было известно, что Скоблин и Плевицкая работают на советскую разведку. Но они вовсе не собирались защищать их репутацию. Агенты выполнили свою миссию и уже мало кого интересовали.

Тридцатого сентября «Известия» посвятили исчезновению белых генералов целый подвал на второй полосе:

«Фашистские газеты объявили: „Генерал Миллер похищен представителем Советского Союза Скоблиным. Его погрузили на советский пароход и повезли в Ленинград“. Действительно, как могут обойтись жители Ленинграда без генерала Миллера? Всё это-то ничего, да вот генерала нет...

Второе, удешевленное, издание дела Кутепова состряпано. Газеты пишут о перстне, который „батюшка-царь пожаловал Плевицкой“, о благородстве сына Кутепова, который учится в кадетском корпусе, о кознях злых большевиков. Французы в каждом старом бородатом человеке видят генерала Миллера. Новый модный спорт: охота на бородачей».

А где же спрятался Скоблин?

Там, где ни полиции, ни сослуживцам по РОВСу никогда бы не пришло в голову его искать. Он просто поднялся этажом выше — в квартиру бывшего министра Временного правительства, бывшего министра в Сибирском правительстве Колчака, видного в прошлом московского промышленника Сергея Николаевича Третьякова. Бывший министр, обедневший и одинокий, к тому времени семь лет работал на советскую разведку.

В тот сентябрьский день 1937 года Третьяков оказал разведке огромную услугу, спрятав у себя разоблаченного Скоблина, вероятно, самого крупного советского агента в довоенном Париже. Затем Николай Владимирович, которому нужны были деньги, отправился в город. Около четырех утра Скоблина видели в гараже на углу бульвара де Пресбург и Порт дэ Терн. Он разыскивал своего зятя — полковника-корниловца Николая Сергеевича Воробьева, женатого на его младшей сестре Тамаре Владимировне, очень набожной женщине; их дочь, племянница Скоблина, Тамара Николаевна со временем станет преподавателем церковной школы в

Париже.

Не застав Воробьева, Скоблин забежал к однополчанину — штабс-капитану Корниловского полка Александру Порфирьевичу Кривошееву. Тот работал таксистом, писал стихи и еще держал книжный и писчебумажный магазин «Кама». Кривошеева тоже не оказалось дома. Дверь открыла его жена. Скоблин попросил стакан воды и 200–300 франков взаймы — нужно срочно расплатиться:

— Кошелек дома забыл!

Жена Кривошеева любезно одолжила Скоблину 200 франков. Теперь он бросился искать советских разведчиков, которые должны были его спасти.

Французская полиция получила описание Скоблина. Его надеялись перехватить на железнодорожных вокзалах и в морских портах. Но все усилия были напрасны. Он исчез...

А кто же похитил генерала в Париже?

Руководил операцией Сергей Михайлович Шпигельглас. В октябре 1936 года он занял должность заместителя начальника внешней разведки. Шпигельглас обладал правом напрямую отправлять Сталину разведывательные сводки. Он и курировал подготовку громкой акции в Париже.

Шпигельглас приехал в Париж заранее, в начале июля 1937 года. В кафе «Клозери-де-Лила» на бульваре Монпарнас встретился с коллегой из соседнего ведомства — Вальтером Германовичем Кривицким, который руководил нелегальной резидентурой военной разведки в Западной Европе. Разговор состоялся вполне дружеский. Никому не ведомо его будущее...

У Шпигельгласа было несколько важных и неотложных дел в Европе.

Еще в июне 1930 года во Франции попросил политического убежища Георгий Сергеевич Агабеков, недавний начальник восточного сектора Иностранного отдела ОГПУ и резидент разведки в Турции и на Ближнем Востоке. Он заявил, что порвал с советским режимом. 1 июля парижская газета «Последние новости» опубликовала его заявление: «Я имею сотни честных друзей-коммунистов, сотрудников ГПУ, которые так же мыслят, как и я, но, боясь мести за рубежом СССР, не рискуют совершить то, что делаю я. Я — первый из них, и пусть я послужу примером всем остальным честным моим товарищам, мысль которых еще окончательно не заедена официальной демагогией нынешнего ЦК. Я зову вас на борьбу за подлинную, настоящую, реальную свободу».

Его воспоминания о службе в советской разведке были опубликованы под названием «Секретный террор: записки разведчика». Летом 1937 года

Агабекова, судя по всему, ликвидировали недавние сослуживцы из летучей группы, уничтожавшей перебежчиков.

Чекисты действовали по советскому закону. 21 ноября 1927 года ЦИК СССР (высший орган государственной власти) постановил: «Лица, отказавшиеся вернуться в Союз ССР, объявляются вне закона. Объявление вне закона влечет за собой: а) конфискацию всего имущества осужденного, б) расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности. Настоящий закон имеет обратную силу».

Иначе говоря, бежавший от советской власти автоматически подлежал уничтожению. Бегство из Советского Союза и было самым страшным преступлением. Причем наказанию подлежали и те, кто совершил это «преступление» до принятия закона!

Атабековым заграничные хлопоты Шпигельгласа не исчерпывались.

В ночь на 4 сентября 1937 года неподалеку от швейцарской границы на шоссе, ведущем из местечка Шамбланд на Женевском озере в Лозанну, обнаружили тело убитого советского разведчика Игнатия Порецкого, более известного под фамилией Рейсс.

Игнатий Станиславович Порецкий, он же Натан Маркович Порецкий, он же Игнатий Рейсс, кличка «Людвиг», с 1920 года служил в советской военной разведке. Летом 1937 года Порецкий заявил, что уходит на Запад. Он встретился с сотрудницей советского постпредства в Париже и вручил ей пакет, в который вложил орден Красного Знамени (странно, что орден оказался у Порецкого с собой — разведчикам не полагалось брать с собой за границу подлинные документы и награды) и открытое письмо Сталину, в котором говорилось: «Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу... Только победа освободит человечество от капитализма и Советский Союз от сталинизма. Вперед к новым боям за социализм и пролетарскую революцию! За организацию Четвертого Интернационала!»

Полтора десятка лет на службе в разведке странным образом не избавили Порецкого от революционного романтизма. Порецкий, как и Вальтер Кривицкий, всю жизнь был солдатом мировой революции и от Сталина ушел к Троцкому, считая его подлинным наследником ленинского дела. Вождь воспринял письмо Игнатия Порецкого как личное оскорбление — высланный из России и утративший всякое влияние в родной стране Лев Троцкий оставался в параноидальном мозгу Сталина врагом номер один. Вождь распорядился убить перебежчика.

Шпигельглас все организовал.

Из головы мертвого разведчика при вскрытии извлекли пять пуль, из тела еще семь. Его пальцы сжимали прядь русых волос — это помогло

швейцарской полиции. Она обнаружила брошенный автомобиль со следами крови в кабине и арестовала женщину, которая взяла машину напрокат. Ее звали Рената Штайнер, и она не могла понять, куда делись ее друзья, которым она передала этот автомобиль.

Полиция идентифицировала ее «друзей» и восстановила предполагаемую картину убийства. Но никого, кроме самой Ренаты Штайнер, найти не удалось. Полагают, что московской опергруппе помогла Гертруда Шильдбах, член компартии Германии, бежавшая из страны после прихода нацистов к власти. Советские разведчики регулярно просили ее оказывать «небольшие услуги» — обычно за кем-нибудь следить.

Полиция пришла к выводу, что Гертруда Шильдбах уговорила Порецкого встретиться. Они отправились в загородный ресторан. Пообедав, пошли гулять, и тут, на заброшенной дороге, появился автомобиль, из которого выскочили несколько человек. Они запихнули Порецкого в машину, где застрелили его. Труп выбросили на дорогу.

Соучастниками ликвидации советского разведчика называют разных людей — как правило, непрофессионалов. Версии убийства Игнатия Порецкого, которыми оперируют историки, вызывают серьезные сомнения. К сожалению, до сих пор соответствующее досье так и не извлечено из архивов внешней разведки. Поскольку времена, когда архивы открывались, позади, то, возможно, мы уже никогда не узнаем правду. А строить предположения, не имея достаточной информации, опасно. Легко ошибиться.

Это было не первое и не последнее политическое убийство, совершенное НКВД за рубежом. Неограниченность в силах и средствах давала возможность тщательно организовывать эти убийства. Акции, требующие подготовки, выполнялись кадровыми работниками госбезопасности. Оперативные группы перебрасывались из России за рубеж (в НКВД могли изготовить фальшивые документы всех стран). Генерала Кутепова в 1930 году и генерала Миллера в 1937-м похитили в Париже сотрудники резидентуры внешней разведки и прибывшие к ним на помощь оперативные работники НКВД.

Первоначально убрать Порецкого поручили майору госбезопасности Теодору Малли (в Иностранном отделе его называли Теодором Степановичем, оперативный псевдоним «Манн»). Малли был венгром, католическим священником. В Первую мировую войну служил в австро-венгерской армии и попал в русский плен. После Октябрьской революции вступил добровольцем в Красную армию, потом его взяли в ВЧК. Он успешно работал нелегальным резидентом в Лондоне.

«Высокий, красивый мужчина с голубыми доверчивыми глазами и очаровательной улыбкой, которая отличает людей от природы застенчивых, — вспоминала вдова Порецкого Элизабет. — Он проявил себя преданным другом, на которого можно было положиться».

Сергей Шпигельглас, приехав в Париж, вызвал к себе Теодора Малли. Сергей Михайлович подчинил себе парижскую резидентуру. Вообще-то в советской колонии резидент вел себя, как царь, бог и воинский начальник. Он мог даже не присутствовать на партийных собраниях. И полпред не смел сделать ему замечание, знал, что с резидентом не ссорятся. Но в присутствии Шпигельгласа резидент чувствовал себя неуверенно и держался скромно.

После назначения наркомом внутренних дел Николая Ивановича Ежова заграничный аппарат менялся буквально на глазах. Резидентов и их помощников отзывали в Москву одного за другим. В лучшем случае отстраняли от работы, в худшем арестовывали. Вот поэтому парижский резидент боялся московского начальства. Понимал: операция пройдет неудачно — придется возвращаться домой.

К тому времени Сергей Шпигельглас получил специальное звание майора госбезопасности. Майор госбезопасности был выше по званию, чем обычный армейский майор.

Седьмого октября 1935 года появилось постановление ЦИК и Совнаркома СССР о введении специальных званий начальствующего состава Главного управления государственной безопасности НКВД. Майор госбезопасности носил в петлицах один ромб — как комдив, то есть приравнивался к генералу. Офицеры госбезопасности ходили в гимнастерках защитного цвета и синих брюках. Петлицы были крапового цвета. На рукав гимнастерки нашивался знак красного цвета с изображением серпа и молота, на которые вертикально накладывался меч.

За границей чекисты формы не носили, но все знали, насколько влиятелен Шпигельглас. Он предложил Теодору Малли два варианта на выбор. Ударить Порецкого утюгом по голове в его гостиничном номере и инсценировать ограбление. Или отравить во время совместной трапезы в кафе и распрощаться раньше, чем тот уйдет в мир иной.

Малли дружил с Порецким и отказался от поручения. На следующий год его арестовали, приговорили к смертной казни и в тот же день расстреляли...

Вместо Малли из Москвы вызвали специалистов по «мокрым делам». Павел Анатольевич Судоплатов, который, занимаясь в НКВД такими делами, дослужился до генеральского звания, в своих воспоминаниях

назвал имена убийц Порецкого — двух сотрудников Иностранного отдела, их отметили орденами Красного Знамени.

Один из них, Ролан Аббиат, родился в Англии, его отец был профессором консерватории. С начала 1930-х годов работал на советскую разведку. После убийства Рейсса переехал в СССР, получил орден и гражданство. Работал в ТАСС под именем Владимира Сергеевича Правдина. В Великую Отечественную войну его как англоговорящего журналиста командировали в Соединенные Штаты. Когда после войны вскрылся масштаб советской разведывательной сети в Северной Америке, его вернули в Москву. В 1953 году о нем вспомнил Судоплатов, вновь зачислил Ролана Аббиата в кадры госбезопасности. Аббиат умер в 1970 году.

Второй, Борис Мануилович Афанасьев (настоящая фамилия Атанасов), родился в Болгарии, член компартии, после попытки убить болгарского министра бежал в Советский Союз. С 1932 года служил в Иностранном отделе. Участвовал в краже архива Льва Троцкого и в похищении генерала Миллера. В 1947-м его убрали из органов. В 1953 году, после смерти Сталина, тоже вернули в кадры, после ареста Берии опять уволили. Нашли ему другую работу — заместителем главного редактора журнала «Советская литература» на иностранных языках. Он умер в 1981 году.

В военной разведке Порецкий служил заместителем Вальтера Кривицкого. Через месяц после убийства своего заместителя Кривицкий получил указание срочно вернуться в Москву. Понимая, что его ждет, попросил политического убежища во Франции. В 1938 году переехал в США. Написал книгу «Я был агентом Сталина». В феврале 1941 года ушел из жизни при не выясненных до конца обстоятельствах.

Операция с генералом Миллером была посложнее, так что в помощь Шпигельгласу из Мадрида прибыл руководитель представительства НКВД в республиканской Испании Александр Михайлович Орлов. Из Москвы прислали Вениамина Семеновича Гражуля, который после Гражданской войны служил в особых отделах, а в 1930-е годы использовался как нелегал. Репрессии обошли Гражуля стороной, в войну его перевели на преподавательскую работу. Из «парижан» привлекли заместителя нелегального резидента во Франции капитана госбезопасности Михаила Васильевича Григорьева, оперативный псевдоним «Александр». Его имя еще встретится на страницах этой книги.

Резидент в Париже Stanislaw Мартынович Глинский, который принимал участие в захвате Бориса Савинкова и получил за это орден Красного Знамени, ровно за месяц до операции был внезапно отозван в

Москву. В Париже он работал с 1934 года. Уезжал Глинский в отличном настроении, но на родине был арестован как «польский шпион» и в декабре расстрелян. Его жене дали десять лет лагерей. Она отсидела свой срок полностью, вернулась в 1947 году в Москву. Ее вновь арестовали и отправили в Воркуту, она умерла по дороге.

Следы генерала теряются

Парижская резидентура информировала Центр о ходе расследования по делу Плевицкой и Скоблина. Сергей Николаевич Третьяков по-прежнему прилежно записывал всё, что говорилось в штабе РОВСа.

Менявшие друг друга работники центрального аппарата советской разведки, повинувшись резолюции начальства, в личное дело «Иванова» подшивали копии донесений и писем Сергея Николаевича Третьякова, шифровки из резидентуры, относящиеся к его работе. Это чисто деловые бумаги, и с каждым годом, отражая, видимо, процесс кадровых перемен на Лубянке, они становятся всё суше и стандартнее.

Читая составленные по «форме» сообщения, не просто представить себе, что чувствовал и о чем думал бывший крупный промышленник, бывший министр великой державы, день за днем, месяц за месяцем, год за годом, запираясь с утра в своей комнате, чтобы надеть наушники и разобрать, о чем этажом ниже говорят его бывшие соратники по Белому движению. Они вместе покинули Россию, вместе вели борьбу против советской власти, а теперь оказались по разные стороны баррикад...

Пятого октября 1937 года адмирал Кедров приказом № 32 по 1-му отделу РОВСа образовал Особую комиссию по делу Скоблина под председательством генерала от кавалерии Ивана Георгиевича Эрдели. В нее вошли: генерал-лейтенант Николай Михайлович Тихменев (он воевал и с японцами, и под командованием Брусилова в Галиции, и у Деникина; в Париже руководил «Союзом ревнителю памяти Николая II»), Сергей Дмитриевич Тверской (последний губернатор Саратовской губернии, глава Гражданского управления в правительстве юга России), Иван Иванович Тхоржевский (в Первую мировую войну управляющий канцелярией Министерства земледелия, камергер двора его императорского величества, он же поэт-переводчик), обязанности секретаря исполнил полковник граф Дмитрий Сергеевич Шереметев (один из немногих близких друзей императора с детских лет).

Двадцать восьмого февраля 1938 года комиссия Эрдели представила отчет. В Москве сразу же узнали, к каким выводам пришли в самом РОВСе, — Третьяков доложил.

«Материал „Петьки“ от 28 февраля 1938 года:

Похищение генерала Миллера было тщательно подготовлено и приведено в исполнение агентами ГПУ в Париже. У комиссии нет ни

малейшего сомнения, что похищение генерала совершено большевиками.

Скоблин был квалифицированным предателем, уже давно работающим на большевиков и широко ими оплачиваемым.

Скоблин, по мнению комиссии, сообщников не имел, так как в таких делах, как похищение людей днем в большом городе, надо опасаться каких-либо пособников и помощников, могущих разболтать секрет раньше времени. Скоблин был одиночкой, действующей по указаниям ГПУ.

Внутренняя линия никакого отношения к делу похищения Миллера не имела».

Генерал Владимир Витковский, который руководил 1-м (французским) отделом Русского общевойскового союза, не стал держать выводы комиссии в секрете. Подписал приказ, с которым ознакомили всех членов РОВСа.

«ПРИКАЗ

1-му Отделу Русского ОбщеВоинского Союза

Париж, 1 марта 1938 г.

Объявляю полностью выводы комиссии по всему делу Скоблина:

1. Записка, оставленная генералом Миллером в полдень 22 сентября, — единственный ключ к раскрытию тайны его исчезновения. Более раннее вскрытие этой записки, вероятно, не могло бы уже воспрепятствовать похищению генерала Миллера, но оно могло — и должно было помешать бегству Скоблина.

Заявление генерала Кусонского: „Считаю себя виновным в позднем вскрытии упомянутой записки, почему откровенно доложил начальнику Русского ОбщеВоинского Союза о недопустимости занятия мною каких-либо ответственных должностей в РОВС“.

2. Бесследное исчезновение генерала Миллера среди бела дня в Париже было тщательно, до мелочей, подготовлено могущественной организацией, располагающей громадными денежными, техническими и политическими возможностями, недоступными никакой частной группе, и с очевидностью обличающими „руку Москвы“.

3. Скоблин сыграл „наводчика“: он завлек в западню генерала Миллера и свое предательство доказал бегством. Для выполнения роли предателя Скоблину необходимо было располагать только доверием генерала Миллера. Это доверие он сыграл в полной мере при неоспоримом содействии и руководстве своей жены Плевицкой.

4. По тщательно проведенному комиссией дознанию ни в частях 1-го армейского корпуса, ни вообще в РОВС сообщников у Скоблина в деле похищения генерала Миллера не было.

5. Так называемая „Внутренняя Линия“ к похищению генерала

Миллера не причастна.

6. Тем не менее вред, причиненный Русскому ОбщеВоинскому Союзу „Внутренней Линией“ в том виде, какой был придан этой организации ее закулисными руководителями, несомненен.

В воинскую среду вносились чуждые ей начала, интриги, слезки и разложения. Вокруг главы РОВС генерала Миллера искусственно создавалась атмосфера пустоты и общего недоброжелательства, невольно толкавшая его ближе к Скоблину, искавшему войти в его доверие.

7. Комиссия не может не осудить заправил „Внутренней Линии“ генерала Шатилова, капитана Фосса и капитана Закржевского. Комиссия сожалеет и о том покровительстве, которое оказывалось их деятельности командованием...

Организация „Внутренней Линии“ внедрилась в РОВС, то есть в военное объединение, построенное по принципам воинского подчинения, вопреки первоначальному замыслу в виде некоей тайной силы. Сила эта образовала у себя независимую от местных начальников РОВС линию подчиненности во главе с особым центром, ускользавшим от влияния возглавителя РОВС. При таком ее устройстве она явилась орудием неких личных честолюбивых целей к ущербу и для самого возглавителя РОВС, и для общего направления жизни РОВС. Работа в этой организации своими формами тайнодействия отравляющим образом повлияла на некоторых ее участников... Польза же, которая ожидалась при первоначальном возникновении „Внутренней Линии“, была очень невелика...

„Внутренняя Линия“ никак не является могущественной мафией, руководимой большевиками во вред РОВС и эмиграции и достигающей своих целей всеми мерами до покушения на убийство включительно. Такое представление о ней есть следствие отравленного воображения и недостаточной дисциплинированности мозга некоторых лиц, имевших то или иное касательство к этой организации.

Вышеприведенные доводы должны совершенно прекратить распространяемые неверные и вредные слухи по поводу „Внутренней Линии“ — в составе которой, по удостоверению комиссии, числилось не свыше 30 человек. В дополнение к ранее уже имевшим место указаниям — ныне приказываю так называемую „Внутреннюю Линию“ упразднить и всякую деятельность по этой линии прекратить.

Не могу не отметить отрадного заключения Особой комиссии, что Русское Зарубежное Воинство, несмотря на все удары и тяжкие испытания, по-прежнему и непоколебимо остается верным исконным началам Российской армии и отстоит национальную основу всего Воинства за

рубежом — Русский ОбщеВоинский Союз.

Временно исполняющий дела Начальника 1-го Отдела генерал-лейтенант Витковский

Исполняющий дела Начальника канцелярии полковник Мацылев».

Внутренняя линия — конспиративная структура внутри РОВСа. Образовали ее два капитана — Клавдий Александрович Фосс из артиллерийской бригады Дроздовской пехотной дивизии и Николай Дмитриевич Закржевский из Корниловского артиллерийского дивизиона. К ним примкнул капитан Марковского артиллерийского дивизиона Виктор Александрович Ларионов, устроивший громкий теракт в Ленинграде. Покровительствовал им генерал Шатилов. Они хотели быть своего рода контрразведкой, которая бы следила за благонадежностью офицеров и выявляла тайных большевистских агентов. И составляли картотеку на боевых товарищей, что товарищам сильно не понравилось.

Десятого марта 1938 года вышел экстренный выпуск журнала «Часовой» с заголовком «Сохраним Русский ОбщеВоинский Союз!». Журнал по просьбе Врангеля с 1929 года издавал штабс-капитан Василий Васильевич Орехов. Он окончил Виленское пехотное училище, командовал ротой во 2-м Железнодорожном батальоне. В белой армии был командиром бронепоезда. Журнал «Часовой» называл себя «органом связи русского воинства и национального движения за рубежом». Орехов публиковал официальные документы РОВСа, некрологи русских офицеров, умиравших на чужбине.

Издатель журнала штабс-капитан Орехов высоко оценил готовность генерала Витковского к гласности:

«Найдены правильные и мужественные слова, резюмирующие то тяжелое состояние, в котором находится дорогая нам всем организация. Особая комиссия по делу Скоблина честно и добросовестно выполнила возложенную на нее задачу. Генерал-лейтенант Витковский нашел в себе мужество объявить к всеобщему сведению результаты ее работы.

После долгих лет колебаний и успокоений, производивших обратное действие, нашелся начальник, не побоявшийся правды. Имя генерал-лейтенанта Витковского войдет в историю русской военной эмиграции как достойного и мужественного руководителя в тягчайший момент недоверия, разочарования и апатии».

Председатель комиссии генерал Иван Эрдели остался без должности в РОВСе и подрабатывал таксистом. Он умер через полтора года — 7 июля 1939 года.

Журналисты приходили в штаб РОВСа за комментариями, но с

французской прессой там старались не откровенничать. В советской разведке знали об этом, что называется, из первых рук. Кабинет Миллера занял генерал Витковский, новый начальник 1-го отдела. Все его разговоры записывал Третьяков и передавал связному.

«Материал „Петьки“ от 1 апреля 1938 года:

Мацылев докладывает о приходе корреспондента „Матэн“, который желает видеть его превосходительство. Витковский немедленно принимает корреспондента. Говорят по-французски.

Разговор идет о вчерашней статье, помещенной в газете по поводу работы Скоблина не только по внутренней, но и по внешней линии. Под внешней линией разумеется посылка при непосредственном участии Скоблина и с ведома Миллера людей в СССР с террористическими и информационными целями. Приводится список имен (4–5 человек) присланных в СССР людей, которые оттуда никогда не возвращались. Корреспондент хочет знать, как относится к этим разговорам начальник 1 отдела.

Витковский очень осторожен, он заявляет, что только что получил рапорт комиссии Эрдели, занимавшейся расследованием деятельности Скоблина, который сейчас он изучает. Результаты работы комиссии будут приданы гласности. Витковский не удивляется, узнавши, что предатель Скоблин посылал на верную смерть в Россию доверчивых людей, так как человек, продавший и предавший своего прямого начальника, способен на всё, но пока что точных сведений по этому вопросу он сообщить корреспонденту не может. Имена убитых в России офицеров ему также неизвестны.

Посетитель указывает, что вчера и сегодня продолжается допрос Плевицкой в присутствии брата и жены похищенного Миллера. Допрос этот может дать очень интересные результаты. Витковский также хочет верить, что французское правосудие найдет настоящих виновников злодеяния, совершенного 22 сентября.

Собеседники обмениваются карточками. Корреспондент очень просит держать его в курсе дела по расследованию предательской работы Скоблина, раскланивается и уходит».

А Николай Владимирович Скоблин всё еще находился в Париже, о чем никто не подозревал. Думали, он в Москве. Его скрывала советская разведка. Надо понимать, в здании полпредства. Он томился от скуки. Переживал за жену. Думал, как ей помочь. Вникал в советскую жизнь. Читал московские газеты и журналы. Ему эта литература была в диковинку. Но он быстро осваивал ритуальные фразы и обороты.

Рассекречен извлеченный из архива документ, подписанный Скоблиным. Надо понимать, последний в его жизни. Это его письмо, адресованное в Москву. Датировано оно 11 ноября 1937 года:

«Дорогой товарищ Стах!

Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза.

Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана. Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине — Советском Союзе...

Не успел оглянуться, как снова прошло две недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового в моей личной жизни не произошло.

От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моем „Васеньке“ не дает мне целиком отдаться этому делу.

Как вы полагаете, не следует ли Георгию Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно „Васеньки“?

Я бы мог дать ряд советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти 2-х месячное пребывание в заключении и необходимость ободрить, а главное успокоить».

Он рассчитывал, что разведка как-то сумеет вытащить Надежду Васильевну (которую для конспирации именуется «Васенькой»), спасти от тюрьмы...

И всё. Больше ни одной весточки. Генерал исчезает бесследно.

Владимир Бурцев писал: «Скоблин бежал и не известно, где находится. Если он, как говорили, был из Парижа увезен в Испанию, то оттуда его, конечно, уже давно отправили в СССР или там „ликвидировали“ за ненужностью».

Похоже, он был прав.

Официальная версия такова: Скоблина укрыли на конспиративной квартире советской разведки в Париже, где готовили к поездке в Испанию, поэтому он и учил испанский язык.

Рассекречена шифротелеграмма, отправленная Центром в Париж 28 сентября 1937 года:

«„Шведу“ и „Яше“

Ваш план принимается. Хозяин просит сделать всё возможное, чтобы прошло чисто. Операция не должна иметь следов. У жены должна сохраниться уверенность, что тринадцатый жив и находится дома.

Алексей».

«Швед» — псевдоним Александра Орлова.

«Яша» — псевдоним Якова Серебрянского.

«Алексей» — псевдоним начальника 7-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД комиссара госбезопасности 2-го ранга Абрама Ароновича Слуцкого.

Хозяин — это Сталин.

Глава представительства НКВД в республиканской Испании Александр Орлов зафрахтовал самолет, на котором Скоблина переправили в Барселону. Это подтверждает его письмо Шпигельгласу (также рассекреченное) более позднего времени, в котором он вспоминает то дело: «За 15 000 долларов мы могли бы купить самолет типа того, на котором мы с вами вывозили „Фермера“».

А что же приключилось с генералом за Пиренеями? В Испании полыхала гражданская война. Говорили, Скоблин погиб при бомбардировке. Профессионалы уверены, что от Николая Владимировича избавились. Историки полагают, что осуществили ликвидацию Александр Орлов и Павел Судоплатов.

Почему ему не сохранили жизнь?

Новое руководство НКВД и разведки в Скоблине больше не нуждалось. Что с ним делать в Москве? Он же всерьез рассчитывал занять обещанную ему высокую должность в Генштабе. Но ему не доверяли. Разведчиков, которые работали со Скоблиным, после похищения Миллера расстреляли как иностранных шпионов... Впрочем, те, кто решил его судьбу, вскоре последовали за ним в мир иной. Люди в советской разведке менялись с головокружительной быстротой.

Семнадцатого февраля 1938 года Слуцкого пригласил к себе первый заместитель наркома Михаил Петрович Фриновский. Через полчаса к Фриновскому срочно вызвали заместителя начальника разведки Шпигельгласа. В просторном кабинете замнаркома он увидел неподвижное тело Слуцкого, упавшего с кресла, на столике — стакан чая и тарелку с печеньем. Шпигельглас предложил вызвать врача. Фриновский объяснил Шпигельгласу, что врач уже заходил:

— Медицина тут бессильна. Сердечный приступ.

Арестованный Николай Иванович Ежов, бывший нарком внутренних дел, на одном из допросов подписал показания, из которых следует, будто

он распорядился убить начальника разведки. Однако история с отравлением вызывает сильные сомнения.

Уже после смерти, в апреле 1938 года, Слуцкий задним числом был исключен из партии как «враг народа». Иначе говоря, если бы не умер сам, посадили бы и расстреляли. Слуцкий был тяжелым сердечником. Как и председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский, принимал посетителей, лежа на диване. Скорее всего, он умер от сердечного приступа.

А Ежова следователи заставляли признаваться в преступлениях, которые он не совершал. Бывшего наркома внутренних дел приговорили к смертной казни «за измену Родине, вредительство, шпионаж, приготовление к совершению террористических актов, организацию убийств неугодных лиц».

После смерти Слуцкого несколько месяцев обязанности начальника разведки исполнял Сергей Михайлович Шпигельглас. В числе поставленных перед ним задач уничтожение врагов советской власти за кордоном и чистка собственных рядов стояли на первом месте.

В июле 1938 года майора госбезопасности Александра Орлова, награжденного орденами Ленина и Красного Знамени, внезапно вызвали на встречу со Шпигельгласом в Антверпен, где стояло советское судно «Свирь».

Зная, что в Москве идут аресты чекистов, Орлов решил не рисковать. Вместе с женой и дочерью через Францию перебрался в Соединенные Штаты. Он самый высокопоставленный из ушедших на Запад чекистов. Автор написанной в 1950-е годы, а у нас опубликованной в начале перестройки, книги «Тайная история сталинских преступлений».

Сергея Михайловича Шпигельгласа верная служба не спасла.

После моих публикаций в «Неделе» о судьбе Плевицкой и Скоблина главному редактору газеты одна из читательниц прислала любопытнейший документ. Это была запись беседы с бывшим разведчиком Матусом Озарьевичем Штейнбергом, который с 1927 года служил в ОГПУ. Запись сделала его дочь Галина Матусовна.

Штейнберг работал против эмиграции — в 5-м отделении Иностранного отдела. Руководил 5-м отделением Андрей Павлович Федоров, до революции — эсер, в войну — прапорщик царской армии, с 1920 года сотрудник особого отдела ВЧК. В 1937 году его расстреляли.

Вот что рассказывал дочери Матус Штейнберг, который на Лубянке дослужился до помощника начальника Иностранного отдела:

— Кутепова убрал Серебрянский. За это он получил Красное Знамя. На радостях, что ему это дело удалось, он пришел ко мне. Всю историю

рассказал. Переманивал меня, чтобы я к нему пошел работать: «Что ты сидишь у Федорова!»

— А кто Миллера вывез?

— Шпигельглас!

— Тоже орден получил?

— Получил пулю в затылок. Его звали Мишка-волчий глаз. Русскому человеку выговорить его фамилию трудно. Скоблин и Плевицкая были переданы Шпигельгласу на связь. Генерал Миллер пошел на свидание якобы с немецкими офицерами, это верно. Но это были наши! Его на нашем пароходе переправили в СССР и хлопнули. Скоблина, конечно, расстреляли.

Руководителем Иностранного отдела Сергея Михайловича Шпигельгласа так и не сделали. 2 ноября 1938 года арестовали. Пять месяцев он отказывался подписывать то, что от него требовали. Его пытали, и он не выдержал. Его расстреляли 29 января 1941 года.

На скамье подсудимых

Французская полиция разрабатывала три версии: Евгений Карлович Миллер похищен советскими агентами, агентами немецкого гестапо или агентами лидера испанских мятежников каудильо Франсиско Франко.

Первая версия с первого дня представлялась наиболее перспективной, хотя нашлись и свидетели, доказывавшие, что Москва ни при чем. Защитники Плевицкой вызвали в качестве свидетеля бывшего капитана Добровольческой армии галлиполийца Петра Пантелеймоновича Савина, утверждавшего, что похищение председателя РОВСа организовал Франко и его испанская агентура. Но его показания не вызвали доверия.

Следствие по делу Плевицкой затянулось. Она провела в предварительном заключении год и два месяца. Суд начался 5 декабря 1938 года во Дворце правосудия. К тому времени бывший председатель РОВСа Евгений Миллер сидел во внутренней тюрьме НКВД в Москве, а Николая Скоблина уже не было в живых.

Французские следователи довольно точно установили, как именно русского генерала выкрали из Франции. Насильственное похищение — тяжкое преступление. Но кто за него ответит? Установить личности похитителей полиции не удалось. Кроме генерала Скоблина. Но и он исчез. На скамью подсудимых посадили одну только Плевицкую. Обвинению предстояло доказать ее участие в похищении.

Всего прошло девять судебных заседаний.

Оглашение обвинительного заключения по делу Плевицкой заняло немало времени. Следствие пришло к следующим выводам:

«Скоблин на французской территории совместно с сообщниками, оставшимися неразысканными, совершил 22 сентября 1937 года покушение на личную свободу генерала Миллера, учинил грубое насилие над генералом Миллером; сделал это с заранее обдуманном намерением; воспользовался для своих целей завлечением генерала Миллера в западню.

Надежда Винникова, по сцене Плевицкая, а по мужу Скоблина, на французской территории 22 сентября 1937 года и в последующие дни проявила себя участницей названных выше преступлений, совершенных Скоблиным и его неизвестными сообщниками, оказав им сознательную помощь в подготовке, облегчении и осуществлении задуманного дела.

Дознание выявило следующие обстоятельства.

22 сентября около 12 часов 15 минут генерал Миллер покинул свой

кабинет на улице Колизе, сообщив начальнику канцелярии генералу П. А. Кусонскому, что уходит на свидание, назначенное в 12 часов 30 минут, и не вернется к завтраку. Перед уходом он вручил генералу Кусонскому запечатанный конверт, сказав:

— Не думайте, будто я сошел с ума, но на этот раз оставляю вам этот конверт, который прошу вскрыть только в том случае, если вы меня больше не увидите.

В половине одиннадцатого вечера генерал Кусонский вскрыл конверт и нашел в нем записку. В полночь Кусонский послал за Скоблиным. На вопрос, не знает ли он, куда исчез генерал Миллер, Скоблин ответил, что не видел его в течение всего дня. Тогда ему предъявили записку, оставленную Миллером. Скоблин смутился и, улучив момент, когда собеседники удалились в другую комнату, чтобы обсудить положение, бежал.

Кусонскому ночью 22 сентября Скоблин сказал, что в день исчезновения генерала Миллера он был вместе с женой между четвертью первого и половиной четвертого дня. Жена Скоблина, со своей стороны, подтвердила его алиби. Она уверяла, будто завтракала с мужем в ресторане около четверти первого, а затем в сопровождении Скоблина посетила модный дом „Каролина“ на авеню Виктора Гюго и съездила на Северный вокзал, чтобы вместе с мужем, командиром Корниловского полка, проводить госпожу Корнилову, дочь генерала Лавра Георгиевича Корнилова.

Дознание установило, что супруги Скоблины действительно завтракали в ресторане Сердечного, но покинули ресторан в двадцать минут двенадцатого. Жена Скоблина одна явилась в модный дом „Каролина“ примерно без четверти двенадцать и ушла оттуда тоже одна примерно без десяти два.

Хозяин „Каролины“ господин Эпштейн показал:

— Мадам Плевицкая заказала два платья стоимостью в 2700 франков и заплатила вперед 900 франков. Она провела у нас почти два часа — до без двадцати два! Уходя, спросила, который час. Несколько раз напоминала нам, что муж с машиной ждет ее на улице, но сама не спешила. Когда я предложил пригласить генерала к нам в салон, она ответила уклончиво. Я несколько раз посмотрел в окно, но не увидел ни ее мужа, ни автомобиля.

Это приводит дознание к заключению, что похищение генерала Миллера произошло во время пребывания Плевицкой в магазине. Настойчивость, с которой жена Скоблина убеждала хозяина магазина, будто муж ждет ее на улице, ее отказ предложить ему подождать в магазине, ложь, при помощи которой она объяснила на перроне Северного вокзала

опоздание мужа, свидетельствуют, что между супругами существовал сговор, предшествовавший преступлению.

Следует добавить, что, будучи на семь лет старше мужа, Скоблина-Плевицкая, по общему отзыву, имела огромное влияние на него. Она была в курсе всех действий мужа, принимала деятельное участие во всех его начинаниях, получала на свое имя зашифрованные письма и документы политического значения, причем в некоторых документах указывалось даже, что содержание их не должно сообщаться мужу. Некоторые свидетели прямо называют ее злым гением Скоблина. Экспертиза домашних счетов супругов Скоблиных показала, что они жили значительно шире своих средств и что должны были существовать другие, скрытые ими, тайные доходы».

Адвокат Морис Рибе, представлявший интересы семьи Миллера, сформулировал позицию обвинения:

— Опережая господина прокурора, я позволю себе поставить вам, господа присяжные, вопрос: какое значение имеют все эти следы для определения виновности самой Плевицкой? Ясно одно — Скоблин виновен. Также не менее ясно и другое — и это я вам сейчас докажу — его жена была сообщницей. Остальное представляет лишь чисто исторический интерес.

Иначе говоря, Надежду Васильевну Плевицкую посадили на скамью подсудимых вместо ее мужа.

Гражданские истцы, взявшие на себя защиту интересов семьи генерала Миллера, настойчиво подчеркивали роль советского полпреда Владимира Потемкина. Адвокат Рибе напомнил, что это он в марте 1936 года за 30 тысяч франков в год распорядился снять дом на бульваре Монморанси, куда заманили генерала Миллера. Это полпред Потемкин за неделю до похищения Миллера, 13 августа 1937 года, нанял на свое имя ту камионетку (легкий грузовик, американский «форд»), которая увезла генерала Миллера, живого или мертвого, в Гавр, где стоял пароход «Мария Ульянова». И, наконец, полпред Потемкин ходил к министру юстиции Венсану Ориолю убеждать его в том, что гаврский след не имеет значения. В результате пароход не был задержан.

Адвокаты семьи первыми обратили внимание на то, что Скоблин назначил Миллеру свидание рядом с этим советским домом. Попросили судебного следователя немедля провести в доме обыск. Следователь запросил министра иностранных дел, не вызовет ли обыск дипломатических осложнений. Переписка двух ведомств длилась долго. Обыск провели только после обращения жены Миллера к президенту

страны. Обыск результатов не дал...

— Вести следствие было нелегко, — говорил на процессе адвокат Морис Рибе. — Похитители имели двадцать четыре часа для сокрытия следов преступления — прежде чем следствие было назначено. Кого подозревать? Это был первый вопрос, который нужно было поставить. Похищение генерала Кутепова и некоторые другие подобного рода дела должны были направить розыск в сторону советского правительства. Но всё же это не было единственным следом. Мы не имели — и я это особенно подчеркиваю в присутствии семьи генерала Миллера — никакого предвзятого мнения. Много отдельных лиц и целых группировок подпали под подозрение. Все следы были обследованы. Надо отдать должное, господа, судебному следователю. Последовательно — мы вам это скажем — мы подозревали Туркула, мы подозревали и Савина, вашего свидетеля, мэтр Филоненко, — Морис Рибе обратился к защитнику Плевицкой. — Ничего не осталось от этих обвинений, как вы сами могли установить. Советский след? Господа присяжные, он был проверен, как и другие. Инспектор судебной полиции заявил вам у этого барьера: «Нет другого следа более вероятного, чем этот». Но чтобы прийти к этому выводу, со сколькими затруднениями мы встретились!

Материалы процесса наводят на мысль о том, как иногда удивительно переплетаются судьбы!

Защиту Плевицкой принял на себя адвокат Максимилиан Максимилианович Филоненко, известный в эмиграции человек. При Временном правительстве Максимилиан Филоненко, бывший эсер, был назначен комиссаром 8-й армии на Юго-Западном фронте весной 1917 года, когда командарм Корнилов сформировал 1-й ударный отряд, в который вступил молодой офицер Скоблин, будущий муж Плевицкой.

Эмиграция обвиняла министров французского правительства в позорном покровительстве большевикам. Адвокат Рибе настаивал на вызове в суд министра внутренних дел Маркса Дормуа как свидетеля:

— Я утверждаю, что 23 сентября 1937 года, когда газеты сообщили об исчезновении генерала Миллера, советский полпред Потемкин был приглашен к председателю совета министров Франции. Глава правительства посоветовал Потемкину предложить Москве передать по радио на коротких волнах приказ пароходу «Мария Ульянова» немедленно вернуться во Францию.

Но некоторое время спустя министр внутренних дел Дормуа доложил главе правительства, что грузовик, на котором, как можно полагать, привезли Миллера, прибыл в Гавр слишком рано — в два часа дня, и, стало

быть, этот след нельзя считать серьезным. Правительство отказалось поэтому от мысли послать за советским пароходом миноносец.

Только к вечеру того дня выяснилось, что грузовик прибыл в Гавр не в два часа, а между тремя и четырьмя часами, но тогда уже было поздно действовать. Почему это произошло? Из вполне достоверного источника мне известно: по выходе из кабинета главы правительства советский полпред Потемкин посетил своего друга Венсана Ориоля, министра юстиции. В результате этого визита Дормуа передал по телефону те сведения, о которых я говорил. Вот почему допрос господина Дормуа я считаю совершенно необходимым для выяснения дела...

Адвокат Рибе утверждал, что французская полиция, исполняя указания министра внутренних дел, фактически парализовала расследование дела о похищении генерала Миллера и запутывала следы, ведущие к большевикам, чтобы не испортить отношения с Советским Союзом.

— В полиции работают люди сообразительные, — говорил Рибе. — Они понимают волю министра с полуслова. Иначе невозможно объяснить непростительные промахи, совершенные полицией при расследовании этого дела. Они не нашли на бульваре Монморанси советского дома, находящегося в двухстах метрах от места встречи генерала Миллера со Скоблиным. Они не обыскали этот дом немедленно, сославшись на «дипломатическую неприкосновенность», которой в действительности никогда не существовало. Потому что через три недели, когда госпожа Миллер обратилась с письмом к президенту республики, обыск все-таки произвели. Но, конечно, через три недели он не дал никаких результатов... Гаврский след?.. Полиция сделала всё, чтобы им не заниматься.

Адвокат просил суд допросить и руководителей полиции:

— Показания полицейских комиссаров обнаруживает странную картину. В силу каких-то административных влияний гаврский след не расследовался. Мы имеем основания полагать, что это было сделано с ведома и по желанию министра. На нем лежит ответственность за то, что гаврский след — самый важный, решающий в этом деле! — был оставлен. Мы придаем огромное значение допросу министра и начальника полиции. Прошу суд принять меры к их вызову.

Начальник уголовного розыска Монданель, вызванный в суд, возражал:

— Я решительно отвергаю подозрения в том, будто полиция руководствуется какими-либо посторонними соображениями. Наша задача раскрывать преступления, кто бы их ни совершал. Никогда на полицейских чиновников не оказывается политическое давление. В дни похищения

генерала Миллера я был занят другим сенсационным преступлением — убийством бывшего агента советской разведки Игнатия Рейсса, который пытался расстаться с Москвой. В течение нескольких дней мы разыскали сообщников и арестовали Лидию Грозовскую, не останавливаясь перед тем, что она занимала должность секретаря в советском торгпредстве в Париже.

Но адвокат Рибе остановил полицейского:

— Ваш полицейский аппарат должен был наблюдать за Грозовской. Но полицейский аппарат в ведении министра Дормуа. И по приказу свыше Грозовской позволили бежать в посольском автомобиле.

Лидия Грозовская трудилась в советском торгпредстве. Французы освободили ее под залог в 50 тысяч франков. И она исчезла. Ее муж Арнольд Борисович Грозовский, лейтенант госбезопасности, работал в Париже под крышей полпредства. Он служил связным Рейсса. Это была его первая командировка за границу. Вдова убитого разведчика Элизабет Порецкая писала: «Он ничего не знал о Европе, не владел ни одним европейским языком».

Адвокат вызвал в суд полицейского комиссара Шовино из портового Гавра, уволенного за рапорт, «убийственный для большевиков». Проведенное им расследование указывало на участие советских агентов в похищении. Приехавший из Парижа министерский начальник высказал Шовино неудовольствие прямо на вокзале:

— Черт знает, какой рапорт вы написали! Так можно испортить наши отношения с советским полпредством.

В суде министерский чиновник отказывался от своих слов:

— Я этого не мог сказать.

Но Шовино стоял на своем:

— Вы еще прибавили: «Министр вне себя от гнева».

Министр внутренних дел не пожелал прийти. Его письмо зачитали в суде:

«Господин председатель, при всём моем уважении к правосудию, я, к сожалению, не могу ответить на вызов суда. Сожалею об этом тем более, что меня тронула весьма учтивая форма, в какой суд выразил желание выслушать меня.

Если бы мое показание могло содействовать выяснению истины и принести какую-либо пользу, я дал бы его, не колеблясь. Но я ничего не знаю по делу, которое слушается в суде присяжных.

Кроме того, я считаю невозможным давать объяснения по поводу действий правительства. Отчитываться в них, если нужно, я могу только перед парламентом и избирательным корпусом. Таково неизменное

министерское правило, и я его уважаю. Так учит и республиканская доктрина, которой я верен. Судебная власть, справедливо гордящаяся своей независимостью, не станет, разумеется, упрекать меня в этом.

Позиция, которую я занял, ничуть не вызвана желанием уклониться от критических замечаний или каких-либо вопросов: и те и другие не достигли бы цели, не могли бы задеть меня. Всегда на всех должностях, какие занимал, я давал моим подчиненным твердые и ясные указания выполнять долг с максимальной быстротой, руководясь единственной целью установить истину.

Примите и проч.

Маркс Дормуа».

Морис Рибе тут же отозвался на его слова:

— Мы все здесь сожалеем об отсутствии министра Дормуа. Так как можем констатировать странное совпадение полицейской бездеятельности с некоторыми более или менее таинственными телефонными звонками. Министр Дормуа в первые же дни после похищения генерала Миллера принял его сына Николая Евгеньевича и, положив руку на сердце, как это полагается, торжественно ему обещал, что «ничего не будет упущено для торжества правды и для розыска похитителей, что Франция выполнит свой долг» — и он подчеркнул это — «против всех, кто бы это ни был!». Но всё это были только пустые слова! — воскликнул адвокат. — Чтобы усыпить бдительность и погасить гнев! Министр Дормуа, должно быть, весело смеялся, когда сын генерала Миллера уходил от него! В это же самое время министр юстиции Венсан Ориоль сообщил ему, что советское полпредство протестует против обвинений, просит не вмешивать их в это дело и не привлекать внимание французского общественного мнения к советскому следу!

Венсан Ориоль — крупная фигура во французской политической истории. До Второй мировой войны был министром финансов, министром юстиции. В войну присоединился к Шарлю де Голлю, после войны был избран председателем Национального собрания и президентом республики. Один из лидеров социалистической партии, он симпатизировал Советскому Союзу.

— Министр Дормуа, — продолжал адвокат, — высказал полиции, которая ему подчиняется, пожелание сделать так, чтобы советское правительство оказалось незамешанным в этом деле. Будьте покойны, полиция понимает с полуслова!

Вот как развивалась история с Шовино, полицейским комиссаром из Гавра. Его вызвал начальник уголовного розыска:

— Это вы, господин Шовино, прислали нам рапорт относительно советского грузовика в Гавре? У меня есть только один вопрос: вы видели там генерала Миллера?

— Нет, господин комиссар, я не видел Миллера. Но я видел дипломатическую камионетку, которая вплотную подошла к борту парохода. Я видел большой и тяжелый чемодан. Понадобились четыре матроса, чтобы его нести. Вот на это я обратил внимание. И в день похищения советский грузовой пароход покинул Гавр при очень таинственных обстоятельствах.

— Итак, вы не видели Миллера... Вы ничего не видели. Убирайтесь!

Комиссара Шовино попросили переписать рапорт. Он отказался. Его перевели на более низкую должность. Он предпочел выйти в отставку... Его история произвела впечатление на присяжных.

Защитник Максимилиан Филоненко напрасно просил присяжных обратить внимание на слова жены генерала Скоблина о том, что ее «муж никогда не посвящал ее в свои дела». В зале суда никто не верил Плевицкой. И адвокат безуспешно пытался посеять сомнения в достоверности письма, которое оставил в штабе РОВСа Миллер, отправляясь на встречу с немцами, организованную Скоблиным.

Генерала Кусонского, начальника канцелярии РОВСа, председатель суда отчитал:

— Вы совершили две тяжелые ошибки. Вскрыли письмо слишком поздно. А затем, вместо того чтобы сразу предупредить полицию, начали допрашивать Скоблина, вступили в разговоры с адмиралом Кедровым и, в конце концов, выпустили Скоблина.

Готовясь к ответу, генерал Кусонский стал улыбаться. Председатель пришел в ярость:

— Вы улыбаетесь, господин Кусонский? По-моему, это не смешно. Если бы вы не мешкали, Скоблин сидел бы сегодня на скамье подсудимых рядом с Плевицкой.

Адмирал Кедров, который остался в штабе РОВСа за старшего, заявил:

— Скоблин привел генерала Миллера на свидание, толкнул в ворота виллы на бульваре Монморанси. Там генерала Миллера убили, уложили тело в ящик и увезли на советском пароходе в Россию.

Адвокат Плевицкой возразил:

— Суд пытаются убедить в том, что преступление совершено Советами, но в деле нет решительно никаких указаний на это.

Адвокат Морис Рибе тут же заметил:

— Я и не знал, что вы — адвокат советского правительства.

На следствии и на суде Надежда Плевицкая по совету своих адвокатов утверждала, что на большевиков никогда не работала и не знала, чем занимался ее муж, что не знала, зачем ее мужа вызвали той ночью в РОВС. Она не слышала, как полковник Мацылев сказал Скоблину через дверь, что генерал Миллер исчез, а сам Скоблин, уходя, ничего ей не объяснил.

Следователь спрашивал ее:

— Но когда полковник Мацылев вернулся без вашего мужа, почему у вас возникла мысль, что его в чем-то заподозрили? Разве вы не говорили того, что, заподозренный, ваш муж мог не снести оскорбления, покончить с собой?

Плевицкая отрекалась от своих слов:

— Нет, я этого не говорила! Я не думала, что моего мужа могли в чем-то подозревать.

— Когда вы узнали об исчезновении генерала Миллера?

— Узнала от полковника Мацылева тогда, когда он приехал ночью спрашивать, не вернулся ли Николай Владимирович.

— вспомните точно, что вы тогда сказали. Какими были ваши первые слова?

— Ну, как я могу вспомнить?.. Я страшно испугалась, начала спрашивать: «Где мой муж? Что вы сделали с ним?» Потом, когда полковник Мацылев сказал, что с ним приехали адмирал Кедров и генерал Кусонский и они ждут на улице, я высунулась в окно и крикнула, что Николай Владимирович, может быть, у Миллера или в Галлиполийском собрании. А они мне сказали: «Когда Николай Владимирович вернется, пришлите его в полицейский комиссариат. Мы все сейчас туда едем».

— Считаете ли вы вашего мужа виновным в похищении генерала Миллера? — спрашивали ее.

— Не знаю... Раз он мог бросить меня, значит, правда, случилось что-то невероятное. Я не могу допустить, что он виноват, считала его порядочным, честным человеком. Нет, невозможно допустить... Но записка генерала Миллера и то, что он меня бросил, — против него.

— Умоляем вас, скажите правду!

— Не знаю. Я правду говорю. Я ничего, ровно ничего не знала.

Суд вызвал на допрос и Антона Ивановича Деникина. На вопрос судьи, не состоит ли он в родстве с обвиняемой, Деникин ответил:

— Бог спас!

Судья спросил:

— Знали вы Скоблина?

— Знал. Скоблин с первых дней участвовал в Добровольческой армии,

которой я командовал.

— Знали ли вы его в Париже?

— Встречался в военных собраниях, но никогда не разговаривал и не здоровался.

Антон Иванович лукавил. Или уверился, что так и было. Прежде он вполне симпатизировал командиру корниловцев, вел себя с Николаем Владимировичем по-дружески.

— Знали ли вы Плевицкую?

— Никогда не был знаком, не посещал ее дома, не разговаривал и даже ни на одном концерте ее не был, — отрезал Деникин. — За несколько дней до похищения генерала Миллера Скоблин познакомил меня с ней на корниловском банкете.

Прокурор Фаш спросил:

— Скоблин был у вас с визитом 22 сентября?

— Скоблин, капитан Григуль и полковник Трошин приехали благодарить меня за участие в корниловском банкете. В то время генерал Миллер был уже похищен.

— Не предлагал ли Скоблин совершить в его автомобиле путешествие в Брюссель на корниловский праздник?

— Предлагал раньше два раза совершить поездку в его автомобиле, то было третье предложение.

— Почему вы отказались?

— Я всегда... вернее, с 1927 года подозревал его в большевизанстве.

— Вы его опасались или ее?

— Обоим не доверял.

— Вы убеждены, что Скоблин был советским агентом, но доказательств не имеете? — спросил адвокат Филоненко.

— Да.

— Знаете ли точно, что Плевицкая была сообщницей в похищении генерала Миллера?

— Нет.

— Думаете ли, что она знала заранее о преступлении?

— Убежден, — коротко ответил генерал Деникин.

Впоследствии Антон Иванович рассказывал своему биографу, что Скоблин трижды собирался похитить и его самого. Однажды Скоблин приехал к нему на парижскую квартиру и предложил в знак любезности отвезти его на автомобиле к семье. Но во время разговора появился высокий и крепкий казак, которого Деникин нанял натирать полы и вообще убираться. Скоблин откланялся и ушел. Из окна Антон Иванович увидел,

что в машине Скоблина сидели два каких-то человека. В другой раз вновь предлагал отвезти Деникина — на сей раз на банкет корниловцев в Бельгию. И уже 22 сентября 1937 года в присутствии полковника Трошина и капитана Григуля Скоблин опять вызвался доставить Деникина к семье. Антон Иванович пришел к выводу, что советская разведка намеревалась и его захватить. Двойное похищение означало бы такой удар по эмиграции, от которого она уже не оправилась бы.

Адвокат Риббе полностью сосредоточился на Надежде Васильевне Плевицкой. Он назвал все ее показания ложью.

— Когда в первый раз допрашивали Плевицкую в судебной полиции, от нее потребовали указать ее времяпрепровождение. Вы увидите, господа присяжные, что 22 сентября Плевицкая старалась всячески подогнать часы своих свиданий так, чтобы создать алиби своему мужу. Тщательное изучение всех досье этого дела, показаний Плевицкой и показаний свидетелей, которые вы здесь слышали, дадут вам уверенность, что эта женщина сделала всё, чтобы доказать, будто в это утро муж ее не покидал и что их видели свидетели.

Он зачитывал ее показания пункт за пунктом и методично опровергал.

«Мой муж, — говорит Плевицкая, — вышел один утром из отеля за своей машиной в 11 часов утра».

— Ложь! — громко констатировал Риббе. — И это не простая ошибка памяти, как вам, наверное, будет доказывать защита. Это — ложь! Смотрите, эта ложь продолжается и дальше.

«В 11 часов 30 минут, — говорит Плевицкая, — Скоблин вернулся из гаража. Я видела, как он, сидя в автомобиле, ожидал моего выхода».

— Ложь!

«Завтрак в ресторане длился три четверти часа».

— Ложь!

«Я нашла моего мужа в автомобиле», всё время якобы дожидавшегося ее у магазина «Каролина», чтобы отправиться вместе на Северный вокзал.

— Ложь!

Адвокат обратился к присяжным:

— Вы видите цель этих заявлений. Плевицкая старается уверить, будто в момент трагической встречи генерала Миллера и Скоблина ее муж не расставался с ней и его видели свидетели. Так было условлено между собой супругами заранее — еще до преступления, — и она продолжала здесь это утверждать. Но она знала, что в течение двух часов, пока она в магазине болтала о тряпках, ее муж, Скоблин, в этот момент предавал генерала Миллера. Когда хозяин магазина предложил ей пойти и

пригласить ее мужа, который, по ее словам, ждал ее перед дверью магазина в машине, она отказалась. Она-то ведь, конечно, знала, что ее мужа там не было. Она только старалась протянуть время, когда он вернется после этого ужасного и, может быть, кровавого дела. Вы видите, господа присяжные, как Плевицкая лгала, лгала еще и лгала всё время!

Через пять минут после ее ухода из магазина «Каролина» Скоблин, который, по ее словам, ожидал ее в автомобиле перед входом, вошел в магазин узнать, там ли еще его жена. Всё сошло благополучно. В назначенный день и час он предал своего начальника. Тайна обеспечена. Плата будет отличная. Можно заплатить 1800 франков за платье жены!..

Однако Плевицкая уже вышла из магазина. Это первая неосторожность, которую совершил Скоблин, ведущий двойную и тройную жизнь восторженного белого русского и одновременно агента ГПУ. Ибо было неосторожно войти в магазин и спрашивать свою жену, когда она утверждала, что он именно в это время ждет ее перед магазином. Правда же, господа присяжные, заключается в том, что Плевицкая решила уйти из магазина одна. И одна поехала на Северный вокзал. Встретившим ее там друзьям она сказала, что ее муж задержался на несколько минут для починки автомобиля...

У Надежды Плевицкой не оставалось ни одного шанса на оправдание. Эмигрантский журнал «Русские записки» писал в конце 1939 года:

«Судоговорение в процессе Плевицкой и закончивший его неожиданно суровый приговор выросли в большое событие в жизни русской эмиграции. Обозревателю приходится на нем остановиться — не столько в связи с судьбой, постигшей подсудимую, и со степенью ее ответственности, сколько в связи с тем, что было названо „климатом“ зала суда.

Впечатление присутствовавших на процессе — о личности подсудимой по временам как бы вовсе забывали. Находишься на скамье подсудимых сам Скоблин, его жена могла бы сойти на роль свидетельницы — или, в худшем случае, соучастницы; самая возможность предания ее суду — а на суде возможность ее обвинения подвергалась сомнению — и была предметом оживленных споров.

Судили, в сущности, тех, кто стоял за Плевицкой, — и шансы осуждения довольно равномерно распределились между двумя противоположными направлениями. Выбор был поставлен резко обеими сторонами: советская власть или русская эмиграция?

Роль парижских агентов советской власти, особенно после буквального повторения трагедии с генералом Кутеповым, представлялась как бы априори бесспорной не только для русской эмиграции в целом, у

которой нет другого мнения.

Но в пользу этого предположения говорили объективные факты, представшие в ярком освещении перед присяжными. Во-первых — бегство Скоблина в связи с запиской, оставленной генералом Миллером, подлинность которой так неудачно оспаривала противная сторона. Не менее трудно было оспаривать искусственность алиби, которое пыталась отстоять для своего мужа Плевицкая: тут на нее легла главная тень.

Плевицкая платила тут за тех, кто, по тем или иным причинам, остался вне пределов досягаемости суда. И защита Плевицкой оказалась делом чрезвычайно трудным. Принуждены же были ведь и защитники признать допустимость гипотезы о советской причастности к делу — лишив себя тем самым возможности защищать сколько-нибудь ясно и убедительно противоположную позицию.

Но Плевицкая пострадала и за другое обстоятельство — к удивлению, особенно подчеркнутое той же защитой. Она была „иностранка“, на нее пала ответственность за преступление, совершенное при участии эмигранта во Франции, — и преступление не первое.

— Надо положить этому конец, — внушал присяжным прокурор.

Для него это было яснее, чем всякие другие гипотезы относительно виновников преступления. Надо показать пример!

Надо, к сожалению, признать, что и неудачная позиция, выбранная защитой, и самый состав вызванных свидетелей давали присяжным обильные иллюстрации этого тезиса. Достоинство эмиграции было поддержано частью этих свидетелей, но, увы, далеко не всеми».

Надежда Васильевна Плевицкая возбудила против себя ненависть почти всего эмигрантского Парижа. Вот какие воспоминания записала в дневнике писательница Нина Николаевна Берберова, автор биографической книги «Курсив мой»:

«И вот я сижу в этом зале и слушаю вранье Надежды Плевицкой, жены генерала Скоблина, похитившего председателя Общевоинского союза генерала Миллера. Она одета монашкой, она подпирает щеку кулаком и объясняет переводчику, что „охти мне, трудненько нонче да заприпомнить, что-то говорили об этом деле, только где уж мне, бабе, было понять-то их, образованных грамотеев“.

Она играет роль, и адвокат ее тоже играет роль, когда старается вызволить ее... А где же сам Скоблин? Говорят, он давно расстрелян в России. И от этого ужас и скука, как два камня, ложатся на меня. Через десять лет после смерти Плевицкой в тюрьме Рокетт ее адвокат скажет мне, что она вызвала его перед смертью в тюрьму и призналась ему во всём, то

есть что она в похищении Миллера была соучастницей мужа...

В перерыве бегу вниз, в кафе... Репортер коммунистической газеты уверяет двух молодых адвокаток, что генерала Миллера вообще никто не похищал, что он просто сбежал от старой жены с молодой любовницей. Старый русский журналист повторяет в десятый раз:

— Во что она превратилась, боже мой! Я помню ее в кокошнике, в сарафане, с бусами... Чаровница!.. „Как полосыньку я жала, золоты снопы вязала...“».

Собравшиеся в зале эмигранты увидели ее похудевшую, бледную, с выступающими скулами, с запавшими щеками, всю в черном. Темные волосы были туго стянуты черной повязкой, на руках черные перчатки. Поникая поза, замедленные жесты.

На допросах она теряла самообладание. Участники процесса с чувством презрения и сочувствия одновременно смотрели на то умоляющую, то кидающуюся из стороны в сторону, растрепанную, кричащую, рыдающую, обезумевшую от страха женщину. Сидевшие в зале считали, что Плевицкая избегает или не смеет смотреть на толпу русских людей, потому что чувствует их враждебность — и свое одиночество. Все против одной. Одна — против всех...

Выслушали и показания полковника Бориса Марковича Федосеенко, обвинявшего Скоблина в работе на большевиков. Стоя на свидетельском месте, он обратился к жене Миллера:

— Простите меня, Наталия Николаевна, но при всем моем уважении к вашему горю я должен сказать, что генерал Миллер совершил большую ошибку, не прислушавшись ко мне.

В зале присутствовали генерал Деникин, Владимир Бурцев, бывший советник советского полпредства Григорий Беседовский. Его вызвали свидетелем. Он рассказал, что резидент советской разведки Владимир Янович намекал, что у него есть свой «человечек» около Кутепова, который «хорошо освещает его деятельность» и что он «женат на певице», а скоро «будет еще один, и тогда вся деятельность Кутепова будет проходить перед нами, как под стеклянным колпаком».

— И где этот Янович? — поинтересовался адвокат Морис Риббе.

— В 1937 году расстрелян Ежовым.

Владимир Бурцев искренне полагал, что Плевицкая чуть ли не с детских лет была советским агентом и что именно она втянула в эту работу мужа. Эмигранты убежденно говорили, что, конечно же, не мягкий и влюбленный в жену Николай Скоблин, а властная и корыстная Плевицкая наладила связи с Москвой.

Эмиграция легко забыла о том, что совсем недавно Плевицкая была кумиром русских людей, оказавшихся на чужбине. И эмигрантские газеты писали: «Песни Плевицкой для национального самосознания и чувства дают в тысячу раз больше, чем все гунявые голоса всех гунявых националистов, взятых вместе».

И только княгиня Лидия Леонидовна Васильчикова рассказывала знакомым о том, как во время Первой мировой войны, когда она работала в госпитале в Ковно, туда приехала знаменитая Плевицкая. Певица стала сиделкой, давала концерты раненым, поражала всех трудолюбием. Об императоре говорила с придыханием: «Мой хозяин и батюшка».

Много позже княгиня Васильчикова встретила ее в Париже, уже в эмиграции, и уговорила спеть для инвалидов Добровольческой армии.

Да еще директор банка, в котором Скоблин и Плевицкая держали свои деньги, высоко отозвался о своих клиентах:

— Они боготворили царскую семью. Более убежденных и, как я уверен, более искренних монархистов трудно встретить. Поэтому для меня возможность работы Скоблиных на большевиков представляется совершенно невероятной. Скоблины чувствовали слабость к Германии. Неоднократно генерал Скоблин говорил, что рано или поздно Гитлер спасет Россию.

Популярный писатель Марк Александрович Алданов занял место среди судебных хроникеров. Бывший министр юстиции Временного правительства Павел Николаевич Переверзев, знаменитый в старой России адвокат, разместился среди почетных гостей. Переверзев был среди тех немногих, кто полагал, что в деле есть только косвенные улики, подкрепляющие обвинение, выдвинутое против Плевицкой; и это даже и не улики, а скорее предположения, и предположения сомнительные, которые нельзя толковать непременно во вред обвиняемой.

Но, как опытный юрист, он отметил: «Впечатление она производила скорее неблагоприятное, впечатление холодной решимости защищаться во что бы то ни стало, без всякого волнения и гнева, строго следя за собой, заранее подготавливая эффект своих слов и жестов... Несомненным остается только желание Плевицкой спасти мужа от преследования судебных властей. Судя по тому, как Плевицкая решилась защищаться, она ничего не раскроет в этом процессе, что могло бы дать хоть малое удовлетворение глубокому чувству гнева и скорби, охватившему при вести о похищении ген. Миллера всех русских».

Два раза Надежда Васильевна улыбнулась — фотографам и знакомой даме, которая заботилась о ней в тюрьме. Два раза заплакала, когда

говорили о том, что муж бросил ее на произвол судьбы.

Председатель суда назвал ее женщиной умной, руководившей деятельностью мужа. Плевицкая ответила:

— Спасибо, что он меня в министры произвел. Глупой я никогда не была, но и министром тоже. Я такая, какая есть!

Был момент, когда она не на шутку обиделась. Председатель суда напомнил, что в Орле, когда в город вошли белые войска, еще висели афиши, оповещавшие о концерте «красной матушки» Плевицкой.

— Я тогда была еще слишком молода, чтобы меня «матушкой» величали, — ответила она.

Надежда Васильевна на заседаниях суда быстро уставала и слушала невнимательно. Подружилась с двумя жандармами, сидевшими за ее спиной. В перерыве жандармы приносили ей из буфета бутерброды и вино.

Надо отдать должное Надежде Васильевне: она ничего не рассказала. Возможно, могла бы смягчить приговор, поведав то, что она знала о работе советской разведки и о людях, которые ей помогали в Париже. Кое-что ей точно было известно. И некоторые имена она могла назвать. Скажем, из тюрьмы Плевицкая писала своему адвокату Максимилиану Филоненко, чтобы он попросил денег у Сергея Николаевича Третьякова: «Он денег должен достать. Денег достать можно с помощью Третьякова». Значит, она знала о его сотрудничестве с советской разведкой. Но она молчала!

Не многие, оказавшись в ее положении на скамье подсудимых, вели себя столь же стойко. А ведь она была не кадровым офицером спецслужбы, готовым к своему уделу, а певицей и актрисой. Ее не готовили к провалу и аресту, не объясняли ей, как вести себя на следствии и на суде.

На помощь советской дипломатии она не могла рассчитывать. В те времена не только завербованным агентам, но и штатным сотрудникам органов госбезопасности запрещалось признавать свою принадлежность к разведке. От них публично отрекались. И лишь единицам, особо отличившимся, обещали содействие, как, например, бывшему официанту барселонского ресторана Роману Меркадеру, который в Мексике ледорубом убил Троцкого. Меркадер был на редкость бесчувственным: не всякий профессиональный убийца способен на такое. На суде твердил, что убил Троцкого по личным мотивам. Это понравилось в Москве. Советская разведка пыталась вызволить его из тюрьмы, но не удалось.

Адвокат Морис Рибе произнес пылкую и злую речь. Он обвинил Плевицкую во лжи и уверенно назвал ее соучастницей варварского преступления:

— С 1927 года супруги Скоблины стали советскими агентами, получая

за предательство свои тридцать сребреников. Может быть, и больше. Это нам доказали свидетели. Но чтобы играть роль двойных агентов, чтобы обеспечивать свою жизнь, убивая других, нужно было иметь ширму.

Он говорил присяжным, что источники средств, на которые жили Скоблин и Плевицкая, темные. Они мало зарабатывали, а жили на широкую ногу. Деньги им давали большевики.

— Я могу с уверенностью сказать вам — Скоблин был советским агентом. Мы присутствуем здесь, господа присяжные, на процессе агентов, которые хотят в своей среде, среди знакомых, среди друзей казаться стопроцентными антибольшевиками, но которые вне этой ужасной своей двойственностью игры были в действительности советскими агентами, которые шли на всё — на преступления. Плевицкая сознательно участвовала в шпионской деятельности Скоблина.

Место Скоблина на скамье подсудимых пустовало. Присяжных убеждали в том, что Плевицкая не менее виновна, чем он. Адвокат Рибе, ссылаясь на свидетелей, уверял:

— Плевицкая сознательно участвовала в шпионской деятельности Скоблина и даже руководила им. Вот, господа присяжные, моральный портрет этой женщины с глазами, временами полными слез, сознающей ужасную ответственность, играющей комедию простодушной наивности и старающейся отвечать с непонимающим видом на все неприятные вопросы: «Я ничего не знаю!» И она, может быть, еще попытается сказать: «Я этого не хотела!»

Адвокат театрально обратился к ней:

— Нет! Нет! Сегодня нужно уже платить! Плевицкая! Есть еще время сказать правду. Что вы сделали с генералом Миллером? Не видите ли вы и его, как генерала Кутепова, живым в ваших снах? Говорите!

Плевицкая молчала.

— Как тягостно это молчание! — произнес адвокат.

Адвокат Рибе ошибался. Супруги Скоблины не участвовали в похищении Кутепова, потому что стали работать на советскую разведку больше чем через полгода после его похищения. Но в зале не было никого, кто мог бы поправить адвоката. Впрочем, если бы такое уточнение и было бы сделано, едва ли это смягчило бы сердца присяжных.

Адвокат Рибе превзошел себя:

— Будем уважать страдания русских эмигрантов, восхищаться их верой, их идеалами. И всё это предала эта женщина! Над всем этим она надсмехалась! И если мы должны сдерживать наш гнев, то мы можем выразить ей всё наше презрение, ибо это предательство, платное

предательство, продолжавшееся изо дня в день. Это всё было в пользу Советов. Советы ужасны, но логичны. Они грабят и называют это «реквизицией». Они убивают и называют это «чисткой». Не нужно бояться сказать, что Советы организовали это преступление. Скоблин и Плевицкая были только слугами и исполнителями.

Он указал на Надежду Васильевну:

— Соучастница преступления, предавшая дружбу, в момент похищения и убийства она занималась подбором новых нарядов для себя... Вот она — Плевицкая! Она подстрекала своего мужа. Один свидетель сказал: она — двигала своим мужем. Другой: Скоблина называли — «генерал Плевицкий». Она была его злым гением. Судите ее, господа присяжные, без ненависти, конечно, но и без пощады. Да свершится французское правосудие!

К присяжным обратился и Александр Николаевич Стрельников, тоже представлявший интересы семьи Миллера. Поручик белой армии, он окончил в Париже университет и стал адвокатом:

— Я хочу напомнить вам, что русская эмиграция во Франции представляет собой остатки союзной армии, нашедшие убежище на союзной территории. Я хотел бы, чтобы, когда вы останетесь в совещательной комнате для вынесения вашего вердикта, вы не забыли, что именно вы должны дать понять вашим вердиктом исполнителям и вдохновителям этого преступления, что оно не останется безнаказанным, так как справедливость и равенство всегда существовали во Франции, и что подобные преступления не могут совершаться безнаказанно.

Прокурор произнес очень жесткую речь:

— Генерал Миллер не найден ни живым, ни мертвым. В его смерти сомнений нет. Но нет доказательств. Вот почему можно привлечь Скоблина к суду только по обвинению в насильственном лишении свободы, а Плевицкую — в сообщничестве. Плевицкая помогала Скоблину в похищении генерала Миллера. Ее соучастие предельно ясно и доказано. В ее деле нет смягчающих вину обстоятельств. Поэтому не поддавайтесь чувству сострадания, в данном случае неуместному. Я требую для обвиняемой бессрочной каторги!

Надежда Плевицкая была обречена, хотя Максимилиан Филоненко произнес развернутую речь в ее защиту. Он говорил почти четыре часа. Призвал присяжных к милосердию:

— В воскресенье я посетил Плевицкую в тюрьме. Мать-монахиня, от души любившая эту женщину, сказала, что все монахини и заключенные будут сегодня молиться об ее оправдании!

Ему вторил другой адвокат подсудимой Жан Шваб:

— Все эти люди кричат, захлебываясь: «Распни ее!» Но нет ни одного документа, уличающего Скоблина или Плевицкую в том, что они были советскими агентами. Я надеюсь, господа присяжные, что вы не осудите одинокую, покинутую и обманутую женщину.

Надежде Васильевне предоставили последнее слово.

— Да, я сирота, — печально сказала она. — Нет у меня свидетелей. Только Бог. Он знает. Я никогда в жизни моей не сделала никому зла... Кроме любви к мужу, нет у меня ничего. Пусть меня за это судят.

Председатель суда Дельгорж в своем заключительном слове ясно объяснил присяжным заседателям, кого они должны считать виновными. Эмигранты, не имевшие возможности побывать в зале суда, прочитали речь судьи в книжке Бурцева:

— Советский пароход «Мария Ульянова» находился в Гавре с 19 по 22 сентября и в этот день неожиданно в 20 часов 45 минут снялся с якоря. В тот день к борту советского парохода прибыл грузовик, принадлежащий советскому полпредству. Какой-то неизвестный немедленно соскочил с него и поднялся на борт советского парохода. И тотчас же спустился с четырьмя матросами. Прежде чем таможенники смогли вмешаться, — как это требуется правилами, — матросы вытащили из грузовика большой ящик. Было видно, что ящик очень тяжел. Как только ящик был погружен на борт, пароход тут же снялся с якоря и отошел от причала.

Потом выяснилось, кто именно сопровождал ящик с «дипломатической вализой». Это был сотрудник советского полпредства — вице-консул Георгий Николаевич Кислов. Под этим именем в Париже работал резидент внешней разведки капитан госбезопасности Георгий Николаевич Косенко. Он родился в Ставрополе в 1901 году. В 23 года начал службу в госбезопасности. С 1933 года — в Иностранном отделе. Первая командировка — заместитель резидента в Харбине. За участие в похищении Миллера в 1937 году получил орден Красного Знамени. А через год Косенко отзовут в Москву, 27 декабря 1938 года арестуют. Последние два месяца жизни он проведет во внутренней тюрьме НКВД. За «участие в контрреволюционной террористической организации» 20 февраля 1939 года Военная коллегия Верховного суда приговорит Косенко к высшей мере наказания, ночью его расстреляют...

— Из Гавра в Ленинград наиболее короткий путь проходит через Кильский канал, — продолжал судья. — Но на сей раз пароход прошел, огибая Данию. Он избежал прохода через территориальные немецкие воды, и есть основания полагать, что таким образом он хотел избегнуть

возможного на его борту обыска.

Кроме того, «Мария Ульянова», выгрузившая груз кож, должна была погрузить советский самолет, на котором советские летчики перелетели в Америку. Но она его не погрузила. Известно также, что капитан парохода получил утром 22 сентября радиограмму на коротких волнах — быть готовым к отплытию. Немедленно по получении этой радиограммы капитан парохода, которого, кстати, нет больше на пароходе, имя которого неизвестно и которого, несмотря на все старания судебного следователя, ему не удалось допросить, сделал всё необходимое для отхода.

Портовый маклер, удивленный столь неожиданным отходом, телефонировал в Париж представителю владельца парохода. Тот перезвонил в Ленинград арматору (судовладельцу) и услышал категорическое: «Капитан получил приказания. Он должен их выполнить безоговорочно». Портовый маклер не мог настаивать и отправился к пароходу только для того, чтобы присутствовать при его отходе. Это и есть тот свидетель, который видел прибытие грузовика и выгрузку таинственного ящика.

— Господа присяжные! — сказал судья. — Я должен дать вам еще одно пояснение по этому поводу. Этот же самый грузовик, по показаниям свидетелей, стоял в час дня перед особняком, который был нанят Потемкиным, советским полпредом в Париже, где несчастный генерал Миллер имел свидание...

В последний день процесса, 14 декабря 1938 года, судья поставил перед присяжными семь вопросов:

— Был ли 22 сентября 1937 года на французской территории похищен и лишен свободы человек?

— Длилось ли лишение свободы больше одного месяца?

— Была ли Плевацкая сообщницей в этом преступлении?

— Было ли совершено 22 сентября 1937 года на французской территории насилие над генералом Миллером?

— Если было, то не с обдуманым ли заранее намерением?

— Если было, то не с завлечением ли в западню?

— Была ли Плевацкая сообщницей и в этом преступлении?

Когда присяжные закончили совещание, старшина присяжных, положив руку на сердце, ответил «да» на все вопросы, поставленные судом.

Приговор огласили в тот же день, в половине шестого вечера: 20 лет каторжных работ, еще десять лет после этого осужденной запрещается ступать на землю Франции. Жестокое наказание. С учетом возраста — Надежде Васильевне исполнилось 54 года — это воспринималось как

пожизненное заключение. И прокурор еще сказал, что сожалеет, что по закону не может требовать для Плевицкой большего наказания. Обращаясь к присяжным, он назидательно заявил:

— Суд предостерегает этим приговором иностранцев, совершающих преступление на французской земле.

Надежда Васильевна не ожидала такого приговора. Он прозвучал как удар молота. Конечно, во время процесса она видела море ненавидящих ее глаз — впервые в жизни. Но ей и в голову не могло прийти, что ее признают виновной и запрут за тюремными стенами.

Фактически на Плевицкой отыгрались за Скоблина и за оставшихся неизвестными суду чекистов, которые похитили в Париже сначала Кутепова, а затем Миллера.

Кассационный суд отказал в пересмотре дела. Президент Франции не захотел помиловать Плевицкую. Владимир Бурцев по сему поводу написал: «Пусть гниет в тюрьме!»

Он произнес целый монолог:

«Наказав жестоко, по заслугам, Плевицкую, суд осудил и большевиков как величайших преступников.

Россия, конечно, будет свободна.

Тогда будут вскрыты все архивы ГПУ. Тогда там — уже в свободной России, а не при большевиках — допросят всех, кто когда-либо так или иначе был причастен к ГПУ. Будут разоблачены все их дела. Тогда полностью будут разоблачены и дела об убийстве генерала Кутепова и генерала Миллера.

Всё ныне тайное будет вскрыто до конца».

Его надежды сбудутся лишь частично.

Сведение счетов

Ровно за неделю до вынесения приговора Надежде Васильевне Плевицкой в Москве поставили точку в жизненном пути человека, который решил ее судьбу.

Седьмого декабря 1938 года народный комиссар внутренних дел, генеральный комиссар государственной безопасности Николай Иванович Ежов перестал быть наркомом. Арестуют его только через четыре месяца, но он уже был обречен. Николай Иванович и Надежда Васильевна покинут сей мир в один год. Талантливая певица умрет в своей камере. Бывшего наркома пустят в расход недавние подчиненные.

А бывшего генерал-лейтенанта царской армии и председателя Русского общевойскового союза Евгения Карловича Миллера расстреляют раньше — 11 мая 1939 года во внутренней тюрьме Главного управления государственной безопасности НКВД. Он содержался в тюрьме под именем Петра Васильевича Иванова. Под этим именем и был приговорен к смерти.

Когда он пришел в себя в тюрьме, то попросил следователя разрешить ему написать записку жене. Ему дали карандаш. Генерал спешил успокоить жену: «Как и что со мной случилось, что я так неожиданно для самого себя уехал, даже не предупредив тебя о более или менее возможном продолжительном отсутствии, Бог даст, когда-нибудь расскажу, пока же прошу тебя поскольку возможно взять себя в руки, успокоиться, и будем жить надеждой, что наша разлука когда-нибудь кончится. О себе, конечно, ничего писать не могу».

Евгений Карлович наивно полагал, что весточку передадут жене. В старой России узникам не возбранялось писать родным. Но его письмо просто положили в дело. Как и записку, адресованную начальнику канцелярии РОВСа Кусонскому. Генерал беспокоился из-за того, что не будут исполнены его обещания помочь разным людям. И он скрупулезно перечислил, кому именно и сколько денег следует передать и где эти суммы взять.

Миллер пытался спастись. Дал показания. На допросах рассказывал всё, что знал.

В начале октября 1937 года написал подробную записку «Повстанческая работа в Советской России». Объяснил, что генерал Врангель, у которого он был начальником штаба, к подобным авантюрам относился отрицательно. Рассказал, что какое-то время состоял при

великом князе Николае Николаевиче, который когда-то был его командиром в лейб-гвардии Гусарском его величества полку. Затем помогал Кутепову. При Александре Павловиче «заведовал денежными средствами», поэтому о боевой работе эмиграции точно знает лишь с 1930 года, когда сменил похищенного Кутепова и возглавил военную эмиграцию.

Миллер поведал, как однажды к нему пришел председатель эмигрантской организации «Крестьянская Россия» Сергей Сергеевич Маслов и призвал объединить усилия. Он умудрялся переправлять в Россию своих людей и литературу. Маслов, эсер по взглядам, в Гражданскую войну был членом Северного правительства у Чайковского.

Новый начальник дальневосточного отдела РОВСа генерал Дитерихс писал Миллеру о «большом повстанческом движении» в Приморье, Приамурье и Забайкалье, просил командировать к нему желающих принять участие в боевых действиях, а также присылать оружие и деньги. Но в штабе РОВСа пришли к выводу, что помочь ничем не могут.

Генерал-майор Борис Владимирович Геруа (Первую мировую окончил начальником штаба 11-й армии) просил Миллера помочь его организации в Румынии, имевшей, как он уверял, мощную агентурную сеть на юге России...

Миллер объяснял чекистам, что РОВС вовсе не располагал разветвленной агентурной сетью внутри СССР. Да и победные реляции руководителей других эмигрантских организаций не более чем самореклама: «Я предвижу опять упреки, что я ничего сенсационного не сказал о деятельности РОВС: да, потому что ничего такого не было. Я враг всяких бессмысленных авантюр, и за время моего пребывания в эмиграции и у других не видел еще ни одной, из которой вышел толк. Я поставил задачей по мере моих сил и возможностей выполнить завет генерала Врангеля. Его последние слова были: „Берегите армию!“».

Десятого октября 1937 года Миллер обратился с личным письмом к наркому Ежову. Изъявлял готовность использовать свое влияние, чтобы способствовать возвращению эмигрантов в Советскую Россию. Объяснил, что к эмиграции должны обратиться те, кому верят:

«Таковыми лицами сейчас являются ген. Кутепов (со времени моего нахождения на территории СССР я раза три слышал, что ген. Кутепов жив и нашел способ выйти из своего положения пленника Советской власти) и я, мнения которых для чинов РОВС и для других офицерских и общественных организаций несомненно авторитетны...

Если бы нам дана была возможность лично убедиться объездом вместе хотя бы части страны в том, что население не враждебно к власти, что

положение его улучшается и что оно не стремится к перемене власти и общегосударственного порядка, то наш долг был бы об этом сообщить эмиграции, дабы открыть новую эру возвращения русских людей в Россию... Но нужны по крайней мере два голоса — Кутепова и мой, чтобы эмиграция хотя бы непредубежденно поверила или по крайней мере прислушалась... Тогда вопрос о русской эмиграции ликвидируется сам собой в течение нескольких лет».

Миллера обманывали, рассказывая о том, что Кутепов жив и даже на свободе. Пробуждали в Миллере надежду: послужишь нам и тебя отпустим.

Нарком Ежов пожелал на него взглянуть. 28 декабря 1937 года зашел к нему в камеру вместе со свитой, но не представился. Только потом следователь объяснил Миллеру, какой высокий гость у него побывал. Надо полагать, Ежов докладывал Сталину о предложении Миллера. Но вождя оно не заинтересовало. Обнародовать присутствие председателя РОВСа в Москве — значит признать, что он был похищен. Французское правительство возмутится. А лишний международный скандал не нужен.

Да и много ли пользы от миллеровского призыва к эмигрантам вернуться в Россию? Еще неизвестно, кто откликнется на его слова и придет: желающие действительно начать новую жизнь или враги советской власти, которые получают легальную возможность пересечь границу?..

Если поначалу и был какой-то интерес к играм с участием Миллера, то он быстро пропал. Евгений Карлович вновь и вновь просил разрешения написать жене. Но ответа не последовало.

Шестнадцатого апреля 1938 года он написал митрополиту Московскому Сергию:

«Будучи длительно изолирован от внешнего мира, я особенно болезненно ощущаю невозможность посещения церкви. Условия, при которых я покинул свой дом, не позволили мне взять с собой даже Евангелие, чтение которого, особенно в настоящие дни, было бы для меня большим утешением. Поэтому примите милостиво мою покорнейшую просьбу и подарите мне Евангелие на русском языке.

Всё мое время я посвящаю чтению книг, получаемых из местной библиотеки, но был бы счастлив, если бы мог часть времени из немногих оставшихся мне лет (мне 71-й год) посвятить возобновлению и расширению моих познаний Библии и Житий Святых. Эти две книги я решаюсь просить у Вас, высокочтимый Владыко, во временное пользование на 2–3 месяца, а по прочтении обязуюсь их Вам возвратить».

Генерал верил, что его не станут держать за решеткой до бесконечности. Отпустят... А то, что его просто убьют, это и в голову не приходило.

Двадцать седьмого июля 1938 года Миллер обратился к Ежову. Приписал: «В собственные руки»:

«На этих днях минуло 10 месяцев с того злополучного дня, когда, предательски завлеченный в чужую квартиру, я был схвачен злоумышленниками в предместье Парижа, где я проживал как политический эмигрант по французскому документу, под покровительством французских законов и попечением Нансеновского Офиса при Лиге Наций, членом коей состоит СССР. Я ни одного дня не был гражданином СССР, и никогда моя нога не ступала на территорию СССР. Будучи тотчас связан — рот, глаза, руки и ноги — и захлороформирован, я в бессознательном состоянии был отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя — на полпути между Францией и Ленинградом.

Таким образом для моей семьи я исчез внезапно и бесследно 22 сентября прошлого года. Моя семья состоит из жены 67 лет и трех детей 38–41 года. Хотя в первые дни по прибытии в Москву я еще очень плохо соображал под влиянием исключительно сильной дозы хлороформа, мне всё же ясно представлялось, какой удар, какое потрясение, какое беспокойство должно было вызвать мое исчезновение у моей жены и детей.

Что я был похищен агентами Советской власти, в этом, конечно, никаких сомнений у моей жены быть не могло: пример Кутепова был слишком понятен, да и все эти семь с половиной лет со дня вступления моего в должность председателя РОВ Союза сколько раз возникали эти опасения и разговоры, причем положение пленников Сов. власти всегда рисовалось в самых ужасных красках, что ныне должно было вызвать у моей жены худшие опасения за мою дальнейшую судьбу.

Первое движение мое поэтому по прибытии в тюрьму было — дать знать моей жене, что я жив и здоров и пока что физически благополучен. Краткое письмо моей жене с этим известием я передал в начале октября допрашивавшему меня следователю. Не получив его обещания послать письмо по назначению, я в начале ноября передал Начальнику Тюрьмы при особом заявлении маленькую записку аналогичного содержания без подписи и без указания, где именно я нахожусь, прося добавить к моей записке какой-нибудь промежуточный адрес, по которому моя жена могла бы мне ответить о состоянии здоровья своего, детей и внуков.

Не получив никакого отклика на это заявление от 4-го ноября (как и на другие заявления от того же числа касательно похищенных у меня денег,

принадлежащих другим лицам), я в личной беседе с Вами просил Вас настойчиво связать меня с моей женой, дабы ее успокоить относительно условий моего существования и самому получить сведения о ней и детях. 28 декабря в дополнение к личному разговору, а затем в конце марта и в апреле и моим заявлениям к Вам, я к Вам обращался вновь с этой просьбой, но никакого ответа не получил.

Прошло 10 месяцев, и я ничего не знаю о моей семье, и семья моя, видимо, ничего не знает обо мне.

Я вполне понимаю, что усердие не по разуму Ваших агентов, решивших похитить меня с нарушением всех международных законов и поставивших Вас перед „совершившимся фактом“, поставило Вас и все Сов. правительство в затруднительное положение и в необходимость впредь, до нахождения приличного выхода из создавшейся обстановки, скрывать мое нахождение в СССР, но всё же я не могу не обратиться к Вашему чувству человечности — за что Вы заставляете так жестоко страдать совершенно невинных людей — мои жена и дети никогда никакого участия в политике не принимали. Особенно же меня беспокоит состояние здоровья моей жены, всю жизнь страдавшей большой нервностью, выражавшейся в болезненных приступах при всяком волнении и беспокойстве. Моя жена — родная внучка жены А. С. Пушкина, урожденной Гончаровой, бывшей вторым браком за Ланским, и унаследовала, как и ее мать, и сестры, большую нервность, свойственную семье Гончаровых... Меня берет ужас от неизвестности, как отразилось на ней мое исчезновение. 41 год мы прожили вместе.

Никогда, ни в какие эпохи самой жестокой реакции ни Радищев, ни Герцен, ни Ленин, с историей которых я ознакомился по их сочинениям, изданным Институтом Ленина и Академией, не бывали лишены сношений со своими родными. Неужели же Советская власть, обещавшая установить режим свободы и неприкосновенности личности с воспрещением сажать кого-либо в тюрьму без суда, захочет сделать из меня средневекового Шильонского узника или второе издание „Железной маски“ времен Людовика XIV — и всё это только ради сохранения моего инкогнито?

Убедительно прошу Вас посмотреть на мою просьбу в данном случае с точки зрения человечности и прекратить те нравственные мучения мои, кои с каждым днем становятся невыносимее. 10 месяцев я живу под гнетом мысли, что я, может быть, стал невольным убийцей своей жены и всё это вследствие своей неосторожной доверчивости к гнусному предателю, а когда-то герою гражданской войны в Добровольческой Армии...

Надеюсь, что Вы найдете время ответить и на другие вопросы и

просьбы, содержащиеся в моих заявлениях и письмах. Надеюсь также, что Вы отнесетесь благожелательно ко всему вышеизложенному, я — Ваш пленник — буду ждать с понятным нетерпением Вашего решения и приближающегося годового срока моего заключения».

Никто и не думал отвечать Миллеру. Ежову, чье пребывание на посту наркома приближалось к концу, уже было не до бывшего царского генерала. Чиновникам ниже рангом никто не поручал им заниматься. Так что его обращения были гласом вопиющего в пустыне. Он просидел в тюремной камере еще год. Никто им не интересовался. Потом кто-то вспомнил. Оформили смертный приговор.

Одиннадцатого мая 1939 года председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюрист (специальное звание, приравненное к генеральскому) Василий Васильевич Ульрих подписал указание начальнику комендантского отдела административно-хозяйственного управления НКВД капитану госбезопасности Василию Михайловичу Блохину: «Предлагается немедленно привести в исполнение приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР над Ивановым Петром Васильевичем, осужденным к расстрелу по закону от 1 декабря 1934 г.».

«По закону от 1 декабря» — это вершина беззакония. Дело рассматривалось в ускоренном и упрощенном порядке, без участия прокурора и адвоката; прошения о помиловании по таким делам не принимались, приговоренных к высшей мере наказания сразу же казнили.

Расстреливая заключенных, Василий Блохин получит высшие ордена и сам станет генералом. Сталин высоко ценил тех, кто не гнушался грязной работы.

Начальник внутренней тюрьмы Главного управления государственной безопасности НКВД капитан госбезопасности Александр Николаевич Миронов приписал на документе: «Выданная личность Иванов под № 110 — подтверждаю».

Без ведома нового народного комиссара внутренних дел СССР Лаврентия Павловича Берии на Лубянке ничего не делалось. Со своей стороны он распорядился:

«Только лично

Начальнику внутренней тюрьмы

ГУГБ НКВД СССР

Предписание

Предлагается выдать арестованного Иванова Петра Васильевича, содержащегося под № 110, коменданту НКВД тов. Блохину».

Миронов написал: «Арестованного Иванова № 110 выдал коменданту

НКВД».

Блохин расписался: «Одного осужденного принял».

Расстреляв генерала Миллера, они же вдвоем, как положено, составили акт:

«Приговор в отношении поименованного сего Иванова, осужденного Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР, приведен в исполнение в 23 часа 5 минут и в 23 часа 30 минут сожжен в крематории.

Комендант НКВД Блохин.

Начальник внутренней тюрьмы ГУТБ НКВД Миронов».

Вдова Евгения Карловича Миллера, Наталья Николаевна, не зная, как завершился его жизненный путь, умерла в 1945 году, дочь, Софья Евгеньевна, вскоре последовала за ней — ушла из жизни в 1946-м.

Без главных героев

После похищения Миллера 24 сентября 1937 года Русский общевойсковой союз временно возглавил его первый заместитель генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов. Он оставался в Софии, а всеми парижскими делами попросил заняться адмирала Кедрова. Абрамов никогда не хотел принимать на себя эти обязанности. К тому же был арестован его сын. Это романтически-трагическая история.

Покидая Россию после поражения Белого движения, генерал Абрамов оставил в Ржеве семью — мать, жену и сына Николая. Вскоре мать и жена умерли. Николая в 1929 году призвали на Черноморский флот. Он стал водолазом, вступил в комсомол. И тут его нашли чекисты. К нему в Севастополь приехал заместитель начальника разведки Артур Христианович Артузов.

Он предложил молодому человеку работать вместе — защищать Советскую Россию от врагов, от террористов, от боевиков, которые проходят подготовку на Балканах. Николай Абрамов согласился. В 1930 году его зачислили в ОГПУ. Он получил псевдоним «Ворон». В октябре 1931 года чекисты включили его в состав экипажа пассажирского судна «Герцен» (построенного на Воткинском заводе как «Граф Строганов»). Судно выполняло рейс Ленинград — Гамбург. В порту Гамбурга Николай сошел на берег. И не вернулся. Поехал в Берлин. Там попал в полицию. Ему помог генерал Алексей фон Лампе, начальник 2-го отдела РОВСа, дал денег и отправил к отцу.

Николай Абрамов пожелал помогать отцу, начальнику 3-го отдела РОВСа. Особенно интересовался тайной работой, которой руководил капитан Клавдий Фосс. Но Фосс заподозрил Николая в работе на советскую разведку. После похищения Миллера в Париже в октябре 1937 года полиция арестовала младшего Абрамова, подозревая в соучастии. Его выслали из Болгарии в середине ноября вместе с женой.

Советские разведчики доставили младшего Абрамова в Советский Союз. Поселили в Воронеже, устроили на работу в областное управление НКВД. После начала войны отправили в Одессу на подпольную работу. Он погиб в конце 1941 года (см.: Независимое военное обозрение. 2005. № 35).

Федор Федорович Абрамов при первой же возможности — через полгода, 23 марта 1938 года, с радостью передал полномочия генерал-лейтенанту Алексею Петровичу Архангельскому (после 1917 года он

некоторое время служил в Красной армии, в феврале 1919 года ушел к Деникину). А тот жил в Брюсселе. Перебираться в Париж не захотел, и управление РОВСа перевели в Бельгию. Архангельскому помогал генерал Кусонский, который тоже обосновался в Бельгии. 22 июня 1941 года немцы арестовали Кусонского и поместили в концлагерь Брейндонк (на территории Бельгии). Генерал фон Лампе обратился к немецким властям с просьбой его освободить, поручился за благонадежность белого генерала, но Кусонский через два месяца скончался.

В Париже главным остался генерал Владимир Витковский, начальник 1-го отдела РОВСа. А для Сергея Николаевича Третьякова всё осталось по-прежнему, изменились только голоса, которые он слушал.

Семнадцатого января 1939 года Третьяков отправил своему начальству подробное донесение:

«Имеем честь донести следующее: в субботу 31-го декабря 1938 г. около 12 ч. дня к нам на квартиру явился Гильзин и, так как нас не было дома, он просил передать нам, что нас ждут к себе Мацилев и Витковский.

Мы вернулись около 1 ч. 30 мин., но в управлении 1 Отдела уже никого не оказалось, так как в субботу занятия кончаются раньше обыкновенного и кроме того в субботу был канун нового года. Мы отложили наше посещение до вторника 3-го января, так как в понедельник занятий в управлении не было. Нас принял в первую очередь Мацилев, он прежде всего заявил, что генерал Витковский просит нас продлить срок нашего договора по квартире до июля 1939 года.

Нам было указано, что по нашему соглашению стороны предупреждают друг друга в случае перерыва или, вернее, прекращения договора по найму квартиры за три месяца вперед, а поэтому, если к 1 января отказа не последовало, договор продолжается автоматически до 1-го июля текущего года. Затем последовал поток любезных слов; говорилось о том, что за всё время пребывания у нас не было ни одного недоразумения ни с домовладельцем, ни с консьержкой, ни с газом или электричеством. Район и цена квартиры очень подходящие, а поэтому надо полагать, что и в дальнейшем 1 Отдел РОВСа будет квартировать у нас.

Не давая прямого ответа, мы пожелали переговорить с Витковским, который подтвердил всё сказанное Мацилевым, был также очень любезен и просил нас дать поскорее ответ. Принимая во внимание, что желание остаться у нас на квартире есть признак полнейшего к нам доверия, мы дали свое согласие генералу. Поблагодарили за добрые отношения и заявили ему, что о дальнейшем пребывании на нашей квартире после 1-го июля мы сообщим генералу не позже 31 марта с. г. (о намерении покинуть

квартиру мы должны предупредить хозяина за 6 месяцев, предупреждают во Франции 1-го января, 1-го апреля, 1-го июля и 1-го октября)».

Сергей Николаевич Третьяков был рад тому, что его работа продолжится. Но советские разведчики его радости не разделяли. Активность РОВСа упала, и интерес к нему постепенно сходил на нет. В парижской резидентуре пришли к выводу, что Третьяков и вовсе не нужен. Обратились в Центр:

«„Иванов“, как вам известно, работал по „Петьке“. За последние пару месяцев вообще не работал из-за перерыва связи по случаю с автомобильной катастрофой с Анатолием (псевдоним выходившего на связь с Третьяковым оперативного работника. — Л. М.). Сейчас ничего интересующего нас „Иванов“ не дает. Напуган событиями до невозможности. Главное боится, что из-за событий можем бросить его на произвол судьбы.

Тратим мы на это дело уйму денег (15 000 франков в год на квартиру и 60 000 франков в год жалование „Иванову“). Исходя из вышеизложенного, считаем, что с ним нужно будет порвать, предварительно сняв в квартире имеющуюся аппаратуру — „Петька“».

В резидентуре настолько потеряли интерес к Третьякову, что и вовсе перестали связываться с ним — впервые за много лет. Работавший с ним сотрудник парижской резидентуры попал в дорожно-транспортное происшествие. Пострадал не очень сильно, но пришлось несколько недель провести на больничной койке. Когда вышел, тоже не спешил встретиться с Третьяковым. О нем словно забыли. Он остался без дела и без денег.

Пораженный тем, что в течение длительного времени никто не выходит на связь, Третьяков не придумал ничего лучше, как отправиться в советское полномочное представительство на улице Гренель. Честно признался дежурному, принимавшему посетителей, что работает на разведку. Не очень разбираясь в советских делах, Сергей Николаевич считал, что разведкой ведают офицеры, и попросился на прием к военному атташе.

Дежурный вызвал сотрудника резидентуры военной разведки. И тут разразился крайне неприятный для чекистов скандал. Военный разведчик, разумеется, о Третьякове не знал. Но логично предположил, что тот работает на политическую разведку. И обратился с расспросами к коллеге, который, конечно же, уклонился от ответа.

Военные разведчики, как положено, доложили об инциденте своему начальству в Москву. Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии информировало об этом своих коллег. Начальник 5-го

отделения, которое ведало Францией, майор Сергей Дмитриевич Зотов (окончил специальный факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе, со временем станет генералом и сам приедет в Париж военным атташе при посольстве СССР) 13 сентября 1939 года отправил письмо начальнику 5-го (разведывательного) отдела ГУ ГБ НКВД: «К военному атташе в Париже явился некий человек, предъявивший документы на имя Серж Третьяков, который заявил, что работал для СССР в течение 10 лет по линии воинского союза под кличкой Иванов, с 13 июля с. г. связь с ним прекратилась, и он нуждается в деньгах».

Письмо передали новому заместителю начальника 5-го отдела капитану госбезопасности Павлу Судоплатову, который отличился тем, что 23 мая 1938 года в самом центре Роттердама преподнес коробку конфет, начиненную взрывчаткой, создателю Организации украинских националистов Евгену Коновальцу. Того буквально разнесло на куски.

Судоплатов потребовал разъяснений от парижского резидента. И получил рапорт:

«Ко мне в кабинет явился известный вам Носов (работник Разведуправления) и сказал, что к нему явился человек, который заявил, что с ним прервана связь, у него нет денег и эти обстоятельства заставили его прийти в полпредство. Он назвал Носову свою настоящую фамилию и кличку „Иванов“, объяснил, что содержит по нашему заданию квартиру, за которую надо платить, и т. п.

„Иванов“ действительно является нашим агентом и содержит квартиру бюро РОВСа, где установлена подслушивающая аппаратура. „Иванов“ находился на связи у Анатолия. Анатолий мне объяснил, что связь прервана в силу известной вам автокатастрофы с ним. Однако я считаю, что всё валить теперь на эту катастрофу нельзя, так как Анатолий имел достаточно времени после нее, чтобы с такими людьми, как „Иванов“, восстановить связь.

Носову я дал уклончивый ответ и вызвал Анатолия, который попросил меня, чтобы я позвонил Носову с тем, чтобы тот выпроводил „Иванова“ на улицу, где Анатолий с ним встретится, что являлось полнейшим безумием, так как все эти дни за полпредством усиленная слежка и на улице стоит около 10 полицейских.

Я полагал, что при той сильнейшей антисоветской кампании, проводимой сейчас в связи с заключением советско-германского пакта, можно ожидать любой провокации и встречаться даже с надежным агентом в районе полпредства совершенно недопустимо, тем более, что безусловно полиция регистрирует все посещения к нам.

Не желая спорить на эту тему с Анатолием, который невероятно нервно реагирует на каждое замечание или возражение, я согласился на его предложение, но на деле позвонил Носову и сказал, что этот человек нам неизвестен и что ему следует его выпроводить. Спустя некоторое время Анатолий зашел ко мне и спросил, звонил ли я Носову. Получив утвердительный ответ, он побежал на улицу, но, никого не найдя там, забежал ко мне опять, на что я ему сказал, что, видимо, „Иванов“ уже ушел.

Сообщаю это для вашего сведения».

Судоплатова сама эта история мало заинтересовала. Он остался недоволен тем, что работник военной разведки знает резидента внешней разведки. На объяснительной записке сделал только одну пометку вполне в духе времени: «Откуда Носов знает о Дике?»

Павел Анатольевич Судоплатов в советских учреждениях за границей не работал. Только выезжал в командировки. Причем нелегально. Поэтому и представить себе не мог, что внутри сравнительно небольшой советской колонии все друг друга знали и никакая конспирация не помогала.

Оперативный работник, который вел Третьякова, оправдываясь, прислал кляузное послание из Парижа:

«Весьма характерным для „Иванова“ фактом является следующее обстоятельство.

В связи с моей болезнью после аварии и нахождением в больнице с „Ивановым“ прекратилась связь с 13 июля 1939 года. „Иванов“, будучи проинструктирован о необходимости в таких случаях ждать установления с ним связи, не выдержал этого условия, явился в полпредство, попросил свидания с военным атташе, попал к Носову и стал последнему излагать, что он связан по „какой-то работе с полпредством и хочет эту связь установить“. Носов, выслушав „Иванова“, отнесся к нему с подозрением и отказался с ним разговаривать.

Из всего этого я делаю вывод о том, что даже в том случае, если нам по каким-либо деловым соображениям придется порвать связь с „Ивановым“, он может оказаться для нас опасным человеком, так как, не имея других средств к существованию, он вначале будет добиваться установления связи с нами, а затем — не исключено — из-за денег встанет на путь клеветы и т. д.

Со своей стороны мы подозреваем, что источник „Иванов“ втирает нам очки, так как все его материалы „Петьки“ ограничиваются исключительно общими рассуждениями и фиксацией бесед на совершенно неинтересные для нас темы. Помимо этого за небольшое количество личных встреч с „Ивановым“ я вынес впечатление, что „Иванов“ вообще не

чистоплотен и почти на каждой встрече весь разговор сводит только к деньгам, несмотря на то, что от нас он получает свыше пяти тысяч в месяц.

Крайне отрицательным и весьма опасным моментом является следующее положение: на иждивении у „Иванова“ находится четыре человека, две взрослые дочери — 30–35 лет и сын около 33 лет. Все они не работают и существуют исключительно и только на деньги, получаемые „Ивановым“ от нас. За квартиру „Иванов“ платит такую сумму, которую в состоянии платить только капиталист.

Так как сам „Иванов“ также нигде не работает, а его работу в Торгово-промышленном комитете брать в серьезный расчет никак нельзя, ему там платят только 400–500 франков в месяц, о чем всем известно, то в качестве легенды он ссылается при расспросах на имеющиеся у него сбережения. Помимо того, что ссылка на сбережения мало убедительна, она в конце концов в случае проверки приведет к неизбежному провалу „Иванова“. Иждивенческие настроения „Иванова“ привели к тому, что он за всё время, связанное с нами, палец о палец не ударил для подыскания себе хотя бы какого-либо занятия или устройства на работу взрослых дочерей и сына, а перешел всецело на наше иждивение».

После вынужденного бегства Скоблина и суда над Плевицкой именно Сергей Третьяков стал главным источником информации о положении внутри Русского общевойска союза. Впрочем, это был уже другой РОВС. Многолетняя целенаправленная работа советской разведки по подрыву военной эмиграции изнутри принесла несомненный успех. Да и сама эмиграция сильно постарела.

Вот почему донесения Сергея Третьякова становились всё менее интересными для разведки. К тому же в Москве в несколько приемов были уничтожены основные кадры советской разведки. Аппарат парижской резидентуры и 5-го (Иностранного отдела) ГУГБ НКВД практически полностью обновился. Новые люди не знали и не ценили Третьякова. И у них возникли подозрения.

Центр — парижской резидентуре:

«Материалы, представляемые вами по „Петьке“ за весь 1939 год, не представляют никакого оперативного интереса. Мы сомневаемся, чтобы руководители РОВСа вели только беседы на отвлеченные темы. Мы полагаем, что „Иванов“ нас обманывает и вместо действительных разговоров дает нам липу. Считаем необходимым для проверки „Иванова“ провести следующие мероприятия:

1. „Иванов“ продолжает фиксировать „Петьку“.
2. Вы даете задание по вашему усмотрению агентам, которых можно

под тем или иным предлогом отправить в канцелярию РОВСа. Мы считаем, что в частности для этой цели можно использовать „Степного“. Агент должен повести себя так, выдумать такой предлог, чтобы он посетил канцелярию РОВСа не один раз, а несколько дней подряд. Агент должен пробыть в канцелярии РОВСа и беседовать там около получаса, а по возвращении оттуда слово в слово изложить тот разговор, который он вел в канцелярии РОВСа, подробно указав, с кем, в котором часу и на какую тему разговаривал.

Повторяем, так должно продолжаться несколько дней подряд. Если „Петька“ не зафиксирует разговоры агентов, посланных вами в РОВС, тогда мы убедимся в том, что „Иванов“ нас обманывает, и сделаем соответствующие выводы в отношении него. При отправке агента в канцелярию РОВС вам необходимо крайне осторожно инструктировать его, чтобы он ни в коем случае не догадывался о сути задания. Проследите, действительно ли агент пойдет в РОВС».

На самом деле РОВС после похищения Миллера пришел в упадок, прежняя работа прекратилась, поэтому беседы там велись пустые. К тому же началась Вторая мировая война. После нападения вермахта на Польшу 1 сентября 1939 года Франция, исполняя свой союзнический долг, объявила войну нацистской Германии. Реальные военные действия пока и не начались, но Европа уже разделилась и раскололась, и русская эмиграция никого не интересовала.

Тем не менее связь с Третьяковым восстановили, и он преданно трудился. 1 ноября 1939 года отправил послание, которому придавал большое значение:

«Имеем честь донести следующее: мы сообщали в нашем донесении от 30 сентября о посещении первого отдела великим князем Андреем. Квартира отдела, хотя и маленькая и чрезвычайно грязная, всё же понравилась гостю, но он выразил сожаление, что в помещении 1 отдела нет отдельной комнаты, в которой посетители могли бы ожидать очередного приема.

Витковский, польщенный посещением, решил немедленно осуществить пожелание великого князя и устроить в квартире 1 отдела особую комнату для посетителей. С этой целью он просил Мацылева переговорить с Третьяковым и просить его уступить комнату, смежную с комнатой Гильзина, в которой предполагается устроить приемную.

Во вторник мы были вызваны в управление и имели беседу с Мацылевым. Не имея определенных указаний, мы, само собой разумеется, не дали никаких обещаний и лишь заявили, что вопрос о комнате может

быть решен лишь в связи с вопросом о всей занимаемой квартире. Пока что мы связаны с 1 отделом лишь по 1 января 1940 года, и если к этому времени отдел предполагает освободить всю квартиру, не имеет смысла на два месяца занимать лишнюю комнату. Мы просили Мацылева предварительно выяснить этот вопрос с начальством, что он и обещал сделать.

Нам кажется, что Сдача лишней комнаты неудобна. Главным образом потому, что как раз в ней около самой двери, ведущей в помещение 1 отдела, находится конец провода, обслуживающего всю нашу сеть. Перед сдачей этой комнаты придется спаять этот конец с другим проводом, ведущим в следующую комнату. Так как в проводе четыре конца очень тонких, эта работа довольно кропотливая, а главное — она ровно ничего не даст и лишь несколько увеличит расстояние аппарата от „Петек“, которые и без того работают неважно. Провод в этом месте был нами обрезан по указанию руководителя в тот момент, когда мы могли ожидать у себя со дня на день приятных посетителей. Аппарат соединен с проводом временным устройством, которое можно убрать в три минуты и загнуть конец провода в помещение 1 отдела.

Таким образом предложение Витковского мы считаем неприемлемым, но в связи с этим предложением у нас опять возникла мысль перевести 1 отдел в новое помещение, занимаемое ныне Торгпромом. В самом деле отделу нужно не три, а четыре комнаты, мы можем их предложить в помещении рядом. Правда, это помещение насчитывает пять комнат, но одну из них мы могли бы оставить для Торгпрома, где хранились бы мебель и архив этого почтенного учреждения.

Предлагаемую квартиру РОВС уже занимал у нас, она находится рядом, и переход туда не будет связан с дополнительными расходами для 1 отдела. В свое время РОВС платил нам за эту квартиру 6000 франков в год, но отапливал ее сам. Теперь он платит 5400 франков, причем отапливаем квартиру мы. Разница небольшая, и сговориться, конечно, всегда будет возможно. В качестве доводов можно сказать, что нам гораздо легче пересдать маленькую квартиру, чем большую, что, отдавая лишнюю комнату, мы разбиваем большую квартиру, которая теряет свою ценность, что в маленькой квартире наша дочь хочет устроить шляпную мастерскую и т. д. и т. д.

Преимущества перехода в новое помещение ясны. Если то дело, которые мы делаем сейчас, продолжает еще интересовать наших хозяев, его нужно поставить на новые рельсы и заменить старую установку новой. Мы неоднократно указывали, что слышимость старой установки плохая,

теперь, после того, как один из „Петек“ в кабинете Витковского был залит водой, мы с великим трудом слышим генерала, и лишь отдельные фразы или даже слова доходят до нашего уха.

Улучшиться положение не может. Наоборот, оно логически должно ухудшаться, так как теперь совершенно ясно, что дело не в проводке, а в „Петьках“, стоящих у Витковского и у Мацылева, причем пострадали больше те, которые стоят у генерала. Новая установка, которую можно произвести без спешки, дает возможность контролировать каждое слово, чего сейчас, к великому сожалению, сделать нельзя.

Для ясности прилагаем план нашей квартиры.

Р.С. Мы забыли сообщить, что Торгпром, если война будет продолжаться, работать не будет, и мы свободны распоряжаться занимаемым помещением.

Третьяков предложил воспользоваться этой ситуацией и оснастить помещение Русского общевойскового союза новым „Петькой“».

Седьмого ноября 1939 года парижская резидентура запросила мнение Центра:

«Отдельным приложением направляется вам донесение источника „Иванова“ о представившейся возможности улучшения работы „Петьки“.

История этого дела такова: „Петька“ был установлен приблизительно в 1933 году, установка находится в работе в течение пяти с лишним лет. За последнее время всё чаще приходится слышать как устные, так и письменные жалобы источника на плохую слышимость установки. Долгое время мы относили этот дефект в работе к плохому качеству приемника и наушников, а отсюда делали вывод в необходимости замены последних новыми, но, несмотря на смену указанных частей, жалобы источника продолжались.

Проверить же линию „Петьки“ и микрофоны до сих пор не представилось возможности.

В настоящее время точно установлено, что плохая слышимость происходит не от качества приемника и наушников, а из-за порчи микрофонов в линии „Петьки“, куда попала вода, особенно поражен участок кабинета Витковского, то есть участок, который для нас должен представлять наибольший интерес. Таким образом для восстановления слышимости необходимо заменить пораженные микрофоны, что сделать при нынешнем положении вещей совершенно не представляется возможным.

Выход из создавшегося положения может быть найден в следующем. В связи с тем, что РОВСом в настоящее время предпринимаются шаги к

возможности расширения занимаемого ими помещения, есть возможность обменять площадь ист. „Иванова“ на помещения, занимаемые РОВСом, предварительно установив в указанном помещении „Петьку“.

Со своей стороны считаем необходимым произвести указанную комбинацию, учитывая, что это не потребует больших материальных затрат. Приблизительно выразится в сумме 2–3 тысячи франков. Сообщая на ваше рассмотрение всё вышеуказанное, просим вашей санкции».

Москва санкцию дала, выделила деньги и оборудование.

Третьяков старательно вычертил план дома. На плане написано: «Справка. 22 ноября 1939 г. Нами сообщено, что предложение „Иванова“ о передаче нового помещения под 1 отдел РОВС и оборудование в нем „Петек“ одобрено нами».

После начала Второй мировой войны, перекроившей европейскую карту, вся работа РОВСа вновь сосредоточилась в Париже. Понадобилось несколько большее помещение. Тогда Третьяков предложил канцелярии РОВСа занять прежнюю квартиру — побольше. Обязал сделать ремонт, покрасить стены. Попросил указать, где будет кабинет Витковского. 1 января 1940 года РОВС уже располагался на новом месте.

Сергей Николаевич продолжал работать. О каждом своем шаге педантично информировал резидентуру. Если в какой-то день вынужденно пропускал дежурство, писал объяснительную:

«22 ноября 1939 года. Вчера вечером мы были вызваны на сегодня к 10 ч. 45 м. в жандармское управление. Дело в том, что наша семья находится вне Парижа, и для того, чтобы ездить на праздники ее навещать, необходимо иметь от полиции особое разрешение. Мы долго добивались этого разрешения, но нам удавалось получать лишь пропуск на одно путешествие, что нас совершенно не устраивало. Трудность получения пропуска усугублялась тем, что семья наша была эвакуирована в так называемую армейскую зону. Нас вызвали в жандармское управление для того, чтобы собрать необходимые справки.

Всё обошлось вполне благополучно благодаря нашему сноскому французскому языку, и мы получили вместе с дочерью разрешение на поездки в деревню в течение месяца, но на это дело ушло всё утро: пришлось долго ждать какое-то начальство и еще больше — приготовление самого разрешения.

Когда мы пришли домой, было около часа дня и начальства уже в управлении не было. К сожалению, пришлось пропустить одно утро, но не явиться в жандармерию по теперешним временам было совершенно невозможно».

В личном деле Третьякова хранится выписка из показаний уже осужденного недавнего сотрудника внешней разведки Михаила Григорьева, которые тот дал на допросе 21 ноября 1938 года. Григорьев был помощником резидента в Париже. Участвовал в похищении Миллера, получил орден Красного Знамени.

Григорьев, обвиненный в работе на французскую разведку, убеждал следователя, что два его лучших агента — Скоблин (ЕЖ-13) и Третьяков («Иванов») французам не известны и с ними можно сотрудничать и дальше:

«У меня было два основных источника, о наличии которых я французам не сообщил. Это 13-й и „Иванов“, французы об их существовании не были осведомлены. Это подтверждается фактами. В отношении 13-го тем, что за ним не было никакого наблюдения и что обыск у него был произведен только после нашей последней операции. А „Иванов“ даже после нашего большого провала, насколько мне известно, продолжает или, вернее, продолжал работать на установленном мною „Петьке“ до самого последнего времени, то есть до последних дней.

Это очень легко установить даже самой легкой проверкой. Да, и действительно это так. Говорю это не для своего оправдания, а только в целях установления истины».

Выписку из протокола сделали почти полтора года спустя, 9 марта 1940 года. Едва ли Григорьеву удалось убедить следствие в своей искренности. В том же 1940-м его расстреляли. Скоблина уже ликвидировали. Торжествовала атмосфера подозрительности, так что и доверие к Третьякову исчезло.

В мае 1940 года в Западной Европе развернулась настоящая война. Танковые части вермахта обрушились на неготовые к сопротивлению французские войска. А многие французы и не хотели сражаться. В результате немецкие войска прошли сквозь французские позиции с песнями. Французская армия была разгромлена. Вермахт оккупировал северную часть страны, три пятых французской территории. Занял Париж.

В этих условиях развалившийся по существу РОВС уже никого не интересовал. Связь с Третьяковым прекратилась. Теперь уже навсегда. Москва признала коллаборационистское правительство маршала Петена, сформированное после поражения страны, и советское полпредство перебралось в ставший временной столицей курортный городок Виши, расположенный на территории, свободной от немецких войск.

Заняв Париж, немцы Третьяковым не заинтересовались, а некоторых русских эмигрантов-офицеров в июне 1940 года арестовали, в том числе

генерала Павла Павловича Дьяконова. Его дочь Мария бросилась за помощью в советское посольство. Через 43 дня его выпустили, когда полпредство подтвердило, что генерал — советский гражданин. В мае 1941 года они с дочкой вернулись в СССР.

Долгожданное возвращение на родину оказалось отнюдь не радостным. Дьяконов ни дня не жил при советской власти и не понимал, с кем имеет дело. Через год, после нападения Германии на СССР его вместе с дочкой арестовали как иностранных шпионов. Против них ничего не было, взяли их по списку как недавно прибывших из-за границы. Сидели они в саратовской тюрьме. Когда запрос о них дошел до центрального аппарата госбезопасности, разведка вновь за бывшего генерала вступилась: «Дьяконов и его дочь известны 1-му управлению НКВД».

В октябре обоих выпустили. Отправили в Фергану. Потом Дьяконовы оказались еще дальше — на железнодорожной станции Карасу-Узбекский (ныне территория Кыргызстана). Ни денег, ни теплой одежды у них не было. И никому не было до них дела.

Павел Павлович, не понимавший, что происходит, написал в НКВД: «Обращаюсь к вам с просьбой выволить меня из того невыносимого положения, в которое без всякой вины с моей стороны попал. Прошу вызвать меня с дочерью в Москву и назначить на какую угодно работу в России. Заранее согласен на любую должность».

Ответа не последовало. Никому не нужный бывший генерал и многолетний сотрудник советской разведки умер 28 января 1943 года. Никто об этом тогда не узнал.

Трагический финал

Предвоенные годы были, пожалуй, худшими в истории советской разведки. Из-за постоянных арестов в 1938 году она мало работала. В конце этого года в разведку мобилизовали 200 человек из числа партийных, советских и комсомольских чиновников. Даже самые толковые из них не имели профессиональных навыков, не знали иностранных языков и не бывали за границей.

Шифропереписка Центра с парижской резидентурой свидетельствует о том, как переменялись кадровый состав разведки, атмосфера в коллективе. Исчезла страсть. Воцарилось свойственное чиновникам нежелание делать лишнее и брать на себя ответственность.

Двенадцатого мая 1939 года решением политбюро разведку возглавил Павел Михайлович Фитин, выпускник Института механизации и электрификации сельского хозяйства. В 1932-м, получив диплом, он отправился не на село, а стал руководить редакцией индустриальной литературы в Государственном издательстве сельскохозяйственной литературы. В марте 1938 года Павла Фитина по партийному набору взяли в органы госбезопасности. Отправили учиться в Центральную школу НКВД. Срок обучения дисциплинам специального цикла был установлен в два года — даже для людей с высшим образованием. Но НКВД ощущал такой кадровый голод, что сроки сократили. Фитин проучился всего пять месяцев.

В августе 1938 года Фитина зачислили в штат Главного управления государственной безопасности НКВД. 1 февраля 1939 года ему присвоили спецзвание майора госбезопасности. Через год он стал старшим майором. Стройный блондин среднего роста, он был спокоен, молчалив, никогда не повышал голоса, подчиненных выслушивал внимательно. Но, как отмечают профессионалы, «у него не было ни малейшего опыта в работе с агентурой, он не провел ни одной вербовки, психология оперативного работника была ему совершенно чужда, ему просто не хватало разведывательного чутья».

Фитин поставил задачу активизировать закордонную работу. Понадобились опытные вербовщики. Вспомнили бывшего штабс-капитана Петра Георгиевича Ковальского, который мастерски завербовал Плевицкую и Скоблина.

7-е отделение 5-го отдела получило указание отыскать ценный кадр. Но где же он? Подняли архивные документы. Выяснилось, что последние

сведения о местонахождении Ковальского относятся к июню 1935 года, когда на Лубянке получили справку Иностранного отдела Управления госбезопасности НКВД Украины: «Бывший агент ИНО „Сильвестров“ Петр Георгиевич, 1897 года рождения, вместе со своей женой Подлуцкой Раисой Михайловной и ребенком в январе месяце с.г. выехал из Одессы в Москву, откуда был направлен Союзным трестом хлебопечения на временную работу в распоряжение Треста хлебопечения — гор. Челябинск, где и работает по настоящее время. В Одессе осталась дочь — Подлуцкая Валентина Ивановна, замужем за Боровским Георгием Владиславовичем. Подлуцкая Валентина поддерживает письменную связь с Ковальским П. Г.».

Хороший вербовщик — всегда в цене. Разведчики тогда обратились к начальнику Управления НКВД по Челябинской области Александру Матвеевичу Минаеву-Цикановскому и попросили присмотреть за своим человеком, а при необходимости и помочь:

«Союзным трестом хлебопечения направлен в Челябинск в распоряжение треста хлебопечения гр. Ковальский Петр Георгиевич, вместе с ним его жена Подлуцкая Раиса Михайловна с ребенком.

Гр. Ковальский является старым секретным сотрудником ИНО ГУГБ и ИНО УГБ УССР. Просим подробно проинформировать нас о его служебной деятельности и настроениях, а также не проходит ли Ковальский у вас по каким-либо разработкам.

При отсутствии у вас компрометирующих на него данных просим осторожно с ним связаться. Учтите, что мы заинтересованы, чтобы Ковальский материально не нуждался и имел бы в вашем лице моральную поддержку. О принятых вами мерах просьба по возможности без задержки сообщить ИНО ГУГБ».

Особый отдел Челябинского управления откликнулся через полтора месяца, 31 августа 1935 года. Местные чекисты сами решили использовать Ковальского.

«Ковальский Петр Георгиевич проживает в г. Челябинске, работает главным бухгалтером Хлебтреста. На работу он прибыл по договору сроком на 2 года. От Треста он имеет квартиру в 2 комнаты, материально обеспечен. Компрометирующих данных на Ковальского не имеем.

Просим подробно ориентировать в отношении Ковальского и указать, в какой степени можно будет использовать его по нашей работе. Просим выслать личное дело на Ковальского».

Посылать личное дело в областное управление разведчики, ясное дело, не стали. Но и сами забыли о Ковальском. Вспомнили через четыре года

при Фитине. 10 июня 1939 года запросили Управление НКВД по Челябинской области.

Минаева-Цикановского, к которому обращались в прошлый раз, уже не было. Он сделал порядочную карьеру, с Лубянки был переведен в союзное правительство заместителем наркома тяжелой промышленности, а потом расстрелян. За эти годы в Челябинске сменилось пять начальников управления. Обратились к действующему — майору госбезопасности Илье Дмитриевичу Сошникову, в недавнем прошлом заведующему промышленно-транспортным отделом Днепропетровского обкома партии:

«В начале 1935 года из Москвы в Челябинск был направлен гр. Ковальский Петр Георгиевич для работы по линии Треста хлебопечения, который в прошлом являлся секретным сотрудником ИНО ГУГБ и ИНО УГБ НКВД СССР.

Просьба проверить и сообщить нам, проживает ли в настоящее время в г. Челябинске гр. Ковальский П. Г., в каком учреждении работает, характер выполняемой работы, отзывы по работе, был ли связан с Вашим Управлением и имеются ли на него компрометирующие данные».

Через месяц получили ответ: «Ковальский Петр Георгиевич с 1935 года по 1938 год проживал в Челябинске и работал в Тресте хлебопечения бухгалтером. В начале 1938 г. он выбыл на жительство в гор. Одессу. В агентурно-осведомительной сети Ковальский у нас не состоял».

Тут же запросили начальника УНКВД Одесской области капитана госбезопасности Александра Ивановича Старовойта, переведенного в органы с должности первого секретаря райкома партии:

«В Одессе проживал бывший наш агент „Сильвестров“ — Ковальский Петр Георгиевич, 1897 года рождения, с женой Подлуцкой Раисой Михайловной.

В 1935 г. Ковальский был направлен Союзным Трестом Хлебопечения на работу в г. Челябинск, где и находился до 1938 г. В январе 1938 г. Ковальский вновь выехал на жительство в Одессу.

Просим проверить и сообщить нам: адрес Ковальского, его семейное положение, в каком учреждении работает, характер выполняемой работы, отзывы по работе, был ли связан с Вашим Управлением, имеются ли на него компрометирующие данные.

Ответ просим не задерживать».

Двадцать шестого августа 1939 года Одесса ответила Москве:

«Сообщаем, что в гор. Одессе по ул. Чичерина, № 17, кв. 4 проживал Ковальский Петр Георгиевич, 1897 года рождения, ур. ст. Бобринец Киевской области, русский, работник Челябинского Главхлеба, приезжал в

отпуск и 1 сентября 1936 г. выехал в гор. Челябинск. Жена его Подлуцкая Раиса Михайловна, 1895 года рождения, ур. с. Якимово Одесской области, украинка, выехала вместе со своим мужем в гор. Челябинск.

Других данных не установлено.

По учетам 1-го Спецотдела УНКВД и УСО УРКМ они не проходят».

УСО — учетно-статистический отдел (оперативный учет, статистика, архив) управления рабоче-крестьянской милиции. Иначе говоря, супруги не арестовывались и не осуждались... Из ответа следовало, что Ковальский, покинув Челябинск, до Одессы не добрался. А где же он?

Разведчики продолжили поиск и отыскивали его следы.

Петр Георгиевич Ковальский устроился старшим бухгалтером конторы «Главхлеб» в Ворошиловграде, где в разгар Большого террора был арестован сотрудниками государственной безопасности Управления НКВД по Донецкой области.

Последний документ, который раздобыли во внешней разведке, — это копия обвинительного заключения из следственного дела № 50479:

«Гор. Ворошиловград, 1937 года, ноября 22 дня

Я, Опер. Уполномоченный УНКВД по Донецкой области, рассмотрев следственный материал по обвинению Ковальского Петра Георгиевича, 1897 года рождения, уроженца станции Бобринская Киевской области, русского, служил в царской армии, а затем в белой армии в чине штабс-капитана, в 1925 году был арестован органами ГПУ по обвинению по ст. 117 УК РСФСР и приговорен к 5-ти годам лишения свободы, до ареста работал старшим бухгалтером конторы „Главхлеб“ в г. Ворошиловграде, установил следующее:

Ковальский, служба в царской армии, был в 1917 году произведен в штабс-капитаны. В июне месяце 1917 года при формировании ударных отрядов был направлен в отряд Корнилова. Ковальский принял активное участие в подавлении революционного выступления рабочих в гор. Киеве.

Будучи впоследствии переброшен в добровольческую армию, Ковальский в декабре месяце 1919 года совместно с группой войск генерала Бредова был в районе гор. Каменец-Подольский интернирован в Польше. Находясь в Варшаве, Ковальский был зачислен в отряд Булак-Балаховича. И после заключения перемирия с Польшей Ковальский принимал активное участие в деятельности существующего тогда в Польше „Союза спасения Родины и свободы“, возглавляемого Савинковым.

В 1921 году Ковальский обратился в репатриационную комиссию с просьбой разрешить вернуться на родину — в СССР, был перевербован сотрудником советского посольства в г. Варшаве — Кобецким — для

проведения разведывательной работы на территории Польши в пользу СССР. На территории Польши Ковальский провел до 1923 года, после выехал в СССР.

В 1925 году Ковальский был арестован органами ГПУ за расшифровку и осужден по статье 117 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы. После отбытия наказания Ковальский вновь был использован по линии ИНО ОГПУ и ГПУ УССР и в 1927 году был переброшен в Румынию. В 1930 году по заданию ИНО Ковальский был в Австрии, Германии и Франции.

Из дела-формуляра Ковальского, приложенного к настоящему делу, видно, что Ковальский при использовании по линии ИНО имеет ряд фактов, подозрительных в проведении им разведывательной работы в пользу Польши. В принадлежности к агентуре польской разведки Ковальский виновным себя не признает.

Учитывая, что обвиняемый Ковальский Петр Георгиевич, согласно приказу наркома внутренних дел СССР — Генерального Комиссара Государственной Безопасности — тов. Ежова — № 00495, осужден, и дело о нем рассмотрено соответствующими судебными инстанциями,

постановил:

Следственное дело № 50479 по обвинению Ковальского Петра Георгиевича — направить в 2-й отдел УГБ НКВД УССР».

Упомянутая в обвинительном заключении статья 117-я Уголовного кодекса РСФСР, принятого в 1922 году, — «Разглашение должностными лицами не подлежащих оглашению сведений».

Обвинительное заключение в декабре 1937 года утвердил заместитель начальника областного управления майор госбезопасности Григорий Борисович Загорский-Зарицкий. Через несколько месяцев он сам будет арестован как «участник военно-фашистского заговора в органах НКВД» и покончит с собой в Лукьяновской тюрьме в Киеве.

Донецкие чекисты знали, что Ковальский работал на советскую разведку. Но в областном управлении НКВД и не подумали осведомиться относительно Ковальского в Москве... А во внешней разведке и не подозревали о том, что Ковальского провинциальные чекисты сочли польским шпионом и расстреляли. И еще два года после смерти Ковальского тщетно искали его по всей стране.

Судьбы других действующих лиц этой истории также приближались к трагическому завершению.

В оккупированной Франции русские эмигранты разделились.

Некоторых эмигрантов еще перед войной выставили из Франции. На выборах в июне 1936 года левые получили большинство голосов в

парламенте и сформировали правительство Народного фронта, которым руководил Леон Блюм. В апреле 1938 года правительство Блюма приказало выслать генерала Шатилова, генерала Туркула, капитана Ларионова...

Антон Туркул охотно обосновался в нацистской Германии. Разочаровавшись в РОВСе, он во главе верных ему дроздовцев вышел из союза. Создал собственную организацию — Русский национальный союз участников войны. Он внушал своим сторонникам:

— Нельзя же до бесконечности ждать, что кто-то или что-то спасет Россию, и самим ничего не делать. Нам пора начать верить в собственные силы, пора организовываться, работать. В эволюцию советской власти мы не верим. Сталин такой же палач русского народа, каким был Троцкий или Дзержинский...

Девиз для своего союза Туркул выбрал такой: «Бог — Нация — Социальная справедливость». Встретившись с помощниками Туркула, фон Лампе записал: «Программа, как я понял, носит обычный фашистский характер».

«Наш идеал — фашистская монархия», — заявлял генерал Туркул. Он изъявил желание служить Гитлеру. В феврале 1944 года вступил в Русскую освободительную армию генерала Власова. В 1945 году принял под командование добровольческую бригаду, созданную на территории Австрии. После разгрома Третьего рейха наказания за коллаборационизм избежал. Жил в Западной Германии...

Некоторые его бывшие сослуживцы тоже охотно пошли в услужение Гитлеру. Генерал Петр Краснов и его казаки отправляли германскому правительству приветственные телеграммы, клялись фюреру в «верности и преданности» и готовности под знаменами Германии вступить в совместную борьбу против Советского Союза.

А вот Деникин отказался иметь дело с нацистами, считая это невозможным для русского патриота. Когда немцы захватили Францию, Деникины уехали на атлантическое побережье. Жили бедно, мерзли в не приспособленном для зимы домике, без теплой одежды. Ксения Васильевна сожалела, что не успела до войны купить Антону Ивановичу лишние брюки.

Двадцать второго июня 1941 года, в день нападения на Советский Союз, немцы арестовали на территории оккупированной Франции немало русских эмигрантов, в том числе и жену Деникина. Но, узнав, кто она, освободили. Немцы предложили генералу перебраться в Германию, обещали ему создать приличные условия.

Антон Иванович был счастлив победой Красной армии над вермахтом,

гордился тем, как русский солдат дрался с немцем. Но это не изменило его отношения к советской власти. После войны во Франции были сильны коммунисты. Генерал почувствовал себя неуютно. В ноябре 1945 года Деникины отправились в Соединенные Штаты. Там Антон Иванович и скончался 7 августа 1947 года. Его похоронили на кладбище Детройта с воинскими почестями, которые американские вооруженные силы оказали бывшему командующему одной из союзных армий в Первой мировой войне. Потом прах перезахоронили на русском Свято-Владимирском кладбище в штате Нью-Джерси.

Его последним желанием было покоем в русской земле, когда жизнь в России переменится. По распоряжению президента Путина в октябре 2005 года прах генерала и его жены Ксении Васильевны — с согласия их дочери Марии Антоновны — перевезли в Москву и захоронили в Донском монастыре.

Другие эмигранты в Париже охотно сотрудничали с немецкими оккупационными властями. Работе Русского общевойскового союза немцы не препятствовали.

Генерал-лейтенант Владимир Константинович Витковский вспоминал, как 12 февраля 1941 года раздался звонок в управлении 1-го отдела РОВСа. Трубку снял Василий Асмолов, делопроизводитель 1-го отдела. И сразу позвонил Витковского.

— Вы говорите по-немецки? — спросил звонивший.

— Да, немного.

— Вас вызывают в полицию безопасности на улице Соссэ. Завтра, 13 февраля, в десять утра. Приемная на третьем этаже.

Перед разговором Витковский попросил вызвать переводчика. Он боялся неправильно понять сотрудников СД, внушавших страх. Ему сообщили, что он не может руководить отделом РОВСа.

«Я был поражен подобным распоряжением, — вспоминал Витковский. — Я указал, что наше отношение к немецким властям было всегда лояльное и что наша главная цель была и есть — борьба с коммунистической властью в России для освобождения русского народа и восстановления национальной России».

Немцы улыбнулись и объяснили генералу, что Советский Союз — союзник Германии, поэтому Витковскому запрещено заниматься политической деятельностью, он даже не должен появляться на улице Колизе.

Вернувшись в штаб, Витковский подписал приказ: «Ввиду моего болезненного состояния, по требованию врачей, я временно не могу нести

обязанности начальника 1-го Отдела Русского ОбщеВоинского Союза и приказываю Генерального штаба генерал-лейтенанту Стогову вступить во временное исполнение должности начальника 1-го Отдела».

До того Николай Стогов несколько лет был начальником канцелярии РОВСа. А через четыре месяца Германия напала на СССР, и на следующий же день немцы разрешили Витковскому «выздороветь» и вернуться к исполнению своих обязанностей.

А через год решила судьба Сергея Николаевича Третьякова.

Четвертого июня 1942 года Витковского вновь внезапно вызвали в СД. Велели явиться 10 июня в девять утра. Провели в комнату № 345. И неожиданно завели речь о Третьякове. Расспрашивали подробно:

— Состоит ли он в Русском общевоинском союзе? Бывает ли в помещении 1-го отдела? Как к нему относятся в эмиграции?

Витковский ушел из СД в недоумении: с какой стати немцы озаботились судьбой давно отошедшего от всех дел Третьякова? Через две недели всё стало ясно.

Семнадцатого июня утром утвержденный начальником канцелярии 1-го отдела РОВСа полковник Сергей Мацылев в тревоге позвонил Витковскому домой:

— К нам пришли немецкие офицеры, и вас просят немедленно приехать.

Возле дома на улице Колизе стоял армейский грузовик с солдатами вермахта. Двое офицеров ожидали Витковского. Он пригласил их в свой кабинет. Они объяснили, что Третьяков рано утром арестован:

— У него проведен обыск. Есть основания полагать, что в вашем кабинете установлен тайный микрофон, а приемный аппарат — в квартире Третьякова. Он слушал всё, что у вас говорилось, и передавал в советское посольство.

«Немецкий офицер просил разрешить позвать солдат с инструментами, ожидавших внизу, — вспоминал Витковский. — Офицер имел в руках план квартиры и тут же приказал солдатам отодрать плинтус возле камина, с правой стороны, как раз против моего письменного стола. Каково же было мое удивление, когда в стене под плинтусом оказался действительно микрофон.

Немецкий офицер сказал мне, что им удалось найти и монтера, который делал все проводки и установки микрофонов. Ввиду некоторого моего сомнения, что микрофон мог хорошо действовать даже будучи покрыт деревянным плинтусом, офицер предложил вновь приложить плинтус, а в соседнюю квартиру, где имелся приемник, пройти полковнику

Мацылеву, чтобы установить, насколько слышен разговор из моего кабинета. Оказалось, что всё было хорошо слышно.

Вслед за сим офицер установил наличие второго микрофона в другой комнате, где работали чины Управления, а также и следы того, что раньше имелся микрофон в кабинете генерала Миллера — как в этой квартире, так и в другой, меньшей, на той же площадке, в которой теперь проживал Третьяков. Тогда же был снят паркет возле мест, где находились теперь и раньше микрофоны и приемный аппарат и таким образом обнаружен изолированный кабель, проложенный под полом.

Стало ясно, что со времени первого предложения Третьяковым генералу Миллеру в декабре 1934 года перейти из квартиры, нанимавшейся непосредственно у хозяйки дома, к нему, С. Н. Третьяков был уже предателем, оборудовавшим микрофоны при всех переменах квартир. При этом он всегда оставлял другую квартиру в том же этаже за собою, где и устанавливал приемник».

Об аресте своего агента советская разведка узнала из тассовского сообщения:

«Арест Сергея Третьякова в Париже

Нью-Йорк, 4 августа (ТАСС). Как передает корреспондент агентства Юнайтед пресс из Виши, по сообщениям из Парижа, германская полиция арестовала там для высылки в Германию бывшего царского деятеля Сергея Третьякова по обвинению в том, что он до войны руководил секретными советскими агентами во Франции. По имеющимся данным, немцы обнаружили в Минске документы, доказывающие, что Третьяков играл важную роль в исчезновении генерала Миллера в 1937 году».

Немцы нашли какие-то документы в оккупированном Минске? Версия кажется странной. Минские архивы здесь ни при чем. Документы разведки хранились в Москве, внешняя разведка имена своих агентов республиканским наркоматам не сообщала.

Кто-то донес на него немцам. Но кто?

В деле Третьякова хранится справка, составленная на основе шифротелеграммы резидентуры, которая, как и полпредство, перебралась в Виши:

«Алим из Виши № 99 от 2 декабря 1940 г. сообщает:

Во время его разговора с Френкелем последний сказал, что Плевацкая ему сообщила о наличии „Петьки“ в стенах помещения РОВСа, а в комнате секретаря РОВСа был телефон. В результате чего было налажено регулярное подслушивание разговоров в РОВСе. Далее Алим сообщает, что наличие „Петьки“ в РОВСе было известно или РОВСу, или, если Френкель

подослан с провокационной целью, то о существовании „Петьки“ знала полиция. Полагает, что этим самым объясняется плохое качество материалов „Иванова“».

Илья Френкель, упомянутый в сообщении, — известный в ту пору адвокат, взявший на себя защиту интересов Надежды Васильевны Плевицкой уже после суда. Она надеялась, что он сумеет найти способ добиться пересмотра дела. Но ничего не вышло... Теперь мы знаем: сотрудник резидентуры советской разведки ошибался. Адвокат Френкель не был полицейским провокатором. И в РОВСе о прослушивании тоже ничего не узнали до того самого дня, когда в канцелярии появились немецкие офицеры из СД.

Но вот что бросается в глаза: раз в эмиграции пошли разговоры об участии Третьякова в подслушивании разговоров в штабе РОВСа, значит, агенту грозит опасность. Но разведчики не предупредили самого Сергея Николаевича о возможности разоблачения. А ведь он мог уехать из оккупированного немцами Парижа и спастись!..

Плевицкая вела откровенные беседы не только со своим адвокатом, но и со священником. Сотрудники Комитета госбезопасности говорили мне: есть основания полагать, что исповедь Надежды Васильевны, в которой Третьяков упоминался как соратник ее мужа, была записана французской контрразведкой с помощью скрытых микрофонов. То, что спасло Скоблина в сентябре 1937 года, погубило Третьякова в июне 1942-го... Началась война, и французам было не до Третьякова. Зато немцы охотно воспользовались плодами работы, которую сделала за них французская контрразведка.

Семья бывшего российского министра в день его ареста находилась на даче. Наталью Саввишну Третьякову и детей тоже задержали, но отпустили. Его самого служба безопасности увезла в городок Мезон-Лаффит под Парижем. Затем депортировали в Германию.

Личное дело Сергея Николаевича Третьякова заканчивается составленной в центральном аппарате справкой:

«АВАК 27 августа 1942 года сообщает, что немецкая газета „Локальанцайгер“ и русская белая газета „Новое слово“ сообщили об аресте в Париже бывшего министра Временного правительства Сергея Третьякова. Эти газеты утверждают, что Третьяков являлся одним из главных резидентов НКВД за границей. В сообщениях говорится, что немцы якобы нашли в Минске в архивах НКВД документы об участии Третьякова в похищении генералов Кутепова и Миллера и в укрывании Скоблина в Париже.

Газеты описывают, что в квартире Третьякова в Париже на рю де Колизе, находящейся под помещением канцелярии РОВСа, был установлен приемник и провода от микрофона, установленного в кабинете генерала Миллера, под мраморной доской камина. Третьяков якобы в течение многих лет подслушивал все разговоры генералов и передавал их НКВД, благодаря чему погибло более 30 диверсантов-белогвардейцев, переброшенных РОВСом в СССР».

Надо понимать, первое время немцы воспринимали Третьякова — бывший русский министр! — как важную персону, которая может пригодиться в какой-то комбинации. За арестованным в Париже Сергеем Николаевичем по приказу немцев следил Василий Кокорин, загадочная личность, человек, который, попав к немцам в плен, выдавал себя за племянника Молотова.

Старшина Василий Васильевич Кокорин служил в 1-й маневренной воздушно-десантной бригаде Красной армии (см.: Новое военное обозрение. 2000. № 20). Бригаду забросили в немецкий тыл, но боевую задачу выполнить не удалось. Кокорин обморозил ноги и 1 апреля 1942 года сдался в плен. Коменданту немецкого лагеря заявил: его мать, Ольга Михайловна Скрябина, — сестра министра иностранных дел Молотова. Немцы ему поверили. Положили в госпиталь и стали лечить обмороженные ноги. Доложили высшему руководству Третьего рейха. 1 июля 1942 года в Ставке Гитлера «Волчье логово» генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель упомянул, что к немцам попал не только сын Сталина, но и племянник Молотова.

В его уголовном деле записано: «В июне 1944 года Кокорин был завербован немецким офицером СД для провокаторской работы среди заключенных концлагеря, о чем дал письменное обязательство».

Но Третьяков немцам не пригодился.

Сведения о его смерти разнятся.

На хранящейся в его личном деле справке от руки написано: «В конце 1943 года в немецкой прессе было опубликовано официальное сообщение о казни „Иванова“ как „советского шпиона“».

Семье Третьякова сообщили, что его расстреляли в концлагере Ораниенбург незадолго до высадки союзников в Нормандии, 16 июня 1944 года. Жена пережила его ненадолго. Она скончалась 1 марта 1945 года. Ее похоронили на парижском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Один из эмигрантских авторов в Париже с нескрываемым удовольствием резюмировал: «Бывший министр Третьяков, ставший негодяем „Ивановым“, получил по заслугам».

Можно сильно не любить НКВД, на который многие годы работал Сергей Николаевич. Но разве позволительно радоваться казни, бессудно совершенной фашистами?

Трагически сложилась судьба и этого человека, вынужденного покинуть родину, но Третьяков не пошел служить немцам, как это сделали многие проклинавшие его эмигранты. Я счастлив тем, что спустя столько десятилетий первым смог рассказать подлинную историю его жизни, неотделимую от судьбы моей главной героини Надежды Плевицкой.

*

Надежда Васильевна Плевицкая недолго прожила в заключении. Ей было не так много лет. Но она болела и умерла 1 октября 1940 года в городе Ренн, это административный центр провинции Бретань. Здесь расположена самая большая во Франции женская тюрьма.

В эмиграции поговаривали, что немцы, оккупировав Францию, проявили неожиданный интерес к Плевицкой. Профессор-филолог Николай Ефимович Андреев, работавший в Праге, рассказал, что из Парижа приехал сотрудник гестапо штурмбаннфюрер СС Йозеф Дедио, который ведал русской эмиграцией.

Йозеф Дедио воевал еще в Первую мировую. Попал в русский плен, выучил язык, на родину вернулся в 1918 году, когда Москва и Берлин подписали Брестский мир и обменялись военнопленными. В Третьем рейхе он служил в Главном управлении рас и поселений СС. В январе 1939 года был переведен в гестапо как специалист по России.

В состав оккупационной администрации, управлявшей разгромленной Францией, входила и эсэсовская служба безопасности, СД. Это была политическая полиция, выявлявшая и уничтожавшая врагов рейха. Штурмбаннфюрера Дедио перевели в Париж, поручили заниматься русскими эмигрантами.

Его начальником в Париже стал оберштурмбаннфюрер СС Ханс Хельмут Вольф, прежде он руководил городским отделом гестапо в Данциге (ныне Гданьск), потом в центральном аппарате возглавил секцию IV В 2а (русские военнопленные).

Сотрудники государственной тайной полиции ходили в штатском. Вместо удостоверения предъявляли жетон, на одной стороне которого был изображен орел, сжимавший в когтях свастику, на другой — личный номер. Сила гестапо заключалась не в количестве штатных оперативников и

следователей, а в обилии добровольных доносчиков — людей, умеющих вынюхивать и подслушивать, охотно следивших за своими соседями. Абсолютное большинство поступало так из ненависти к соседям или коллегам, из желания сделать им гадость. Деньги платили в особых случаях. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер следил за тем, чтобы в подведомственных ему учреждениях не было перерасхода средств.

Йозеф Дедио хвастливо спросил профессора Андреева:

— Знаете, что находится в этом портфеле?

— Понятия не имею.

— Список всех русских эмигрантов, которые сотрудничают с советской разведкой.

Он пил французский коньяк и откровенничал:

— Мы выкопали Плевицкую. Помните, кто такая Плевицкая? Мы хотели знать причину ее смерти.

— Ну и что же, выяснили? — поинтересовался Андреев.

— Она была отравлена.

О штурмбаннфюрере СС Йозефе Дедио вспоминал и руководитель организации эмигрантской молодежи «Народно-трудовой союз» Виктор Михайлович Байдалаков, бывший корнет 11-го гусарского Изюмского полка. В эмиграции Байдалаков жил в Югославии, с энтузиазмом встретил приход Гитлера к власти.

В июне 1933 года НТС обратился к своим членам: «Десять лет назад Хитлер с шестью еще товарищами начал свою работу. А сейчас он завоевал всю Германию. Ленин с двадцатью человеками приехал в 1917 году в plombированном вагоне и через полгода захватил всю Россию. Бесполезно убивать за тысячу верст от Москвы мелкого партийца или жечь стога сена в колхозе. Бить надо по центру, по красной головке».

Штурмбаннфюрер СС Йозеф Дедио покровительствовал активистам НТС, объяснял начальству:

— Мы фанатики немецкой идеи, а они фанатики русской идеи.

После войны, писал Байдалаков, «случайно узнаем, что под Франкфуртом-на-Майне проживает бывший сотрудник гестапо Дедио, хорошо всегда к нам относившийся». Байдалаков и другой руководитель НТС, Владимир Дмитриевич Поремский, который служил немцам в имперском Министерстве по делам оккупированных восточных территорий, сели в машину и поехали: «Находим полуразбитый дом. Стучим в дверь. В слабо освещенной комнате узнаём знакомую фигуру Дедио, но уже в штатском костюме. Открываем привезенную бутылку и выкладываем закуску. Он арестовал во время войны в Париже С. Н.

Третьякова. Допрашивал и сидевшую в тюрьме Надежду Плевицкую, принесшую перед смертью полную повинную — вместе с генералом Скоблиным долгие годы они состояли на службе большевиков».

Всё же грустно сознавать, что Надежда Васильевна Плевицкая вошла в историю не только благодаря ее божественному дару, а еще и из-за того, что, оказавшись в эмиграции, вышла замуж за поразившего ее воображение молодого и храброго офицера-корниловца Николая Владимировича Скоблина и стала агентом советской разведки по кличке «Фермерша».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. В. ПЛЕВИЦКОЙ

1884, 17 сентября — родилась в деревне Винниково Курской губернии.

1897 — окончила трехклассную сельскую школу, больше никогда не училась.

1898 — мать отдала ее послушницей в Свято-Троицкий женский монастырь в Курске.

1901 — начала выступать на сцене.

1904 — вышла замуж за Эдмунда Плевицкого.

1914 — развелась с Плевицким, помолвка с Василием Шангиным.

1915 — гибель поручика Шангина на фронте.

1918 — Плевицкая вышла замуж за Юрия Левицкого.

1920 — покинула Россию вместе с остатками белой армии.

1921 — в Галлиполи вышла замуж за Николая Владимировича Скоблина, вместе с ним вскоре переехала во Францию, они обосновались в Озуар-ла-Феррьер, предместье Парижа.

1927 — опубликовала первую книгу воспоминаний.

1930 — дала тайное согласие работать на советскую разведку.

1937, сентябрь — похищение в Париже генерала Миллера, бесследное исчезновение Скоблина, арест Плевицкой.

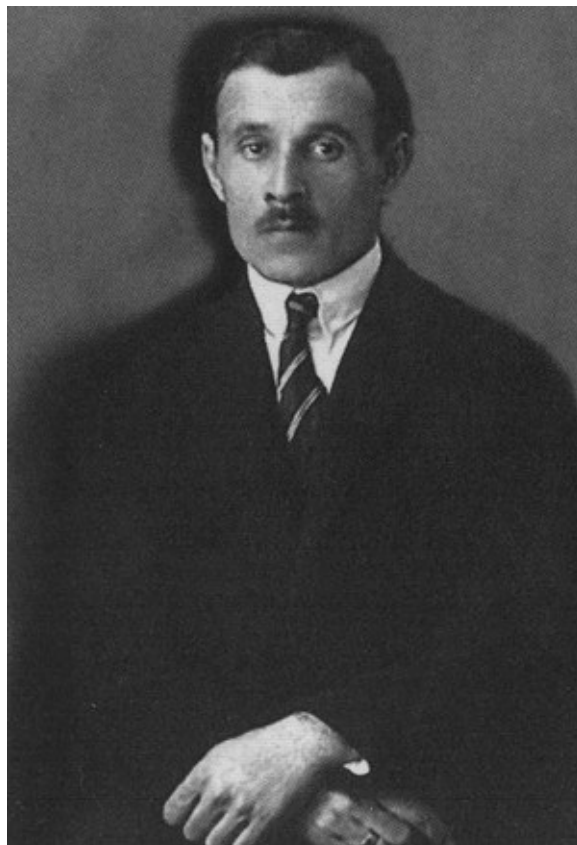
Декабрь — французский суд приговорил Плевицкую к двадцати годам заключения.

1940, 1 октября — умерла в тюрьме.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Надежда Васильевна Плевицкая

Николай Владимирович Скоблин

Лавр Георгиевич Корнилов

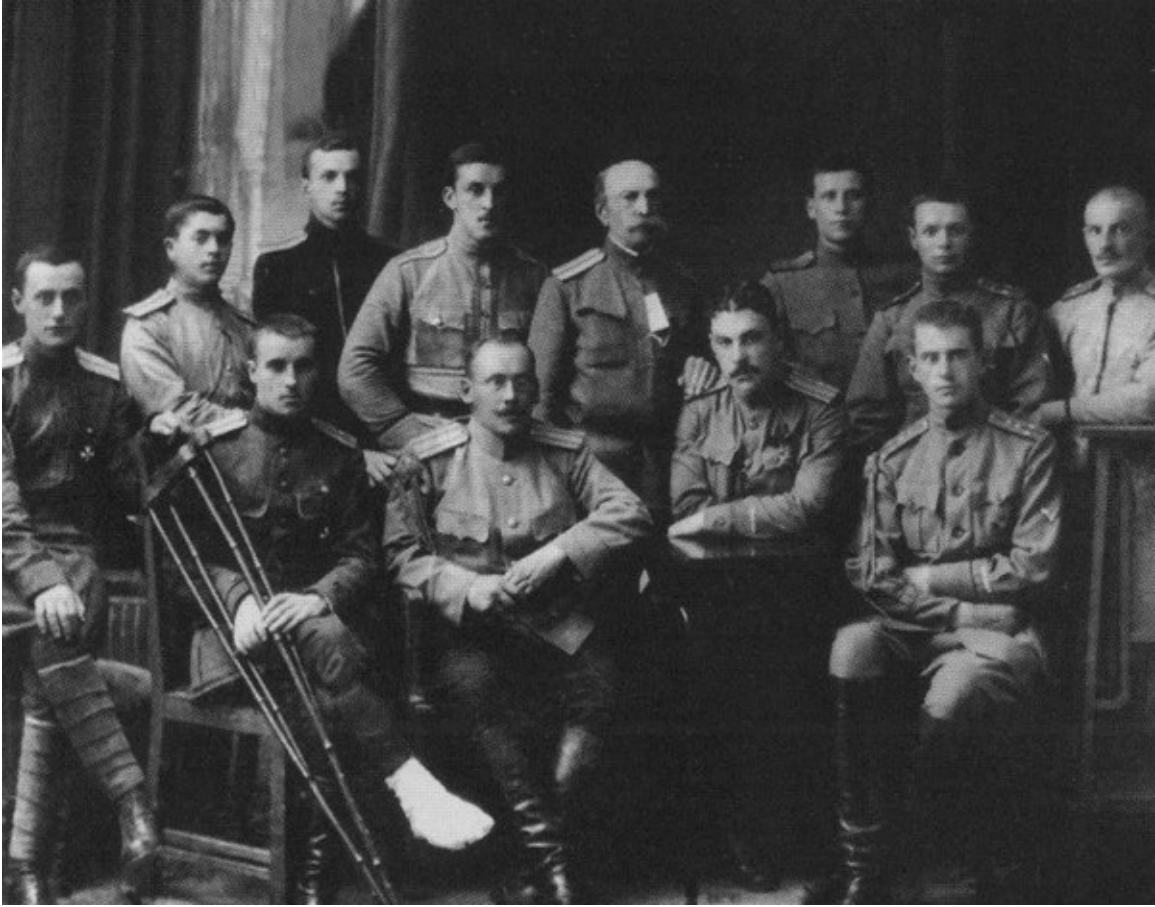
Михаил Васильевич Алексеев

Антон Иванович Деникин

Александр Павлович Кутепов

Офицеры-гвардейцы Добровольческой армии. 1918 г.

*Яков Александрович Слащёв (третий справа) с офицерами штаба.
Севастополь, 1920 г.*

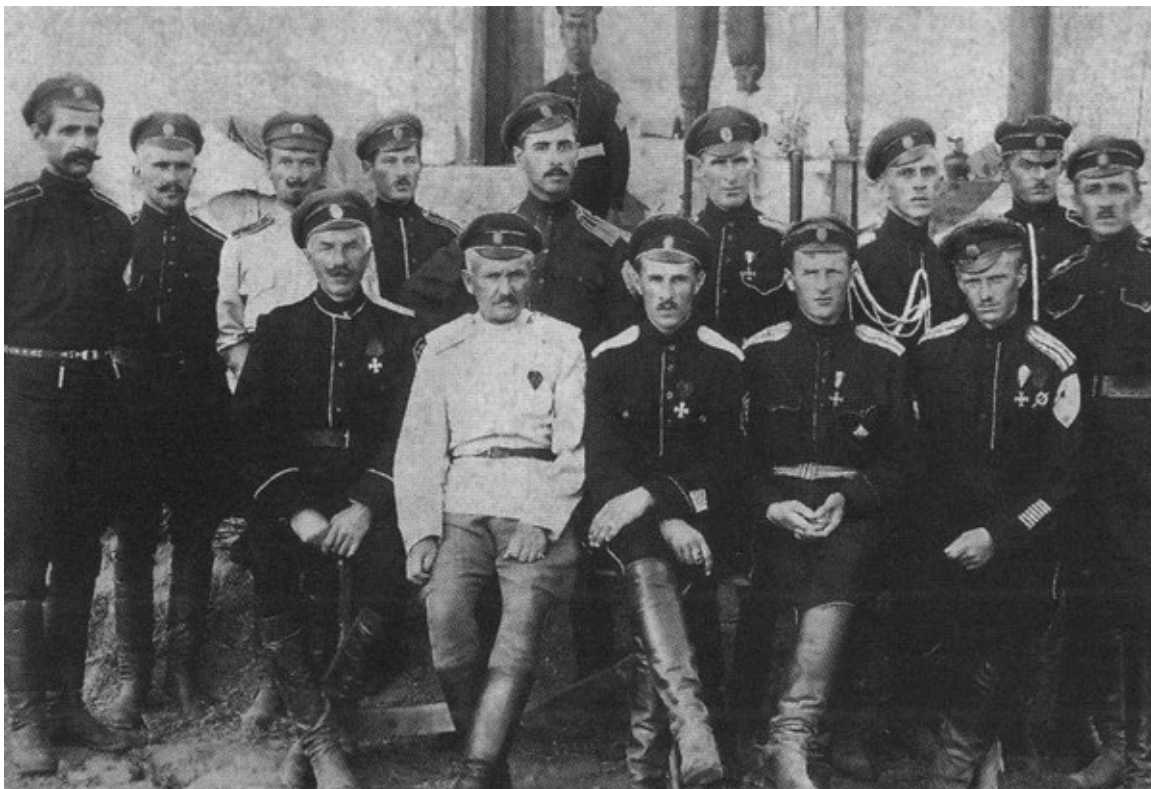
Павел Алексеевич Кусонский

Петр Николаевич Врангель

Правительство Врангеля. Крым, 1920 г.

*Генерал Скоблин (третий слева в первом ряду) с соратниками в
Галлиполи. 1921 г.*

Русские офицеры-галлиполийцы

Владимир Константинович Витковский

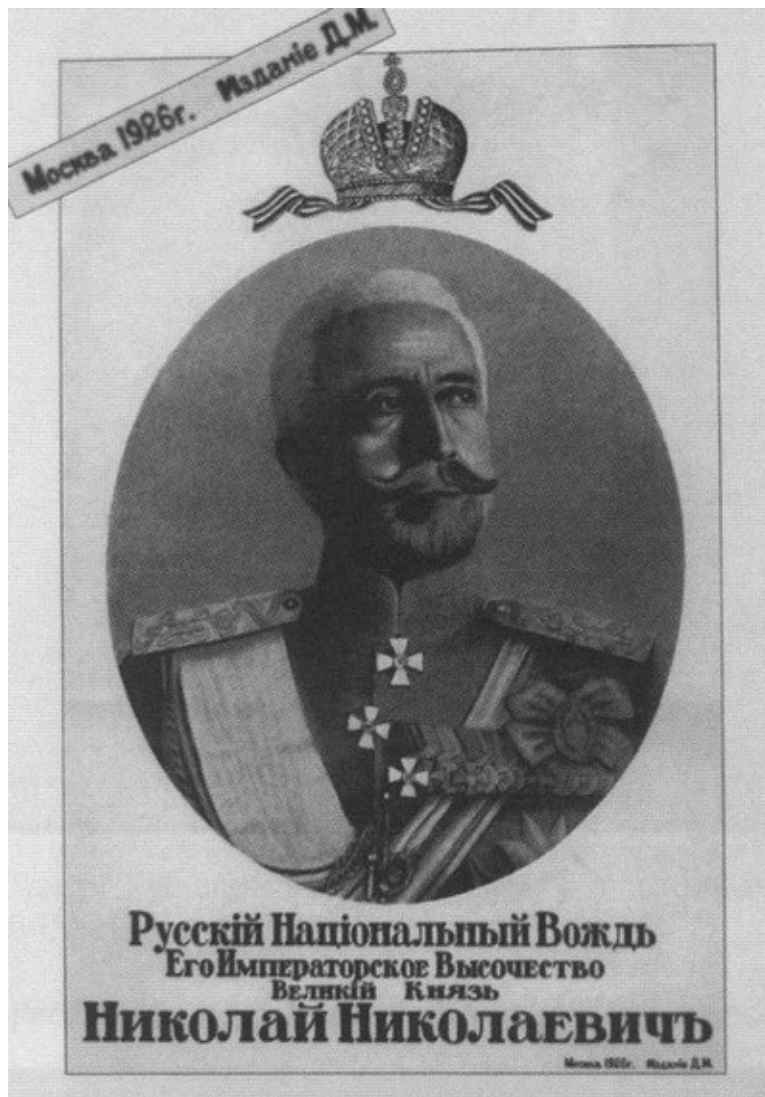
Иван Георгиевич Эрдели

Павел Николаевич Шатилов

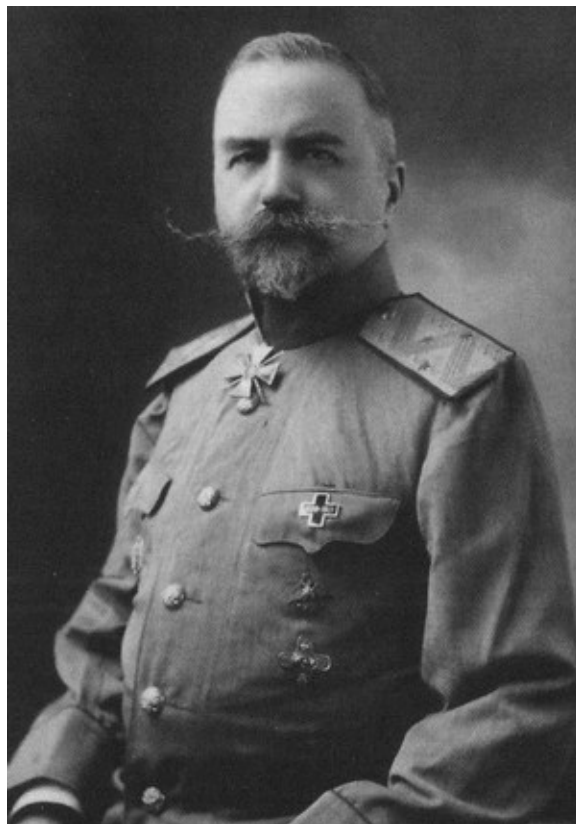
Арсений Александрович Зайцов

Многие эмигранты видели в великом князе Николае Николаевиче будущего вождя России

*А. П. Кутепов и А. И. Деникин на торжественном собрании офицеров
Дроздовского полка. 1929 г.*

Евгений Карлович Миллер

Е. К. Миллер (в первом ряду шестой справа) среди членов Русского общевойинского союза

Н. В. Плевицкая и Н. В. Скоблин

Пояска

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной Армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанные со мной представителями разведки Красной Армии относительно территории. За невыполнение данного мной настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

21/1 217. Берлин.

И. И. Шукра-Таблица

Н. В. Плевацкая

Сергей Николаевич Третьяков, завербованный агент советской разведки

Павел Горгулов (стоит крайний справа) — убийца французского президента Думера

Белые генералы, предложившие свои услуги нацистской Германии:

Антон Васильевич Туркул

Борис Александрович Штейфон

Алексей Александрович фон Лампе

*Яков Исаакович Серебрянский руководил похищением генерала
Кутепова*

*Павел Анатольевич Судоплатов, по мнению историков разведки,
причастен к исчезновению Скоблина*

*Сергей Михайлович Шпигельглас лично курировал тайную работу
Плевицкой и Скоблина*

Владимир Александрович Крючков, председатель КГБ СССР в 1988–1991 годах, разрешил рассекретить дело о сотрудничестве русских эмигрантов Надежды Плевицкой и Николая Скоблина с советской разведкой

Виталий Александрович Сырокомский, главный редактор газеты «Неделя» в 1986–1990 годах, первым в нашей стране опубликовал историю Плевицкой и Скоблина

Надежда Васильевна Плевицкая

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996.

Бурцев В. Большевицкие гангстеры в Париже. Похищение генерала Миллера и генерала Кутепова. Париж, 1939.

Возрожденные полки русской армии в белой борьбе на юге России. М., 2002.

Генерал Кутепов (сборник). М., 2009.

Лехович Д. В. Белые против красных. Судьба генерала Деникина. М., 1992.

Нестьев И. В. Звезды русской эстрады. М., 1970.

Плевицкая Н. Дёжкин карагод. Париж; Берлин. Таир, 1925.

Плевицкая Н. Мой путь с песней. Париж. Таир, 1930.

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999.